

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Как изучать Ливонскую войну?

Русская Америка и развитие Сибири

*Первая еврейская правозащитная организация
в России*

Н.И. Кареев и советская власть

Русские эмигранты в Китае

Ф.А. Степун о будущем России

*Новейшие исследования о причинах поражений
1941 года*

Военно-морской ленд-лиз для СССР

Обсуждаем книгу

А.В. Голубев, О.С. Поршнева

Образ союзника в сознании российского общества
в контексте мировых войн

МОСКВА
НАУКА

4 июль
август
2015

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.А. Христофоров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**В.В. Алексеев, Б.В. Ананьич, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
А.П. Корелин, Г.А. Куманев, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
Ю.С. Пивоваров, Р.Г. Пихоя, В.Н. Плешков, Г.А. Санин,
Д. Свак, А.К. Соколов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, С.В. Тютюкин**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская, П.Г. Гайдуков,
А.В. Голубев, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина, С.В. Журавлев, В.Н. Захаров,
В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев, Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, П.Ю. Уваров,
О.В. Хлевнюк, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

Как изучать Ливонскую войну? (историографические заметки)

Александр Филюшкин

How to study the Livonian war: historiographical notes
Alexander Filyushkin (Saint-Petersburg State University, Russia)

Пересмотр устоявшихся точек зрения в историографии происходит по двум схемам. Первая – появляется новая фундаментальная работа, переворачивающая существующий взгляд на предмет. Вторая – выходит большое количество локальных работ, которые одна за другой пересматривают и развенчивают разные аспекты существующей концепции. Постепенно накапливается критическая масса таких книг и статей, и новый фундаментальный труд, предлагающий обновлённую концепцию предмета исследования, выходит уже как обобщение, сумма отдельных пересмотров и обновлений. На мой взгляд, сегодня вторая модель реализуется в отношении историографической концепции Ливонской войны (1558–1583). Ещё нет новой фундаментальной монографии, которая продемонстрировала бы существенную эволюцию взглядов учёных на этот конфликт. Но в последние годы вышло много книг и статей, в которых пересмотрены различные локальные аспекты этой концепции, и накопление «критической массы» налицо.

Прежде всего необходимо внести ясность в вопрос о том, о какой «канонической» концепции идёт речь. Ко второй половине XX в. в историографии сложились как минимум четыре подхода к изучению Ливонской войны, которые во многом пересекались, но имели свои особенности. Первый – российская имперская, и позже советская историография, которые, собственно, и создали наиболее оформленный взгляд на Ливонскую войну. «Изобретением» этой войны мы обязаны кн. М.М. Щербатову и Н.М. Карамзину. Они объединили разрозненные сведения источников в повествование о единой 25-летней войне, длившейся с 1558 по 1583 г., которая, с их точки зрения, велась с одной целью – дать России выход к Балтийскому морю¹. До Щербатова и Карамзина речи о Ливонской войне не велось, поскольку в русских источниках повествуется лишь об отдельных боях и походах в прибалтийские земли, которые начались в 1555 г. с конфликта России и Швеции и закончились в 1595 г. Тявзинским миром между этими странами. Но поскольку при Карамзине гораздо более актуальным врагом Российской империи была Речь Посполитая, то он и сделал

© 2015 г. А.И. Филюшкин

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-21-01003 а(м).

¹ О Н.М. Карамзине как создателе концепции Ливонской войны в виде имперского проекта завоевания Иваном Грозным Балтики подробнее см.: *Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 251–254.*

её главным противником России и завершил повествование об основных боевых действиях Ям-Запольским перемирием 1582 г., вынеся более длительное противостояние со Швецией, закончившееся в 1595 г., за скобки основного конфликта.

Благодаря этой оценке балтийской политики Ивана Грозного в российской историографии произошла параллелизация Ивана Грозного и Петра I². Борьба за Ливонию стала рассматриваться как неудачная попытка предвосхитить великие деяния первого российского императора. В историческом контексте присоединения прибалтийских республик в 1939–1940 гг. и схватки за Балтику с Германией в годы Великой Отечественной войны такой подход приобретал актуальность и злободневность. Он был идеологически оформлен, концепция войны сформулирована и приобрела характер некоего канона и поэтому историографического развития не получила. Единственной монографией, целиком посвящённой Ливонской войне, почти на 60 лет так и осталась вышедшая в 1954 г. книга В.Д. Королюка³. Помимо откровенно пропагандистских работ⁴, в СССР история этой войны рассматривалась только в общих трудах по истории правления Ивана Грозного, в контексте остальных событий⁵. В них не произошло пересмотра схемы, восходящей к Карамзину.

Второе историографическое направление нашло своё выражение в трудах прибалтийских немецких историков XIX – начала XX в.⁶ Внимание остзейских учёных привлекала в основном история Ливонии до Ливонской войны; работ, связанных с этой войной, в рамках данного направления вышло немного⁷. Но они осуществили публикацию больших массивов источников, в том числе по второй половине XVI в. Здесь следует отметить 11-томную публикацию профессора Дерптского университета К. Ширрена «Источники по истории потери независимости ливляндцев»⁸ и пятитомную публикацию уроженца Курляндии, профессора Фрейбургского университета в Бадене Фридриха Бинемана⁹. Много

² Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Пётр Великий: концепции первого монарха // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Т. 37. Л., 1983. С. 54–77.

³ Королюк В.Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954.

⁴ Бахрушин С.В. Разгром Ливонского Ордена в Прибалтике (XVI век). Ташкент, 1942.

⁵ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966; он же. Опричный террор. Л., 1969; Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978; Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982; Зимин А.А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.

⁶ Recke J., Napiersky K. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten Lexicon der Provinzen Livland, Estland und Kurland. Bd. 1–4. Mitau, 1827–1832; Seraphim E. Allgemeine Staatengeschichte. Abt. 3. Deutsche Landesgeschichten. Werk 7. Geschichte von Livland. Bd. 1. Das livländische Mittelalter und die Zeit der Reformation. Gotha, 1906; Arbuzov L. Grundriss der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Riga, 1908.

⁷ Например: Busse K. Die Einnahme der Stadt Dorpat im Jahre 1558 und die damit verbundenen Ereignisse. Vier geschichtliche Urkunden // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 1840. Bd. 1. S. 450–522; *idem*. Die Übergabe Narva's im Mai 1558 nach Wulf Singehoff, mit Anmerkungen und einem Vorworte // Ibid. 1860. Bd. 9. S. 42–63; Sommerfeldt G.Dr. Tideman Gises Berichte über die Kriegsvorgänge der Jahre 1579–1582 in Polen und Livland // Ibid. 1910. Bd. 20. S. 479–529.

⁸ Schirren C. Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem schwedischen Reichsarchive zu Stockholm. Bd. 1–11. Reval, 1861–1885.

⁹ Bienemann F. Briefe und Urkunden zur Oeschichte Livlands in der Jahren 1558–1562. T. 1–5. Riga, 1865.

источников по истории войны было опубликовано членами Рижского общества истории и древностей Остзейских губерний Ф. Бунге, К. Паукером, К. Напьерским и другими в двух сериях: «*Monumenta Livoniae Antiqua*»¹⁰ и «*Scriptores Rerum Livonicarum*»¹¹. К сожалению, до сих пор источники, опубликованные остзейскими учёными, в недостаточной степени используются при написании научных трудов.

Оформленной концепции Ливонской войны К. Ширрен и его коллеги не создали. Они видели в ней крушение немецкого мира в Прибалтике, выражаясь современным языком – геополитическую и культурную катастрофу. Их заслугой было помещение войны в общеевропейский контекст. Концептуально близки к трудам остзейцев работы петербургского историка Г.В. Форстена¹², который в своих исследованиях по истории борьбы за Балтику в XVI–XVII вв. представил широкую панораму международных отношений этого периода.

Третьим направлением можно считать польскую историографию XIX – первой половины XX в. Она отличалась полоноцентричностью и воспеванием успехов польского оружия. В центре внимания польских историков были успешный захват Ливонии¹³, борьба Польши за выход к Балтийскому морю¹⁴, победоносная «Московская война» Стефана Батория и 1579–1582 гг.¹⁵ Направленность работ в значительной степени отвечала задачам, стоящим перед национальной польской историографией: возвеличивание славного прошлого польского народа, формирование национальной идентичности поляков как «народа героев». Поскольку Россия смотрелась вековым противником Польши (особенно в контексте польских восстаний 1830 и 1863 гг. и советско-польской войны 1920 г.), то поиск в истории сюжетов, когда поляки побеждали русских, всячески приветствовался. Несмотря на такой идеологический подтекст, данные работы представляют немалую научную ценность. Их авторы ввели в оборот много новых источников. Без учёта данной историографии невозможно изучение «Московской войны» Стефана Батория.

¹⁰ *Monumenta Livoniae antiquae: Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands dienen.* Т. 1–5. Riga; Dorpat; Leipzig, 1835–1847.

¹¹ *Scriptores rerum Livonicarum.* Т. 1–2. Riga; Leipzig, 1848–1853.

¹² *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. I: Борьба из-за Ливонии // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 33. СПб., 1893.

¹³ *Romanowski J.* Wojna Zygmunta Augusta z Zakonem Inflantskim roku 1557 // *Rocznik Towarzystwa Przyaciół Nauk Poznańskiego.* 1860. N. I. S. 329–400; *Karwowski S.* Wcielenie Inflant do Litwy i Poski. 1558–1561. Poznań, 1873; *Natanson Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. I: Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej. Lwów; Warszawa, 1922.

¹⁴ *Bodniak S.* Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. Kórnik, 1947; *Lepszy K.* Dzieje Floty Polskiej. Gdańsk; Bydgoszcz; Szczecin, 1947.

¹⁵ *Górski K.* Pierwsza wojna Rzeczypospolitej z Wielkim Księstwem Moskiewskim za Batoroego // *Biblioteka Warszawska.* Т. 2. Warszawa, 1892. S. 93–117; *idem.* Druga wojna Rzeczypospolitej z Wielkim Księstwem Moskiewskim za Batoroego // *Biblioteka Warszawska.* Т. 3. Warszawa, 1892. S. 1–26; *idem.* Trzecia wojna Rzeczypospolitej z Wielkim Księstwem Moskiewskim za Batoroego // *Biblioteka Warszawska.* Т. 4. Warszawa, 1892. S. 228–258; *Niedzielski K.* Batory i car Iwan w zapasach o Inflanty: (1579–1581). Warszawa, 1916; *Szelągowski A.* Walka o Bałtyk. Lwów; Poznań, 1921; *Koc L.* Szlakiem Batoroego: (Wojna Moskiewska 1577–1582). Wilno, 1926; *Natanson Leski J.* Epoka Stefana Batoroego w dziejach granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1930; *Laskowski O.* Les campagnes de Batory contre la Moscovie // *Etienne Batory, roi de Pologne, prince de Transylvanie.* Cracovie, 1935. S. 1–29. Здесь же можно назвать книгу российского профессора польского происхождения: *Новодворский В.В.* Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570–1582): Историко-критическое исследование. СПб., 1904.

Четвёртое направление представлено разрозненными работами второй половины XX в., в основном немецкоязычными, которые и дали главный толчок к сегодняшнему пересмотру концепции Ливонской войны. Если монография историка из ГДР Э. Доннерта была написана ещё в традиционном ключе¹⁶, то книги и статьи Э. Тиберга, Н. Ангерманна, К. Расмуссена, основанные на введении в оборот огромного количества нового материала и переосмыслении старого, дали совершенно новую картину причин конфликта и первых лет войны¹⁷. Н. Ангерманном была поставлена и раскрыта проблема «Русской Ливонии» периода подчинения ливонских земель власти Москвы в 1558–1582 гг. К сожалению, многие очень ценные выводы и наблюдения (например, постановка под сомнение Э. Тибергом тезиса о Ливонской войне как войне за выход к Балтийскому морю) остались незамеченными и не получили развития ни в российской, ни в польской историографии.

Во второй половине XX в. вышли также англоязычные работы, ставшие шагом вперёд в освещении истории Ливонской войны. В. Кирхнер проанализировал широкий контекст международных отношений этого периода¹⁸. В. Урбан затрагивал историю войны в своих работах по изучению Немецкого ордена¹⁹. Наконец, экономический аспект войны рассматривался в книге шведского историка С. Свенссона²⁰. Все эти усилия историков подготавливали почву для инициирования процесса пересмотра существующей концепции Ливонской войны. Но настоящий прорыв в этом вопросе произошёл в последние два десятилетия. В научный оборот были введены новые источники. Сегодня о Ливонской войне известно существенно больше, чем во времена создания устоявшейся в отечественной историографии концепции. Очевидно, что устарела периодизация Ливонской войны. Долгое время считалось, что это 25-летний конфликт, начавшийся в 1558 г. и закончившийся в 1583 г. Традиционно войну разделяли на этапы: 1558–1562, 1562–1572, 1572–1576, 1577–1583 гг. Однако данная периодизация не учитывает, что ливонский конфликт, собственно, начался в 1556 г. «войной коадьюторов» и конфликтом Ордена с Коронай Польской. В августе 1557 г. король Сигизмунд II Август даже подготовил грамоту об объявлении войны Ливонии²¹.

Перераста ливонско-польскому конфликту в полномасштабную войну не позволила капитуляция Ордена на условиях Позвольского мира, заключённого в сентябре 1557 г.; всего через три месяца после его подписания последовало русское вторжение в Прибалтику. Без анализа событий 1556–1557 гг. невозможно понять причины Ливонской войны и объяснить вмешательство в неё Польши, Литвы, Священной Римской империи германской нации. Если считать началом войны январь 1558 г., то Россия выглядит главным агрессором и

¹⁶ *Donnert E.* Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963.

¹⁷ *Tiberg E.* Die politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550–1558 // *Zeitschrift für Ostforschung*. T. 25. 1976. S. 577–617; *idem.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562. Uppsala, 1984; *Angermann N.* Studien zur Livländpolitik Ivan Groznoj's. Marburg, 1972; *Rasmusen K.* Die livländische Krise 1554–1561. Copenhagen, 1973.

¹⁸ *Kirchner W.* The rise of the Baltic question. Network, 1954.

¹⁹ *Urban W.* The Livonian Crusade. Washington, 1981.

²⁰ *Svensson S.* Den merkantia bakgrunden till Rysslands antal Livländska Ordensstater. Lund, 1951.

²¹ *Понов В.Е., Флюшкун А.И.* Как начиналась Ливонская война: Грамоты об объявлении войны Ливонскому ордену в 1557 г. // *Единогор: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени*. Вып. 2. М., 2011. С. 192–201.

инициатором процесса раздела Прибалтики, а Польша – защитником притесняемых ливонцев. Если же обратиться к чуть более ранней истории конфликта, то картина меняется. Ливония стала жертвой геополитических appetites нескольких соседних стран: Польши, Литвы, России, Швеции, Дании. Такой взгляд на события разворачивает перед исследователями гораздо более объективную картину, показывает Ливонскую войну как европейский конфликт, составную часть знаменитого «столетия войн» (1550–1648).

Если исходить из принципа, согласно которому война заканчивается подписанием мира, устанавливающего послевоенный порядок, то окончанием Ливонской войны никак не может считаться Плюсское перемирие 1583 г. Оно ничего не решало в плане послевоенного обустройства Прибалтики, а только приостанавливало боевые действия на три года (в 1586 г. оно было продлено ещё на 4 года). Шведские захваты Яма, Копорья, Ивангорода никак в тексте договоров не фиксировались. Реальный раздел Прибалтики состоялся только по Тявзинскому миру 1595 г., после вооружённого конфликта 1589–1590 гг. (напомню, что царь Фёдор Иванович сохранял титул «Ливонский», т.е. Россия в 1580–1590-х гг. вовсе не считала тему борьбы за Ливонию закрытой). В Плюссе в 1583 г. было заключено перемирие, но не мир, и для современников война не окончилась; её в том году искусственно «закончили» историки XIX в.

В историографии последних лет всё чаще предлагаются иные хронологические рамки конфликта, условно именуемого «Ливонской войной». В 2007 г. А.Н. Янушкевич предложил говорить о двух войнах: 1558–1570 и 1577–1583 гг.²² Отдельно необходимо отметить взгляды исследователей, которые вместо термина «Ливонская война» предлагают называть эти конфликты «Балтийскими» или «Северными» войнами. М. Лайдре расширил рамки войны до 1558–1661 гг., вписав её в известную концепцию европейского «столетия войн»²³. Он выделяет три этапа: первый – русско-ливонский (1558–1562), второй – Северная Семилетняя война с главной ролью Швеции и Дании (1563–1570), третий – русский этап (1570–1595)²⁴. Дальнейшие этапы (вплоть до седьмого) связаны с европейскими войнами, прежде всего шведскими. Английский историк Р. Фрост предложил концепцию трёх Северных войн: 1558–1619 гг., при доминировании Польши; 1654–1678 гг., при доминировании Швеции; 1700–1721 гг. – окончательная победа и утверждение в Прибалтике России²⁵.

На мой взгляд, правильнее было бы говорить о комплексе, серии Балтийских войн второй половины XVI в., которые в поздней историографии условно объединялись в единую Ливонскую войну 1558–1583 гг. К войнам, традиционно «вписываемым» в эту войну²⁶, следует добавить русско-шведскую войну 1556–1557 гг., «войну коадьюторов» 1556–1557 гг., русско-шведскую войну

²² Янушкевич А.М. Вялікае княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007.

²³ Laidre M. Saja-aastane sõda (1558–1660/61) Eestis ja rahvastiku suurus 16–18. Sajandil // Akadeemia. Vol. 12. 2000. Lk. 931–956; *idem*. Der Hundertjährige Krieg (1558–1660/61) in Estland // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2006. Vol. 1. S. 68–81.

²⁴ Laidre M. Der Hundertjährige Krieg...

²⁵ Frost R. The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558–1721. Edinburg, 2000. P. 4–101.

²⁶ Это собственно Ливонская война 1558–1561 г. с участием Ливонии, России, Великого княжества Литовского, Швеции и Дании, закончившаяся разделом Ордена между Россией, Швецией, Данией и Великим княжеством Литовским; русско-литовская война 1561–1570 гг., датско-шведская война 1563–1570 гг., «Московская» («Баториева») война 1578–1582 гг. и русско-шведская война 1578–1583 гг.

1589–1590 гг., закончившуюся Тязвинским миром между Россией и Швецией 1595 г. Этим договором раздел побережья Балтийского моря мог бы быть завершён на многие годы, однако вторжение в Россию в годы Смуты войск Речи Посполитой и Швеции, Столбовский мир 1617 г. и Деулинское перемирие 1618 г. по-новому перекроили границы восточноевропейских государств, в том числе и в прибалтийском регионе²⁷.

Хотя за Ливонской войной прочно закрепилась репутация войны за Балтику, сегодня всё чаще раздаются голоса, что далеко не все страны видели целью войны именно выход к морю. Главенство идеи «*Dominium Marius Baltici*» несомненно для Швеции и Дании²⁸ и вовсе неочевидно для России, Великого княжества Литовского и Королевства Польского. Для этих стран на первом месте стояла борьба за земли, но не за морские просторы. Тем более что и Россия, и Польша имели выход к морю и до войны – Россия владела побережьем Финского залива от устья Наровы до устья Невы, а Польша вышла к Балтике благодаря победам над Тевтонским орденом в XV в. и фактическому присоединению Пруссии в 1525 г. Несмотря на отдельные попытки организации военно-морских действий, Ливонская война так и не стала «войной на море» ни для России, ни для Польши с Литвой²⁹. Роль «морского фактора» сильно преувеличена как потомками – поздними историками, так и современниками – более развитыми в морском плане европейцами XVI в., которые приписывали русской стороне намерения, которых у неё не было³⁰.

В последние годы делаются попытки вписать Ливонскую войну в новые теоретические исторические и политологические схемы. Здесь наиболее интересной выглядит мысль М.Б. Бессудновой о том, что в XIV–XV вв. юго-восточный Балтийский регион оформился как «мир-экономика» (в терминологии Ф. Броделя) в виде треугольника: Ливония – Великий Новгород – Псков³¹. В отношениях начала превалировать экономическая составляющая. Военные конфликты (которые, впрочем, случались довольно часто) носили локальный характер и их целью было добиться более выгодных условий для торговли и заключения взаимоприемлемого мира. Никогда ни Псков, ни Новгород, ни Ливония не ставили своей задачей уничтожение противника как государства или аннексию значительной части его территории. Мелкие пограничные споры держали стороны в военном и политическом тоне, но никогда не переходили разумных границ. Ситуация изменилась в конце XV в. Присоединение Россией Великого Новгорода в 1471–1478 гг. разрушило одну из сторон треугольного «мира-экономики». Состав русских купцов, торговавших с Ливонией, изме-

²⁷ *Filjushkin A.* Ivan the Terrible: A Military History. L., 2008; *Филлошкин А.И.* Ливонская война или балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в.: Сборник научных статей. М., 2010. С. 80–94.

²⁸ *Smirnov A.* Det Forsta Stora Kriget. Stockholm, 2009.

²⁹ *Мавродин В.В.* Русское мореходство на Балтийском море в XIII–XVI вв. // Учёные записки Ленинградского государственного университета. № 205. Серия исторических наук. Вып. 24. Л., 1956. С. 167–178; *Baron S.* Shipbuilding and Seafaring in Sixteenth Century Russia // *Baron S.* Explorations in Moscovite History. Norfolk, 1991. P. 102–129; *Salemke G.* Das Königliche Schiff. Die polnische Galeone erreichte nie das Meer // *Westpreußen-Jahrbuch.* 2000. Bd. 50. S. 79–88.

³⁰ *Филлошкин А.И.* Дискурсы Ливонской войны // *Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве.* 2001. № 4. С. 43–80; *idem.* Der Diskurs von der Notwendigkeit des Durchbruchs zur Ostsee in der russischen Geschichte und Historiographie // *Narva und die Ostseeregion.* Narva, 2004. S. 171–184.

³¹ *Бессуднова М.Б.* Великий Новгород в конце XV – начале XVI в. по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009. С. 10–55; *она же.* Превратность судьбы (Великий Новгород в системе русско-ливонских отношений) // *Новгородский исторический сборник.* Вып. 13(23). 2013. С. 171–184.

нился даже физически: вместо высланных новгородцев на Северо-Запад Руси приехали москвичи. У них был совсем другой стиль ведения дел: агрессивный, напористый, силовой³². Причём теперь экономика с лёгкостью приносилась в жертву политике. Примером может служить внезапный разгон в Новгороде немецкого Ганзейского двора в 1494 г. По предположению ряда исследователей, это явилось мстью Ивана III за неудачи в дипломатических отношениях со Священной Римской империей³³. Сама империя вряд ли сильно ощутила разгром одного из многочисленных региональных ганзейских дворов, но для Ивана III это стало важным символическим жестом. С утратой независимости Пскова в 1509–1510 гг. и его присоединением к Московскому государству «мир-экономика» в Прибалтике окончательно перестал существовать. Оформилась принципиально новая геополитическая конфигурация. Возник «ливонский вопрос»³⁴, соседние страны стали строить планы раздела Ливонии как страны, «отжившей своё», не вписывающейся в новую геополитическую реальность.

Кроме всего вышесказанного в последние годы произошло серьёзное продвижение на пути изучения отдельных сюжетов истории Ливонской войны. Ряд исследований посвящён воздействию войны на социальную историю русского служилого дворянства. Большинство учёных склоняется к мысли о негативном влиянии войны на состояние знати, что проявлялось в саботаже военных действий, дезертирстве, эмиграции и т.д.³⁵

Определённое внимание в историографии уделялось русскому феодальному землевладению, а также польской и шведской политике в Ливонии, судьбам местного эстонского и латышского населения, результатам войны для ливонского социума, влиянию войны на политическую культуру стран-участниц, торговле на Балтике и т.д. Этот огромный материал (перечень статей и глав в книгах насчитывает несколько десятков наименований), по частным сюжетам пересматривающий многие локальные аспекты концепции Ливонской войны, в современных обобщающих трудах по XVI в. привлекается недостаточно. Назрела необходимость создания фундаментального труда по истории данного конфликта, в котором всё это было бы учтено.

Пожалуй, наиболее изучена на сегодняшний день идеологическая сторона Ливонской войны. Эта война была противостоянием идеологий, пропаганд и политических культур. Поскольку именно во второй половине XVI в. и именно

³² Описание новой политики и стиля поведения московских купцов в Новгороде см.: Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 195–197.

³³ Казакова Н.А. Ганзейская политика русского правительства в последние годы XV в. (Русско-ганзейские переговоры 1498 г.) // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сборник статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 150–157; Коваленко Г., Смирнов В. Легенды и загадки земли Новгородской. М., 2007. С. 134; Бессуднова М.Б. Петрову двору капут: закрытие ганзейской конторы в Новгороде // Родина. 2009. № 9. С. 43–46.

³⁴ Kirchner W. The rise of the Baltic question. Westport, 1970. P. 5–33.

³⁵ Ерусалимский К.Ю. Ливонская война и российские эмигранты в Речи Посполитой // Российская история. 2006. № 3. С. 71–89; Рыков Ю.Д. Церковно-государственные помянники русских воинов, погибших в начале Ливонской войны, по данным синодика Московского кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения) // Балтийский вопрос... С. 161–206; Хорошкевич А.Л. «Заблудящие овцы»: Ливонская война и менталитет русского народа // Там же. С. 71–79; Селарт А. «Русские бояре» в Эстляндии (конец XVI – начало XVII в.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2. С. 3–14; Filyushkin A. The Livonian War and the Mentality of the Russian Nobles // Canadian-American Slavic Studies. 2013. Vol. 47. P. 420–435; *idem*. The Livonian War in the context of the 16th century East European wars // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1. P. 47–64.

по её поводу Россия оказалась в фокусе внимания западных газет и «летучих листов», данному аспекту в историографии уделялось и уделяется немало внимания³⁶. С Ливонской войной, несомненно, связано появление феномена *иванианы* – комплекса западных сочинений о первом русском царе Иване Грозном (никто из русских правителей до него не удостоивался такого внимания европейских интеллектуалов). Хотя здесь всё-таки изучается не сама война, а рефлексия войны, образ «врага» и т.д.³⁷

Ливонская война в историографии зачастую является фоном, иллюстрацией и фактором анализа других событий и процессов, прежде всего внутренней истории стран-участниц конфликта. Из Ливонской войны выводят кризисы России – предопричный (А.Л. Хорошкевич) и социально-экономический 1580-х гг., приведший к введению крепостного права и в конечном итоге к Смуте³⁸. При этом не удалось найти в историографии сколько-нибудь серьёзных экономических выкладок, указывающих на связь кризиса именно с войной (кроме общих фраз про «разорение» и ссылок на кадастровые описания Псковской земли 1580-х гг., которые, конечно, рисуют разруху, но вполне обычную для территории, пережившей иностранную оккупацию и активные боевые действия). Между тем кризис могли вызвать (особенно в Новгородской земле) демографические и экономические последствия опричнины и т.д. Здесь необходимо углублённое исследование причинно-следственных связей в социально-экономической жизни России конца XVI в. Вместо него авторы часто ограничиваются ссылкой на эмоциональные оценки нарративных памятников или на стереотипные высказывания историографии.

Если говорить о новых, современных тенденциях в развитии исторической науки, то, на мой взгляд, положительную роль для изучения Ливонской войны сегодня играет развитие национальных историографий на постсоветском пространстве. И в Российской империи, и в СССР тема Ливонской войны оставалась периферийной. Недаром в Российской империи специально посвящена

³⁶ Kappeler A. Die Deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rohmen der Russlandliteratur des 16 Jahrhunderts // Russen und Russland aus deutscher Sicht: 9–17: Jahrhundert. München, 1988. S. 150–182; *idem*. Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Frankfurt/M, 1972; *Mund S.* Orbis russiarum: Genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance. Genève, 2003; *Ott T.* «Livonia est propugnaculum Imperii». Eine Studie zur Schilderung und Wahrnehmung des Livländischen Krieges 1558–1582/83 nach den deutschen und lateinischen Flugschriften der Zeit. München, 1996; *Pražáková K.* Obraz livonské války v psaných novinách rožmberského zpravodajství // Člověk a sociální skupina ve společnosti raného novověku. České Budějovice, 2007. S. 13–32.

³⁷ *Linde M.* Tilman Brakel und der Livländische Krieg (1558–1582/83) // Die Wahrnehmung und Darstellung von Kriegen im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Wiesbaden, 2000. S. 237–253; *Bogatyrev S.* Battle for Divine Wisdom. The Rhetoric of Ivan IV's Campaign against Polotsk // The Military and Society in Russia, 1450–1917. Leiden; Boston; Köln; 2002. P. 325–345; *Sashalmi E.* The Image of the Enemy: Poles and Lithuanians in Russian Literary and Chancery Sources of the late 16th and early 17th Centuries // Specimina nova. Pars prima, Sectio mediaevalis: Dissertationes Historicae collectae per Cathedra Historiae Medii Aevi Modernorumque Temporum Universitatis Quinqueecclesiensis. 2007. Vol. 4. P. 137–150; *Фреңнер Р.* Рецензия официального московского «образа войны» на периферии царства и его трансформация вследствие поражения в Ливонской войне (на материале повествовательных источников из Пскова конца XVI века) // Балтийский вопрос... С. 275–291; *Ерусалимский К.Ю.* Историческая память России и Речи Посполитой в годы Ливонской войны // Там же. С. 303–332; *Филошкин А.И.* Изобретая первую войну...

³⁸ *Хорошкевич А.Л.* Задачи русской внешней политики и реформы Ивана Грозного // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1993. С. 25–36; *Аракчеев В.А.* Псковский край в XV–XVII веках: Общество и государство. СПб., 2003. С. 208–210; *Нефедов С.А., Даннинг Ч.* О социально-экономических предпосылках Смутного времени // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 1. С. 72–85.

Ливонской войне была только научно-популярная книга Н.И. Костомарова³⁹; монографию В.Д. Королюка объёмом в 109 страниц фундаментальным исследованием также назвать сложно.

Сегодня изучение Ливонской войны интенсивно идёт в тех странах, для которых она – часть национальной истории; там она играет свою роль в формировании исторической памяти и национальной идентичности. Это прежде всего Белоруссия, в меньшей степени – Эстония, Латвия и Литва. Сюда же надо отнести последние достижения польской историографии. В Украине эта тематика непопулярна⁴⁰.

В постсоветской Литве к теме Ливонской войны обращались в контексте истории развития литовской внешней политики XVI в. В силу этого особое внимание уделяется дипломатическим и международно-правовым отношениям в Балтийском регионе (работы Э. Баниониса, А. Тиле и особенно В. Станцелиса)⁴¹. Ливонская война вписывается авторами в контекст европейских войн за господство на Балтийском море. В литовской историографии уделяется внимание новым изданиям источников по Ливонской войне (как пример можно привести труды Д. Антанавичуса, Ю. Каупене⁴² и Г. Лесмайтиса⁴³). Продолжают оставаться популярными биографии персонажей, связанных с историей Ливонской войны: Сигизмунда II Августа, М. Радзивилла⁴⁴. Из интересных монографий последнего времени стоит назвать исследования по военной истории – М. Сирутавичуса о военнопленных в Великом княжестве Литовском в XVI в.⁴⁵ и Г. Лесмайтиса о наёмном войске Литвы в XVI в.⁴⁶, а также статьи по военной истории⁴⁷.

³⁹ Костомаров Н.И. Ливонская война // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. III. СПб.; М., 1880. С. 45–181.

⁴⁰ Наибольшее внимание уделено событиям Ливонской войны и её роли в становлении украинского казачества в книге: *Леняв'ко С.А.* Українське козацтво у міжнародних відносинах (1561–1591). Чернівці, 1999.

⁴¹ Банионис Э. Дипломатическая служба Великого княжества Литовского в XV–XVI веках. Вильнюс, 1998; Станцелис В. Международное положение на восточном побережье Балтийского моря в середине XVI века // *Mūsų praeitis* (Наше прошлое). Вильнюс, 1997. № 5. С. 19–26; *Stancelis V.* LDK vaidmuo Livonijos krizėje 1552–1561: Svarbiausios istoriografinės problemos // *Lituanistica* (Vilnius). 1998. Nr. 4(36). P. 3–17; *idem.* 1557 m. Pasvalio sutartis // *Žiemgala*. Kaunas. 1999. P. 64–78; *idem.* Tarptautinė padėtis rytinėje Baltijos jūros pakrantėje XVI amžiaus viduryje // *Mūsų praeitis*. Vilnius, 1997. Nr. 5. P. 19–26; *Tyla A.* Lietuvos rytų politikos formavimasis: 1572 rugsėjo 24–27 d. rūdininkų pasitarimas // Lietuvos istorijos metraštis. Vilnius, 1994 (1995). P. 5–21; *idem.* Political, Cultural and Economic Relations between Lithuania and Livonia in the Sixteenth-Seventeenth Century. P. 475–484; *idem.* Lietuvos užsienio politikos kryptys paskutiniajame XVI amžiaus dešimtmetyje // Lietuvos istorijos metraštis. Vilnius, 1997 (1998). P. 76–95; *Baliulis A.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės ir Maskvos valstybės diplomatiniai santykiai XVI a. pabaigoje // *Lituanistica*. 2002. N. 3(51). P. 3–32.

⁴² *Antanavičius D.* Lietuvos bajoro «De. imtmetis Livonijos karas»: Bibliografinės masles ir altinotyryne verte // Lietuvos istorijos metraštis, 2000 metai. 2001. P. 73–81; *idem.* Lietuvos bajoro «De. imtmetis Livonijos karas»: Autorystes problema // *Ibid.* P. 82–92; Valentino Saurmano laiškai imperatoriui Ferdinandui i iš Žygimanto Augusto Vilniaus Dvaro (1561–1562 m.) / Sud. D. Antanavičius, V. Gerulaitienė, J. Kiaupienė. Vilnius, 2009.

⁴³ *Lesmaitis G.* Dokumenty Metryki Litewskiej o zaciężnych Polskich na terenie Wielkiego Księstwa Litewskiego za czasów Zygmunta Augusta // Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej. Białystok, 2010. S. 243–251.

⁴⁴ *Jonyas I.* Lietuvos didieji kunigaikšciai / Sud. V. Merkys. Vilnius, 1996; *Ragauskiene R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kancleris Mikalojus Radvila Rudasis (apie 1515–1584). Vilnius, 2002.

⁴⁵ *Sirutavičius M.* Karo belaisviai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XVI a. pirmojoje pusėje. Vilnius, 2002.

⁴⁶ *Lesmaitis G.* LDK samdomoji kariuomenė XV a. pabaigoje – XVI a. antrojoje pusėje. Vilnius, 2010.

⁴⁷ Например: *Tyla A.* Znaczenie polspolitego ruszenia w obronie Wielkiego Księstwa Litewskiego w

Ливонская политика Великого княжества Литовского трактуется в русле доктрины борьбы за выход к Балтийскому морю, от которого оно было отрезано в результате враждебной политики немецких рыцарских орденов. Захват Ливонии являлся логическим завершением политики освобождения земель, некогда аннексированных орденами, которая велась Литвой с XV в., с так называемой Тринадцатилетней войны (1454–1466). В некотором смысле экспансионистская внешняя политика Литвы указывала на её сближение с Европой, поскольку стремление к морю обозначало рост значения торгового фактора в формировании литовской внешней политики⁴⁸. При этом политика Москвы в Прибалтике называется «оккупацией», поскольку Иван IV «не понял» изменения ситуации в регионе после Позвольского мира 1557 г. и без всяких оправданий вторгся в чужие сферы влияния. Литовские захваты ливонских земель обозначаются более нейтрально – с помощью термина «аннексия».

Следует заметить, что современных литовских историков гораздо больше интересует вопрос об отношениях с Польшей, чем с Россией. Последняя выступает на страницах исторических трудов в роли врага, агрессора, о котором не стоит много и говорить. Зато вопрос о культурной и политической эмансипации Литвы от Польши, особенно после Люблинской унии 1569 г., для литовских учёных является болезненным. Хотя авторы и признают, что вмешательство Короны в войну фактически спасло Великое княжество от поражения, они гораздо больше внимания уделяют рассуждениям о непомерных масштабах польских претензий и амбиций и подчеркиванию сохранения самобытности Литвы даже в рамках Люблинской унии.

Что же касается национальных историографий других прибалтийских республик (Латвии и Эстонии, на территории которых разворачивались основные боевые действия), то Ливонская война, несмотря на её очевидную переоценку на уровне эмоций и публицистики, не стала объектом специального, тем более монографического изучения. Внимание учёных больше привлекают либо сюжеты из ранней истории рыцарских орденов, либо из Новой и Новейшей истории. Отдельно стоит отметить исследования археологов, изучающих последствия для ливонских населённых пунктов русского удара (например, З. Апалы об археологических следах осады Вендена в 1570-х гг.)⁴⁹, изучение источников⁵⁰.

XVI–XVII w. // Profesor Henryk Łowmiański. *Życie i dzieło*. Poznań, 1995. P. 124–138; *Baronas D.* Apie LDK karinį potencialą artilerijos požiūriu XVI a. vid. // Lietuvos istorijos metraštis. 1997 metai. 1998. P. 51–57; *Lesmaitis G.* LDK samdomosios kariuomenės dydis ir išlaikymo kaštai Livonijos karo pirmojo etapo metu (1557–1569 m.) // Lietuvos Istorijos Metraštis. 2004. B. 2. S. 27–52.

⁴⁸ *Gudavieius E.* Lietuvos istorija: Nuo seniausio laiko iki 1569 meto. T. 1. Vilnius, 1999 (русский перевод: *Гудаевичус Э.* История Литвы. С древнейших времен до 1569 года. М., 2005); *Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevieius A.* Lietuvos istorija iki 1795 meto. Vilnius, 2000 (издание на английском языке: *Kiaupa Z., Kiaupiene J., Kuncevieius A.* The History of Lithuania before 1795. Vilnius, 2000. P. 230–233).

⁴⁹ *Apala Z.* Archäologische Zeugnisse aus der Burg Cesis / Wenden zur Zeit des Livländischen Krieges // Wolter von Plettenberg und des mittelalterliche Livland / Hrsg. von N. Angermann und I. Misans. Lüneburg, 2001. S. 113–128.

⁵⁰ *Linde M.* Timan Brakel und der Livländische Krieg (1558–1582/83) // Die Wahrnehmung und Darstellung von Kriegen im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Wiesbaden, 2000 (Imagines medii aevi. Bd. 6). S. 237–253; *Raid T.* Possevino ja piirikaart aastast 1582 // TUNA. Ajalookultuuri Ajakiri. 2007. T. 10. Nr. 1(34). Lk. 54–64; *idem.* Raffaello Barberini teedekaart aastast 1564 // Ibid. 2008. T. 11. Nr. 2(39). S. 7–20.

В эстонской историографии происходит активная разработка конкретных сюжетов из истории Ливонского ордена⁵¹, истории церквей в Прибалтике, отдельных событий войны (работы А. Селарта⁵², Ю. Криима⁵³, М. Маазинга⁵⁴ и др.). Здесь особенно можно отметить исследования А. Селарта о происхождении юрьевской дани, возникновение которой он относит к Средневековью, к сложным отношениям латышских племён Толовы с древнерусскими землями⁵⁵. Особое внимание уделяется фигуре Магнуса и его королевству⁵⁶. Как видно из этого, впрочем, далеко не исчерпывающего библиографического обзора латышской и эстонской историографии, ей свойственна некоторая дискретность. В ней глубоко изучены конкретные сюжеты и локальные аспекты истории Ливонской войны, но каких-то концептуальных обобщений на монографическом уровне не сделано.

Белорусская историография Ливонской войны представляет собой совершенно особый феномен. Ливонская война заняла в ней гораздо более важное место, чем в прибалтийских национальных проектах. Война оказалась важным звеном белорусского национального дискурса. Она изображается как оккупация белорусских земель (Полоцк в 1563 г.), как трагедия страны, на территории которой шла война. Для этого дискурса характерен комплекс жертвы (изнурённое войной Великое княжество Литовское вынуждено покориться Польше и подписать Люблинскую унию), и тезис о коварном заговоре против Беларуси

⁵¹ *Caune M. Rigas rate un Polijas, Zviedrijas un Krievijas virsvara (16. gadsimta otra puse-19. gadsimta pirma puse) // Rigas parvalde astoņos gadsimtos. Rīga, 2000. P. 89–133; Lairde M. Saja-aastane sõda (1558–1660/61) Eestis ja rahvastiku suurus 16.–18. Sajandil // Akadeemia. Eesti Kirjanike Liidu kuukiri Tartus. 2000. T. 12. S. 931–956; Adamson A. Liivimaa mõisamehed Liivi sõja perioodil // Acta historica Tallinnensia. 2006. T. 10. S. 20–47.*

⁵² *Селарт А. Реформация в Ливонии и Ливонская война (1558–1582) // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в.: Сборник научных статей / Отв. ред. А.И. Филюшкин. М., 2010. С. 432–444; он же. Иван Грозный, Кайзер Ливонский? К истории возникновения идеи о российском вассальном государстве в Ливонии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 2. С. 180–197; он же. Тайна купцов, забота дипломатов: русский язык в средневековой Ливонии // Лотмановский сборник 4. М., 2014. С. 48–60; Selart A. Das Kloster in Petschur (Petseri) und der livländische Krieg // Steinbrücke: Estnische historische Zeitschrift. 1998. Bd. 1. S. 63–73; idem. Steinkuhl und Zabolockij. Ein Kommentar zur Chronik Johann Renners // Estland und Russland: Aspekte der Beziehungen beider Länder. Hamburg, 2005. S. 9–30; idem. Narva ime 1558. aastal. // Maal, linnas ja linnuses. Uurimusi Narva piirkonna ajaloost. Narva, 2008. S. 46–63; idem. Das Wunder von Narva am 11. Mai 1558. Zur Geschichte der russischen Polemik gegen die Reformation im 16. Jahrhundert // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2009. Bd. 4. S. 40–57; idem. The Orthodox Monastery in Tartu during the Livonian War // TUNA 2009. Lk. 46–55.*

⁵³ *Kreem J. Das Schedel-Paradigma? Noch einmal über die Illustrationen in Johan Renners Chronik «Livländische Historien» // Die Stadt in europäischen Nordosten. Kulturbeziehungen von der Ausbreitung des Lübschen Rechts bis zur Aufklärung. Helsinki; Lübeck, 2001. S. 183–207; idem. Der Deutsche Orden und die Reformation in Livland // The Military Orders and the Reformation. Choices, State building, and the Weight of Tradition. Hilversum, 2006. S. 43–57; idem. Living on the edge: Pirates and the Livonians in the fifteenth and sixteenth centuries // The edges of the Medieval World. Budapest, 2009. P. 70–81; idem. Der Deutsche Orden im 16. Jahrhundert. Die Spätzeit einer geistlichen Adelskorporation in Livland // Leonid Arbusow (1882–1951) und die Erforschung des mittelalterlichen Livland. Köln, 2014. S. 287–296.*

⁵⁴ *Maazung M. «Русская опасность» в письмах рижского архиепископа Вильгельма // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1. С. 184–194.*

⁵⁵ *Selart A. Der «Dorpat-er Zins» und die Dorpat-Pleskauer Beziehungen im Mittelalter // Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag. Münster, 2004. S. 11–37.*

⁵⁶ *Zelenkovs A. Dānijas prinča Magnusa (1540–1583) darbība Livonijā // Latvijas Kara muzeja gadagrāmata. Rīga, 2000. Lp. 15–30; Leimus I. Hertsog Magnus, tema vōlad ja vōlausaldajad // TUNA. 2008. T. 11. Nr. 2(38). Lk. 8–18; Adamson A. Liivimaa kuningriik. Tallinn, 2013.*

внешних врагов (как тайных – Польши, так и явных – Московии), и восхваление блестящих побед не литовского или польского, а именно белорусского оружия. Переоценка Ливонской войны как войны России и Белоруссии (в лице Великого княжества Литовского) считается главной и прогрессивной историографической новацией, элементом построения национальной идентичности. Об иных событиях войны, кроме трагедии Полоцка и побед белорусского оружия под Улой и Полоцком в 1579 г., в белорусской литературе чаще всего говорится вскользь⁵⁷. Беларусь рассматривается как основной театр военных действий⁵⁸. Показательно, что результаты подобного «переписывания истории» некоторыми учёными предлагались в качестве практических рекомендаций «в сфере стратегического планирования белорусской внешней политики»⁵⁹.

В белорусской историографии существует и альтернативная трактовка русско-литовских войн XVI в. Так, Я.И. Трещенок в учебнике, который рекомендован для студентов вузов, предлагает реанимацию тезисов сталинской историографии о белорусском населении, с радостью встречавшем русские войска, и о Ливонской войне как этапе борьбы за воссоединение русских земель⁶⁰. Таким образом, его подходы представляют собой другой полюс белорусской историографии.

Крупнейшим явлением в новейшей белорусской историографии Ливонской войны является монография А.Н. Янушкевича. Он написана под лозунгом разрушения стереотипов и обновления видения проблемы. О масштабе замысла пересмотра всей архитектоники историографического видения Ливонской войны говорит тот факт, что автор предлагает отказаться от самого термина «Ливонская война», заменив его на полонизированный и более аутентичный источникам польского происхождения – «Инфлянцкая вайна»⁶¹. Замена латинско-русского варианта «Ливонская» на польско-белорусский вариант «Инфлянцкая» характерно: историк тем самым сразу обозначает свои историографические предпочтения и ориентиры. Янушкевич трактует войну 1558–1570 гг. как войну за политическую самостоятельность Великого княжества Литовского и даже как изначально оборонительную для этой державы⁶². При этом Янушкевич говорит об энтузиазме шляхты при вторжении в Ливонию, о борьбе Великого княжества Литовского за выход к Балтике, о его экономических интересах в Ливонии. Осознавая, что эти тезисы слабо согласуются с идеей об обороне Беларуси от агрессивного московского соседа, Янушкевич выдвигает несколько странную концепцию: захват Ливонии был необходим для обороны от России⁶³. Наиболее удачными частями монографии, на мой взгляд, являются главы, рассказывающие о влиянии войны на внутреннее положение Великого княжества Литовского, посвящённые изучению способов и методов мобилизации средств для ведения войны. Автор вводит в оборот много нового материала, в том числе архивного, по истории вооружённых сил, системе сбора и обеспечения войска.

⁵⁷ Гістарычны шлях Беларускай нацыі і дзяржавы. Мінск, 2001. С. 20.

⁵⁸ Гісторыя Беларусі. Ч. I: Са старажытных часоў да канца XVIII ст. Мінск, 2000. С. 332; Ермаловіч М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае. Мінск, 2000. С. 314.

⁵⁹ Бобышев В.И. Международные отношения в Восточной Европе в 30–80-е гг. XVI в. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Минск, 2001. С. 1–2.

⁶⁰ Трещенок Я.И. История Беларуси. Ч. 1: Досоветский период. Могилёв, 2004. С. 107–108.

⁶¹ Янушкевіч А.М. Указ. соч. С. 6–7.

⁶² Там же. С. 5, 22.

⁶³ Там же. С. 22, 37–38.

В последние годы немало интересных работ, посвящённых различным сюжетам Ливонской войны, вышли в Польше, что тоже можно отнести к развитию национальной историографии в постсоветский период. Это труды Г. Виснера⁶⁴, Д. Купиша⁶⁵, И. Грали⁶⁶ и других авторов⁶⁷. Правда, надо сказать, что концептуальной новизны польская историография последних лет не привнесла. В ней реанимированы теоретические положения более ранней польской историографии, изображающие Польшу «щитом Европы» от «московских варваров» и триумфатором в Ливонской войне. При этом нельзя отрицать значительных достижений польских учёных по уточнению отдельных сюжетов в истории конфликта.

Наконец, несколько слов надо сказать о российской науке последних 20 лет, которую тоже следует относить к постсоветской историографии. В ней можно выявить как минимум две тенденции. Первая сближается с классической национальной «историей героев». В последние годы явно вырос интерес к полководцам Ливонской войны, русскому воеводскому корпусу (исследования Д.М. Володихина, В.В. Пенского, А.Л. Корзинина)⁶⁸. В книге Б.Н. Флори характер войны анализируется в контексте отношения общества к войне, процесса становления в XVI в. русского служилого сословия и государственной служилой системы. В этом – научная новизна и серьёзный вклад Б.Н. Флори в изучение проблемы, новое освещение разных сторон политики Русского государства в XVI в.⁶⁹

Вторая тенденция историографии последних лет – либеральный дискурс в изображении Ливонской войны как войны агрессивной, бездарной, позорной, ненужной России, «чёрной странице» её истории. По некоторым параметрам он даже более критичен, чем польская или белорусская историографии. Сюда можно отнести монографию А.Л. Хорошкевич⁷⁰ и научно-популярную книгу А.А. Шапрана⁷¹. А.Л. Хорошкевич вводит в оборот много иностранных источ-

⁶⁴ Wisner H. Król i car. Rzeczpospolita i Moskwa w XVI i XVII wieku. Warszawa, 1995.

⁶⁵ Kupisz D. Połock 1579. Warszawa, 2003; *idem*. Psków 1581–1582. Warszawa, 2003; *idem*. The Polish-Lithuanian Army in the Reign of King Stefan Batory (1576–1586) // Warfare in Eastern Europe 1500–1800. Leiden; Boston, 2012. P. 63–92.

⁶⁶ Граля И. Иван Михайлов Висковатый. М., 1994; Grala H. «Pieczać’ połockkaja» Iwana IV Groźnego. Treści imperialne w moskiewskiej sfragistycie państwowej // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. 1997. Т. III (XIV). S. 124–130; Граля Х. «In der Tyrannen Hand»: Русская колонизация Ливонии во второй половине XVI в. Планы и результаты // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 2. С. 175–193.

⁶⁷ Wijaczka J. Prusy książęce a Polska, Litwa i Inflanty w połowie XVI w. Działalność dyplomatyczna Arsenusa von Brandta w 1544–1558. Kielce, 1992; Sucheni-Grabowska A. Starania Iwana Groźnego o rękę Katarzyny Jagiellonki a konflikt z Rosją o Inflanty (1560–1561) // Homines et Societas: Czasy Piastów i Jagiellonów. Poznań, 1997. S. 13–226; Alexandrowicz S. Źródła kartograficzne do wyprawy połockiej Stefana Batorego roku 1579 // Od armii komputerowej do narodowej; *idem*. Dzieje militarne Polski i jej wschodnich sąsiadów od XVI do XX wieku. Toruń, 2005. S. 17–43.

⁶⁸ Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. Великие немые русской истории. М., 2009; Пенской В.В. Героическая оборона Полоцка в августе 1579 г. // Военно-исторический журнал. 2013. № 6. С. 65–72; *он же*. Мужики наипейшие и наикрепчайшие в полкоустроениях зело искусные (центурионы Ивана Грозного). Белгород, 2013; Корзинин А.Л. Порядок иерархии полковых воевод в Ливонскую войну // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 153–160; Боровиков С.В. Дмитрий Хворостинин и его роль в военных действиях в Прибалтике и на Северо-Западе России во второй половине XVI века // Научный аспект. 2012. № 3. С. 24–28.

⁶⁹ Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999.

⁷⁰ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

⁷¹ Шапран А.А. Ливонская война 1558–1583 гг. Екатеринбург, 2009.

ников, предлагает несколько новых гипотез о причинах выбора российской внешней политикой своего курса. История Ливонской войны (до 1570 г.) ею написана как критика и разоблачение режима Ивана Грозного, тиранической сущности Московского государства, и всё повествование посвящено обоснованию этих негативных оценок.

В любом случае, при всех идеологических «перегибах» национальных историографий, они, несомненно, играют позитивную роль в том плане, что делают невозможной какую-то одну оптику взгляда на Ливонскую войну. Теперь нельзя писать её историю с польскоцентричных или россицентричных позиций, как «историю героев» или «историю злодеяний Ивана Грозного». Как ни парадоксально, именно благодаря развитию национальных историографий сегодня мы можем подняться над ними и сделать шаг к написанию наднациональной, т.е. максимально приближённой к объективности истории Ливонской войны.

Подводя итоги этому историографическому обзору, необходимо дать ответ на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, – как же сегодня надо изучать Ливонскую войну? Замечу, что она в основном изучалась как история международных отношений и социально-политических, экономических процессов в Прибалтике. Ливонская война – всё-таки в первую очередь именно война, и на первом плане должен быть военный аспект. Собственно военные действия исследованы крайне недостаточно, чаще они просто перечисляются, а не анализируются.

Исследователи пока только приступают к изучению военного потенциала участников конфликта, количества вооружённых сил. Долгое время учёные доверяли нарративу, отчего даже в очень авторитетных работах появлялись совершенно невозможные цифры о 300-тысячной армии Ивана Грозного под Полоцком в 1563 г. и т.д. Между тем замечу, что 300-тысячная армия в XVI в. – это как минимум полмиллиона лошадей. Чем питались бы эти лошади в феврале 1563 г. под Полоцком, историки не объясняют. Последнее время в историографии появляются более взвешенные и основанные на достоверных источниках оценки размеров русских вооружённых сил в XVI в., А.Н. Лобиним предложена адекватная методика подсчёта их количества⁷².

Но и здесь остаётся ещё много вопросов. Само по себе установленное количество войск говорит далеко не обо всём – следует учитывать их распределение по гарнизонам, полевым и походным частям, по территории страны, сравнить части постоянной готовности с мобилизационным потенциалом. Какими армиями стороны располагали для решения оперативных, тактических и стратегических задач? Сколько войск стояло на границах, а сколько в пунктах дислокации с последующим выдвижением навстречу врагу в случае военной опасности? Применительно к Ливонской войне получить ответы на данные вопросы непросто в силу состояния источников, но некоторыми данными можно оперировать. Однако исследований такого рода практически не проводилось.

⁷² Лобин А.Н. К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2(5/6). С. 45–78; Кром М.М. Ещё раз о численности русского войска в XVI в. (по поводу статьи А.Н. Лобина) // Там же. С. 79–89; Пенской В.В. Некоторые соображения по поводу статьи А.Н. Лобина «К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства XVI в.» // Там же. С. 90–103; Курбатов О.Н. Отклик на статью А.Н. Лобина // Там же. С. 104–119; «...И бе их столько, еже несть числа: сколько воинов воевало в Русской армии в XVI в.?» : Форум // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2(5/6). С. 120–150.

Несколько лучше изучена структура войск – участников конфликта, их состав, развитие родов войск, вооружение, особенности боевого применения различных видов вооружённых сил⁷³, участие этнических воинских формирований в боевых действиях⁷⁴.

Отдельной темой исследований должен стать вопрос: что привнесла Ливонская война в военное искусство второй половины XVI в.? Он должен рассматриваться в контексте «военной революции», в XVI–XVII вв. происходившей в Европе. Также необходимо ставить вопрос о результатах войны. Каковы были чисто военные результаты (трофеи, приобретения, воинские потери)? Что на самом деле произошло с территориями, вовлечёнными в войну, какова была степень их разорения? Как менялась военно-стратегическая, военно-тактическая ситуация? Каковы культурные и ментальные результаты войны?

Без ответа на эти (и другие) вопросы история Ливонской войны будет неполной, и можно констатировать, что её военная история ещё не написана. Поиск ответов на них является первоочередной исследовательской задачей любого историка, который обращается к данной теме. На мой взгляд, написание истории Ливонской войны с использованием методологии *military history* сегодня является наиболее перспективным и прогрессивным направлением изучения данного конфликта.

⁷³ *Viljanti A. Gustav Vasas Ryska Krig 1554–1557. Bd. 1, 2. Stockholm, 1957. Kotarski H. Wojsko polsko-litewskie podczas wojny inflanckiej 1576–1582. Sprawy organizacyjne. Cz. 1–3 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 16–17. Warszawa, 1970–1972; Tyla A. Znaczenie pospolitego ruszenia w obronie Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XVII w. // Profesor Henryk Łowmianski: Życie i dzieło. Poznań, 1995. P. 124–138; Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004; Filjushkin A. Ivan the Terrible...; Lesmaitis G. LDK samdomoži kariuomenė XV a. pabaigoje – XVI a. antrojoje pusėje. Vilnius, 2010; Володихин Д.М. Высший командный состав русской полевой армии при Иване IV // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны (URL: <http://www.milhist.info/spec> 1; дата обращения: 30 апреля 2014 г.). С. 1–41; Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного (средний командный состав русского войска 2-й половины XVI в.: к постановке проблемы) // Там же. С. 42–68; Скобелкин О.В. Служилые «немцы» в русском войске второй половины XVI в. // Там же. С. 69–103; Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного // Там же. С. 104–158; Беляков А.В. «Невидимки» русской армии XVI века // Там же. С. 159–178; Моисеев М.В. Некоторые замечания по истории русско-ногайского военного сотрудничества // Там же. С. 179–187; Глазьев В.Н. Стрельцы и их начальники в XVI в. // Там же. С. 188–202; Молочников А.М. Даточные люди черносошных земель в войске Ивана Грозного: лыжная и судовая рать // Там же. С. 203–226; Курбатов О.А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени // Там же. С. 227–235; он же. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг. // Там же. С. 236–295; Смирнов Н.В. Боевые слуги в составе русской поместной конницы в период Ливонской войны // Там же. С. 296–338.*

⁷⁴ Беляков А.В. Участие мещёрских татар в Ливонской войне // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 227–238; Ноздрин О.Я. Шотландский фактор Ливонской войны // Балтийский вопрос... С. 221–226; Кармов Т.М. На службе «белому царю»: участие кабардинцев в Ливонской войне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12–2. С. 93–96.

Причины военной катастрофы 1941-го: из новейшей литературы

Антон Короленков

The causes of the 1941 military catastrophe: from the recent studies

Anton Korolenkov («Novaia i Noveishaia istoriia» journal, Moscow, Russia)

Трудно найти в литературе по отечественной истории тему, которая привлекала бы большее внимание, чем причины поражений Красной армии в первые месяцы войны. Об этом пишут и профессиональные историки, и публицисты, и просто любители. На их оценки сильнее всего образом влияют не только знание предмета, но и политические пристрастия авторов, которые нередко обвиняют оппонентов в фальсификации (чаще всего не утруждая себя доказательствами, что речь идёт именно о фальсификации, а не о добросовестном заблуждении, ошибке или незнании) – обычно это делают поклонники тогдашней системы и лично вождя¹. Однако дискуссии ведутся и на более серьёзном уровне, позволяя во многом изменить наш взгляд на случившееся в 1941 г.

Во время войны и в первые годы после неё неудачи первого периода объясняли внезапностью и вероломством нападения, численным перевесом неприятеля, на которого работала «вся покорённая Европа», долгим отсутствием второго фронта и т.д. Позднее, особенно после XXII съезда КПСС, не отказываясь от этих тезисов, много внимания стали уделять отрицательной роли Сталина и созданного им режима личной власти («культ личности»), что выразилось в серьёзных ошибках при подготовке страны к войне, репрессиях среди командного состава, отсутствии реакции на предупреждения разведки, неудачных решениях в первые недели войны и др. Особенно много писалось об обезглавливании Красной армии и неприведении войск накануне войны в полную боевую готовность. Указывалось на то, что армия не готовилась к обороне. В послехрущёвские времена от этих тезисов отказываться не стали, однако о репрессиях говорили лишь одной строкой, не вдаваясь в детали и цифры, просчёты Сталина подавались лишь как его личные ошибки, т.е. о его системе власти речи уже не шло. Когда заходила речь о численности техники в приграничных округах, туманно говорилось лишь о «большом количестве самолётов и танков старых конструкций».

С началом перестройки вновь стал активно обсуждаться вопрос об ответственности Сталина за поражения первого периода войны, о порочности созданной им системы власти (хотя признавались и определённые её достоинства), подавлявшей инициативу и стоившей жизни многим тысячам специалистов, которые могли бы немало сделать для отпора врагу. Были, наконец, обнародованы

© 2015 г. А.В. Короленков

Автор выражает признательность за консультации к.и.н. С.З. Случу (Институт славяноведения РАН) и А.А. Маринченко (Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара).

¹ «Классический» образец такого «подхода» – «формула» отличающегося специфической манерой своих высказываний публициста И.В. Пыхалова: «Не всякий фальсификатор антисталинист, но всякий антисталинист – фальсификатор» (URL: <http://pyhalov.livejournal.com/61638.html>, дата обращения 22 июля 2014 г.).

данные о численности советских самолётов и танков в приграничных округах накануне гитлеровского нападения – она оказалась в несколько раз большей, чем у неприятеля. Кроме того, встал вопрос и о целесообразности внешней политики СССР предвоенного периода, которая, по мнению многих учёных, привела в 1941 г. к изоляции нашей страны. Проблема секретных протоколов к советско-германскому пакту рассматривалась и с военно-политической точки зрения – высказывалось мнение, что присоединение западных областей Украины и Белоруссии привело не к укреплению, а к ослаблению безопасности Советского Союза, у которого образовалась общая граница с Германией – противником, несомненно, куда более опасным, чем Польша.

С выходом в свет известных книг В.Б. Резуна (В. Суворова) «Ледокол» и «День “М”» разгорелась дискуссия вокруг вопроса о том, не собирался ли Сталин первым напасть на Германию, чем автор книг и объяснял подготовку армии только к наступлению и соответствующую конфигурацию расположения войск на границе. Сам этот тезис, основанный на передержках, игнорировании и просто искажении фактов, в чистом виде почти никем из историков не принимается, однако породил плодотворную дискуссию, в ходе которой выяснилось немало важных обстоятельств. Шло также обсуждение вопросов об уровне подготовки войск, характере сообщений разведки, влиянии репрессий на боеспособность армии и т.д.

Результатом этих дискуссий стали и рассматриваемые книги. Первая из них принадлежит перу военного историка, автора блестящих монографий о Великой Отечественной войне Л.Н. Лопуховского² и инженера и военного писателя Б.К. Кавалерчика. Хотя их совместная работа³ написана в научно-популярном ключе, она тем не менее основывается на достаточно обширном документальном материале – как опубликованном, так и архивном, историографии на русском и английском языках, главное же – на их критическом осмыслении.

Поиски ответа на давний вопрос, в чём причина поражений 1941-го – «во *внезапности* нападения или *неготовности* Красной армии к той войне, которую навязали Советскому Союзу?» (с. 31, выделено в оригинале) – авторы начинают с рассмотрения той ситуации, в которой оказалась германская армия после Первой мировой войны. Она лишилась всех важнейших средств борьбы (авиации, танков, тяжёлой артиллерии и др.), однако главнокомандующий рейхсвером Г. Сект (Зект) обнаружил лазейку в военных статьях Версальского мира – они не ограничивали численность унтер-офицеров, и в итоге их оказалось 59 500 на 100-тысячный рейхсвер⁴. Это позволило впоследствии быстро с их помощью обучить сотни тысяч солдат. На офицерские места брали наиболее подготовленных. Немалую роль сыграло и то, что Секту с помощью административных манёвров удалось сохранить генеральный штаб, который по условиям Версальского мира надлежало ликвидировать. Сект понял важность танковых войск, их взаимодействия с авиацией, а потому постарался создать если не сами эти рода войск, чего условия Версаля не позволяли, то хотя бы кадры для них, и добился многого. Больших успехов достиг планеризм, правительство субсиди-

² Лопуховский Л.Н. Прохоровка. Без грифа секретности. М., 2005. Изд. 2. М., 2012; *он же*. 1941. Вяземская катастрофа. М., 2008.

³ Кавалерчик Б.К., Лопуховский Л.Н. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М.: Яуза, Эксмо, 2010. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте.

⁴ Л.В. Ланник резонно охарактеризовал отсутствие ограничений на число унтер-офицеров в рейхсвере как проявление дилетантизма союзников (Ланник Л.В. Германская военная элита периода Великой войны и русский след в её развитии. Саратов, 2012. С. 314).

ровало развитие гражданской авиации. Тайно разрабатывались проекты новых танков и подводных лодок (с. 36–39). Немалое значение имело сотрудничество с Красной армией, и хотя Геринг не учился в Липецкой авиашколе, а Гудериан – в танковой школе «Кама» под Казанью, как часто утверждают, те, кто прошёл там обучение, потом стали видными военачальниками. Это были начальник Генерального штаба люфтваффе Г. Ешонек, начальник штаба групп армий «Юг» и «Б» В. Шпайдель, командующий 1-й воздушно-десантной армией К. Штудент и др. Проходили обучение в Германии и советские военачальники – А.И. Егоров, В.М. Примаков, С.П. Урицкий, И.Э. Якир и др. Однако многие учились там всего год или даже полгода и к тому же не на последнем курсе, так что переоценивать значение этих стажировок не стоит. Любопытно, что в штабных учениях с участием будущего главнокомандующего рейхсвером В. фон Бломберга⁵ и И.П. Уборевича отрабатывались совместные действия германских и советских войск против Франции – Сект был сторонником тесных связей с СССР, считая его естественным союзником. Что же до учений, то средний немецкий офицер имел к 1939 г. гораздо больший опыт участия в манёврах, чем его коллеги из западных армий и РККА. Подготовка офицеров проводилась на высоком уровне, но в 1937 г. срок обучения из-за потребности в большем их числе сократили с четырёх до двух лет. Штабы были меньше, чем в армиях других стран, но их сотрудники благодаря высокому профессионализму справлялись со своими обязанностями. Попутно разрабатывалась теория блицкрига, а для её реализации в 1934 г. началось серийное производство танков. В 1935 г. была создана первая танковая дивизия (с. 34–62).

Что касается СССР, то его руководство не верило в возможность избежать войны и считало своими потенциальными противниками почти все европейские страны, а также Японию и США. (При этом существенные противоречия между странами – членами мнимой коалиции в расчёт не брались.) Наиболее враждебной Советскому Союзу считалась Англия. Во время «военной тревоги» 1927 г. выяснилось, что к сколь-либо серьёзному конфликту промышленность СССР не готова. Между тем Тухачевский разрабатывал проекты об увеличении армии в случае войны до 5.8 млн человек (против предполагавшихся 3.4 млн), советовал оснастить её 40 тыс. самолётов и 50 тыс. танков (!), на что Ворошилов резонно возражал: «Вы хотите разорить государство и оскандальить себя». Однако события развивались скорее в соответствии с рекомендациями Тухачевского. При этом в военной теории царил преклонение перед взглядами К. Клаузевица, который, не обременяя себя доказательствами, отрицал необходимость стратегического резерва, предлагал не считаться с потерями и т.д. Советский военный теоретик А.А. Свечин указывал на ошибки Клаузевица, предпочитая ему военную теорию А. Жомини, который отстаивал идеи сосредоточения основных сил на решающем направлении (но предостерегал от излишней концентрации войск), подвижного характера войны, наступления как единственного способа достижения победы и др. Сам Свечин при этом писал, что «право на наступление ещё надо заработать», и полагал, что при вражеском вторжении целесообразно отступить за Днепр (учтём, что граница СССР тогда проходила намного восточнее, чем в 1941 г.), целью же неприятеля считал Москву. Другие теоретики – В.К. Триандафиллов и К.Б. Калиновский – развивали теорию глубокой операции, которая, однако, не соответствовала тогдаш-

⁵ В тексте ошибочно идёт речь о нём как о действующем главкоме (с. 47), хотя Бломберг стал таковым лишь с 1933 г., тогда как Уборевич ездил в Германию последний раз в 1930 г.

ним возможностям Красной армии. Тем не менее сторонник этой теории Тухачевский раскритиковал Свечина, хотя события 1941-го подтвердили правоту именно последнего; впрочем, оба они погибли в годы «большого террора» и всего этого уже не узнали (с. 63–97).

Серьёзные трудности существовали и с кадрами. В РККА кануна войны один командир приходился на 6 рядовых, тогда как в вермахте – на 29. Однако большинство курсантов военных училищ имели лишь начальное образование, соответственно уровень их подготовки и к моменту выпуска оставался крайне низким (это считалось делом наживным). К тому же начались массовые репрессии, на что, по мнению авторов, повлияло разделение комсостава на сторонников Ворошилова и Тухачевского, причем Сталин, естественно, встал на сторону первого⁶. Авторы принимают цифру О.Ф. Сувенирова в 10 тыс. погибших во время репрессий командиров⁷, что, конечно, немного по сравнению с их общим числом. Однако на высшем комсоставе террор отразился очень тяжело – погибли три маршала из пяти, 14 командармов 1-го и 2-го рангов⁸, 84 комкора (135% по отношению к их числу на сентябрь 1936 г.) и т.д. Из 85 членов Военного совета при наркомате обороны по состоянию на февраль 1936 г. осталось в строю к началу войны лишь 9. Всего вооружённые силы лишились из-за репрессий не менее 738 человек из высшего комсостава (при том, что на 1935 г. весь он составлял всего 735 человек. – *А.К.*). Конечно, погибшие имели опыт лишь Первой мировой и Гражданской войн, но в любом случае у многих из них это зачастую был опыт вождения крупных масс войск, они лучше понимали важность технического и тылового обеспечения, зачастую не боялись отстаивать своё мнение и даже в борьбе с вермахтом могли бы показать себя лучше, чем их преемники. В 1920–1930-х гг. из армии было уволено большинство военспецов, что окончательно подорвало преемственность между дореволюционной армией и РККА. Репрессии снизили не только боеспособность армии и флота, но и отрицательно сказались на их репутации за рубежом. Врагов это поощряло на агрессивные действия, потенциальные же друзья утрачивали интерес к союзу с СССР, более не считая его сильной военной державой (с. 97–113)⁹.

Весьма интересно освещают авторы международное положение в 1938–1939 гг. В отличие от большинства отечественных историков и публицистов они считают, что Сталин и не собирался помогать Чехословакии – на запрос Праги о военной помощи ответ поступил с большим опозданием, когда время уже было упущено. Не разрабатывались и планы её оказания, что говорит само за себя. Даже когда Польша отвергла советский ультиматум и захватила Тешин, СССР не отреагировал. Лопуховский и Кавалерчик оспаривают и по сию пору популярное мнение о том, будто Англия и Франция хотели в Мюнхене на-

⁶ Жестокость чистки, как предполагают некоторые учёные, во многом была обусловлена событиями в Испании, где именно военные подняли мятеж против правительства (см., например: *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 292–295).

⁷ Авторы ссылаются на работу: *Сувениров О.Ф.* Сопротивление личного состава РККА партийно-государственному истреблению военных кадров (1937 – июнь 1941) // Военно-исторический архив. Вып. 11. М., 2007. С. 54.

⁸ Авторы считают, что столько их и было в сентябре 1936 г. (с. 102), но на деле – 15. Погибли из них не все (С.С. Каменев «вовремя» умер в 1936 г., а Б.М. Шапошников выжил), 14-м стал М.Д. Велюханов, получивший это звание в июне 1937 г.

⁹ В этом отношении интересны соображения В.К. Волкова о понятии союзоспособности, которая у СССР, по его мнению, снизилась в этот период почти до нуля (СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 219).

травить Германию на СССР¹⁰. Как показывают документы, руководители двух этих стран были заинтересованы в сохранении статус-кво и опасались войны в любом уголке мира (с. 68). В случае разгрома СССР Германией ни о каком статус-кво не могло бы быть и речи – Рейх завладел бы ресурсами нашей страны и стал бы слишком сильным. После оккупации Чехословакии нацистами и начала переговоров СССР с Англией и Францией позиция советского руководства несколько изменилась – Финляндия, Румыния, Эстония и Латвия, прежде считавшиеся врагами, теперь были отнесены к числу потенциально нейтральных стран, но Англия по-прежнему считалась «скрытым организатором и руководителем агрессии» против СССР. Между тем в Лондоне догадывались, что Советский Союз хочет остаться в стороне от войны, когда она начнётся, а поскольку это невыгодно для Англии, то лучше иметь его своим союзником и в войну втянуть. СССР же тогда уже вовсю вёл переговоры с Германией, с которой у него имелся общий враг – Англия. К тому же Гитлер в обмен на спокойствие на восточных границах после покорения Польши готов был отдать восточноевропейские земли, прежде входившие в состав Российской империи, которые всё равно потом собирался вернуть себе. Именно секретный протокол был сутью договора – в нарушение провозглашённого в 1917 г. отказа советской власти от тайной дипломатии и советско-польского пакта о ненападении, согласно которому стороны отказывались от направленных друг против друга соглашений. Авторы считают, что договор 1939 г. с Германией был не только циничным, но и невыгодным – в случае войны СССР с Рейхом территория Польши оказывалась бы удобным предпольем, и пока поляки сражались бы с вермахтом, Красная армия успела бы развернуться. Да и экономическая помощь Германии обернулась её усилением, горькие плоды которого Советскому Союзу пришлось пожинать через два года. В этих условиях даже простое уклонение от участия в соглашениях оказалось бы для нашей страны полезнее, чем пакт с Рейхом (с. 114–134).

Весьма интересно описание польской кампании. Польская разведка в целом верно определила направление главных ударов врага, но отразить их у Войска Польского сил не хватало. К тому же его командование приняло явно ошибочное решение удерживать все районы по периметру границы, что привело к распылению сил. Тем не менее сражались поляки отчаянно. Вопреки распространённому мифу, польская авиация не была уничтожена в первый день войны¹¹. Другой миф – полная неэффективность польской конницы¹². Из-за контрастступления поляков на Бзуре вермахту не удалось окружить их войска к западу от Варшавы. Советская же пропаганда¹³ при этом уверяла, будто «польская армия не оказывает немцам никакого сопротивления», поскольку

¹⁰ Эта точка зрения и по сию пору существует в историографии, в том числе и в издании, подготовленном под эгидой Министерства обороны РФ: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. М., 2012. С. 234.

¹¹ Впоследствии то же писали и о французской авиации применительно к кампании 1940 г. – и столь же безосновательно (Степанов А.С. Пиррова победа люфтваффе: французская кампания 1940 г. // Клио. Журнал для учёных. 2005. № 4(31). С. 82–84).

¹² Об обратном свидетельствуют, например, действия Поморской кавалерийской бригады, весьма потревожившей части Г. Гудериана. Восходящим к фашистской пропаганде мифом является атака танков польской кавалерией с «саблями наголо» – на деле уланы смелым ударом опрокинули немецкий батальон и лишь после появления вражеских бронемашин (не танков!) были вынуждены с потерями отступить (с. 142–144).

¹³ Стоит отметить, что ход польской кампании советская печать освещала в основном по немецким материалам (см.: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. С. 245).

40% населения страны – украинцы, белорусы и евреи, подвергающиеся национальному угнетению, и никто из них не хочет сражаться за такое государство. Но сам принять участие в схватке Сталин не спешил, хотя после объявления вопреки расчётам Гитлера Англией и Францией войны Германии Берлин добивался этого всё настойчивее, поскольку фактор времени обретал для него особую важность. Однако Сталин хотел действовать наверняка и ввёл войска в Польшу лишь 17 сентября. В ходе кампании выявились недостатки в организации движения войск, работе тыла и др., и только слабое сопротивление поляков позволило избежать больших потерь. Не всё оказалось гладко и у вермахта – много танков вышло из строя по техническим причинам, артиллерия зачастую отставала от пехоты, авиация поначалу бомбила свои передовые части и т.д. Однако немецкая армия получила бесценный боевой опыт, из которого извлекла должные уроки. Главным из них было то, что танковые части во взаимодействии с авиацией доказали свою эффективность (с. 134–185).

При описании «странной войны» в книге показаны недостатки в организации боевых действий со стороны союзников и профессионализм и инициативность офицеров и солдат вермахта, но всё же кампания 1940 г. изображена не как сравнительно лёгкий успех немецких войск, а как серьёзная боевая операция, потребовавшая от последних крайнего напряжения сил, – недаром солдатам давали первитин, чтобы они не страдали от переутомления. Под Аррасом им пришлось отражать сильный контрудар союзников, однако, несмотря на храбрость своих солдат, из-за плохой организации они так и не добились успеха. В конце мая даже появилась возможность окружить прорвавшихся немцев на севере Франции, но Вейган, сменивший на посту командующего Гамелена, отложил наступление, а потом и отменил его. Если немецкие командиры, хорошо подготовившиеся к высокоманёвренной войне, не боялись риска и нестандартных решений, то союзники действовали по шаблону. Отрезанные в Бельгии войска спасти не удалось. Авторы указывают на эффективные действия люфтваффе, отмечая, что эффект этот иногда был скорее психологическим, но от того не становился меньшим. Расчёт союзников на затяжную войну, в которой, как четверть века назад, они имели бы немалые шансы на успех, рухнули. Тем не менее вермахту не удалось уничтожить английскую армию, что скорее всего привело бы к выходу Британии из войны, а для СССР означало бы необходимость иметь дело ещё с 40 дивизиями врага. Могли бы продолжить борьбу и французы, если бы эвакуировались в Северную Африку, но они на это не решились (с. 185–248).

А вот у Советского Союза блицкриг против Финляндии не получился. Хотя ещё недавно она была причислена к потенциально нейтральным странам¹⁴, осенью 1939 г. положение изменилось. От неё стали требовать обмена территориями, разрешения устроить военную базу на Ханко и т.д., а в ответ на отказ зазвучали угрозы, хотя, по мнению авторов, было бы куда выгоднее развивать с нею добрососедские отношения. Финская армия оставалась малочисленной и слабо оснащённой, а потому Сталин решил обойтись меньшими силами, чем советовал начальник Генштаба Б.М. Шапошников. Наступление велось по трём изолированным направлениям и было плохо организовано, выучка бой-

¹⁴ Следует, однако, отметить, что уже с середины 1930-х гг. советская сторона демонстрировала (причём в весьма резкой форме) недовольство политикой Финляндии, постоянно подозревая её во враждебных замыслах (*Вихавайнен Т.* Внешняя политика Финляндии // *Зимняя война 1939–1940.* Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 53).

цов оставляла желать лучшего, систему обороны врага вскрыть не удалось, артподготовка велась по площадям, и при этом на операцию отпускалось всего 20 дней. Успеха в таких условиях удалось достигнуть лишь на севере, где 14-я армия уже 2 декабря взяла Петсамо (Печенгу), прорвать же линию Маннергейма советские войска не смогли. Они не раз попадали в окружение, несли огромные потери, финны захватили огромное количество техники. Лишь после того как новое наступление было всесторонне подготовлено, прорыв состоялся. При этом наши части до последнего дня войны штурмовали Выборг, что не диктовалось необходимостью и лишь привело к бессмысленным потерям и разрушениям. В условиях, когда Англия и Франция могли оказать помощь Финляндии в случае попытки со стороны СССР полностью оккупировать её, советское руководство предпочло пойти на мир. Формально Советский Союз одержал победу, заплатив за неё непомерную цену: авторы принимают данные, согласно которым наши войска потеряли безвозвратно 126 875 человек, а финские – 22 830 (попытки оценить потери финнов в 43 тыс. и тем более в 95 тыс. человек отвергаются как несостоятельные). Кроме того, 158 советских военнослужащих по возвращении из плена были расстреляны, 4 354 попали в лагеря и лишь 450 не подверглись репрессиям. Финляндия же окончательно стала врагом СССР (с. 249–290).

Описывая присоединение Прибалтики, авторы отмечают, что выборы 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии проходили без учёта местных конституций и законов, на подготовку к ним отводилось всего 9(!) дней, оппозиционные партии под разными предлогами к ним не допускались, а потому выборы носили по сути безальтернативный характер. Однако прибалтийские республики в составе СССР «с самого начала выглядели... чужеродными организмами». Как отмечают авторы, советские бойцы с удивлением отмечали более высокий уровень жизни на новоприсоединённых территориях, что вызывало озабоченность у властей. В книге указывается на недовольство населения новыми порядками и особенно репрессиями, но о первых сказано чересчур кратко – стоило бы упомянуть о падении реальной заработной платы, конфискации значительной части вкладов, превращении профсоюзов в марионеточные организации и др. Этим пользовались немцы, засылавшие в те края шпионские и диверсионные группы (с. 293–299).

С учётом опыта 1939–1940 гг. в Красной армии было укреплено единоначалие, повышены требования к дисциплине, увеличилось число полевых учений и командно-штабных игр и др. Однако при этом по-прежнему мало внимания уделялось обороне. Так, в 4-й армии провели игру, по итогам которой вторгшийся враг терпел поражение, однако именно на этом участке в июне 1941 г. немецкие войска прошли за неделю до 450 км и захватили Минск и Бобруйск (с. 293–302).

Авторы считают, что стратегическое направление следующего удара после разгрома Франции нацистское руководство заранее не предопределило. Перед Гитлером, которому не удалось «сходу» разгромить Англию, встал вопрос о дальнейших действиях. Можно было сократить армию на 500 тыс. человек и направить их в промышленность, которая произвела бы максимальное количество самолётов и кораблей, необходимых для победы над Британией. «Такой путь к победе был вполне реальным, но не сулил быстрых результатов, а Гитлер не хотел ждать» – он не хотел предоставлять Англии передышки и спешил закончить войну до вступления в неё США (с. 305). В этих условиях, полагают

они, и началась разработка плана «Барбаросса», чтобы лишить Англию последнего потенциального союзника в Европе. Однако были и те, кто считал, что сначала надо разгромить именно Англию (например, гросс-адмирал Э. Редер), и поэтому Гитлер попытался обеспечить нейтралитет СССР на время борьбы с Британией, что и стало причиной визита В.М. Молотова в Берлин¹⁵. Однако советская сторона потребовала, с точки зрения фюрера, слишком больших уступок, и переговоры закончились ничем. 18 декабря Гитлер подписал директиву № 21 – план «Барбаросса» (с. 303–332).

Согласиться со многими из этих суждений трудно. Дело было не только в рабочих руках, которые Гитлер мог получить путём частичной демобилизации (кстати, цифра в 500 тыс. человек приведена явно «на глазок»), – требовались дополнительные производственные мощности, причём такие, какие позволили бы состязаться не только с Англией, но и с США. Вряд ли есть сомнения, что в таком состязании шансов на успех у Германии не было.

Готовясь к схватке с Германией, советские военные старались учесть опыт кампаний на Западе. Объявив, будто ничего принципиально нового они не дают, нарком обороны С.К. Тимошенко на деле в целом верно оценил совокупность факторов, обеспечивших вермахту победу, и отметил высокоманёвренный характер операций в Европе. Однако при командно-штабных играх по-прежнему не отрабатывалось отражение нападения противника. Крупнейшим недостатком предвоенных планов, по мнению авторов, было то, что их разработчики исходили из возможности «угрожаемого периода». Г.С. Иссерсон, правда, резонно полагал, что война скорее всего начнётся без предупреждения, однако к нему не прислушались, хотя пример Польши, Бельгии, Голландии и других стран был в этом отношении поучительным¹⁶. Ошибочной оказалась и уверенность в том, что противник нанесёт основной удар на юго-западе, чтобы захватить хлеб Украины и нефть Кавказа. Ведь это имело для Германии смысл лишь при затяжной войне, а не при блицкриге. Разведка, как считают Лопуховский и Кавалерчик, оказалась не на высоте своих задач, но иного после кровавой «чистки» в её рядах с последующей заменой не самыми подготовленными людьми ожидать не приходилось (с. 343–357).

Сложно шла реорганизация армии. Были воссозданы мехкорпуса, но если ещё недавно их признали неуправляемыми из-за штата в 560 танков, то теперь он увеличился до 1000–1200 единиц. Для создания столь крупных соединений были расформированы все танковые бригады, что в начале войны привело к очень тяжёлым последствиям. Да и сами корпуса оказались не готовы к выполнению возложенных на них задач из-за отсутствия спаянности, нехватки грузовиков и др. Лишь в апреле 1941 г. было принято решение о создании 10 противотанковых артиллерийских бригад (с. 390–407). (К сожалению, в книге ничего не сказано о реорганизации ВВС.)

Оценивая численность сил приграничных округов Красной армии перед началом войны, авторы пишут о 2 897 млн солдат и офицеров, 8 920 самолётах

¹⁵ Думается, были и иные причины – выяснить намерения СССР в отношении его соседей, создать впечатление о расширении антибританского блока и др. (Случ С.З. Мотивы приглашения В.М. Молотова в Берлин. Факты, предположения, неокончательные выводы // Славянство, растворённое в крови... В честь 80-летия члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. М., 2010. С. 265–293).

¹⁶ См.: *Короленков А.В.* Канун великих испытаний: споры о советской предвоенной политике // Клио. Журнал для учёных. 2008. № 2. С. 35.

(с учётом ВВС флота), 10 738 танках и 176 танкетках¹⁷ и 42 159 орудиях и миномётах (без учёта 50-мм), годных к использованию 22 июня 1941 г. С немецкой стороны им противостояло 3 454 млн солдат и офицеров, 3 032 исправных самолёта, 4 634 танка (из них 3 811 немецких), 37 099 орудий и миномётов. При этом они полемизируют с М.А. Гареевым, который рассуждает о 2 800 тяжёлых и средних танках в составе вермахта – тяжёлых у немцев в начале войны не было вообще, а средних – только 1 479. Лопуховский и Кавалерчик указывают также на некорректность данных Гареева о 3 тыс. самолётов и 3.6 тыс. танков и другом вооружении, захваченном вермахтом во Франции. Создаётся ошибочное впечатление, что всё это могло использоваться немцами в дальнейших операциях, но это не совсем так – одни машины были сильно повреждены, другие требовали запчастей и горючего, отличавшихся от немецких стандартов. Многие использовались для обучения танкистов, постройки бронепоездов, в также в качестве мишеней. Сведения Гареева о 92 дивизиях, оснащённых французскими автомобилями, также требуют уточнения: из них 51 не была пригодна для использования на фронте и несла оккупационную службу. Указывают авторы и на некомпетентность суждений В.Б. Резуна (В. Суворова) о танках: он объявил чешские машины «воплощением технической отсталости» только потому, что бронелисты у них соединялись заклёпками, а не сваривались, хотя это давало определённые преимущества, и немцы очень ценили чешские лёгкие танки (с. 416–451).

Далее анализируется состояние Красной армии. Авторы отмечают, что при обилии боевой техники ей не хватало боеприпасов, горючего, средств транспорта и радиосвязи, запчастей. Плохо было отработано взаимодействие родов войск. Командиры боялись ответственности и обычно действовали по шаблону. Оставляла желать лучшего выучка: лётчикам запрещалось во избежание аварий выполнять сложные фигуры высшего пилотажа, только 19% умели летать в темноте в простых метеоусловиях и лишь 0.8% – в сложных. Ежедневно в авиакатастрофах разбивалось по 2–3 самолёта. В приграничных округах успели обучить для Т-34 и КВ лишь порядка 300 экипажей, да и то механики-водители имели в своём активе в среднем лишь 11 и 30 часов вождения соответственно. К тому же боевой опыт был у очень немногих, и его не сравнить с тем, которым обладали солдаты вермахта. Конечно, сложности имелись и у немцев – они располагали резервом всего в 300 (!) офицеров, в люфтваффе также нередко случались аварии и т.д. Но в целом по подготовке, опыту и организации вооружённые силы Рейха существенно превосходили советские. Те трудности, которые стояли перед нашей армией, вермахт уже в основном преодолел (с. 451–513)¹⁸.

¹⁷ В советское время, как известно, численность танков и самолётов в приграничных округах не указывалась (за исключением новых типов), говорилось о «значительном количестве самолётов» и «лёгких танков устаревших конструкций» (БСЭ. Т. 4. М., 1971. Стб. 1153). Однако в 1984 г. над покровом этой тайны всё же приподняли завесу, сообщив, что новые самолёты составляли 21.2%, а новые танки – 18.2% от общего числа (Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 75). Это даёт хотя и заниженную, но всё же весьма внушительную цифру в 7 200 самолётов и 8 100 танков, т.е. заметно больше, чем у неприятеля.

¹⁸ М.И. Мельтюхов считает, что «утверждения о якобы низкой боеспособности Красной армии в 1941 г. представляются недостаточно обоснованными» и «что вопрос о реальной её боеспособности накануне войны ещё ждёт своего исследователя», принимая точку зрения В.Б. Резуна, согласно которой в случае превентивного удара советские войска быстро разгромили бы немцев (*Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения)*. Изд. 3, испр. и доп. М., 2008. С. 335). А вот Б.В. Соколов, разделяющий тезис В.Б. Резуна о подго-

Собирались ли Сталин в 1941 г. напасть на Германию? На этот вопрос авторы отвечают отрицательно. «Соображения по плану стратегического развёртывания...» от 15 мая 1941 г., на который часто ссылаются как на «итоговый оперативный план советского Генштаба», – это именно соображения, и даже если они получили одобрение, чему нет доказательств, на их основе должно было лишь начаться планирование наступательных операций нескольких фронтов, однако следов их разработки не обнаружено. Рассуждения М.И. Мельтюхова о том, что если войска приграничных округов имели задачи не на оборонительные операции, а на прикрытие развёртывания, значит, речь шла об операциях наступательных, авторы считают «словесной эквилибристикой»: «Войска готовились к обороне в целях прикрытия развёртывания и отмобилизования». Слова «начать наступление 12.6» на «Соображениях по стратегическому развёртыванию вооружённых сил» 11 марта 1941 г. тоже ничего не доказывают – за три месяца невозможно было определить начало операции, многое могло измениться, да и доступ к этому документу имел достаточно широкий круг лиц, так что считать его итоговым также вряд ли правильно. Незаметно какой-либо подготовки к нападению на Германию на местах. Не было даже плана приведения войск в боевую готовность (!), за что нёс ответственность Генеральный штаб, начальник которого Г.К. Жуков оказался явно не на своём месте. К тому же руководство СССР вплоть до последних мирных дней не могло разобраться в том, кто же в данный момент его враг – Германия или Англия. Гитлер и его генералы нашего нападения не ожидали и не боялись, считая Красную армию малообеспособной, так что о превентивном характере немецкого нападения можно говорить лишь как об ударе по потенциально опасной державе, но никак не о предотвращении возможной советской агрессии (с. 514–586).

Возражают авторы и сторонникам версии об эффективности упреждающего удара, который-де привёл бы к разгрому Германии. При низком уровне боеготовности армии он точно так же закончился бы тяжёлым поражением. Об этом свидетельствуют, например, налёты на Финляндию в июне 1941 г., в результате которых наши ВВС потеряли 71 самолёт, а финны – лишь 3 (с. 548–553)¹⁹. Однако при том, что версия Резуна сама по себе неверна, его усилия привели и к положительному результату, отмечают авторы – началась дискуссия вокруг многих спорных вопросов истории войны, позволившая пересмотреть многие устоявшиеся точки зрения (с. 586). Впрочем, началась она несколько раньше.

Наконец, возникает вопрос о том, можно ли было предотвратить катастрофу в 1941 г. Говоря о внезапности нападения, авторы отмечают, что она была достигнута на оперативном уровне, ибо в стратегическом отношении война неожиданностью для советского руководства являться не могла. Характерно, что в 1941 г. аналогичная ситуация повторилась под Киевом, Вязьмой, Брянском.

товке Сталиным нападения на Германию в 1941 г., в отличие от него полагает, что Красная армия в любом случае в 1941 г. потерпела бы поражение (*Соколов Б.В.* Собирались ли Сталин напасть на Гитлера? // *Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 305–330*).

¹⁹ По другим данным – 6 (Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 209). В этом же материале указывается на то, что результаты налёта полезно соотнести с версией В.Б. Резуна о том, какой страшный удар нанесли бы советские вооружённые силы врагу, если бы ударили первыми (см. также: *Короленков А.В.* В канун великих испытаний. С. 31). Тем не менее Д.Б. Хазанов беспартийно утверждает, будто «никто из оппонентов “Суворова” почему-то до сих пор не обратил внимания» на эти события, позволяющие «ответить на вопрос, а что было бы, если бы Советский Союз действительно нанёс упреждающий авиаудар» (*Хазанов Д.Б.* 1941. «Сталинские соколы» против люфтваффе. М., 2010. С. 136).

Вероятно, Сталин (во многом из-за немецкой дезинформационной кампании) всерьёз верил, что сначала ему будет предъявлен ультиматум, а потому опоздал с приведением войск в боевую готовность, причём директива на эту тему носила противоречивый характер (в ней говорилось одновременно и о боевой, и о полной боевой готовности). Но даже если бы это произошло раньше, поражения вряд ли удалось бы избежать. Так, многие части Прибалтийского военного округа перед войной заняли боевые позиции, а не были застигнуты врасплох, но всё равно оказались разбиты (с. 637). Главная причина заключалась в низком уровне подготовки армии – как командного, так и рядового состава.

Книга бесспорно удалась. Несмотря на значительную изученность темы, в ней содержится множество важных и малоизвестных фактов, немало интересных наблюдений и выводов, авторы усилили аргументацию в пользу одних точек зрения и показали ошибочность других²⁰. На последнем хотелось бы остановиться подробнее. Дело в том, что Лопуховский и Кавалерчик, много внимания уделяя историографической полемике, всё же в некоторых случаях упускают из виду достижения предшественников. Прежде всего это касается предыстории заключения советско-германского пакта. Они рассматривают его лишь в контексте последних предвоенных месяцев. Между тем Сталин и раньше стремился к сближению с Германией, ещё в 1935 г. выразив готовность обсудить возможность подписания среди прочих соглашений и пакта о ненападении²¹. О многом говорит и миссия Д.В. Канделаки: и сближения с Германией не удавалось добиться лишь из-за противодействия Гитлера²². Можно было бы расширить аргументацию в пользу того, что Сталин не собирался вступать в войну из-за Чехословакии во время судетского кризиса, обратившись к работам как отечественных²³, так и зарубежных исследователей²⁴, где отстаивается аналогичная точка зрения.

Как уже говорилось, авторы считают большим недостатком предвоенных планов то, что их разработчики исходили из возможности «угрожаемого периода», между тем как Гитлер напал без объявления войны. Думается, однако, что угрожаемый период был, если не понимать его слишком узко, т.е. исключительно как время после предъявления Германией требований Советскому Союзу и последующих переговоров. Хотя весной 1941 г. требований не выдвигалось, Сталин отчётливо почувствовал угрозу со стороны Третьего рейха и отреагировал на неё, демонстративно проводя призыв части резервистов, распуская слухи о возможном применении СССР химического и бактериоло-

²⁰ Отмечу некоторые допущенные в книге неточности: бельгийский город Мехелен превратился в Мечелен (с. 196), немецкий генерал Г.А. Витерсхейм назван Витершеймом (с. 203), И.П. Белов – Е.П. Беловым (с. 46), К.А. Мерецков – генерал-полковником (с. 24), а А.И. Корк – комкором (с. 110, примеч. 1), хотя они не носили этих званий. Говорится о восстановленной германской Академии генштаба, где учились советские военачальники в 1920–1930-х гг., но официально это были курсы, курировавшиеся отделом одного из министерств.

²¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Ser. C. Bd. IV, 1. Göttingen, 1975. S. 138. Dok. 78. S. 138.

²² Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчёты и просчёты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–119.

²³ См.: Случ С.З. Гитлер, Сталин и генезис четвёртого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. М., 1999. С. 96–107. Наиболее развёрнуто см.: *он же*. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 г.: некоторые аспекты политики невмешательства // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009. С. 114–144 (эта статья вышла уже накануне опубликования рецензируемой книги и вряд ли могла быть учтена).

²⁴ См., например: Pons S. Stalin and the Inevitable War. 1936–1941. L.; Portland, 2002. P. 130–136.

гического оружия, об ударе возмездия по городам Германии в случае войны и т.д.²⁵ Однако за несколько недель до начала агрессии он решил, что опасность нападения в 1941 г. миновала.

Более тщательного рассмотрения заслуживает вопрос о влиянии репрессий на состояние Красной армии. Никак не конкретизирован тезис о падении доверия бойцов к командирам и ослаблении дисциплины в результате террора. Кроме того, ещё за несколько лет до выхода книги в свет появились публикации, в которых показывалось, что и до начала массовых репрессий против комсостава дела в вооружённых силах обстояли далеко не лучшим образом, и достоинства, которые приписывают авторы погибшим в ходе террора командирам, оказываются под вопросом²⁶. Как мы увидим ниже, аргументы приводятся весьма серьёзные и требующие столь же серьёзного разбора, однако они не привлекли внимания авторов.

Именно вопросу о воздействии репрессий в Красной армии на её боеспособность посвящена книга А.Д. Смирнова, в которой обобщены результаты многолетних архивных изысканий автора, прежде публиковавшихся в виде статей²⁷. Свои выводы исследователь недвусмысленно анонсирует уже в названии книги. Он отмечает, что распространённый тезис о терроре против комсостава как причине поражений 1941 г. не подвергался необходимой проверке. Понижение уровня образования командиров было связано не столько с репрессиями, сколько с трёхкратным ростом численности армии, из-за чего уменьшился срок их подготовки. К тому же судить по наличию диплома об образовании, как часто делается, неверно, поскольку надо учитывать качество этого образования (с. 5–6). Затем автор приступает к проверке этого тезиса, анализируя положение с выучкой бойцов и командиров наземных войск в начале 1937 г., т.е. накануне массовых репрессий, на Хасане, Халхин-Голе, во время польской кампании и советско-финской войны и в последние предвоенные месяцы. Картина получилась ещё более удручающей, чем у Лопуховского и Кавалерчика: командиры действовали по шаблону, не проявляли инициативы – будущий маршал И.С. Конев на учениях 1936 г., узнав из перехваченного приказа «противника» направление его удара (редкая удача), никак на это не отреагировал (с. 323), Г.К. Жуков в 1935 г. бросил конницу в сабельную атаку на танковые части, и даже видный военный теоретик Г.С. Иссерсон двинул свою дивизию на врага в лоб (с. 249). Боевые порядки оказывались скученными (с. 100, 217, 221); штабы работали плохо, массу времени тратили на составление документации, поскольку подготовка штабистов была низкой. Так, в 1936 г. все три начальника штаба полков 40-й стрелковой дивизии не знали условных знаков для нанесения обстановки на карту (с. 158). Да и позже ситуация не изменилась. Не соблюдался принцип непрерывности ведения разведки (с. 195). На Халхин-Голе обходные манёвры стали осуществляться лишь по приказу К.Е. Ворошилова (впрочем, возможно, по совету Б.М. Шапошникова) (с. 247). При этом во время советско-финской войны попытки окружить врага предпринимались уже гораздо чаще, чем на учениях до репрессий, и высшее командование действовало не

²⁵ См.: Вишилёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 30–32.

²⁶ Смирнов А.Д. Большие манёвры // Родина. 2000. № 4. С. 86–93; *он же*. К бою – не готовы! Армия маршала Блюхера накануне 1937 года // Родина. 2000. № 9. С. 74–78; *он же*. Торжество показухи. Киевские и Белорусские манёвры 1935–1936 гг. // Родина. 2006. № 12. С. 88–96; и др.

²⁷ Смирнов А.Д. Крах 1941 – репрессии ни при чём! «Обезглавил» ли Сталин Красную Армию? М.: Яуза, Эксмо, 2011. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте с указанием страницы.

хуже М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича и И.Э. Якира (с. 315, 318). Индивидуальная выучка пехотинцев была низкой и до, и после репрессий – стреляли они плохо (ухудшение после начала «чисток» было связано с отменой послаблений, имевших место в прежние годы; к тому же многие отчёты сильно приукрашивали действительность), самоокапыванием и маскировкой пренебрегали, обращаться с гранатами не умели, и т.д. Младшие командиры не умели отдавать приказы, ограничиваясь самыми простыми распоряжениями вроде «вперёд», «за мной» и т.п. В 142-й стрелковой дивизии лишь 17% комначсостава знало компас, карту и умело ходить по азимуту (с. 95, 165, 217–218, 223, 225, 348 и др.). Танкисты слабо ориентировались на местности и неважно вели разведку, хромала огневая подготовка (в Белорусском военном округе в первой половине 1937 г. почти все танковые части в ходе стрельб показали неудовлетворительный результат), плохо обстояло с вождением танков по лесистой, болотистой и горной местности. Из-за слабых навыков эксплуатации танки быстро выходили из строя (с. 110–117, 228–233, 390–392 и др.). В артиллерии были плохо поставлены артиллерийская разведка и наблюдение; оборудование и маскировка огневых позиций; управление огнём и его массирование (в итоге стреляли по площадям); взаимодействие с пехотой и танками. Наконец, артиллеристы плохо стреляли и слабо знали свою технику (с. 117–120, 170–171, 207–213 и др.). Последнее можно сказать и о связистах; многие из них демонстрировали неудовлетворительную работу на аппаратах «морзе» (на низкой выучке связистов, как отмечали уже тогда, сказывался общий невысокий образовательный уровень). Командиры войск связи зачастую не умели работать с картой и обеспечивать связь ни в наступлении, ни во встречном бою, ни даже на марше. К тому же штабисты вообще неохотно пользовались радиосвязью, предпочитая посыльных (с. 93–94, 214–215, 394–396 и др.). Сапёры не всегда справлялись даже с наведением переправ, слабо освоили постановку минных полей и возведение построек тяжёлого типа и заграждений. Особенно плохо выполняли они свои задачи в ходе подвижного боя (с. 120–122). Неважно работала и служба тыла. Так, в ноябре 1936 г. во время конфликта у Турьего Рога на советско-японской границе целый дивизион конно-артиллерийского полка выступил в поход без полушубков, валенок и запаса продовольствия, а около трети бойцов одного из стрелковых батальонов – в рваной обуви. В отчёте штаба ОКДВА от 18 мая 1937 г. отмечалось, что штабы могли удовлетворительно управлять тылами, действовавшими «не в полном составе и не в подвижных формах боя». Требовались же действия в полном составе в условиях именно подвижного боя. При этом зачастую командиры вообще забывали (!) отдать соответствующие приказы тыловым службам (с. 56–58). И общим слабым местом для всех родов войск оставалось их взаимодействие. В данной связи автор высказывает любопытное предположение: атака 11-й легкотанковой бригады без поддержки пехоты и артиллерии под Баин-Цаганом была преждевременной и необходимостью не диктовалась, и если бы Жуков подождал два дня подхода 24-го стрелкового полка и бросил бы танки в атаку при поддержке пехоты, сколь-либо серьёзных отрицательных последствий это не имело бы, зато позволило бы избежать тяжёлых потерь. Впоследствии, как отмечает Смирнов, Жуков учёл необходимость взаимодействия родов войск, но многие другие командиры этого так и не усвоили (с. 253–255).

Анализируя материал, автор лишь в одном случае обнаруживает пагубное воздействие репрессий – «недочёты» в оперативной подготовке 1938 г., «за-

труднение в принятии решений», вызванные «обновлением начальствующего состава», на что указывал Б.М. Шапошников (с. 188). Однако эти недостатки к началу войны, по мнению Смирнова, были преодолены (с. 476). Общий вывод таков: состояние армии после репрессий почти не изменилось, в чём-то даже немного улучшилось, и говорить о влиянии «чистки» на её боеспособность не приходится.

Следует признать, что свой основной тезис автор доказал, и в этом, как и в собранном им материале, ценность книги. Не приходится отрицать, что роль массовых репрессий в поражениях 1941 г. серьёзно преувеличивается. Подчеркну: именно преувеличивается, но не является нулевой или близкой к нулю. Кроме того, в своём стремлении во что бы то ни стало оспорить отрицательное воздействие террора на боеспособность Красной армии Смирнов неправомерно сузил хронологические рамки – почему речь только о 1941 г.? Потому, что так ставят вопрос те, с кем он полемизирует, и так легче доказать «безвредность» репрессий? Подобный подход не представляется удачным – толковых командиров остро не хватало всю войну, иначе зачем после отмены института комиссаров в октябре 1942 г. стали поспешно (и без особого успеха) пытаться превратить многих политработников в обычных командиров? Маловероятно, что те, кто погиб в результате «чистки», переломили бы ход приграничных сражений, однако потери и вообще масштабы поражений могли быть меньше. К тому же автор, ограничиваясь первым годом войны, исключает из рассмотрения вопрос о профессиональном росте командиров, ведь те, кто плохо руководил в 1941-м, позднее во многих случаях действовали лучше. Невольно это признаёт и сам Смирнов, когда приводит примеры неудачных действий Г.К. Жукова, И.С. Конева, В.Я. Колпакчи (с. 37), Н.Э. Берзарина (с. 177) – ведь в ходе войны они при всех оговорках стали совсем не худшими военачальниками. Вряд ли не было шансов «вырасти» в профессиональном отношении у многих из тех, кто не дождался войны или провёл её в лагерях. О том, что за решёткой оказались многие отнюдь не бесталанные командиры, свидетельствуют примеры арестованных, но позднее освобождённых К.К. Рокоссовского, К.А. Мерецкова, Г.А. Ворожейкина, А.В. Горбатова, К.Н. Галицкого, Ф.Ф. Жмаченко, А.И. Зыгина, и др.²⁸ Хотя бы в силу элементарной теории вероятности можно полагать, что среди погибших также оказалось немало перспективных военачальников.

Необоснованно сужает Смирнов и период, когда проводились репрессии, начиная его лишь с 1937 г. – формально он прав, ибо исходит из точки зрения тех, с кем ведёт дискуссию, но сама эта точка зрения верна лишь в том смысле, если говорить о *массовых* репрессиях в самой РККА. Смирнов возражает О.Ф. Сувенирову, когда тот обосновывает падение уровня подготовки командиров Красной армии в результате «чистки» ссылкой на эмигрантского публициста А.А. Зайцова, который писал ещё в «дорепрессионном» 1934 г. (с. 11). Сувениров, конечно, прежде всего имел в виду «большой террор», но такое представление ошибочно (вспомним хотя бы дело «Весна»)²⁹, и Смирнов, который прекрасно понимает, что советское государство стало тоталитарным отнюдь не в 1937 г. (с. 12), тем более не имел оснований называть предшествовавшие ему годы «дорепрессионными».

²⁸ Черушев Н.С. Удар по своим. Красная армия: 1938–1941. М., 2003. С. 274–275, 467.

²⁹ Недаром Д.М. Глэнц назвал раздел о репрессиях 1937 и последующих лет «продолжающейся чисткой» (continuing purge) (Glantz D.M. Stumbling Kolossus. The Red Army on the Eve of World War. Lawrence, 1998. P. 26).

При этом к сторонникам точки зрения о том, что террор нанёс огромный ущерб армии, автор беспощаден: он пишет о «бездоказательности» их выводов, «беспомощно надёрганных фактах» (sic!), «голословных утверждениях», «нежелании считаться с азами методики исторического исследования и элементарной логики» и подозревает их в подверженности политической конъюнктуре и даже «подтасовках» и «сознательном искажении истины» (с. 5, 7, 15, 17, 19). Хотя Смирнов нигде не оправдывает террор, складывается впечатление, что это лишь лукавое умолчание – как и отказ рассматривать проблему вне рамок вопроса о поражениях лишь первых месяцев войны. Думается, что многие из цитированных выше обвинений вполне могут быть предъявлены и ему самому.

То же можно сказать, когда видишь, как Смирнов работает с историографией. «Нельзя считать репрессии... одной из причин (и тем более главной причиной) разгрома Красной армии в 1941 г.» (с. 477–478). Между тем высказываний учёных, в которых репрессии объявляются *главной* причиной поражений первых месяцев войны, не приводится, и похоже, если пользоваться терминологией автора, это не просто бездоказательное утверждение, а элементарная подтасовка с целью подчеркнуть оригинальность собственных выкладок.

Следует заметить, что автор вообще уделил, мягко говоря, недостаточное внимание работе с историографией. Она почти не используется, полемика ведётся лишь во введении, далее – единичные случаи в некоторых главах³⁰. Полностью игнорируется зарубежная литература, если не считать статьи польского учёного Я. Войтковяка (да и та, видимо, попала в поле зрения Смирнова лишь потому, что издана по-русски). Между тем в самом полном на сегодняшний день исследовании репрессий в РККА, принадлежащем перу другого польского исследователя П.П. Вечоркевича (в нём более 1 300 страниц!), имеется и раздел о влиянии «чистки» на боеспособность Красной армии³¹. Между прочим, этот учёный также не считает репрессии одной из главных причин поражений в 1941 г., которые были неизбежны в любом случае – причиной их являлась сама сталинская система. Однако гибель тысяч командиров обернулась лишними потерями, ибо многие из репрессированных имели опыт Гражданской войны, которая хотя и была иной, всё же приучала к инициативе, импровизации. К тому же в результате репрессий многие бойцы стали куда меньше доверять командирам, а те боялись принимать на свой страх и риск ответственные решения³².

Не обратился Смирнов и к монографии крупнейшего американского специалиста Д.М. Глэнца «Колосс на глиняных ногах. Красная армия накануне мировой войны». В этой книге приведено немало данных о состоянии советских вооружённых сил, рассматривается и вопрос о репрессиях. В результате «чистки», по мнению Глэнца, РККА лишилась «наиболее перспективных теоретиков и опытных практиков», подорвала революционные традиции, поднимавшие боевой дух солдат и офицеров, а потому в советско-финскую и первые месяцы Великой Отечественной войны действовала неудачно, «словно бездушная ма-

³⁰ Жаль, что автору остались неизвестными работы Н. Ю. Кулешовой, особенно её статья: *Кулешова Н.Ю.* Красная армия в конце 1930-х годов: проблема боеспособности с точки зрения истории повседневности // *Отечественная история.* 2003. № 4. С. 60–83.

³¹ *Wieczorkiewicz P.P.* Łancuch śmierci: Czysztka w Armii Czerwonej 1937–1939. Warszawa, 2001. S. 1017–1045.

³² См. также: *Короленков А.В.* Ещё раз о репрессиях в РККА в предвоенные годы // *Отечественная история.* 2005. № 2. С. 159 (эта публикация, где, кстати, речь идёт и о его статьях, также осталась Смирнову неизвестной).

шина», и несла большие потери. В то же время трудности боевой подготовки, отмечает Глэнц (как и многие другие учёные), создали не только репрессии, но и значительный рост её численности³³.

Можно не соглашаться с выводами перечисленных авторов, но рассмотреть их (а также учесть приведённый в них фактический материал) требуют элементарные правила работы с историографией, не говоря уже о том, что кое в чём можно найти и совпадение со взглядами Смирнова, а на предшественников принято ссылаться.

Вот более частный, но также весьма показательный случай более чем странного обращения Смирнова с историографией и оценки фактов. Он ссылается на статью Г.И. Герасимова³⁴, который-де «с цифрами на руках» опроверг тезис «о понижении уровня командного состава РККА после 1937–1938 гг.», ибо после «чистки» число окончивших военные академии даже выросло (с. 20). Однако прежде чем считать число получивших образование в академиях, следовало бы доказать, что качество образования в них к концу 1930-х гг. не ухудшилось (это весьма вероятно, если учесть «изъятие» многих квалифицированных преподавателей, изменение учебных программ, относительное сокращение материальной базы военных вузов и училищ и др.)³⁵. Да и сам Смирнов, как отмечалось выше, пишет, что нельзя судить об уровне образования по наличию диплома. Налицо формальный подход, за который он справедливо критикует В.С. Мильбаха, который в доказательство успехов в боевой подготовке Особой Краснознамённой Дальневосточной армии сослался на факт награждения группы её командиров орденами в начале 1937 г. (с. 15).

Несколько слов о структуре книги, которая представляется не вполне удачной. Автор описывает положение дел на Хасане, Халхин-Голе, в Польше, Финляндии, а затем каждый раз показывает, каким оно было до начала массовых репрессий. И поскольку объём имеющегося в его распоряжении материала не безграничен, это приводит к постоянным повторам (о действиях С.Н. Амосова на учениях 1936 г.: с. 36 и 249, о 24-й стрелковой дивизии: с. 251 и 321–322, о безынициативности И.С. Конева: с. 323 и 408–409, и др.). Конечно, это немало способствовало увеличению размеров книги, но вряд ли обоснованно с научной точки зрения.

Пора подводить итоги. В первой из рассмотренных книг дан панорамный взгляд на предвоенные годы – внешнюю политику, состояние армий СССР и Германии, планы сторон. Комплексный подход позволяет лучше понять взаимосвязь различных факторов, и хотя кое-что выпадает из поля зрения авторов, а в чём-то допущены неточности, да и не во всём можно с авторами согласиться, картина получилась интересной и в целом убедительной. Вторая посвящена более частному, но достаточно важному вопросу об одной из причин поражений Красной армии в 1941 г. Основной тезис книги можно считать вполне до-

³³ Glantz D.M. Op. cit. P. 33. Критику некоторых выводов Глэнца см.: Короленков А.В. Ещё раз о репрессиях в РККА... С. 159.

³⁴ Герасимов Г.И. Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1. С. 44–52. В своём стремлении свести к нулю пагубные последствия террора для вооружённых сил этот автор утверждает в отношении 1940–1941 гг., будто «никаких репрессий в эти годы, как известно (! – А.К.), не было» (с. 44). Очевидно, Г.М. Штерн, А.Д. Локтионов, П.В. Рычагов, И.И. Проскуров и другие жертвы куйбышевского расстрела (да и не его одного) умерли от «острой сердечной недостаточности».

³⁵ Так, ещё в 1935 г. Е. А. Щаденко добился отмены курса лекций по теории стратегии в Военной академии им. М.В. Фрунзе (*Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К.* Указ. соч. С. 518).

казанным, однако она много теряет из-за крайнего сужения хронологических рамок рассматриваемых вопросов, а также слабой и не всегда добросовестной работы с историографией, из-за чего за пределами внимания автора оказались некоторые важные обстоятельства. Вряд ли также можно признать допустимым отношение к коллегам, которым не всегда в корректной форме предъявляются обвинения в том, чем автор грешит подчас и сам. Но, несмотря на отмеченные недостатки, обе работы расширяют наши знания и понимание сути событий тех лет, исследование которых ещё далеко не закончено.

«Бюро защиты»: К истории первой еврейской правозащитной организации в России

Виктор Кельнер

**«Defense Bureau»:
On the history of the first Jewish civil rights advocacy organization in Russia**
Victor Kelner (Saint-Petersburg State University, Russia)

В истории развития гражданского общества в России есть организации, деятельность которых по тем или иным причинам не получила должного историографического осмысления. Во многом это произошло в силу их особого статуса. «Бюро защиты» никогда не было официально оформленной структурой, не имело единого руководящего органа, не проводило ни съездов, ни пленумов, ни конференций. Его члены не подвергались репрессиям, по крайней мере в качестве правозащитников. Фактически о его существовании свидетельствуют только воспоминания участников тех событий. Казалось, что Бюро находилось на периферии развития отечественного правозащитного и еврейского национального движений. Тем не менее из его рядов вышла целая когорта общественных и политических деятелей, оставивших в дальнейшем яркий след в работе как общерусских, так и еврейских политических партий и организаций.

Во второй половине XIX в. в результате реформ конца 1850–1860-х гг. в России начался процесс становления русско-еврейской интеллигенции. Он проходил на фоне стремительной эволюции еврейской общины от религиозного сообщества к сообществу национальному¹. Значительная часть еврейства надеялась на равноправное вхождение, по крайней мере образованных и состоятельных его представителей, в состав российского общества. Однако события начала 1880-х гг. продемонстрировали всю тщетность этих иллюзий. Еврейская интеллигенция пережила моральную и политическую трагедию, связанную с погромами, сопровождавшимися усилением массового общественного и государственного антисемитизма². В то же время в силу ряда экономических и социальных причин представители именно этого поколения всё же заняли прочные позиции в профессиональных сообществах и общественных кругах страны. Ведь в 1860–1870-х гг., воспользовавшись прогрессивными изменениями в законодательстве, тысячи евреев сумели обучаться в отечественных высших учебных заведениях³. В то же время в Россию стали возвращаться

© 2015 г. В.Е. Кельнер

¹ *Барталь И.* От общины к нации: Евреи Восточной Европы в 1772–1881 гг. Иерусалим; М., 2007. С. 219–250; *Vital D.* A People Apart: The Jews in Europe, 1789–1939. Oxford, 1999.

² *Klier J.D.* Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882. Cambridge, 2011.

³ *Иванов А.Е.* Еврейское студенчество в Российской империи начала XX в. Каким оно было. М., 2007. С. 31–50.

и евреи, получившие образование за рубежом. За годы, проведённые в Германии, Франции и Швейцарии, они восприняли разнообразные европейские политические идеи, познакомились с общественной и национальной жизнью европейского еврейства⁴. Именно это поколение евреев стало движущей силой русско-еврейской интеллигенции⁵. Оказавшись в крупных городах и живя, как правило, национальной, но не строго религиозной жизнью, став частью больших секуляризованных общин, они остались верны своему еврейству. Это во многом и предопределило направленность их общественной деятельности. К концу 1890-х гг. эта интеллигенция составила активное ядро еврейских общественных организаций: Общества просвещения среди евреев в России (ОПЕ), Еврейского колонизационного общества (ЕКО), Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России (ОРТ).

Именно представители этого поколения встали у истоков сионистского движения в России. Им пришлось преодолевать процентную норму, введённую в 1887 г. для евреев, поступающих в высшие учебные заведения. Они испытывали на себе особый характер ограничительных мер, направленных против евреев – обладателей дипломов о высшем образовании⁶. При этом они не могли не замечать и равнодушия со стороны подавляющего большинства русского общества к их проблемам. Одновременно это поколение уже не могло быть сторонним наблюдателем антисемитской политики власти и пассивной, а то и прямо одобрительной реакции на неё русской печати и общества, что способствовало идейной радикализации русско-еврейской интеллигенции. В то же время, данная часть российского еврейства не могла не испытывать огромной тяги к общероссийскому общественному движению. В силу своих профессиональных занятий и личных общественных пристрастий значительная группа еврейской интеллигенции входила в круг либерально и народнически настроенной русской интеллигенции⁷. Еврейская интеллигенция не только «заражалась» теми же болезнями, которыми «болела» русская интеллигенция и всё русское общество, но и подчас привносила в него и свои национальные особенности, свой темперамент и свои проблемы.

Главенствующее место среди еврейских общественных организаций занимало ОПЕ. В 1891 г. под его эгидой была создана Историко-этнографическая комиссия. Как признавался позднее один из её основателей и идеологов, будущий депутат I Государственной думы и член ЦК партии кадетов М.М. Винавер, «новое поколение искало национальную идею не в пределах религиозной традиции, а в исторической судьбе российского еврейства»⁸. В этой работе они

⁴ *Wertheimer J. Between Tsar and Kaiser. The Radicalization of Russian-Jewish University Students in Germany // Leo Baeck Institute Year Book. 1983. № 28. P. 329–349; Перельман А.Ф. Воспоминания. СПб., 2009.*

⁵ *Натанс Б. За чертой: евреи, русские, «еврейский вопрос» в Петербурге (1855–1880) // Вестник еврейского университета в Москве. 1994. № 2(6); Кельнер В.Е. Русско-еврейская интеллигенция: генезис и проблемы национальной идентификации // Там же. 1996. № 3(13); Клиер Дж. О русско-еврейской интеллигенции // Труды по иудаике Петербургского еврейского университета. Вып. 3. СПб., 1995. Первыми еврейскими учёными, обратившими внимание на историю русско-еврейской интеллигенции, были С.М. Дубнов и С.М. Гинзбург (см.: *Дубнов С.М. Русско-еврейская интеллигенция в историческом аспекте // Еврейский мир на 1939 год: Ежегодник. Париж, 1939. С. 11–17; Гинзбург С.М. О русско-еврейской интеллигенции // Там же. С. 33–40.**

⁶ *Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с позднимперской Россией. М., 2007. С. 356–358; Иванов А.Е. Указ. соч. С. 50–64.*

⁷ *Евреи и русская революция: Материалы и исследования / Ред.-сост. О.В. Будницкий. М.; Иерусалим, 1999; Haberer E. Jews and revolution in nineteenth-century Russia. Cambridge, 1995.*

⁸ *Винавер М. Как мы занимались историей // Еврейская старина. 1909. Вып. 1.*

прямо следовали по пути, указанному их современником, историком, общественным деятелем и публицистом С.М. Дубновым⁹. Призывая к созданию трудов по еврейской истории, Дубнов писал: «Работа наша будет происходить на почве прошедшего, но жатва её всецело будет принадлежать настоящему и будущему»¹⁰. За короткий период комиссия подготовила и выпустила в свет несколько сборников документов¹¹. Группа энтузиастов создала библиографический справочник по евреям и еврейскому вопросу¹². Таким образом воплощалась в жизнь идея Дубнова о том, что в новых условиях перехода российского еврейства от религиозного сознания к национальному, изучению истории принадлежит важнейшая роль¹³. В рамках Комиссии сотрудничали выпускники различных университетов: Винавер, Л.М. Брамсон, братья Б.Д. и Ю.Б. Бруцкусы, М.И. Кулишер, В.Л. Берман, Л.О. Зайденман, А.Г. Горнфельд, С.Л. Цинберг, М.Г. Сыркин, Л.А. Сев, С.М. Гольдштейн, С.Е. Винер, Г.А. Гольдберг, братья М.В. и В.В. Познеры и другие. Вокруг участников этих групп концентрировалось значительное число еврейской интеллигенции. Основной состав группы принадлежал примерно к одному и тому же поколению. Старшими по возрасту были Кулишер и Гольдштейн. Позднее Винавер признавал, что занятия историей стали для них тем, «что для Антея прикосновение к матери-земле. Прошедшее невольно сплеталось с настоящим, в старом мы увидели новое, в новом старое, и жизнь во всей своей яркости, многообразии и жестоковатой непосредственности охватила нас со всех сторон»¹⁴. Собственно говоря, «чистым» историком среди членов комиссии был только Гольдштейн, работавший в Петербургском Археологическом институте. Остальные являлись представителями самых разных профессий. К работе с источниками и многочисленными периодическими изданиями привлекалось большое число еврейской молодёжи, в основном студентов московских и петербургских высших учебных заведений¹⁵. Несмотря на базовое юридическое или медицинское образование, многие сотрудники комиссии имели совершенно иные индивидуальные пристрастия: М.Г. Сыркин писал работы по теории искусства, в том числе еврейского, Л.А. Сев был признанным специалистом в области философии. В то же время практически все они, прекрасно владея пером, выступали в еврейской и еврейско-русской печати в качестве публицистов. В 1880–1890-х гг. многие из них печатались на страницах единственного тогда русско-еврейского периодического издания – журнала «Восход». Особое место среди членов этой группы занимал рано ушедший из жизни (1896) В.Л. Берман. В отличие от большинства остальных соратников, он уже с начала 1880-х гг. участвовал в палестинофильском движении и был

⁹ Кельнер В. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С.М. Дубнова. СПб., 2008. С. 200.

¹⁰ Дубнов С.М. Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества. СПб., 1891. С. 60.

¹¹ Регесты и надписи: Свод материалов для истории евреев в России. Вып. 1–2. СПб., 1896–1897; Регесты и надписи: Свод материалов для истории евреев в России. (80 г. – 1800 г.). Т. 1 (до 1670 г.). СПб., 1899; Русско-еврейский архив: Документы и материалы для истории евреев в России. СПб., 1903.

¹² Систематический указатель литературы о евреях на русском языке со времени введения гражданского шрифта (1708 г.) по декабрь 1889 г. СПб., 1892.

¹³ Кельнер В. «Миссионер истории»... С. 228.

¹⁴ Винавер М. Как мы занимались историей. Вып. 1. С. 19.

¹⁵ Среди них был и один из будущих основателей израильской историографии Бен-Цион Кац. В тот период он учился на Восточном факультете Петербургского университета (*Gassenschmidt Ch. Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia, 1900–1914. The Modernization of Russian Jewry. L., 1995. P. 146*).

активным проводником идей палестинофильства в печати. Пожалуй, тогда в их узком кругу в пристрастии к идеям палестинофильства с Берманом полностью солидаризировался только Ю.Д. Бруцкус. Ближайшее участие в работе этих групп принимал и юрист Л.М. Брамсон, близкий по своим взглядам к народникам. Позднее он инициировал создание и руководил рядом национальных общественно значимых мероприятий, входил в руководство ЕКО, ОРТ и ОПЕ¹⁶.

Одновременно практически все входящие в состав комиссии юристы (а таких было большинство) участвовали в работе другого добровольного объединения – Конференции помощников присяжных поверенных во главе с А.Я. Пассовером¹⁷. Выдающийся цивилист, член Петербургской судебной палаты, тот ещё в 1870-х гг. был вынужден отказаться от научной карьеры, так как это требовало от него принятия православия¹⁸. Теперь в Петербурге он собрал вокруг себя группу молодых юристов-евреев, которые в силу антисемитских ограничений не могли рассчитывать на звание адвоката, а числились только помощниками присяжных поверенных¹⁹. В этом объединении они регулярно делали доклады по сложнейшим юридическим проблемам, в том числе и связанным с законодательством, ограничивавшим права евреев. Пассовер консультировал по юридическим вопросам также еврейские общественные организации.

Среди этой группы бесспорно талантливых и энергичных сотрудников ОПЕ выделялся М.И. Кулишер. Во-первых, он был значительно старше и опытнее других. Человек разносторонних интересов, он имел глубокое еврейское образование – учился в раввинском училище. Позднее он окончил гимназию, обучался на юридических факультетах Киевского, Новороссийского (Одесского) и Петербургского университетов. Ещё в 1860-х гг. Кулишер увлёкся журналистской работой, сотрудничал в одесской газете «День» и в «Санкт-Петербургских ведомостях», в ряде русских и русско-еврейских периодических изданий, в том числе в «Восходе». В 1879 г. вместе с другими он основал в Петербурге русско-еврейский еженедельник «Рассвет» и некоторое время фактически был его редактором. В 1880–1886 гг. Кулишер издавал в Киеве газету «Заря». Окончательно перебравшись в Петербург, он смог найти работу лишь в качестве помощника присяжного поверенного²⁰. Не ограничиваясь юридической и общественной работой, он приступил к исследованию истории евреев и социологии. Подобно всем другим членам этого сообщества, Кулишер отказался от перехода в христианство. В своих политических воззрениях он полностью сходил с Винавером, который писал, что тот «ставил своею задачею работу на благо еврейского народа в России и страстно при всяком случае оспаривал мысль о возможности разрешения еврейской проблемы вне России»²¹.

¹⁶ Бруцкус Ю. Леон Брамсон – организатор русского еврейства // Еврейский мир. Нью-Йорк, 1944; Аронсон Г. Леон Брамсон // Там же.

¹⁷ Poteranz W.E. Justice from the Underground: The History of the Underground Advokatura // Russian Review. 1993. № 52. P. 321–340; *idem*. Legal Assistance in Tsarist Russia: The St. Petersburg Consultation Bureaus // Winsconsin International Law Journal. 1996. № 14. P. 586–610.

¹⁸ Винавер М.М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Париж, 1926. С. 95.

¹⁹ В 1889 г. в знак протеста против фактического содействия руководства петербургской адвокатуры введению ограничений для евреев на профессиональную деятельность Пассовер отказался от звания члена Совета присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты (См.: Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются... С. 390).

²⁰ Тольц М. Вклад семьи Кулишеров в мировую миграциологию // Демоскоп Weekly. 2014. Вып. 603–604, 16–29 июня. С. 1–5.

²¹ Винавер М. Недавнее... С. 262.

На протяжении нескольких десятилетий в России в деле защиты еврейских интересов использовалась освящённая вековым опытом система штадланута²². В центре этой системы с конца 1850-х гг. стояли представители семьи Гинцбургов: банкиры и предприниматели, они имели большие связи в высших кругах русской бюрократии и интеллигенции²³. Расширение антиеврейского законодательства вынуждало Гинцбургов иметь нескольких адвокатов, специализировавшихся на этих проблемах²⁴. На протяжении многих лет юридическим советником Гинцбургов был Г.Б. Слиозберг. Адвокатское бюро Слиозберга в Петербурге во многом стало провозвестником создания «Бюро защиты»²⁵. Многие из молодых юристов, которые работали у Слиозберга, а затем в «Бюро защиты», стали впоследствии видными деятелями еврейского национального движения²⁶. Основным направлением их деятельности на том этапе была борьба с незаконными запретами проживания вне черты оседлости.

Среди этих адвокатов выделялся Л.М. Айзенберг²⁷. Осенью 1898 г. Слиозберг предложил ему занять пост секретаря редакции журнала «Вестник права». Одновременно он стал сотрудником в адвокатской конторе Слиозберга. Там же работал и другой молодой адвокат – Л.О. Зайденман²⁸. К ним присоединился и недавно вернувшийся из сибирской ссылки народник М.Б. Кроль, юрист и этнограф. Годы спустя он вспоминал: «Однажды он (Айзенберг. – В.К.) обратился ко мне с таким предложением: Ко мне поступают десятки писем из разных мест черты оседлости, и в этих письмах гонимые и разорённые распоряжениями местных властей евреи, большею частью бедняки, просят меня взять на себя защиту их интересов в министерстве или Сенате. Я один физически не в состоянии справиться с таким множеством дел, и я хочу Вас попросить взять на себя часть этой работы. Нельзя же оставить этих несчастных без юридической помощи». В ответ Кроль предложил ему с этой целью создать специальную группу адвокатов, которая в итоге сосредоточилась на защите евреев, подвергавшихся административному преследованию²⁹. Первоначально в это объединение входили М.И. Бомзе, Г.А. Белковский, С.Е. Вейсенберг. Отмечу, что в отличие от Кроля, который на протяжении всей жизни исповедовал идеи русского народничества, Белковский и Вейсенберг к тому времени

²² *Klier J.D.* Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881. Cambridge, 1995; *Клиер Дж.* Круг Гинцбургов и политика штадланута в имперской России // Вестник еврейского университета в Москве. 1995. № 3(10). Штадлан – неформальный ходатай, в Средние века и в Новое время – представитель еврейской общины перед лицом государства. Особенно распространена деятельность штадланов была в Германии и в Польше.

²³ *Слиозберг Г.Б.* Барон Г.О. Гинцбург: его жизнь и деятельность. Париж, 1933.

²⁴ *Слиозберг Г.Б.* Дела минувших дней: Записки русского еврея. Т. 1–3. Париж, 1933.

²⁵ *Хоровиц Б.* Генрих Слиозберг: штрихи к политическому портрету // Вестник еврейского университета в Москве. 1997. № 2(15). С. 186–205.

²⁶ *Слиозберг Г.Б.* Дела минувших дней... Т. 3. С. 124–130.

²⁷ Ещё в 1890 г., приехав в Петербург для подготовки к поступлению в университет, Айзенберг как еврей был выслан из столицы, что, возможно, определило его решимость заняться правозащитной деятельностью (*Айзенберг Л.М.* «Виды правительства» в еврейском вопросе: В.К. Плева и еврейские труженики // Еврейская летопись. Сб. 1. Пг.; М., 1923). Позднее Айзенберг в отличие от большинства своих товарищей не «ушёл в политику», а сосредоточился на защите прав еврейского населения, в том числе в периодической печати.

²⁸ Как публицист Л.О. Зайденман был известен под псевдонимом «Унус». В самом начале 1905 г. он выпустил в свет подготовленную по материалам «Бюро защиты», книгу «Правовое положение евреев в России». (СПб., 1905).

²⁹ *Айзенберг Л.* Очерки административного правосудия // Новый восход. 1915. № 6. Стб. 27–30; № 10–11. Стб. 71–74.

уже были видными деятелями палестинофильства, а позднее стали активными участниками сионистского движения. Кроль писал в мемуарах: «В начале тон этой работе задавал Айзенберг. Он нами руководил, намечал план продвижения жалоб, давал очень полезные практические указания». Постепенно кружок расширялся, и его работа «в сравнительно короткое время выросла в крупный общественный фактор, который сыграл очень важную роль в жизни русского еврейства»³⁰.

Одновременно практически все те, кто работал в упомянутых группах, принимали активное участие в работе основных еврейских общественных и просвещенческих организаций той эпохи: ОПЕ, ЕКО и ОРТ. ОПЕ к концу века под воздействием Винавера и других представителей молодежи значительно политизировалось³¹. Сам Винавер постепенно превращался в фигуру общероссийского масштаба. Среди его предков было немало видных деятелей крупнейших еврейских общин Польши и авторитетных раввинов³². В детстве, по настоянию матери, он посещал хедер, но затем окончил в Варшаве гимназию. В юности Винавер отдал дань польскому патриотизму³³. Выпускник юридического факультета Варшавского университета, он в 1886 г. приехал в Петербург, где занял место помощника присяжного поверенного³⁴ у знаменитого в ту пору адвоката В.Д. Спасовича. С первых дней пребывания в Петербурге он присоединился к деятельности ОПЕ и начал сотрудничать в журнале «Восход». В кругу еврейской интеллигенции города он быстро приобрёл авторитет и стал инициатором и руководителем ряда научных и культурных мероприятий. Знакомых привлекало в Винавере сочетание еврейской, русской и общеевропейской культуры, энергия, тонкий и проницательный ум. Будучи его политическим оппонентом, С.М. Дубнов признавал, что в Винавере «русско-еврейский элемент был химически неразложим и “рука Иакова держалась за пятку Исава”»³⁵. В свою очередь, С.В. Познер так описывал его взгляды: «Еврейство было для него культурно-историческим явлением... Оберегая свою национально-культурную независимость, еврейство должно принимать участие в государственной жизни народов, где данная часть его проживает. Страна, где они живут, – их родина, они в ней – такие же полноправные граждане, как остальные жители её»³⁶. В то же время многие мемуаристы отмечали стремление Винавера к роли «теневоего» лидера, что привело к появлению у него множества недоброжелателей. Если в еврейской среде он постоянно подвергался критике со стороны лидеров

³⁰ Кроль М.Б. Страницы моей жизни. Иерусалим; М., 2008. С. 314–315.

³¹ Horowitz B. Empire Jews: Jewish nationalism and acculturation in XIXth – and early XXth century Russia. Bloomington, 2009. P. 116–138. См. также: Gassenschmidt Ch. Op. cit.; Veidlinger J. Public culture in the late Russian Empire. Bloomington; Indianapolis, 2009. P. 229–244. Б. Хоровец считает, что политизация ОПЕ произошла только в 1905 г. Однако, на мой взгляд, сам состав Историко-этнографической комиссии говорит о том, что она ещё в 1890-х гг. превратилась в неофициальную дискуссионную площадку для обсуждения текущих событий национальной жизни. Но Хоровец прав в том, что действительно самое яркое и известное политическое официальное обращение членов ОПЕ к его руководству с требованием включиться в борьбу за «уравнение евреев с коренным населением в правах» прозвучало только в феврале 1905 г. в так называемом Письме 77 (Восход. 1905. № 2).

³² The Winawer Saga / Ed. by H.M. Winawer. L., 1994.

³³ Винавер Р. Воспоминания жены члена Первой Государственной думы Максима Моисеевича Винавера // Архив еврейской истории / Ред. О.В. Будницкий. 2012. Вып. 7. С. 27.

³⁴ Звание присяжного поверенного Винавер получил только в 1904 г.

³⁵ Дубнов С.М. Книга жизни / Предисл. и коммент. В.Е. Кельнера. М.; Иерусалим, 2006. С. 255.

³⁶ Познер С.В. Борьба за равноправие // М.М. Винавер и русская общественность начала XX века: Сборник статей. Париж, 1937. С. 168.

российского сионизма, а также О.О. Грузенберга, Г.А. Ландау, Л.М. Брамсона, С.М. Гинзбурга, то в кадетской элите он часто не находил общего языка с И.В. Гессеном, Е.Д. Кусковой, Е.Н. Трубецким, В.А. Маклаковым.

Винавер был убеждён, что еврейский народ в России может добиться полноправия только в тесном союзе и при поддержке всех либеральных и демократических сил страны. Исходя из этого убеждения он и строил свою политическую стратегию. Её краеугольным камнем были два постулата: единство самой еврейской общественности в деле борьбы за национальное и гражданское равноправие и всемерное участие и поддержка русского освободительного движения, направленного на полное реформирование государственной системы.

Общественная работа 1890-х гг. многому его научила. Главным приобретением тех лет стал для него опыт сотрудничества с людьми самых разных политических взглядов. Оставаясь на позициях либерализма, он стремился направлять в одно русло усилия сионистов братьев Бруцкусов, С.Е. Вайсенберга и В.Л. Бермана, народников М.Б. Кроля и Л.М. Брамсона, либералов С.В. Познера и А.Г. Горнфельда. Слиозберг, знавший Винавера с первых лет его пребывания в Петербурге, писал: «Он редко высказывал свое личное мнение по тому или другому вопросу, но зато с большой гибкостью и умно умел отмечать разномыслия, сглаживал их и предлагал формулу, которая всегда была компромиссной, часто несколько увертливой, но зато примиряющей спорящие стороны»³⁷. Прошли годы, и идейные пути многих деятелей той эпохи разошлись, но тогда, на рубеже веков, они работали дружно и слаженно.

Наглядно это проявилось в конце 1890-х гг. в редакции журнала «Восход». На протяжении десятилетий журналом руководил А.Е. Ландау³⁸. «Правой рукой» Ландау был публицист С.Г. Грузенберг. Деятельное участие в делах журнала принимал сын Ландау Григорий и историк С.М. Гинзбург³⁹. Постепенно в журнале усилились позиции молодых авторов. Летом 1899 г. Винавер фактически возглавил «техническую» сторону перехода «Восхода» в руки участников Конференции помощников присяжных заседателей и руководителей Историко-этнографической комиссии⁴⁰. Редактором журнала стал М.Г. Сыркин, Ю.Д. Бруцкус занял пост секретаря редакции. За короткий период состав редакции несколько раз менялся. По идеологическим причинам из неё вышли Брамсон и Бруцкус. Фактически, с 1901 г. всё дело по изданию журнала взял в свои руки Винавер и те политики либерального толка, которые стремились «вписать еврейское национальное движение, борьбу за равные права в общероссийский антимонархический поток»⁴¹.

Консолидация и радикализация еврейского национального движения проходила в тесной связи с подъёмом общероссийского антимонархического движения, что привело не только к усилению социалистических группировок, но

³⁷ Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней... Т. 3. С. 134.

³⁸ Кельнер В.Е. Адольф Ландау – издатель, редактор, публицист. (Из истории русско-еврейского издательского дела во второй половине XIX в.) // Кельнер В.Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX–XX вв. СПб., 2003. С. 54–96.

³⁹ Гинзбург С. «Восход» и его издатель / Пер. с идиша и коммент. А. Френкеля // Народ Книги в мире книг. 2006. № 63.

⁴⁰ В дальнейшем это во многом предопределило личное многолетнее неприятие Винавера со стороны Грузенберга, Ландау, Брамсона и Гинзбурга.

⁴¹ Кельнер В.Е. Адольф Ландау... С. 86. Этот «манёвр» привёл к тому, что удалённый от дел Грузенберг резко перешёл на сионистские позиции и начал выпускать собственное периодическое издание – еженедельник «Будущность» (1899–1904).

и к созданию ряда либеральных и демократических организаций⁴². Истоки некоторых из них находились в петербургских салонах, где либеральная интеллигенция и часть «просвещённой бюрократии» обсуждали положение в стране и искали выход из сложившейся ситуации. Антисемитизм являлся отличительной чертой русского консерватизма, поэтому неприятие гонений на евреев постепенно стало проявляться и среди русской либеральной интеллигенции. Ряд видных представителей российского еврейства уже давно был интегрирован в эту среду. Постепенно этот союз принимал осязаемые формы в виде коллективных протестов и выступлений в периодической печати. В Юридическом обществе при Петербургском университете Винавер сошелся с В.Д. Набоковым, А.Э. Нольде и членами редакции журнала «Право». Он и его «еврейское окружение» активно посещали салон В.Г. Никольской. Здесь дружески беседовали философ В.С. Соловьёв и Л.А. Сев, историк Н.А. Котляревский и библиограф Н.А. Рубакин, А.Г. Сыркин и сотрудник Бестужевских курсов Е.В. Балабанова⁴³. Подобный же салон сложился и в доме известного либерального народника, экономиста, социолога и публициста В.П. Воронцова. М.Б. Кроль, со второй половины 1890-х гг. регулярно посещавший журфиксы в этом доме, встречался там с такими знаковыми фигурами того времени, как экономист И.И. Янжул, историк Н.И. Кареев, крупный чиновник Министерства земледелия и государственных имуществ, экономист и статистик А.А. Кауфман, журналист Д.А. Левин. Характеризуя эту среду, Кроль писал: «Недовольство режимом было в этих кругах всеобщее»⁴⁴.

Собрания интеллигенции такого типа регулярно проходили и в доме Д.А. Левина. Собиравшаяся здесь публика (публицисты, сотрудники «Русского богатства», «Мира Божьего», «Вестника Европы», «Русской мысли») была настроена ещё более радикально. Среди них выделялись юрист и экономист В.В. Водовозов и молодой философ Л. Шестов. С самого конца 1890-х гг. такие же встречи начали регулярно проходить и в доме самого Винавера⁴⁵, на них не раз поднимался и еврейский вопрос. Таким образом, происходила идейная консолидация общественных деятелей, которым в скором времени суждено было стать видными деятелями политических партий и депутатами Государственной думы. Постепенно полемика в русском обществе вокруг еврейского вопроса нарастала⁴⁶. Имел место и ещё один важный аспект – еврейская часть этих содружеств получала важную информацию о готовящихся законах и постановлениях правительства в отношении еврейского населения⁴⁷.

⁴² См. об этом: *Gassenschmidt Ch.* Op. cit. 5.

⁴³ *Винавер Р.* Указ. соч. С. 35–36.

⁴⁴ *Кроль М.Б.* Указ. соч. С. 284.

⁴⁵ *Винавер Р.* Указ. соч. С. 37.

⁴⁶ Большой интерес в обществе вызвала полемика по еврейскому вопросу между видным общественным деятелем, одно время бывшим городским головой Киева, ректором университета св. Владимира профессором Н.К. Ренненкампом и московским правоведом и философом Б.Н. Чичериным (*Ренненкампф Н.К.* Письма о еврейском и польском вопросах. Киев, 1898; *Чичерин Б.Н.* О польском и еврейском вопросах. Берлин, 1899). Горячо обсуждались в салонах перипетии «дела Дрейфуса» и творчество А. Леруа-Болье, произведения которого с опровержением антисемитских теорий одно за другим издавались в Петербурге в 1890-х и в начале 1900-х гг. Особые дискуссии происходили вокруг отношения к этой проблеме популярного философа и поэта В.С. Соловьёва (*Гец Ф.Б.* Об отношении Вл.С. Соловьёва к еврейскому вопросу. М., 1901).

⁴⁷ В этом контексте следует также обратить внимание на тесные связи, имевшиеся у гофмейстера Двора, вице-президента Академии художеств, министра просвещения в правительстве С.Ю. Вит-

Среди людей этого круга выделялся скромный руководитель одного из отделов Императорской публичной библиотеки, выпускник историко-филологического факультета Дерптского университета А.И. Браудо. После приезда в Петербург он работал в газете «Новости», а в 1889 г. поступил на службу в библиотеку⁴⁸. Этот человек являлся связующим звеном между различными направлениями русского освободительного движения и еврейскими активистами. П.Н. Милоков, который тесно контактировал с Браудо в решении многих организационных и «технических» проблем, вспоминал: «Он был *русским* (выделено в оригинале. – В.К.) евреем того поколения, когда различие национальностей не только принципиально отрицалось в нашем политическом кругу, но просто не замечалось и в бытовом, и в культурном отношении. Мы сообща делали русское политическое дело, одинаково нам близкое и одинаково нужное для достижения общих целей. Всё это тем более сближало, что окружала нас враждебная атмосфера старого режима и, лицом к ней, мы были естественными союзниками. Вот почему было бы просто невозможно отделить, что в то время делалось для специально еврейских и общерусских задач»⁴⁹. Судя по воспоминаниям современников, Браудо был талантливым организатором. Он входил в руководящие структуры ОПЕ, ОРТ и ЕКО, тесно сотрудничал с редакцией журнала «Восход», имел дружеские личные отношения практически со всеми руководителями еврейских организаций и групп. Одновременно он был близок к руководству Вольно-экономического сообщества и Комитета грамотности, являлся своим человеком в редакциях петербургских газет и издательств. Браудо сыграл немалую роль в создании за границей журнала «Освобождение». Человек более чем информированный, состоявший в «особых» отношениях с рядом крупных представителей высшей бюрократии, он снабжал конфиденциальными сведениями и только что созданный «Союз Освобождения», и его журнал⁵⁰. В то же время соответствующая информация доставлялась им и еврейским политическим деятелям.

Примерно в 1900–1901 гг. на заседаниях еврейских организаций стал появляться и чиновник Министерства финансов Б.Ф. Брандт – человек из круга, близкого к С.Ю. Витте. По свидетельству Г.Б. Слиозберга, Брандт, занимая видное место в министерстве финансов, в то же время был человеком национально ориентированным и сохранял прочные связи с молодым ещё тогда сионистским движением⁵¹.

Во второй половине XIX – начале XX в. в России сформировался уникальный комплекс законов, направленный на регулирование всех сторон жизни и деятельности российского еврейства. С принятием новых законов, постанов-

те (1906) гр. И.И. Толстого с семьей Гинцбургов. Толстой постоянно собирал в своём доме как представителей петербургского еврейства, так и видных деятелей государственного аппарата, крупных чиновников различных министерств и редакторов ряда крупных периодических изданий. В их число входили: А.Д. Оболенский, Э.Э. Ухтомский, П.П. Извольский, Ю.Н. Милотин, Э.Л. Радлов (См.: *Ананьич Б.В., Толстая Л.И.* И.И. Толстой и «Кружок равноправия и братства» // Освободительное движение в России: Сборник статей. Вып. 15: Три поколения борцов за свободу. Саратов, 1992. С. 141–156).

⁴⁸ *Кельнер В.* Александр Браудо и борьба с антисемитизмом в России в конце XIX – начале XX в. // Вестник еврейского университета в Москве. 1993. № 2. С. 104–105.

⁴⁹ *Милоков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 410.

⁵⁰ Видимо, одним из информаторов Браудо был тогдашний директор Императорской публичной библиотеки, крупный чиновник Министерства народного просвещения, член-корреспондент Академии наук, философ и переводчик Э.Л. Радлов.

⁵¹ *Слиозберг Г.Б.* Дела минувших дней... Т. 1. С. 307–308.

лений и всевозможных подзаконных актов это «еврейское» законодательство превратилось в клубок сложнейших юридических противоречий. Не раз предпринимались попытки его кодифицировать, но постоянный поток новых актов делал эту задачу более чем затруднительной⁵². Постепенно появилась группа юристов, специализировавшихся на трактовке этих законов. М.Б. Кроль вспоминал о том, что первоначально юридический кружок вокруг Л.М. Айзенберга и группа Винавера существовали как бы параллельно⁵³. Объединившаяся в 1901 г. группа и получила в литературе название «Бюро защиты». Его ядро составили Слиозберг, Винавер, Зайденман, Кулишер, Брамсон, Брандт, Браудо и Кроль. Как писал Кроль, Бюро ставило перед собой задачу «вести решительную борьбу с правительственным антисемитизмом, защищать интересы евреев во всех случаях, когда тёмные силы царской России старались им вредить, знакомить русское и заграничное общественное мнение с истинным положением евреев в России; осведомлять общественные круги о всяком гнусном посягательстве сановных антисемитов на права и благополучие русских евреев»⁵⁴. На первом этапе своего существования эта организация занималась защитой евреев от административного преследования и полицейского произвола. Но вскоре она вышла за рамки только правозащитной деятельности. Руководители Бюро начали формулировать общенациональные задачи.

На рубеже веков в среде еврейской интеллигенции в Петербурге появился и только что окончивший гимназию в Ковно Я.Г. Фрумкин. Поступив на юридический факультет университета, он уже осенью 1897 г. присоединился к студенческому еврейскому кружку. Его товарищами по кружку стали сын издателя «Восхода» А.Е. Ландау Григорий и сын одного из лидеров еврейского движения, экономиста и публициста М.И. Кулишера Иосиф. Таким образом, Фрумкин оказался в самом центре еврейской общественной работы. В 1902 г. за участие в студенческих беспорядках его исключили из университета и он, выполняя поручения «Бюро защиты», невольно стал «профессиональным» политиком. Впоследствии в своих воспоминаниях Фрумкин уделил немало внимания истории этой организации. Согласно его свидетельству, между молодым поколением активистов и старым окружением барона Гинцбурга «сложилось очень странные отношения»: «Он (Гинцбург. – В.К.), конечно, не участвовал в “Бюро защиты”. Но “Бюро защиты” для осуществления своих предположений часто нуждалось в содействии Г.О. Гинцбурга. В таких случаях более близкие к нему деятели – Слиозберг, Браудо, Брамсон, а иногда и я – как бы случайно у него встречались и совместно убеждали его сделать то, что Бюро считало желательным. Обычно это удавалось. Иногда по более важным вопросам он предлагал созвать у него совещание, на которое приглашались по его указанию разные лица дополнительно. Часто он приглашал М.А. Варшавского и М.И. Шефтеля. В беседах с бароном Гинцбургом о “Бюро защиты” никогда не упоминалось; он, вероятно, догадывался об его существовании, но вряд ли знал точно его состав»⁵⁵.

⁵² *Мышь М.И.* Руководство к русскому законодательству о евреях. Изд. 1–4. СПб., 1892–1914; *Слиозберг Г.Б.* Законы о евреях и практика их применения. СПб., 1907; *Гессен И.В., Фридрих В.З.* Сборник законов о евреях с разъяснениями по определению Правительствующего Сената и циркулярами. СПб., 1904.

⁵³ *Кроль М.Б.* Указ. соч. С. 341.

⁵⁴ Там же. С. 342.

⁵⁵ *Фрумкин Я.Г.* Из истории русского еврейства. (Воспоминания, материалы, документы) // Книга о русском еврействе от 1860-х гг. до революции 1917 г. Иерусалим; М., 2002. С. 66–67.

Первым делом, в котором Фрумкин принял участие, стало составление специальной записки на имя председателя Комитета министров С.Ю. Витте о равноправии евреев. Проект составил М.И. Кулишер. Его обсудили на специальном заседании Бюро. Для того чтобы ознакомить с ним еврейских общественных деятелей на местах и собрать подписи в его поддержку, Фрумкин объездил города черты оседлости и побывал в Польше⁵⁶.

В этот же период стараниями А.И. Браудо «Бюро защиты» установило контакты с зарубежными еврейскими организациями. Проживавшие тогда в странах Европы евреи из России (С.В. Познер, Г.Б. Иоллос, Л.Е. Моцкин, Р.М. Бланк) по заданию Браудо, лично знакомого со многими руководителями европейского еврейства, вошли с ними в непосредственный контакт. Они первоначально снабжали информацией о положении евреев в России местные органы печати, а затем создали и собственную сеть информационных бюллетеней в Германии, Франции и Великобритании⁵⁷. Следует заметить, что свои международные связи Бюро во многом унаследовало от прежней эпохи – «эпохи штадланута». Слюозберг вспоминал, как он поддерживал складывавшиеся ещё с 1880-х гг. тесные контакты с различными еврейскими общественными организациями европейских стран и их лидерами: Ц. Каном (Франция), Дж. Симоном и П. Натаном (Германия), Л. Вольфом (Великобритания)⁵⁸.

Фактически частью «Бюро защиты» стало и созданное А.И. Браудо «Бюро прессы»⁵⁹, что ускорило процесс становления Бюро как организации политической. Целью этого подразделения была антидиффамационная работа в печати. К работе «Бюро прессы» привлекались все, владевшие пером и имевшие связи в мире столичной журналистики участники этой организации. Ряд русских газет и журналов печатали подготовленные или инспирированные членами «Бюро прессы» статьи и материалы по самым разным проблемам еврейства⁶⁰. Так, Кроль вспоминал, что обратил на себя внимание Браудо после того, как написал опровержение на расистскую статью некоего Беренса «Арийцы и евреи». Статья Беренса появилась в 1902 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Особенно Кроля возмутило то, что статья была напечатана в газете, считавшейся вполне приличной, в которой он сам сотрудничал. «Санкт-Петербургские ведомости» отказались опубликовать его опровержение. Тогда свой ответ он поместил в другой петербургской газете – «Северный

⁵⁶ Там же. С. 68.

⁵⁷ Бланк Р. Сеятель добра // Александр Исаевич Браудо: Очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 57–60; Познер С.В. Страницы прошлого (Из воспоминаний об А.И. Браудо) // Там же. С. 78–83.

⁵⁸ Слюозберг Г.Б. Дела минувших дней... Т. 3. С. 143–152. См. также: Szajkowski Z. Paul Natan, Lucien Wolf, Jacob Schiff and the Jewish Revolution Movements in Eastern Europe 1903–1917 // Jewish Social Studies. 1967. № 29. P. 3–26.

⁵⁹ Кроль М.Б. Указ. соч. С. 331.

⁶⁰ Так, в период дискуссии вокруг дела Дрейфуса в печати, несмотря на общеизвестную официальную точку зрения, публиковались статьи в его защиту. Различным сторонам еврейского вопроса регулярно уделялось внимание на страницах журналов «Русское богатство» и «Мир Божий», газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Право». Особенно много споров вызывало начало сионистского движения, распространение которого весьма беспокоило представителей еврейских и русских либеральных кругов. См., например: Южаков С.Н. О еврейском вопросе // Русское богатство. 1896. № 8; он же. Сионистское движение // Там же. 1897. № 12; Еврей. По поводу статьи С.Н. Южакова о сионизме // Там же. 1898. № 1; Бикерман И.М. О сионизме // Там же. 1902. № 7; Водозовов В.В. Антисемитизм в Германии // Там же. 1898. № 2; Аренд Б. Сионистское движение // Мир Божий. 1901. № 1; Изгоев А.С. Двадцативековая трагедия // Образование. 1903. № 1. См. об этом: Goldstein J. The Attitude of the Jewish and Russian Intelligentsia to Zionism in the Initial Period (1897–1904) // Slavonic and East European Review. 1986. № 64. P. 546–556.

курьер»⁶¹. Эта газета издавалась литератором кн. В.В. Барятинским, а редактировалась филологом и историком литературы К.И. Арабажиным. В доме Барятинских в то время также существовал салон, в котором встречались либерально настроенные литераторы, чиновники, театральные и общественные деятели⁶². На эту статью и обратили внимание руководители создаваемого «Бюро прессы».

Ярким показателем изменений в обществе по отношению к антиеврейской внутренней политике властей стал инцидент с обструкцией, устроенной 23 ноября 1900 г. зрителями, пришедшими на премьеру антисемитской пьесы С.К. Эфрона (Литвина) и В.А. Крылова «Контрабандисты» («Сыны Израиля»). Эту пьесу поставили в Петербурге в принадлежавшем А.С. Суворину Малом театре⁶³. Среди протестовавших в зале театра было немало и членов Бюро.

Характеризуя эту организацию в целом, Слиозберг писал: «Программа её не включала практическую работу интересов отдельных лиц и по борьбе с антисемитизмом, насколько он проявлялся в отдельных выступлениях административной власти против евреев. Её задачей было главным образом бороться против антисемитской литературы и распространять надлежащие сведения о правовом положении евреев с целью главным образом влиять на общественное мнение русских либеральных кругов»⁶⁴. В данном случае Слиозберг явно принижает роль и значение деятельности «Бюро защиты». «Влиять на общественное мнение» – это лишь одна из задач этого объединения. Его мнение полностью опровергается воспоминаниями других членов Бюро: Л.М. Айзенберга, С.В. Познера, М.А. Кроля и др.

По мере того как «Бюро защиты» становилось политической организацией, в ней возрастала роль Винавера. Первый биограф Винавера С.В. Познер датирует его выход на политическую арену 1900 г. и связывает с делом Д.А. Блондеса⁶⁵. Житель Вильно парикмахер Блондес был обвинён в покушении на убийство с ритуальными целями. Для еврейской общественности опровержение подобного обвинения было вопросом принципиальным. Винавер привлёк к защите В.Д. Спасовича, адвоката, чьим помощником он и числился на протяжении многих лет, что оказалось безошибочным ходом. Спасович – поляк, знаменитый юрист и публицист, издатель, выпускавший в Петербурге газеты на польском языке, пользовался чрезвычайной популярностью среди католического населения Вильно. Защитниками на этом процессе выступили и другие петербургские адвокаты: П.Г. Миرون и О.О. Грузенберг. Блондес был оправдан.

В начале апреля 1903 г. в Кишинёве произошёл еврейский погром, ставший своеобразной точкой отсчёта в истории российского еврейства и в противостоянии власти и общества в еврейском вопросе. Впервые еврейский погром вызвал столь резкую и массовую реакцию не только среди еврейского населения страны, но и у русской интеллигенции⁶⁶. К этому времени журнал «Восход»,

⁶¹ В вопросе о датировке статьи автора воспоминаний подвела память. Газета «Северный курьер» выходила с 1 января 1899 г. по 22 декабря 1900 г.

⁶² Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать... Из мемуарного и эпистолярного наследия. В 2 т. Т. 1. То, что я помню / Пер. с идиша. Общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. Хазана. Иерусалим, 2011. С. 659; Черниченко Л. Князь В.В. Барятинский: Биография писателя в России и в эмиграции. М., 2006.

⁶³ История этого яркого события нашла отражение в многочисленных мемуарах участников. См.: Дымов О. Указ. соч. Т. 1. С. 108–110.

⁶⁴ Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней... Т. 3. С. 132.

⁶⁵ Познер С.В. Указ. соч. С. 169.

⁶⁶ Сказание о погроме: Кишинёв, 1903 год. Повествование в документах / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Золотоносов, В. Кельнер // Дружба народов. 1993. № 5.

ставший под фактическим руководством Винавера органом «Бюро защиты», значительно усилил публицистическую направленность своего содержания. Журнал уделил значительное место материалам, посвящённым этому погрому. В нём попытались даже опубликовать призыв к созданию отрядов еврейской самообороны, автором которого стал член Бюро Ю.Д. Бруцкус. Этот номер журнала цензура запретила, однако призыв был размножен на пишущей машинке и распространён по еврейским общинам страны нелегально⁶⁷. В журнале «Право» с резкой статьёй «Кишинёвская кровавая баня» выступил хорошо знакомый Винаверу по совместной работе в юридических печатных органах и обществах, тогда ещё профессор Училища правоведения В.Д. Набоков⁶⁸. Но главной задачей «Бюро защиты» в тот момент стала организация юридической поддержки жертвам погрома и разоблачение его подлинных виновников и вдохновителей. Бюро направило в Кишинёв будущего министра юстиции Временного правительства адвоката А.С. Зарудного⁶⁹. В процессе участвовал и член Бюро С.Е. Калманович. Когда дело перешло на рассмотрение в Сенат, то в нём выступил Винавер с речью, направленной на обвинение местной власти в преступной бездеятельности⁷⁰. Специально подготовленный комплекс документов и материалов, освещавших это событие, был переправлен в Штутгарт и опубликован в типографии журнала «Освобождение»⁷¹. Бюро информировало о погроме и о ходе судебного разбирательства еврейскую общественность за рубежом. В Германии, Великобритании, Франции и США прошли митинги протестов и осуществлена публикация большого количества разоблачительных материалов о связях власти с погромщиками⁷².

Спустя несколько месяцев, в конце августа – начале сентября 1903 г., не менее жестокий погром разразился в Гомеле. Он имел свои особенности: отряд еврейской самообороны попытался дать погромщикам отпор. В ходе столкновений погибли 10 евреев и 8 христиан. После прекращения беспорядков на повестку дня встал не только вопрос о наказании виновников погрома. Власть решила наказать и участников самообороны, поставив их как бы «на одну доску» с погромщиками. «Бюро защиты» направило на этот процесс группу своих юристов: Винавера, Слиозберга, Калмановича, Кроля, М.Б. Ратнера, М.И. Ганфмана, А.Д. Марголина. В работе защиты участвовал и ветеран адвокатуры Л.А. Куперник, большую роль на процессе играл Н.Д. Соколов. Работа на этом процессе оказалась намного сложнее, чем на предыдущем суде по делу о погроме в Кишинёве: власти уже не собирались оправдываться, да и реакция общественности оказалась менее острой. Причин тому было несколько: во-первых, уже началась моральная подготовка к войне с Японией, сопровождавшаяся организацией некоего «национального подъёма». Был и ещё один фактор: по моему мнению, как это ни странно звучит, сопротивление евреев сначала привело

⁶⁷ *Кроль М.Б.* Указ. соч. С. 343.

⁶⁸ *Набоков В.* Кишинёвская кровавая баня // *Право*. 1903. № 18.

⁶⁹ Там же. С. 343; *Варфоломеев Ю.В.* Зарудный: юрист и общественный деятель. Саратов, 2002.

⁷⁰ *Речи по погромным делам / Предисл. И.В. Лучицкого.* Киев, 1908. С. 49–64.

⁷¹ *Кишинёвский погром: Сборник материалов и документов / Предисл. П.Б. Струве.* Штутгарт, 1903.

⁷² *The Voice of America on Kishineff / Ed. by C. Adler.* Philadelphia, 1904; *Davitt M.* Within the Pale: The True Story of Anti-semitic Persecutions in Russia. N.Y., 1903; *Errera L.* Les Massacres de Kichinev. Brussels, 1903; *Henri B.A.* Les Massacres de Kichinev. P., 1903; *Prato R.* I massacre di Kiscineff. Rome, 1903; *Singer I.* Russia at the Bar of the American People: A Memorial of Kishinef. N.Y., 1904; и др.

«публику» в недоумение, а затем вызвало возмущение. Бóльшая часть даже либерально настроенной интеллигенции имела в отношении евреев определённый набор стереотипов, и образ вооружённого еврея в него не укладывался. Обычное сочувствие или равнодушие сменились раздражением и неприятием. Это значительно усложнило ход процесса и его освещение в печати⁷³.

Перед судом предстали 44 погромщика и 36 евреев, оказавших им сопротивление. В интерпретации судей и прокуроров происшедшая трагедия представляла как некая месть со стороны евреев «за Кишинёв». Защитнику погромщиков А.С. Шмакову, человеку, который уже давно специализировался на призывах к погромам, было позволено на процессе практически всё. Он одним из первых сформулировал и огласил концепцию о тотальной и априорной виновности еврейства. Опираясь на вымышленные или произвольно трактуемые факты из всемирной истории евреев, Шмаков, не стесняясь прямых оскорблений в адрес оппонентов, обрушил на головы слушателей поток инсинуаций в адрес иудейской религии и всего еврейства. Попытки адвокатов со стороны подсудимых и жертв погрома ввести ход судебного заседания в процессуальные рамки жёстко подавлялись судьями и прокурором. И тут среди защитников произошёл раскол. Адвокаты «старой школы» Слиозберг и Куперник, боясь «навредить своим подзащитным», собирались сосредоточиться исключительно на юридической стороне дела. Другие защитники, в особенности связанный с левыми политическими партиями Н.Д. Соколов, стремились превратить процесс из уголовного в политический. Так на практике столкнулись две линии – прагматическая, традиционная, соответствующая понятиям XIX в., и новая, отражающая все те изменения, которые произошли в общественном сознании в начале нового века. Разумеется, председательствующий на процессе Н.А. Котляревский всячески противился политизации дела. В то же время с политическими обвинениями открыто выступал Шмаков. Всё это привело к тому, что Винаверу и его товарищам ничего не оставалось как пойти на беспрецедентный шаг – защита в знак протеста покинула зал судебного заседания⁷⁴. В опубликованном в журнале «Право» по этому поводу заявлении, они объяснили свой демарш тем, что им «запрещалось исследовать общие причины погрома... касаться вопроса бездействия войск и полиции, воспрещалось исследование всего, что происходило за чертой г. Гомеля, хотя бы оно вело к раскрытию предварительной организации погрома и подстрекательства к нему... воспрещалось исследовать вопрос о прокламациях, призывающих к погрому»⁷⁵. Все попытки в ходе судебного заседания выяснить истинные причины произошедших событий и назвать настоящих виновников погрома, резко и в самой грубой форме прерывались председателем суда. Демарш адвокатов вызвал определённую реакцию: суд прервали на две недели. Всё же скандал не входил в расчёты администрации. Думается, что именно этим и были вызваны последовавшие сравнительно незначитель-

⁷³ Гомельский процесс: Подробный отчёт / Сост. Б.А. Кревер. СПб., 1907.

⁷⁴ Речи по погромным делам. С. 81–85. Слиозберг вспоминал о том, что это решение далось защите с большим трудом. Категорически против него выступали и он сам, и Куперник. Ответственность за принятие решения он возлагал на Винавера, «который в течение всего процесса играл роль лидера и которому подчинялись защитники политической группы. Я уверен, если бы Винавер искренне поддержал бы Куперника и меня, то мы довели бы благополучно процесс до конца. Но, как это часто с ним бывало, в критические моменты Винавер не счёл для себя возможным пойти против левизны и поэтому если и не прямо поддерживал левых, то, во всяком случае, не поддерживал и нас, т.е. меня и Куперника – правых» (Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней... Т. 3. С. 86–87).

⁷⁵ Речи по погромным делам. С. 81.

ные сроки наказания. Из числа представших перед судом евреев на 5 месяцев заключения осудили 13 человек, остальные получили ещё меньшие наказания. Точно такие же сроки получили и погромщики.

Тем временем в стране неудержимо шёл процесс общественного подъёма. Практически впервые частью программы общероссийской оппозиции стало требование решения еврейского вопроса. Большую роль сыграла в этом активная работа «Бюро защиты». В начале 1904 г. в Петербурге прошёл съезд по техническому образованию, в работе которого приняли участие 3 тыс. делегатов. Симптоматично, что в резолюцию съезда собравшиеся включили требования об отмене всех религиозных и национальных ограничений⁷⁶. В ноябре того же 1904 г. на Втором съезде земских деятелей, куда съехались представители более чем 30 губерний, известный земец, будущий депутат Государственной думы и один из лидеров партии кадетов Ф.И. Родичев внёс в резолюцию съезда всё то же требование отмены ограничений по национальному и вероисповедальному принципу⁷⁷. Общественное «брожение» не могло не найти отклик и во властных кругах. Часть высшей бюрократии понимала, что страна стоит на пороге перемен⁷⁸. В итоге 12 декабря 1904 г. вышел известный указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В обществе ходили слухи о том, что автором «Указа 12 декабря» являлся сам С.Ю. Витте. В нём существовала и неопределённая формула «произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих права инородцев»⁷⁹. Но этот указ уже явно запоздал. В еврейской среде он вызвал лишь раздражение. Винавер вспоминал: «В декабре 1904 года отношение к правительству приняло уже такой характер, что общество, сознавая себя силюю, стало покидать путь непосредственных обращений к власти. Все старые способы воздействия на власть путем ходатайств и записок были дискредитированы; новые ещё не народились. Между тем отношение Указа 12 декабря к еврейскому вопросу требовало немедленной реакции»⁸⁰. Российское еврейство хотело уже более решительных законодательных мер⁸¹. В поисках союзников «Бюро защиты» обратилось к «Союзу Освобождения». Винавер позднее писал, что это было «первое, если не ошибаюсь, официальное совещание представителей еврейства, как целого, с русской политической группой»⁸². К этому времени Винавер уже хорошо знал многих лидеров «Союза Освобождения»: И.И. Петрункевича, В.В. Водовозова, Ф.И. Родичева⁸³. Конечно, еврейский вопрос не был главным в повестке дня Союза, но стараниями Винавера и других членов «Бюро защиты» требования

⁷⁶ *Айзенберг Л.М.* На словах и на деле (по поводу мемуаров Витте и Лопухина) // Еврейская летопись. Сб. 3. М.; Л., 1924. С. 32.

⁷⁷ Частное совещание земских деятелей, происходившее 6, 7, 8 и 9 ноября 1904 года в Санкт-Петербурге. М., 1905. С. 26, 38, 143.

⁷⁸ Нельзя не отметить, что необходимость изменений в «еврейской политике» стала очевидной и для ряда высших чинов Министерства внутренних дел. В августе 1903 г. глава Департамента полиции А.А. Лопухин писал начальнику Особого отдела этого департамента С.В. Зубатову: «Здесь на досуге я кое-что прочёл по истории еврейства и в результате весьма мрачными глазами смотрю в будущее: от еврейства нечего ждать, и мы ему вряд ли что-нибудь дадим, а дать нужно» (Цит. по: *Козьмин Б.И.* С.В. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928. С. 39).

⁷⁹ ПСЗ-III. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 25495.

⁸⁰ *Винавер М.* Беседы с графом Витте // Новый восход. 1915. № 9. Стб. 6–9.

⁸¹ *Айзенберг Л.М.* На словах и на деле... С. 33.

⁸² *Винавер М.* Беседы с графом Витте. Стб. 6.

⁸³ *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991; *Шацкило К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.

о предоставлении евреям полноправия звучали настойчиво и постоянно. Совместное совещание состоялось в 20-х числах декабря на квартире Винавера. После дискуссии решили, что «в виду исключительности еврейского вопроса возможно обращение к Витте как к тому деятелю администрации, которому и была поручена реализация Указа от 12 декабря 1904 г.»

На встрече 5 января 1905 г. Витте сказал: «Меня нечего убеждать. Я знаю, что интересы России требуют уравнивания евреев»⁸⁴. При этом он, прекрасно зная «расклад сил» при Дворе, фактически ушёл от определённого ответа, посоветовав лишь организовать ещё более настойчивое общественное давление на власть⁸⁵. Посланцы «Бюро защиты», во многом используя провинциальные структуры ОПЕ, в кратчайшие сроки собрали 6 тыс. подписей под требованием не «улучшения положения», а полного уравнивания инородцев в правах⁸⁶. Важным моментом в борьбе «Бюро защиты» стало участие его представителей в съезде Союза журналистов в апреле 1905 г. На съезде присутствовали многие представители Бюро. Один из них – Л.А. Сев, ближайший друг и соратник Винавера, выступил со специальным докладом «Отношение русского общества и русской печати к еврейскому вопросу»⁸⁷. После доклада съезд принял специальную резолюцию с требованием еврейского равноправия. В мае 1905 г. в газете «Право» появилась статья М.Б. Ратнера «Еврейский вопрос», в которой он озвучил выработанные Бюро требования еврейской общественности к власти⁸⁸.

К началу 1905 г. в недрах Бюро сложилось и другое объединение – Еврейская демократическая группа (Г.А. Ландау, Л.М. Брамсон, С.Л. Каменецкий, А.И. Браудо, Р.М. Бланк, Я.Г. Фрумкин, М.А. Кроль и др.). Фрумкин пишет о том, что её представители выступали против наметившейся зависимости Бюро от «Союза Освобождения», высказывая опасения, что еврейскому национальному движению из тактических соображений в ходе общероссийской борьбы с самодержавием придется поступиться своими интересами. К тому же ряд лидеров Бюро казались им «слишком буржуазными», оторванными от еврейских народных масс. Эта группа составила своё, более радикальное заявление⁸⁹. Таким образом, Бюро окончательно превратилось в полноценную политическую организацию и в лице Демократической группы обрело своё левое крыло⁹⁰.

Весной 1905 г. общественное движение в стране развивалось такими темпами, что, стремясь соответствовать требованиям момента, «Бюро защиты» в

⁸⁴ Винавер М. Беседы с графом Витте. Стб. 6–7.

⁸⁵ Там же. См. также: Миндлини А.Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев: 1762–1917. СПб., 2007. С. 83–84.

⁸⁶ Право. 1905. № 9, 6 марта. В том же номере было опубликовано заявление проходившего в те дни в Петербурге общего собрания ОПЕ. В нём высказывалось требование об уравнивании в правах еврейского народа в России.

⁸⁷ Там же. № 15, 15 апреля. Стб. 1221–1227.

⁸⁸ Там же. № 17, 1 мая. Стб. 1358–1376. Спустя короткое время М.Б. Ратнер стал одним из самых активных проводников идей автономизма и социалистических теорий в еврейском национальном движении.

⁸⁹ Фрумкин Я.Г. Указ. соч. С. 68.

⁹⁰ Впоследствии Л.М. Брамсон входил в I Государственной думе в Трудовую фракцию, а Г.А. Ландау и Р.М. Бланк отличались самой активной антисионистской позицией. Старый народник М.А. Кроль сохранял прочные связи со своими товарищами из Партии социалистов-революционеров. В то же время, думается, что позиция некоторых членов этой группы определялась и личной неприязнью к Винаверу. Особенно это касалось Г.А. Ландау, который не смог простить Винаверу «захвата» журнала «Восход» (Кельнер В.Е. Адольф Ландау... С. 54–96).

марте 1905 г. предложило созвать в Вильно общероссийское совещание еврейских деятелей. Этому совещанию предстояло открыть новую страницу в истории борьбы за равноправие. Стремительно, в течение нескольких лет, Бюро прошло путь от правозащитной организации к политическому объединению. Это показало неразрывную связь еврейского общественного движения с процессом становления и развития русского гражданского общества. Бюро вобрало в себя целую плеяду представителей русско-еврейской интеллигенции. В его рядах прошли школу политического воспитания практически все будущие руководители самых разнообразных еврейских политических движений и партий⁹¹. Это были люди, на ближайшие несколько десятилетий определившие лицо российского еврейства. Именно «Бюро защиты» в период бурных общественных перемен 1905 г. стало ядром нового общественно-политического объединения – Союза полноправия евреев в России, с созданием которого оно прекратило своё существование.

⁹¹ Френкель Й. Пророчество и политика: социализм, национализм и русское еврейство 1862–1917. Иерусалим; М., 2008; *Gassenschmidt Ch.* Op. cit.

Деятельность русских общественных организаций по урегулированию прав русских эмигрантов в Китае (1917 – начало 1930-х гг.)

Елена Наземцева

How Russian public organizations defended the rights of Russian emigrants to China, 1917 to the early 1920s

*Elena Nazemtseva (Research Institute of Military History of the Military academy
of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation)*

Октябрьская революция 1917 г. в России и последующая за ней Гражданская война изменили карту мира, привели к серьёзным политическим и социальным потрясениям внутри страны и вызвали необходимость решения новых проблем на международном уровне. Одной из них стало правовое положение миллионов русских беженцев, оказавшихся не только вдали от своей родины, но и вне правового поля, поскольку государства, гражданами которого они являлись, больше не существовало. До того момента в истории международного права ещё не было прецедента решения вопросов, связанных со статусом беженцев.

За последние 15 лет проблема правового положения представителей русской эмиграции в Китае освещалась многими исследователями¹, но в основном –

© 2015 г. Е.Н. Наземцева

¹ *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007; *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999; *она же.* Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. Минск, 2007; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора

применительно к отдельным китайским регионам. Данная статья посвящена деятельности российских общественных организаций по урегулированию правового положения русских эмигрантов в основных центрах их сосредоточения в Китае в 1917 – начале 1930-х гг.

На необходимость урегулирования политико-правового статуса российских эмигрантов европейское сообщество отреагировало серией международных конференций, посвящённых данной проблеме, однако в Китае ситуация оказалась иной. Длительная внутренняя нестабильность этой страны, ставшей убежищем для сотен тысяч русских беженцев, не позволяла выстроить по отношению к ним единую политическую линию: их правовое положение полностью зависело от колебания политического курса пекинского правительства и действий местных властей. Следует учитывать и тот факт, что довольно значительная по своей численности русская диаспора существовала в Китае на протяжении длительного времени как следствие освоения русскими Дальнего Востока, а также установления тесных торговых связей как с Центральным Китаем, так и с его отдельными провинциями и приграничными территориями.

Изменения правового статуса граждан бывшей Российской империи в Китае наметились сразу же после начала Февральской революции 1917 г. Несмотря на положение экстерриториальности русских в этом государстве, для въезжавших туда беженцев было введено обязательное визирование паспортов, что нарушало установленные правила, действовавшие согласно заключённым ранее российско-китайским договорам. Изменить такое положение дел пытались российские консулы, представлявшие Временное правительство². Например, посланник Российской империи в Китае кн. Н.А. Кудашев³ заявил, что «требование от въезжающих в Китай русских визированных китайскими консулами паспортов может быть приведено в исполнение только с согласия русского правительства, так как русские в Китае вреземельны». Вышеназванные требования, как стало известно МИД, предъявлялись только к россиянам, что было явным нарушением ранее предоставленных им Китаем прав наибольшего благоприятствования. Поэтому Временное правительство, отмечал Кудашев

в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008; *Бочарова З.С.* «...Не принявший иного подданства: Проблемы социально-правовой адаптации Российской эмиграции в 1920–1930 годы». СПб., 2005; *она же.* «Эмигрантская периодика 1920–1930-х гг. о правовом положении русских беженцев» // Периодическая печать российской эмиграции 1920–2000: Сборник статей. М., 2009. С. 158–173; *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004; *Кротова М.В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014; *Куликова Н.В.* Политико-правовое положение россиян в Северо-Восточном Китае (1917–1931 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005; *Лагодзинская Ю.С.* Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев // Вопросы российского и международного права. 2012. № 3–4; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925–1932. М., 2007; *Сабеникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002; *Чжичэн В.* Карта русской культуры в Шанхае. Шанхай, 2010; Правовое положение русской эмиграции в 1920–1930-е гг.: Сборник научных трудов. СПб., 2006.

² АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 3196, л. 7; ф. Правовой департамент, оп. 455а, д. 48, л. 2.

³ Кудашев Николай Александрович (1868–1921), русский дипломат, первый секретарь русского посольства в Токио (1902), член российской делегации на мирной конференции в Портсмуте (1905), первый секретарь русского посольства в Константинополе (1906), временный поверенный в делах России в США (1910–1913), директор Дипломатической канцелярии в Ставке Верховного главнокомандующего (1914–1916), посланник в Китае (1916–1917). Продолжал занимать пост посланника до 1920 г., когда китайские власти закрыли русские дипломатические представительства, в 1922 г. эмигрировал во Францию (*Кудашев Р.Х.* Князь Кудашев – посол России. История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 229–232).

шев, выступило резко против подобных мер китайских властей⁴. При этом, как свидетельствовали сами эмигранты, российский посланник не выступал собственно против лишения прав дипломатического представительства в отношении себя и консулов, «находя это в соответствии с истинным положением вещей, но настаивал на сохранении за русскими их прав экстерриториальности»⁵.

Наряду с бывшими царскими дипломатами и служащими защищать интересы соотечественников пытались и русские общественные организации, в том числе беженские, официально признанные китайскими властями: Комитет объединённых делегаций русских аполитичных общественных организаций в Китае, Комитет общества судебных деятелей в Харбине и др. После того как 23 сентября 1920 г. был издан декрет президента Китайской Республики Сюй Шичана о прекращении официальных сношений с имевшимися в стране дипломатическими представительствами Советской России, полномочия Кудашева прекратились, и отстаиванием интересов русских на официальном уровне стали заниматься только общественные объединения. Уже 5 октября Комитет общества судебных деятелей в Харбине выступил перед консульским корпусом с меморандумом, в котором декрет был «подвергнут анализу», поскольку он отменял право экстерриториальности для бывших подданных Российской империи⁶. Спустя несколько дней Комитет объединённых делегаций русских аполитичных общественных организаций в Китае обратился к китайскому министру иностранных дел с меморандумом о *modus vivendi* для русских. Эта просьба была удовлетворена, в результате находившимся в стране россиянам вернули их права. Однако совсем скоро в Китае были приняты декреты – об организации на территории КВЖД судебных установлений Особого маньчжурского района и «об иностранных советниках»⁷. Согласно последнему документу, русским адвокатам запрещалось ведение дел в китайских судах, что существенно ограничивало возможность защиты россиянами своих прав – их дела теперь передавались китайским адвокатам и судьям. Это свидетельствовало о продолжении принятой руководством Китая политики ограничения на его территории прав русскоговорящего населения.

Русские общественные организации защищали соотечественников даже в условиях отсутствия дипломатических отношений между Советской Россией и Китайской Республикой. В частности, Комитет объединённых делегаций русских аполитичных общественных организаций в Китае вынужден был обратиться к дипломатическому корпусу в Пекине за разъяснениями по поводу действий китайского руководства в отношении русских эмигрантов и фактического изменения их правового статуса. Тот в свою очередь направил официальную ноту китайскому правительству, от которого вскоре вновь последовал ответ с заверениями о сохранении за русскими всех их прав⁸. Однако уже 30 октября 1920 г. Совет министров Китайской Республики утвердил «Правила административного подчинения проживающих в Китае русских граждан», согласно которым последние исполняли уже китайские законы. Для поездок внутри страны каждый русский должен был обращаться в управление комисса-

⁴ АВПРИ, ф. Правовой департамент, оп. 455а, д. 48, л. 2.

⁵ Красноусов Е.М. Шанхайский русский полк. Русские на Международном Сеттльменте Шанхая // Белая эмиграция в Китае и Монголии / Сост. С.В. Волков. М., 2005. С. 161.

⁶ ГА РФ, ф. 9145, оп. 1, д. 220, л. 1.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 2.

ра по иностранным делам с просьбой о выдаче ему охранного листа, обозначив в прошении цель, место и сроки своего путешествия⁹. Проживание разрешалось только в определённых районах Китая. Каждый чем-либо занимавшийся «благонадёжный» эмигрант обязан был иметь вид на жительство, в противном случае человека высылали из страны¹⁰. Кроме того, китайские власти упразднили русские службы: почтовую, охранную стражу КВЖД, Управление гражданской частью КВЖД и прекратили делопроизводство на русском языке. В 1922 г. главное полицейское управление Особого района восточных провинций объявило всем предпринимателям о необходимости помимо русских наименований своих фирм иметь и китайские. Последнее мотивировалось неудобством, с которым якобы приходилось сталкиваться при ревизии торгово-промышленных предприятий, а также тем, что имущество всех русских в названном районе находилось под защитой и в ведении китайских властей¹¹.

Вместе с тем вплоть до 1921 г. в Харбине функционировали такие русские службы, как гражданское управление, железнодорожная полиция, сыскное отделение и пограничный суд. Кроме того, несмотря на прекращение китайской стороной в октябре 1920 г. российского судопроизводства, русский персонал остался на своих местах в качестве служащих¹². Это считалось закономерным: во-первых, китайское законодательство оказалось непригодным для урегулирования юридических споров, возникавших среди россиян; во-вторых, китайские судьи не имели европейского юридического образования; в-третьих, Пекин предложил при разборе русских дел руководствоваться российскими законами¹³. Однако эти меры были скорее кратковременной уступкой, чем реальным шагом навстречу решению проблем правового статуса эмигрантов. Декреты и меморандумы с соответствующими просьбами следовали один за другим, но политика пекинского правительства оставалась прежней: вежливые заверения, с одной стороны, и ужесточение правового положения – с другой. Ситуацию осложнили действия советских властей. 5 января 1922 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР опубликовали принятый 15 декабря 1921 г. декрет о лишении прав гражданства некоторых категорий лиц: выехавших из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения новой власти; добровольно служивших в армиях, сражавшихся против Советов; участвовавших в контрреволюционных организациях; тех, кто находился за границей непрерывно более пяти лет и не получил советского паспорта до 1 июня 1922 г.

Между тем проблема русских беженцев рассматривалась на мировом уровне. В соответствии с решением Совета Лиги Наций 22–24 августа 1921 г. в Женеве состоялась конференция, в работе которой участвовали представители Болгарии, Китая, Финляндии, Франции, Греции, Польши, Румынии, Швейцарии, Чехословакии и Югославии, а также Международного бюро труда, Международного комитета Красного Креста, Лиги обществ Красного Креста и Международного общества помощи детям. На форуме впервые был поставлен

⁹ *Залеская О.В.* Российско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1917–1924 г.). Благовещенск, 2002. С. 104.

¹⁰ *Говердовская Л.Ф.* Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М., 2004. С. 37.

¹¹ *Залеская О.В.* Указ. соч. С. 105.

¹² *Бакулина А.А.* Политико-правовой статус российских эмигрантов в полосе отчуждения КВЖД (конец XIX – нач. XX вв.) // Актуальные проблемы исследования истории КВЖД и российской эмиграции в Китае / Под ред. Н.И. Дубининой, В.М. Пескова. Хабаровск, 2008. С. 13.

¹³ *Говердовская Л.Ф.* Указ. соч. С. 39.

вопрос о предоставлении паспортов апатридам для обеспечения их прав наравне с подданными государств-реципиентов. Тогда же находившиеся в Европе русские эмигрантские организации направили меморандум, содержащий главу о юридическом положении беженцев. Затем на приёме у Ф. Нансена, вступившего в должность верховного комиссара Лиги Наций по делам русских беженцев, были изложены взгляды русской делегации на проблемы защиты прав беженцев¹⁴.

3–5 июля 1922 г. в Женеве прошла конференция представителей правительств ряда стран, на которой было принято решение о выдаче находившимся на их территории беженцам (в том числе и русским) сертификатов – нансеновских паспортов. Страны-реципиенты признавали эти документы при условии, что беженцы будут выполнять все предъявляемые к постоянным жителям страны требования, платить за паспорт и его возобновление, иметь бумаги, подтверждавшие их статус эмигрантов, а также удостоверившие их личности документы (для русских это паспорта, выданные царским/Временным/советским правительством)¹⁵. К ноябрю 1922 г. сертификаты были признаны 12 государствами, к марту 1924 г. – 34, к началу 1930 г. – 51 государством.

Однако Советский Союз после своего вступления в Лигу Наций (1934) заявил о непризнании нансеновских сертификатов¹⁶. То же сделали и в Китае, хотя в Пекине официально одобрили принятие документа, подтверждавшего особый юридический статус русских беженцев. Политика китайских властей неуклонно вела к полной утрате гражданами бывшей Российской империи своих прав в Поднебесной. В связи с этим в 1922 г. группа русских эмигрантов обратилась к участникам Вашингтонской конференции с письмом, в котором была изложена просьба о помощи в улучшении их правового статуса. Авторы апеллировали к тому, что фактическая отмена экстерриториальности русских создала нежелательный прецедент, поставив под угрозу будущее благополучие всех иностранных граждан в Китае. Эмигранты просили обсудить данный вопрос на конференции и немедленно изменить создавшееся положение, однако получили отказ¹⁷.

К тому времени в Китае появились новые организации, пытавшиеся отстаивать права россиян. Наиболее активными из них стали общественные организации в главных центрах сосредоточения русской эмиграции – Маньчжурии и Шанхае. В январе 1923 г. начал работать Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ)¹⁸. В марте 1924 г. были утверждены его устав и структура. Правление комитета избрало президиум и ревизионную комиссию. В состав президиума первоначально входили председатель комитета и его правления Н.Г. Рачков, вице-председатели Д.В. Мурзаев и М.А. Иванов, казначей А.В. Бордзиловский и секретарь правления Н.И. Кречетов. Задачами ХКПРБ являлись содействие русским беженцам в поиске работы, организация для них бесплатных столовых и общежитий, оказание им медицинской и юридической

¹⁴ Лагодзинская Ю.С. Указ. соч. С. 136.

¹⁵ Там же. С. 137.

¹⁶ Бочарова З.С. Деятельность Лиги Наций по урегулированию статуса беженцев // Правовое положение русской эмиграции... С. 15.

¹⁷ Говердовская Л.Ф. Указ. соч. С. 41.

¹⁸ ГА РФ, ф. 9145, оп. 1, д. 233, л. 5. О ХКПРБ см. также: Лазарева С.И. Роль Харбинского комитета помощи русским беженцам в становлении социальной защиты русских эмигрантов в Маньчжурии (1923 – начало 40-х гг. XX в.) // Известия Восточного института. 2013. Вып. № 1(21). С. 10–19.

помощи, а также поддержка стремившимся выехать на родину или за границу¹⁹. 20 мая правление одобрило декларацию, в которой подчёркивалось, что «беженская масса в Китае преследует исключительно цели разрешения своего правового экономического и культурного благополучия»²⁰. Согласно представленным комитетом данным, в 1925 г. в Китае проживали 45 тыс. учтённых русских эмигрантов, из них безработными числились 15 тыс. человек; кроме того, в США и Австралию выехали 2 тыс. беженцев, в Советскую Россию вернулись 10 тыс., натурализовались 2 тыс. человек²¹.

Численность членов ХКПРБ менялась в зависимости от складывавшихся политических условий: в 1923–1927 гг. – 60–70 человек, в 1928–1929 гг. в связи с увеличением притока русских беженцев в Харбин из-за осложнений советско-китайских отношений – 419, позднее из-за оккупации Японией Маньчжурии (1931–1932) и соответственно ограничения деятельности комитета – около 232 человек²².

На регистрацию в ХКПРБ имели право лица, не признавшие советскую власть и не состоявшие на учёте в советском консульстве. Каждому, кто получал вид на жительство, комитет выдавал удостоверение, в котором ручался за благонадёжность данного эмигранта и обещал затем представить его в Главное полицейское управление Китайской Республики²³. На основании удостоверений о регистрации в ХКПРБ и о политической благонадёжности беженцы получали в местном полицейском управлении «вид на право проживания в Особом районе восточных провинций Китая» или китайский паспорт (при принятии китайского подданства). Вид на жительство выдавался лицам только после уплаты ими гербового сбора в размере 6.1 китайских долл., через год такую же сумму требовалось уплатить снова – для продления вида на жительство. Если люди не имели возможности заплатить, то за них это делал ХКПРБ. Таким образом, в 1929 г. было выдано более 6 200 удостоверений о политической благонадёжности и 300 видов на жительство²⁴.

С 1932 г. комитет уже действовал за пределами Харбина, открыв пять отделений в населённых пунктах по линии КВЖД²⁵. Однако вскоре деятельность ХКПРБ постепенно пошла на спад, и к началу 1935 г. многие его функции взяло на себя Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжоу-Го (окончательно комитет прекратил свою работу в сентябре 1945 г. с ликвидацией Маньчжурской империи).

Защитой интересов русских эмигрантов-предпринимателей занимался Харбинский биржевой комитет, созданный ещё в 1907 г. В его компетенции находились вопросы, связанные с разработкой прав акционеров, тарифов на КВЖД, правил биржевой торговли, торговых экспертиз, рассмотрением ком-

¹⁹ ГА РФ, ф. 9145, оп. 1, д. 233, л. 6.

²⁰ Цит. по: *Лазарева С.И.* Указ. соч. С. 11.

²¹ «Русское дело за границей». Доклад Харбинскому Комитету помощи русским беженцам вице-председателя Д.В. Мурзаева // *Вестник железнодорожников (Харбин)*. 1925. № 7–8. С. 17.

²² *Лазарева С.И.* Указ. соч. С. 13.

²³ *Аурилене Е.Е.* Региональные особенности правового положения российских эмигрантов в Китае (Маньчжурия. Шанхай. Северный Китай. 1920–1940-е гг.) // *Правовое положение русской эмиграции...* С. 190.

²⁴ *Залесская О.В.* Указ. соч. С. 106.

²⁵ *Аурилене Е.Е.* *Российская диаспора в Китае...* С. 18.

мерческих споров и т.д.²⁶ Русским беженцам помогал и Земгор²⁷. Ещё в январе 1919 г. состоялось слияние всех его учреждений, обслуживавших фронт с аналогичными организациями Российского общества Красного Креста (РОКК). С этого времени Земгор действовал под флагом Красного Креста. Также в Китае активизировались Особое управление РОКК на Дальнем Востоке и Харбинское особое совещание РОКК²⁸. Последнее заботилось об эмигрантах при их переезде во внутренние провинции страны и за её пределы²⁹, а также принимало меры по борьбе с эпидемиями, решало проблемы жилья и проч.

Эмигрантские организации на Дальнем Востоке поддерживали тесную связь с американским Красным Крестом через его представителя С.А. Угета. Например, он содействовал оказанию помощи казакам Оренбургского казачьего войска, оказавшимся в Маньчжурии. При его непосредственном участии несколько кораблей адмирала Г.К. Старка были переданы американскому правительству. Следует также отметить, что благотворительную деятельность некоторых эмигрантских организаций в Китае субсидировало министерство финансов США³⁰. Российской диаспоре помогали и представители некоторых иностранных дипломатических миссий в Китайской Республике – в частности, именно они просили Лигу Наций воздействовать на китайское правительство с целью выдачи беженцам аналогов их личных документов – «свидетельств Лиги Наций» (нансеновских паспортов. – *Е.Н.*)³¹. Вместе с тем, несмотря на успех общественных организаций в деле правовой и социальной защиты русских эмигрантов, в 1920–1930-х гг. китайские власти Маньчжурии и Центрального Китая придерживались политической линии, направленной на максимальное правовое подчинение бывших подданных Российской империи, лишение их каких-либо дополнительных прав³².

В Шанхае права русских беженцев отстаивали Комитет защиты прав и интересов русских, Русский эмигрантский комитет, Русская национальная община, Совет объединённых русских организаций, Русский национальный комитет и другие организации³³. Некоторые из них получали субсидии от представителей иностранных государств в Шанхае³⁴.

7 марта 1921 г. начало работать Бюро по русским делам, открывшееся «под давлением властей иностранных концессий Шанхая, настаивавших на создании правового поля для русских эмигрантов». Тогда же были учреждены временные правила о применении иностранных законов в китайских судах³⁵. Бюро, располагавшееся в помещении русского консульства, управляло бывши-

²⁶ Там же. С. 22.

²⁷ *Мальшенко Г.И.* Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.). Омск, 2006. С. 120; *Иттолитов С.С.* Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению (1919–1922 гг.) // Новый исторический вестник. 2013. Вып. № 35. С. 57.

²⁸ Подробнее см.: *Иттолитов С.С.* Российское общество Красного Креста в Сибири... С. 56–68.

²⁹ *Мальшенко Г.И.* Указ. соч. С. 121.

³⁰ Там же. С. 126.

³¹ *Иванов В.П.* Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг. М., 2003. С. 55.

³² *Капран И.К.* Правовое положение служащих КВЖД в 1920–1930-е гг. // Правовое положение русской эмиграции... С. 106.

³³ ГА РФ, ф. 9145, оп. 1, д. 233, л. 6.

³⁴ Центральный архив ФСБ России (далее – ЦА ФСБ России), ф. 2, оп. 4, д. 291, л. 36.

³⁵ *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае... С. 132.

ми российскими подданными, руководствуясь китайским законодательством³⁶. Начальником бюро был назначен представитель комиссариата по иностранным делам провинции Цзянсу Сюй Юань, функции помощника исполнял бывший генеральный консул Российской империи в Шанхае В.Ф. Гроссе³⁷. Создание Бюро способствовало урегулированию правового статуса русских эмигрантов в Шанхае: они подлежали юрисдикции смешанного суда, в котором судебное разбирательство вёл китайский судья с участием русского чиновника из бывшего консульства; имели возможность после уплаты гербового сбора получить китайские паспорта³⁸.

31 мая 1924 г. было заключено советско-китайское соглашение, посредством которого были установлены дипломатические отношения между СССР и Китайской Республикой. В результате бюро пришлось ликвидировать из-за отсутствия необходимых средств и какой-либо поддержки местных властей, что не позволяло организации в полной мере решать поставленные задачи. Та же картина наблюдалась и в других общественных объединениях³⁹. В итоге ведение русских дел, решение вопросов о регистрации беженцев и выдаче им паспортов перешли к китайским комиссарам по иностранным делам, если таковых не имелось, то их функции исполняли местные губернаторы и полиция⁴⁰. Однако это не означало, что организации полностью прекратили своё существование. В 1924 г. по инициативе Гроссе был учреждён Комитет защиты прав и интересов русских эмигрантов в Шанхае (председатель Гроссе, вице-председатель – бывший вице-консул по правовым вопросам Н.А. Иванов). В 1925 г. комитет реорганизовали, введя в его состав председателей всех русских организаций по защите беженцев. Таким образом комитет стал официально представлять русскую колонию Шанхая и получил признание властей города, шанхайского международного селтльмента⁴¹ и французской концессии.

Комитет занимался объединением русских эмигрантов, защитой их прав и интересов, улучшением их социально-политического положения⁴², регистрировал всех беженцев из России, выдавал им удостоверения личности, помогал в получении паспортов и разных справок, а также защищал их права на судебных процессах и в иностранных консульствах Шанхая⁴³. В комитет входили девять объединений русских эмигрантов: Союз служивших в армии и флоте (председатель К.Ф. Вальтер); Русское благотворительное общество в Шанхае (Гроссе); Казачий союз в Шанхае (И.Н. Шендриков); Русский студенческий союз (Н.Н. Маврицкий); Шанхайский союз торговцев (А.П. Крюков); Русское православное Богоявленское братство (Д.И. Казаков); Дальневосточная казачья группа (генерал Ф.Л. Глебов); Урало-Сибирское трудовое общество (директор генерал-майор Д.А. Лебедев) и Объединённый комитет национальных организаций Приморья⁴⁴.

³⁶ Чжичэн В. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008. С. 148.

³⁷ Подробнее см.: Шаронова В. Виктор Гроссе – хозяин Русского замка в Шанхае // Новый журнал. 2013. № 271. С. 345–374.

³⁸ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае... С. 133.

³⁹ ЦА ФСБ России, ф. 2, оп. 4, д. 291, л. 38.

⁴⁰ Чжичэн В. История русской эмиграции в Шанхае. С. 149.

⁴¹ Шанхайский международный селтльмент (территория города, находившаяся под международным управлением) был занят японскими войсками в декабре 1941 г. и передан марионеточному китайскому правительству. В начале 1943 г. правительства США и Великобритании подписали с Чан Кайши соглашения об отказе от привилегий для своих подданных, в результате селтльмент был официально ликвидирован.

⁴² Аблова Н.Е. Дальневосточная ветвь... С. 84.

⁴³ Говердовская Л.Ф. Указ. соч. С. 61.

⁴⁴ Аблова Н.Е. Дальневосточная ветвь... С. 83.

Авторитет и связи Гроссе позволяли решать многие правовые вопросы русской эмиграции. Однако из-за разногласий с генералом Глебовым, фактически представлявшим эмигрантов-военных, в 1926 г. Гроссе вышел из комитета и организовал Русский эмигрантский комитет, основной задачей которого стала забота о правовом и материальном положении русских в Шанхае⁴⁵. Этот комитет играл важную роль в поддержке русской диаспоры на протяжении многих лет⁴⁶, отвечая за регистрацию прибывавших в город соотечественников и выдачу им паспортов (через контору Шанхайского бюро по общественной безопасности), выполняя ряд других консульских функций⁴⁷. В 1929 г. Гроссе создал и возглавил ещё и Русское юридическое общество⁴⁸. В том же году Комитет защиты прав и интересов русских эмигрантов в Шанхае был переименован в Русскую национальную общину (её возглавил капитан 1-го ранга Н.Ю. Фомин), которая также помогала российским беженцам с регистрацией, получением паспортов и оказывала материальную помощь всем нуждавшимся⁴⁹. После смерти Гроссе в 1931 г. председательство Русского эмигрантского комитета перешло к его сослуживцу – бывшему вице-консулу в Шанхае К.Э. Мецлеру.

Нерешённость вопроса о правовом статусе русских подчас приводила к открытому произволу в отношении их со стороны китайских властей. Так, в январе 1925 г. русскую колонию Шанхая взволновали события, в результате которых в провинции Цзянсу арестовали 23 русских торговца, 13 из них, претерпев издевательства и оскорбления от китайских солдат, чудом избежали смерти, остальные погибли⁵⁰. По мнению самих эмигрантов, этот инцидент стал «последствием непрекращающихся вспышек внутренней китайской междоусобицы, в последней из которых приняли участие наёмные воинские части, сформированные из безработных русских, перешедших в китайское подданство из-за куска хлеба»⁵¹. Наёмные русские части, сформированные в Мукдене и прошедшие во главе с маршалом Чжан Цзолином несколько провинций, в начале января 1925 г. оказались у границ провинции Цзянсу, которую обороняли войска под командованием маршала Чжи. Последний, находясь в это время в Шанхае, увидел в русских частях угрозу своему положению и издал приказ об аресте находившихся в провинции русских торговцев, обвиняя их в шпионаже в пользу армии Цзолина. Во второй половине января начались аресты: у русских отбирали товар и деньги, заковывали в кандалы, затем избивали и доставляли в Шанхай. Через неделю арестованных, помещённых в Чапи – китайскую часть города, обвинили в шпионаже. Прибывшие в Шанхай войска Цзолина освободили лишь оставшихся в живых⁵².

В тот момент было необходимо создать организацию, которая смогла бы представлять интересы русских торговцев и защищать их права. В первых числах февраля 1925 г. С.К. Бурмистров собрал инициативную группу, вскоре названную «Шанхайским союзом русских торговцев в Китае»⁵³. Первое

⁴⁵ Там же. С. 86.

⁴⁶ Шаронова В. Указ. соч. С. 363.

⁴⁷ Чжичэн В. Карга русской культуры в Шанхае. С. 115.

⁴⁸ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае... С. 145.

⁴⁹ Аблова Н.Е. Дальневосточная ветвь... С. 85.

⁵⁰ ЦА ФСБ России, ф. 2, оп. 4, д. 291, л. 1.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, л. 2.

⁵³ Там же, л. 3.

организационное собрание союза состоялось 8 февраля, а через месяц были избраны (на один год) его председатель В.С. Цепкин и заместитель В.М. Санин⁵⁴. В середине апреля произошла реорганизация «Шанхайского союза...» в Шанхайский комитет. В состав его правления вошли представители русских организаций в Шанхае⁵⁵, всего же в комитете состояли свыше 300 человек⁵⁶. Требовалось срочно обеспечить русских торговцев документами, составить ходатайство о возмещении убытков, понесённых союзом и его отдельными членами в связи с убийством десяти русских, и материально помочь семьям убитых, а также найти работу для безработных членов этого комитета⁵⁷.

По поводу решения вопроса о паспортах правление союза обращалось к представителю Лиги Наций в Китае доктору Грейгу. Согласно ответу, полученному лично Цепкиным, эта проблема являлась общеэмигрантской и рассматривалась в тот момент Лигой Наций (но вскоре стало ясно, что безуспешно)⁵⁸. По поводу получения членами союза документов, которые подтвердили бы их действительную принадлежность к торговой корпорации, предотвратили бы незаконные аресты и способствовали бы разрешению проблем, возникавших при незнании китайского языка (в том числе недоразумения с китайскими властями и населением), была выработана особая форма торгового удостоверения – с английским и китайским текстами, печатями и фотографией владельца. Последнему выдавался подлинник такого документа, а его дубликат находился у комиссара по иностранным делам провинции. Выдавать эти удостоверения (86 штук) начали 1 мая 1925 г. Однако по требованию китайских властей с 31 октября получение русскими всяких документов (в том числе для поездок в провинции) было приостановлено и возобновлено только к концу года и лишь в большие приморские пункты страны – Кантон, Чифу, Циндао⁵⁹.

По мнению самих русских, «торговые удостоверения нашего союза имели большое значение и вполне оправдали надежды, возложенные на них... пользовавшиеся ими подтверждали их значение при соприкосновении в необходимых случаях как с властями, так и с населением. Ни один из наших членов союза, снабжённый торговым удостоверением, не содержался под арестом более 24 часов, тогда как вообще аресты имели обширное место»⁶⁰. К тому же благодаря деятельности правления из тюрем освободили многих русских торговцев, арестованных по подозрению в шпионаже.

Как признавались русские эмигранты, все общественные организации в Шанхае, несмотря на имевшиеся между ними противоречия и трудности во взаимоотношениях с китайскими властями, играли большую роль в урегулировании правового положения российских беженцев. По сути, эти объединения обладали функциями, близкими к консульским – по разным причинам эмигранты не могли обойти их при оформлении своих документов⁶¹. Вместе с тем в находившиеся в Шанхае консульства Советского Союза они обращались только в случае получения советского гражданства.

⁵⁴ 6 октября 1925 г. Цепкина освободили от должности (по болезни), председателем был избран А.П. Крюков (Там же, л. 9–10).

⁵⁵ Там же, л. 16.

⁵⁶ Там же, л. 28.

⁵⁷ Там же, л. 10.

⁵⁸ Там же, л. 11.

⁵⁹ Там же, л. 12.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Красноусов Е.М. Указ. соч. С. 162.

Следует также отметить, что иностранные власти международного сел-тльмента и французской концессии в Шанхае «вполне доверчиво относились к её (белой эмиграции. – *Е.Н.*) представительным органам»⁶². Одной из причин положительного отношения к общественным представителям русских эмигрантов стало то, что среди них почти не было серьёзных правонарушителей. Это подтверждается статистическими данными полицейских и судебных властей Шанхая за 1923, 1924 и 1925 гг.⁶³

В Китае имелись и другие центры сосредоточения русской эмиграции, где также активно работали общественные объединения. Например, в Тяньцзине интересы русских в разное время защищали Комитет представителей русского населения Тяньцзина (1920) под руководством В.В. Носач-Носкова, П.В. Вологодского, Н.И. Батуева; Русское общественное собрание (1918–1923) во главе с Советом старейшин; Благотворительное общество (1913) под председательством К.В. Жебрака⁶⁴ – оно дольше всех оказывало поддержку «всем русским подданным, которые, попадая в район тяньцзинского консульства, терпят нужду или вообще требуют помощи»⁶⁵. Созданные позже объединения русских эмигрантов – Русская национальная община, Русское эмигрантское объединение, Русский антикоммунистический комитет и др. – вели преимущественно общественно-политическую работу, а решением правовых вопросов, связанных с интересами русской колонии, как правило, не занимались.

В отличие от самых известных мест русского рассеяния – Харбина и Шанхая – атмосфера в Тяньцзине была существенно иной: здесь все «белые» ощущали себя чужими, особенно русские, не имевшие гражданства⁶⁶. По данным Китайского почтового управления за 1925 г., в городе проживали 838 629 китайцев, 5 700 европейцев (из них свыше 4 тыс. русских), 5 тыс. японцев. К 1929 г. в Тяньцзине насчитывалось уже около 1 млн жителей⁶⁷.

В провинции Синьцзян (Северо-Запад Китая) ещё до революции 1917 г. в России сформировалась весьма многочисленная русская диаспора. После Гражданской войны эта территория стала пристанищем для десятков тысяч русских. Находившиеся здесь представители общественности и бывшие консулы также не остались в стороне от решения беженских проблем, в том числе связанных с урегулированием правового положения эмигрантов. Однако политическая ситуация в провинции, да и в регионе в целом, существенно отличалась от происходившего на Дальнем Востоке и в Центральном Китае, что в свою очередь отразилось на деятельности русских объединений, которые защищали интересы бывших российских подданных в этой части Поднебесной. Уже в 1917 г. в нескольких городах провинции (в частности, в Кульдже, Чугучаке) были образованы исполнительные комитеты – своеобразная попытка объединения российских подданных для защиты своих интересов⁶⁸. Однако представители российской власти в Китае рассматривали подобные организации скорее как «органы общественного мнения, указаниями которого Временное правитель-

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 168.

⁶⁴ *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае... С. 102–103.

⁶⁵ Цит. по: *Старосельская Н.Д.* Повседневная жизнь «русского» Китая. М., 2006. С. 266.

⁶⁶ Там же. С. 275.

⁶⁷ *Трифонов Н.Н.* Порты Северного Китая. Тяньцзинь // Вестник Маньчжурии. 1929. № 2. С. 50.

⁶⁸ АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 3357, л. 65, 90.

ство готово руководствоваться»⁶⁹, поэтому они просто не действовали после того, как губернатор закрыл границы провинции – вплоть до 1920 г.

9 октября 1920 г. в Синьцзяне был образован общий эмигрантский орган самоуправления – Русский Шанхой (председатель – бывший директор Русско-Азиатского банка в Кульдже С.П. Дукович)⁷⁰. Эта организация существовала на средства местных русских купцов и зажиточных граждан бывшей Российской империи. В задачи Шанхоя входило оказание преимущественно материальной и медицинской помощи русским беженцам. Для сбора необходимых денежных средств организация устраивала различные благотворительные мероприятия⁷¹. Однако для оказания масштабной помощи полученных таким образом пожертвований было недостаточно, а связь с эмигрантскими организациями в Харбине, способными на существенную финансовую поддержку, у Шанхоя отсутствовала. Вскоре его деятельность в провинции свелась не столько к поддержке русских эмигрантов и защите их прав, сколько к организации политических акций, направленных против представителей советской власти. Однако, учитывая процесс активного восстановления политических и экономических связей провинциальных властей с советской стороной в 1920-х гг., китайское руководство закрыло все организации, пытавшиеся отстаивать права русских эмигрантов, в том числе и Шанхой (1922)⁷².

1917 – начало 1930-х гг. – тяжелейший этап в истории русской эмиграции в Китае: отсутствие дипломатических отношений между СССР и Китаем до 1924 г. и одновременное формирование эмигрантского сообщества предопределили особое политико-правовое положение огромной массы русских беженцев, оказавшихся в стране, не первый год раздираемой собственной гражданской войной. В этих условиях для десятков тысяч людей, оказавшихся без средств к существованию, без гражданства и каких-либо перспектив, русские общественные организации стали практически единственной надеждой на решение их жизненных проблем. Во второй половине 1920-х гг. эти объединения играли весомую роль в урегулировании правового положения соотечественников, проживавших в Китайской Республике. Люди оказались перед непростым выбором: принять советское гражданство и вернуться на Родину, пусть с чуждым укладом и идеологией, или принять гражданство страны с иной культурой, отказавшись тем самым от своих корней и прошлого. Для русских эмигрантов начала XX в. этот шаг не был пустой формальностью и не ограничивался получением штампа в паспорте. В этих условиях русские общественные организации стали спасением одновременно и для тех, кто решил сменить гражданство, и тех, кто продолжал существовать «вне времени и пространства», сохраняя беженское положение. При этом выбор людей не всегда определялся только моралью. Процесс урегулирования их правового положения зависел от «маятника» советско-китайских дипломатических отношений и международной ситуации, складывавшейся на Дальнем Востоке и в Центральной Азии во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг.

⁶⁹ Там же, л. 91.

⁷⁰ РГВА, ф. 110, оп. 7, д. 53, л. 10.

⁷¹ Там же, д. 45, л. 190–190 об.

⁷² АВП РФ, ф. 0100, оп. 10, п. 131, д. 92, л. 43.

Общества вспомоществования нуждающимся ученикам в Поволжье в конце XIX – начале XX в.

Тимур Магсумов

Charity societies for helping needy students in the Volga region, late 19th – early 20th centuries

Timur Magsumov (Naberezhnye Chelny Institute of Social and Pedagogical Technologies and Resources, Russia)

Общества вспомоществования нуждающимся учащимся возникли в самом конце XIX в., но уже к 1897 г., когда в МВД был утверждён их типовой устав, по официальным данным, их насчитывалось в стране 539¹. Устав предоставлял им широкие возможности для оказания материальной помощи учащимся в обучении и быту. С их появлением произошло чёткое разделение функций попечительных советов, помогавших школам, и обществ вспомоществования, поддерживавших «недостаточных» учеников. При этом учреждением и организацией обществ занимались именно члены попечительных и педагогических советов². Так, из 17 учредителей Общества при Казанском речном училище трое были действующими и пятеро – бывшими членами попечительного совета, а девять человек – работниками училища³. В 1901 г. по инициативе педагогического совета был составлен устав «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся при Казанском промышленном училище», утверждённый в 1902 г. С 1903 г. общество начало свою деятельность⁴. Причина отделения обществ от попечительных советов была чисто утилитарная. «Попечительный совет, – говорилось, в частности, в историческом очерке Казанского коммерческого училища, – вначале освобождал от платы за право учения особо нуждающихся, но впоследствии такой порядок не мог удовлетворить всех нуждающихся без нарушения равновесия в бюджете. Тогда явилась мысль об учреждении при училище Общества вспомоществования»⁵.

Как правило, общества создавались через некоторое время после открытия учебного заведения. К примеру, при образованном в 1899 г. Казанском промышленном училище оно было учреждено в 1903 г., при открытой в 1910 г. Казан-

© 2015 г. Т.А. Магсумов

¹ Общества вспомоществования учащимся в разных учебных заведениях // Вестник благотворительности. 1898. № 7. С. 50.

² См., например: Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦА НО), ф. 1770, оп. 549, д. 20, л. 9 об.; Десятилетие Казанского коммерческого училища. 1905–1915. Казань, 1916. С. 80.

³ Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского речного училища. Казань, 1908. С. 22–23.

⁴ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ), ф. 121, оп. 1, д. 607, л. 32 об.

⁵ Десятилетие Казанского коммерческого училища... С. 80–81.

ской торговой школе – в 1913 г., при Казанском речном училище, действовавшем с 1904 г., – в 1908 г., при появившемся в 1905 г. Казанском коммерческом училище – в 1911 г.⁶ До этого их задачи отчасти решались попечительствами. Так, попечительство при Казанском промышленном училище к 1 января 1908 г. потратило на помощь учащимся 1 276.5 руб., не считая 1 716.33 руб., собранных на устройство общежития⁷.

Каждое общество могло оказывать помощь только ученикам своего училища⁸. Вместе с тем в их уставах предусматривалось право выдавать единовременные пособия выпускникам, решившим продолжить образование и заслуживающим поддержки «по их поведению, по выдающимся способностям и успехам, засвидетельствованным училищным начальством»⁹. Однако на деле скромных средств обществ на это просто не хватало.

Основные направления деятельности обществ чётко фиксировались в их уставах. Большинство из них основные средства выделяло на внесение платы за бедных учеников. Так, расходы общества при Казанском коммерческом училище в 1912/13 учебном году составляли 2 328.01 руб., а взносы за право учения – 1 221.25 руб. (83.3%)¹⁰. Осуществлялась также бесплатная выдача книг и учебных пособий или их продажа по сниженной цене. Далеко не всегда это означало их дарение, в финансовых сметах и в отчётах правления порою встречается раздел «библиотека учебников». К примеру, в библиотеке Общества при Симбирском коммерческом училище в 1911 г. насчитывалось 428 книг (84 наименования) на сумму около 406.3 руб.¹¹ По-видимому, она была заполнена в основном учебниками, которые предоставлялись на время обучения и затем возвращались. Иногда неимущие обеспечивались одеждой, пищей, жильём и медицинской помощью (будь то снабжение медикаментами под наблюдением врача или помещение в больницу). В 1904 г., например, правление общества при Казанском земледельческом училище выдало девяти беднейшим учащимся в общей сложности 210 руб. для взноса за содержание

⁶ НА РТ, ф. 121, оп. 1, д. 50, л. 2; Отчёт правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Казанской торговой школе за 1914 год. Казань, 1914. С. 3; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского речного училища. С. 1; Десятилетие Казанского коммерческого училища... С. 81.

⁷ НА РТ, ф. 121, оп. 1, д. 607, л. 33 об. Об участии местных властей, отдельных благотворителей, попечителей и попечительных советов учебных заведений в устройстве и содержании школ см.: *Соколов А.Р.* Благотворительность в народном образовании и её роль в трансформации российского общества. СПб., 2005; *Черкасов А.А.* К истории научных и благотворительных обществ посада Сочи в начале XX в. // *Былые годы.* 2008. № 3. С. 3–6; *Магсумов Т.А.* Почётные попечители в системе среднего образования пореформенной России: нормативно-правовой анализ // *Исторические науки.* 2010. Т. 40. № 4. С. 18–19; *Корнилова И.В.* Подготовка педагогов в Казанской губернии в дореволюционный период. Saarbrücken, 2012.

⁸ РГИА, ф. 1287, оп. 19, д. 2279, л. 182; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского речного училища. С. 1; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского землемерного училища. Симбирск, 1914. С. 1. Кроме того, в ряде городов, особенно в Сибири, существовали общества, деятельность которых охватывала все городские учебные заведения.

⁹ Краткие сведения о Казанском промышленном училище и условия приёма. Казань, 1899. С. 10; РГИА, ф. 1287, оп. 19, д. 2279, л. 182.

¹⁰ Отчёт Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Казанском коммерческом училище за 1912–1913 учебный год. Казань, 1914. С. 9.

¹¹ Отчёт о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского коммерческого училища за 1911 г. Симбирск, 1912. С. 5.

в пансионе училища (впрочем, этим его расходы в тот год и ограничились)¹². Оказывалось содействие и при погребении умерших. Допускалось также назначение «в исключительных случаях денежных пособий» (в Поволжье они составляли в зависимости от размера организации и имеющегося капитала от 5 до 30 руб.)¹³. Кроме того, в большинстве учебных заведений бедным ученикам выдавались стипендии. Так, при Казанском промышленном училище к 1907 г. их было учреждено 13 (в среднем – по 200 руб. каждая), при Казанском коммерческом училище за первые 10 лет его существования – 4 (на общую сумму 9 300 руб.)¹⁴. Независимо от этого, дети, родители которых проработали в учебных заведениях данного ведомства не менее 10 лет, освобождались от оплаты¹⁵.

Некоторые общества успешно занимались устройством столовых для учащихся. Так, в столовой при Казанском промышленном училище, открытой в октябре 1907 г. (во многом благодаря председателю общества Н.Н. Киселёву, купившему для неё необходимое оборудование на свои личные средства), готовили недорогие и сытные обеды, которые иногда предоставлялись и вовсе бесплатно – за счёт общества. За 12 коп. учащийся получал мясной суп, кашу или картофель, а за 15 коп. – обед из двух мясных блюд¹⁶. Впрочем, ещё в 1902 г. ученики обеспечивались здесь за умеренную плату молоком, хлебом и горячими завтраками¹⁷.

В 1905–1906 гг. при Казанском промышленном училище готовилось открытие общежития на 30 человек (25 из них жили бы там по льготной цене, а 5 – бесплатно), было собрано 3 700 руб., найдено здание и подобран персонал, однако волнения, происходившие тогда в Казани, заставили отказаться от данного замысла: администрация опасалась, что совместное проживание будет способствовать распространению среди юношей политических требований и вовлечению их в беспорядки¹⁸.

При оказании помощи учащимся общества должны были принимать во внимание не только степень их нужды, но и прилежание и хорошее поведение, засвидетельствованные учебным начальством. Фактически они не могли помогать ученику без согласия на это директора или инспектора. С ходатайством о вспомоществовании родители или заменяющие их лица чаще всего обращались не напрямую в правление общества, а через школьную администрацию (на большинстве сохранившихся прошений имеются визы руководителя учебного заведения)¹⁹. При этом в Казанском речном училище ходатайства обычно подписывали сами учащиеся, поскольку большинство из них происходили из других губерний и находились в сознательном возрасте.

¹² Отчёт о состоянии и деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского земледельческого училища за 1904 г. Казань, 1906. С. 4.

¹³ НА РТ, ф. 121, оп. 1, д. 291, л. 21–21 об.

¹⁴ Краткие сведения о Казанском промышленном училище и условия приёма. Казань, 1907. С. 9–10; Десятилетие Казанского коммерческого училища... С. 80.

¹⁵ НА РТ, ф. 121, оп. 1, д. 166, л. 9.

¹⁶ Там же, д. 607, л. 33.

¹⁷ Там же, д. 295, л. 1.

¹⁸ *Магсумов Т.А.* Средняя профессиональная школа Казани в конце XIX – начале XX века. СПб., 2010. С. 148.

¹⁹ РГИА, ф. 1287, оп. 19, д. 2279, л. 183; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского речного училища. С. 3; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского землемерного училища. С. 2.

Все общества вспомоществования состояли в ведении МВД, имели свою печать, право приобретать и отчуждать недвижимое имущество, заключать договора и сделки, защищать свои интересы в суде, выдавать членские билеты и дипломы. Ежегодные отчёты обществ подавались в МВД, губернатору и в ведомство, которому подчинялось курируемое учебное заведение. Губернатор мог закрыть общество в любое время, если его деятельность угрожала общественной безопасности и спокойствию или выходила за рамки устава²⁰.

Почётные члены Обществ избирались общим собранием из лиц, сделавших значительные пожертвования или оказавших обществу существенные услуги. Действительными членами считались все, кто вносил в кассу не менее трёх рублей ежегодно или от 30 до 60 руб. одновременно. При этом независимо от уплаты взносов общее собрание могло присвоить звание действительного члена лицам, безвозмездно содействующим обществу (медикам, учителям, воспитателям, хозяевам типографий, бухгалтерам, исследователям действительного положения нуждающихся и т.д.)²¹. Вносившие от одного до трёх руб. становились членами-соревнователями. Они не пользовались правом решающего голоса в общем собрании и не могли избираться им на должности. В случае неуплаты взноса в течение года, члены считались выбывшими из общества с сохранением права вновь вступить в него на общих основаниях. Вступать в него не могли лишь состоящие на действительной военной службе солдаты и юнкера, лица, ограниченные в правах по суду, а также учащиеся (за исключением посещающих академию офицеров и тех, кто продолжал образование по окончании высшего учебного заведения)²². По постановлению общего собрания члены могли быть исключены из общества, если их действия противоречили его интересам²³.

Видную роль в обществах играли женщины (прежде всего жёны членов попечительных советов, представителей администрации и педагогов учебных заведений и т.п.)²⁴. Многие из них состояли в обществах наряду с мужьями, принося дополнительный доход, и не только присутствовали на общих собраниях, но и входили в состав правлений и даже председательствовали в них (как, например, общество при Казанском коммерческом училище возглавляла жена его директора А.И. Немировская²⁵). Располагая большим по сравнению с мужьями свободным

²⁰ РГИА, ф. 1287, оп. 19, д. 2279, л. 190–190а; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского речного училища. С. 21–22; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского землемерного училища. С. 16–18.

²¹ Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского речного училища. С. 4; Отчёт о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского коммерческого училища за 1911 г. С. 5–6; Отчёт Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Казанском коммерческом училище за 1912–1913 учебный год. С. 8.

²² Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Марининского земледельческого училища. Саратов, 1895. С. 3; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского речного училища. С. 3; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского землемерного училища. С. 2–3.

²³ РГИА, ф. 1287, оп. 19, д. 2279, л. 183–183 об.; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского речного училища. С. 4–6; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского землемерного училища. С. 3–4; Устав общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам императорского Московского технического училища. М., 1888. С. 4–5.

²⁴ Отчёт правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Казанской торговой школе за 1914 год. С. 9; Отчёт Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Казанском коммерческом училище за 1912–1913 учебный год. С. 12.

²⁵ Десятилетие Казанского коммерческого училища... С. 81.

временем, они уделяли делам обществ пристальное внимание, участвовали в организации вечеров, концертов, бесплатных завтраков и т.д.²⁶ Для общества при Казанском коммерческом училище большое значение имело вхождение в его состав известных общественных деятелей: художника и педагога, создателя складной татарской азбуки Ш.А. Тагирова и председателя хозяйственного правления еврейского молельного дома А.З. Персона, много сделавшего для того, чтобы у казанских евреев появилась собственная синагога²⁷.

Деятельностью общества руководило его общее собрание, которое должно было проводиться не реже одного раза в год²⁸. Обычно оно считалось состоявшимся, если на нём присутствовала хотя бы четверть членов, живших в районе его деятельности (обеспечить явку всех членов, включая иногородних, было заведомо невозможно). Решения принимались простым большинством голосов, кроме вопросов, связанных с изменением и прекращением действия устава, приобретением и отчуждением недвижимой собственности, исключением членов и принятием исключённых вновь в общество – для этого требовалось согласие $\frac{2}{3}$ присутствующих. Общее собрание избирало своего председателя, почётных членов, состав правления, являвшегося главным распорядительным органом общества, и ревизионной комиссии²⁹, а также кандидатов на эти должности, утверждало их инструкции, годовые отчёты, доклады и сметы на следующий год, обсуждало вынесенные на его рассмотрение предложения. Оно же определяло предельный размер пособия, выдаваемого, в случае надобности, по личному распоряжению председателя правления, выделяло суммы на канцелярские расходы, принимало решение об образовании запасного или специального капиталов и проч.³⁰ Разумеется, общее собрание могло рассматривать только те вопросы, которые непосредственно относились к определённой в уставе сфере его деятельности. О повестке заседания заблаговременно сообщалось начальнику местной полиции. Жалобы на действия общества и его членов и предложения высшего начальства должны были обсуждаться в ближайшие сроки на очередном или экстренном собрании, постановление которого следовало немедленно передавать губернатору.

Непосредственное заведование текущими делами общества возлагалось на правление, в состав которого входили выборные и непреременные члены (обычно директор и инспектор). Число членов правления в разных обществах было различным, а срок их полномочий составлял, как правило, два–три года (ежегодно половина или треть их заменялась). Деятельность их являлась безвозмездной,

²⁶ Отчёт Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Казанском коммерческом училище за 1912–1913 учебный год. С. 8.

²⁷ Там же. С. 12, 16.

²⁸ По усмотрению правления, требованию местной администрации, ревизионной комиссии или по письменному заявлению части членов могло также созываться экстренное собрание.

²⁹ Ревизионная комиссия состояла из трёх человек и выполняла финансово-контрольные функции: ежемесячно проверяла суммы, имущество и книги общества, проводила проверку смет и годового отчёта правления, докладывая в конце года о своей работе общему собранию. См., в частности: Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Мариинского земледельческого училища. С. 15–16; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского речного училища. С. 19–20; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского землемерного училища. С. 15–16.

³⁰ Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Мариинского земледельческого училища. С. 13; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского речного училища. С. 17–19; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского землемерного училища. С. 14–15.

оплачивались только канцелярские расходы³¹. Общее собрание избирало также двух–четырёх кандидатов, которые заменяли выбывших или долго отсутствующих членов правления. Правление из своего состава выбирало председателя, его товарища, казначея и секретаря. При этом председателем не мог стать человек, подчинённый в служебном отношении руководителю учебного заведения (инспектор или преподаватель). Все отчёты подписывались правлением в полном составе³².

Правление собиралось несколько раз в год по приглашению председателя или по требованию трети его членов³³. Для действительности его постановлений было необходимо присутствие не менее половины членов и председателя. Решения принимались простым большинством голосов, при их равенстве голос председателя давал перевес. Любопытно, что в первом же протоколе правления Общества при Казанской торговой школе по инициативе инспектора школы Я.А. Александрова говорилось о желательности приглашать на заседания с правом совещательного голоса кандидатов в члены правления, а также членов и кандидатов ревизионной комиссии и классного наблюдателя М.Д. Прыгунова. Однако в дальнейшем никто из них, кроме Прыгунова, заседания правления не посещал³⁴.

Главной заботой обществ в начале их существования являлось изыскание финансовых средств. Общество при Казанской торговой школе смогло собрать за первый год 1 216.06 руб. (расходы тем временем составляли всего 213.96 руб.)³⁵. Это во многом объяснялось поддержкой попечительного совета. «В нынешнем году, – говорил А.Д. Черноярков, – попечительный совет постарается сам освободить учеников недостаточных родителей от платы за учение, а в будущем году Общество вспомоществования должно взять это бремя на себя... А сейчас следует подкопить денег. Вперёд тратить, будут ошибки»³⁶. Кроме этого, общество освободило частично или полностью 12 учеников от оплаты обучения, предоставляло нуждавшимся одежду, обувь, лекарства и учебники³⁷.

Членские взносы служили основным и стабильным источником пополнения казны обществ³⁸. Напротив, суммы пожертвований посторонних обычно были

³¹ Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Мариинского земледельческого училища. С. 7–10; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского речного училища. С. 9–10, 13–14; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского землемерного училища. С. 7–8, 10–11.

³² См., например: Отчёт о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского коммерческого училища за 1911 г. С. 20.

³³ Отчёт о состоянии и деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского земледельческого училища за 1904 г. С. 3; Отчёт о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского коммерческого училища за 1907 г. Симбирск, 1908. С. 3; Отчёт о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского коммерческого училища за 1911 г. С. 3; Отчёт правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Казанской торговой школе за 1914 год. С. 13–18. Правление вело все дела общества и напрямую оказывало помощь нуждавшимся. Уставы обществ не регулировали число и периодичность заседаний правления, что отличало их от педагогических и попечительных советов (*Магсумов Т.А.* Педагогические советы средних учебных заведений России на рубеже XIX–XX века // В мире научных открытий. 2010. № 1–3. С. 33; *он же.* Попечительные советы средних профессиональных учебных заведений Казани на рубеже XIX–XX веков // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 4. № 33–1. С. 102).

³⁴ Отчёт правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Казанской торговой школе за 1914 год. С. 14.

³⁵ Там же. С. 20–21, 26.

³⁶ Там же. С. 15.

³⁷ Там же. С. 4–5.

³⁸ Там же. С. 20; Отчёт Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Казанском коммерческом училище за 1912–1913 учебный год. С. 9.

весьма незначительны и эпизодичны. Нередко осуществлялся и сбор средств в кружки, по подписным листам и книжкам, что поручалось в основном людям, входившим в местные общественные организации (например, в купеческое собрание или биржевое общество)³⁹. Весьма неплохой доход приносило и устройство, с разрешения властей, драматических представлений, литературных чтений, публичных лекций, концертов, лотерей и т.д.⁴⁰ Так, благотворительный концерт, организованный обществом при Симбирском коммерческом училище 16 февраля 1911 г., принёс 720.11 руб., или 32% от всех средств, поступивших в его распоряжение за год⁴¹. Поскольку расходы общества на организацию данного мероприятия не указывались, можно предположить, что все затраты взяли на себя его члены. Между тем на литературно-музыкальный вечер в пользу недостаточных учеников Казанского речного училища, проведённый 11 декабря 1905 г. (за три года до создания общества) в зале купеческого собрания, было потрачено 371.52 руб., билетов тогда продали на 735.5 руб. и чистый доход составил 363.98 руб., почти сравнявшись с суммой расходов⁴². Данная форма сбора денег для нуждающихся была широко распространена и являлась эффективным способом благотворительности. Обычно общества прибегали к ней под новый год или весной, когда наступал срок внесения платы за обучение в течение полугодия.

Все поступающие в общества суммы делились на неприкосновенный и расходный капиталы, хранившиеся в учреждениях Государственного банка и в сберегательных кассах. Первый составлялся из единовременных взносов и пожертвований, сделанных под условием неприкосновенности (т.е. по назначению самих жертвователей), а также из части процентов со всех доходов общества, определявшихся общим собранием. Расходный капитал образовывался из всех прочих поступлений и процентов с неприкосновенного капитала, которые, однако, могли направляться только на определённые цели (например, доходы от стипендиальных капиталов шли исключительно на стипендии)⁴³. На руках у казначея находились лишь незначительные суммы, определявшиеся общим собранием и необходимые для ближайших текущих выплат. Тратились они по решению общего собрания или правления (в пределах утверждённых смет или согласно особому постановлению). В исключительных случаях пособия могли выдаваться председателем правления под его личную ответственность и при обязательном условии довести о том до сведения других членов на первом же заседании⁴⁴.

В целом, несмотря на ограниченность средств, общества вспомоществования оказывали заметную поддержку нуждающимся учащимся, содействуя развитию массового образования.

³⁹ См., например: ЦА НО, ф. 1770, оп. 549, д. 20, л. 48.

⁴⁰ РГИА, ф. 1287, оп. 19, д. 2279, л. 184.

⁴¹ Отчёт о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского коммерческого училища за 1911 г. С. 3, 7.

⁴² ЦА НО, ф. 1770, оп. 549, д. 2, л. 72, 73, 79, 82.

⁴³ Отчёт Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Казанском коммерческом училище за 1912–1913 учебный год. С. 6.

⁴⁴ РГИА, ф. 1287, оп. 19, д. 2279, л. 183а–184а; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского речного училища. С. 7–9; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского землемерного училища. С. 5–7.

Социальное положение народных учительниц Таврической губернии в конце XIX – начале XX в.

Дарья Громова

Social status and living standards of the female teachers in Tavia region, late nineteenth to the early twentieth centuries

Daria Gromova (Lomonosov Moscow State University, Russia)

На рубеже XIX–XX вв. Таврическая губ. выгодно выделялась среди других регионов империи успехами в сфере народного образования. К примеру, число девочек, обучавшихся в народных училищах, неуклонно росло и в 1883–1913 гг. практически удвоилось (с 20 до 40%)¹. Такая динамика в целом коррелировала с общероссийскими тенденциями², однако существенно превышала показатели других мест, уступая лишь Москве и Санкт-Петербургу³. При этом во всех уездах, особенно в Крыму, важную роль в начальном и среднем образовании играли этноконфессиональные учебные заведения, организованные караимами, евреями, немцами и другими национальными меньшинствами и не только обучавшие грамоте, но и формировавшие религиозные и национальные ценности в сознании подрастающего поколения. Даже крымско-татарские девочки посещали мектебе (мусульманские начальные школы)⁴. Заметную роль в социокультурном пространстве губернии играли и учительницы народных школ.

Во второй половине XIX в. в Таврической губ., как и во всей империи, появилось немало женщин, посвятивших себя педагогической деятельности. Принадлежа к разным слоям российского общества, они преподавали в народных училищах, частных и казённых учебных заведениях среднего звена,

© 2015 г. Д.А. Громова

¹ Сборник по школьной статистике. Вып. 1. Симферополь, 1903. С. 18–21; Обзор положения начального народного образования в Таврической губернии за 1907–1908 учебный год. Симферополь, 1908. С. 6; Обзор положения начального народного образования в Таврической губернии за 1913–1914 учебный год. Симферополь, 1914. С. 38.

² Об основных тенденциях формирования учительского сообщества см.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, конец XIX – начало XX в. / Отв. ред. А.И. Пискунов. М., 1976; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, конец XIX – начало XX в. / Под ред. Э.Д. Днепров, С.Ф. Егорова, Ф.Г. Паначина, Б.К. Тебиева. М., 1991; *Сучков И.В.* Учительство России в конце XIX – начале XX века. М., 1998; *Зубков И.В.* Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ, 1870–1916. М., 2010; *он же.* Система начальных и средних учебных заведений в России (1890–1916 годы) // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012; О материальном положении и социальном статусе учительниц земских школ см. также: *Зубков И.В.* Повседневность учительниц земских школ (конец XIX – начало XX в.) // Социальная история. Ежегодник, 2010 / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева. СПб., 2011. С. 43–68.

³ Доклад губернской земской управы об общедоступности начального обучения в Таврической губернии. Симферополь, 1904. С. 2–3.

⁴ *Андреевский Ф.Н.* Мусульманский мектеб и его роль среди татарского народа на Крымском полуострове (исторический очерк). Приложение к журналу «Таврический народный учитель». Симферополь, 1908. С. 15.

занимались частной педагогической практикой, читали публичные лекции и вели разнообразные курсы⁵. К этому времени в обществе всё чаще встречала поддержку позиция педагога и публициста К.В. Ельницкого, утверждавшего, что женщины, будучи естественными воспитателями детей, в силу своих природных особенностей и семейных обязанностей, нуждаются в педагогическом образовании ничуть не меньше, а то и больше мужчин⁶. Правительство в целом также с сочувствием отнеслось к желанию женщин заниматься преподавательской деятельностью. К примеру, А.А. Арцимович, попечитель Одесского учебного округа (к которому относилась и Таврическая губ.), уже в 1860-х гг. заявлял, что «женщина способнее мужчины для первоначального народного образования», и предлагал передать процесс обучения в начальных училищах в женские руки. Это позволяло решать и социальные задачи, облегчая трудоустройство женщин без уравнивания мужского и женского образования⁷. Так, отвечая на поданный ему в Харькове адрес, в котором предлагалось со временем открыть женщинам доступ в университеты, министр народного просвещения гр. Д.А. Толстой отметил, что им следует рассчитывать только на элементарное и среднее «общечеловеческое» образование, поскольку «оно-то и составляет интерес первой важности для благосостояния семейств общества, а следовательно и государства». В то же время это открывало им путь к профессии педагога⁸.

В 1870 г. Александр II утвердил новое положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения, в которых могли обучаться представительницы всех сословий и вероисповеданий. Помимо семи основных классов при гимназиях учреждались педагогические курсы, которые впоследствии были заменены специально-педагогическим восьмым классом⁹. Уже в 1871 г. открылась Симферопольская казённая гимназия. К началу XX в. после преобразования ряда училищ и прогимназий казённые женские гимназии появились почти в каждом крупном городе губернии¹⁰. Кроме того, существовали и частные женские гимназии (к примеру, Е.И. Оливер и В.А. Станишевской в Симферополе, Ахновской в Севастополе и Рушинской в Евпатории)¹¹, отчёты которых свидетельствуют о популярности педагогического класса среди воспитанниц. Так, в 1911 г. 28 выпускниц частной гимназии Е.И. Оливер

⁵ Государственный архив Республики Крым (далее – ГА РК), ф. 450, оп. 1, д. 49, л. 2–4; *Ковтунова О.В.* Частная периодическая печать Таврической губернии как источник по социальной истории России конца XIX – начала XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 138.

⁶ *Ельницкий К.В.* Значение педагогического образования для женщин, как воспитательниц и учительниц детей. Киев, [б.г.]. С. 1. См. также: *Катков М.Н.* О женском образовании. Статьи, связанные с возникновением и постепенным ростом женской классической гимназии. М., 1897. С. 4.

⁷ *Днепров Э.Д., Усачёва Р.Ф.* Женское образование в России: учебное пособие для вузов. М., 2009. С. 175–179.

⁸ По поводу женского адреса, поданного г. министру народного просвещения в Харькове // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. Сентябрь. Ч. 151. Современная летопись. С. 269–274. Среди подписавших адрес большинство составляли женщины. Подписей учителей гимназии или профессоров на обращении не было.

⁹ *Деревицкий А.* Женское образование в России и за границей. Исторические справки и указания. Одесса, 1902. С. 43–44. «Программа педагогики для специальных классов женских учебных заведений» была составлена К.Д. Ушинским (Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, конец XIX – начало XX в. М., 1976. С. 194).

¹⁰ *Шушара Т.В.* Розвиток жіночої освіти в Таврійській губернії (XIX – початок XX століття). Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Київ, 2006.

¹¹ Хроника // Крымский вестник. 1898. № 144. С. 3.

окончили VII класс с аттестатом и 13 – VIII класс со свидетельством¹². Среднее образование, близкое к гимназическому, предоставляло и Таврическое епархиальное училище, принимавшее учениц (преимущественно дочерей священников и церковнослужителей) с 1875 г. При нём также был создан педагогический класс¹³.

Массовым привлечение женщин в сельские школы стало в 1870-е гг. С начала 1880-х гг. их число неуклонно росло¹⁴. В Таврической губ. в 1883–1898 гг. число учительниц народных училищ возросло в несколько раз. В 1903 г. среди педагогов земских школ женщины составляли 44%, а к 1914 г. – уже 57.8%¹⁵. В городских и церковно-приходских школах губернии их доля составляла соответственно 87.5 и 62%¹⁶. В армяно-католических, армяно-григорианских и караимских училищах число учителей и учительниц в 1903 г. оставалось примерно равным, в немецких же – из 182 преподавателей оказалось только четыре женщины. В крымско-татарских, согласно мусульманской традиции, учительниц не было вовсе. В созданных по инициативе Министерства народного просвещения русско-татарских школах также преподавали исключительно мужчины¹⁷.

Следует отметить, что на рубеже XIX–XX вв. вплоть до 1914 г. большинство женщин-педагогов (и менее половины педагогов-мужчин) происходили из привилегированных сословий¹⁸, и Таврическая губ. не являлась исключением. Однако доля крестьянок среди них постепенно возрастала, составив к 1914 г. около трети всех учительниц губернии¹⁹. Для учителей из крестьян учительницы (как дворянки, так и мещанки) долгое время оставались «барышнями», которым начальство порою отдавало явное предпочтение²⁰. Так, выпускникам Бердянской учительской семинарии, «любимого детища земства», по окончании её приходилось искать работу в других уездах, поскольку в местных школах все вакансии оказались заняты выпускницами епархиальных училищ, труд которых обходился дешевле²¹.

Повышение профессионального уровня женщин-педагогов по-прежнему оставалось одной из насущных проблем, так как высшее и среднее специальное образование далеко не всегда оказывалось доступным для них. Так, в 1883–1885 гг. доля учительниц со специальной педагогической подготовкой составляла в Таврической губ. от 7 до 10% (среди педагогов-мужчин её имели более 50%). Более половины их являлись выпускницами средних учебных заведе-

¹² ГА РК, ф. 106, оп. 1, д. 25, л. 47; ф. 153, оп. 1, д. 31, л. 12.

¹³ Отчёт о состоянии Таврического епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1911–1912 учебный год. Симферополь, 1913. С. 1–3; Отчёт о состоянии Таврического епархиального женского училища за 1913–1914 учебный год. Симферополь, 1915. С. 7–9.

¹⁴ К 1915 г. в империи работали 54 138 учителей и 91 894 учительниц. В 1910 г. учительницы составляли 56.5% преподавателей начальных учебных заведений, а в 1914 г. – 62.9%. При этом в начальных школах число учительниц повсеместно (за исключением Кавказа и Царства Польского) превосходило число учителей (Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения в 1914 году. Пг., 1916. С. 8–11. Подробнее см.: *Чехов Н.В.* Народное образование в России с 60-х гг. XIX века. М., 1912. С. 111–112).

¹⁵ Обзор положения... за 1913–1914 учебный год. С. 51.

¹⁶ Сборник по школьной статистике. С. 39.

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ *Дьяконов А.Н.* Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1883 г. Бердянск, 1884. С. 23.

¹⁹ Обзор положения... за 1913–1914 учебный год. С. 49.

²⁰ *Ruane C.* Gender, class and the professionalization of Russian city teachers, 1860–1914. Pittsburgh, 1994. С. 67, 68.

²¹ *Гришко Н.* Из Бердянского уезда // Таврический народный учитель. 1909. № 3–4. С. 15.

ний (епархиальных училищ, женских институтов и гимназий), примерно 15% составляли окончившие начальные учебные заведения и столько же – те, кто сдал квалификационный экзамен, получив домашнее образование²². К 1914 г. ситуация не изменилась²³.

Между тем к концу XIX в. вакансии учителей начальных учебных заведений стали редкостью. Борьба за них велась всё более остро и не всегда добросовестно. К примеру, в 1908–1915 гг. епископ Таврический не раз получал из села Кадыковка Ялтинского уезда коллективные жалобы родителей на учительницу церковно-приходской школы А.Я. Яблонскую, которая будто бы плохо справлялась со своими обязанностями, не посещала церковь, била детей и тратила на свои нужды школьные деньги. Непосещение церкви являлось весьма серьёзным проступком в глазах учебного начальства²⁴. Однако в ходе проведённого расследования выяснилось, что травля Яблонской была организована священником Фёдоровым, желавшим освободить место для своей дочери²⁵.

Вознаграждался труд учительниц сравнительно скромно. В 1903 г. их жалование в Таврической губ. составляло 381 руб. (в среднем по России – 250 руб.), тогда как учителя за ту же работу получали 444 руб. в год. В дальнейшем постепенно происходило выравнивание оплаты труда педагогов. В 1885–1900 гг. вознаграждение учительниц повысилось на 91 руб. (31.4%), а учителей – только на 85 руб. (23.7%). Впрочем, и в начале XX в. оно оставалось выше²⁶. Работа в средних учебных заведениях, частных училищах и гимназиях оплачивалась гораздо лучше. Так, в симферопольской гимназии Оливер учительницы немецкого и французского языков Ю.К. Крейцберг и О.Н. Дорогая, проводя 29 уроков в неделю, зарабатывали 1 740 руб. в год²⁷.

Важным источником дохода учителей становились различные прибавки к жалованью, выделявшиеся за выслугу лет земством или правительством. Тогда считалось, что педагогическая деятельность «более, чем всякий другой труд, преждевременно разрушает организм, оставляя после себя массу хронических недугов главным образом в виде неврастении, а для иных даже чахотки и тому подобного»²⁸. Однако размер этих прибавок (особенно земских) и их регулярность не были нормированы. В 1899 г. в Таврической губ. выплачивалась трёхлетняя прибавка за безупречную службу в размере 50 руб. В Перекопском уезде земство раз в пять лет прибавляло к окладу учителей четвертую часть их годового оклада, составившего 400 руб. Бердянское земство ежегодно выдавало «наградные» 25 руб.²⁹ В Ялтинском уезде размеры окладов учителей к 1907 г.

²² Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния... за 1883 г. С. 22–23; *он же*. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1884 г. Бердянск, 1885. С. 17; *он же*. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1885 г. Бердянск, 1886. С. 19.

²³ Обзор положения... за 1913–1914 учебный год. С. 43.

²⁴ Зубков И.В. Российское учительство... С. 52.

²⁵ ГА РК, ф. 103, оп. 1, д. 5, л. 1–9.

²⁶ Там же, д. 83, л. 137; Сборник по школьной статистике. С. 38–45; Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния... за 1883 г. С. 55; Корецкий И. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1888 год. Бердянск, 1889. С. 19–21; Разные известия // Таврический народный учитель. 1909. № 9–12. С. 9.

²⁷ ГА РК, ф. 106, оп. 1, д. 25, л. 93; ф. 153, оп. 1, д. 31, л. 195–199.

²⁸ Таврическое учительское общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных народных училищах Таврической губернии 1887–1912. Симферополь, 1913. С. 2; В.Ш. Из Феодосийского уезда // Таврический народный учитель. 1909. № 9–12. С. 12–13.

²⁹ Шуклина С.А. Меры, предпринятые общественностью по улучшению положения учителей начальных школ Таврической губернии (1865–1913 гг.) // Материалы X научной конференции «Ло-

превышали 500 руб., каждые три года им также выплачивались надбавки, а педагоги с 25-летней практикой получали до 900 руб. Таким образом, более высокий оклад достигался за счёт стажа, а в школах всех категорий учительницы были значительно моложе учителей: возраст большинства из них составлял 20–30 лет³⁰.

Среди земских учителей империи учителя Ялтинского уезда наравне с петербургскими были самыми высокооплачиваемыми³¹. И всё же уровень их жизни оставался достаточно скромным из-за высоких цен на продукты, обувь, одежду и особенно жильё. Формально они имели право на квартиру с отоплением при школе (две–три комнаты с кухней), но для всех помещений не хватало, а на выделявшиеся квартирные деньги (120–250 руб. в год) можно было снять только одну комнату с кухней, и то лишь на окраине города³². Поэтому уже на рубеже веков учителя сами стали предпринимать попытки улучшения своего положения, проводя учительские съезды, создавая общества взаимопомощи, пенсионные кассы и т.д. В целом же, хотя в 1909 г. годовой оклад народного учителя в Таврической губ. был одним из самых высоких в империи (в среднем 407 руб. в год; самый низкий, зафиксированный в Калужской губ., достигал лишь 199 руб.), местные публицисты указывали, что в США он равнялся 1 300 руб., в Англии – 1 200 руб., в Пруссии – 900 руб., в Бельгии – от 640 до 1 200 руб., во Франции – от 400 до 800 руб. (не считая предоставлявшейся квартиры с отоплением и коровы)³³.

Поощрение педагогического труда могло выражаться также в благодарности губернского и уездного училищных советов и в знаках отличия, которых учительницы удостаивались «за усердие» наравне с учителями³⁴. Так, в 1900 г. Ялтинский уездный училищный совет выразил «глубокую искреннюю благодарность» учительнице Севастопольского начального народного училища И. Грекуловой за 25 лет службы, представив её к награждению серебряной медалью на Станиславской ленте³⁵.

Существенное значение имело также семейное положение учительниц. На рубеже XIX–XX вв. наблюдалась стойкая тенденция – количество одиноких учительниц превышало количество одиноких учителей. Так, согласно статистическим данным за 1914 г., женаты были 57% учителей, а замужем находились лишь 29% женского педагогического состава. После вступления в брак женщины чаще всего покидали школу³⁶. Замужняя же «учительница принималась на службу под условием, что семейные её обязанности не будут отражаться неблагоприятно на аккуратном исполнении ею обязанностей службы»³⁷. Способность будущей матери в случае беременности эффективно продолжать работу нередко вызывала сомнения у школьного начальства. С другой стороны, само

моносковские чтения» 2011 года и X международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов – 2011». Севастополь, 2011. С. 110–111.

³⁰ Сборник по школьной статистике. С. 40–41.

³¹ Сучков И.В. Указ. соч. С. 34–35.

³² Положение земского учителя в Ялтинском уезде // Таврический народный учитель. 1907. № 4–5. С. 11–12.

³³ Разные известия // Там же. 1909. № 9–12. С. 9.

³⁴ Корецкий И. Указ. соч. С. 35–39; Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб., 1898. С. 84–85.

³⁵ ГА РК, ф. 103, оп. 1, д. 83, л. 12.

³⁶ Обзор положения... за 1913–1914 учебный год. С. 47–48.

³⁷ ГА РК, ф. 106, оп. 1, д. 4, л. 108.

пребывание «в положении» долгое время считалось если не неприличным, то глубоко интимным процессом, демонстрировать который казалось вопиющей нескромностью³⁸.

Прекращение работы на время беременности и ухода за ребёнком не оплачивалось. В земских школах отпуск по беременности предоставлялся по решению училищного совета, а сохранение жалования в этот период зависело от управы. До создания на рубеже 1900–1910-х гг. института «запасных» преподавателей учительницу мог заменить её муж, работавший в той же школе³⁹. В гимназиях начальство приглашало на время отсутствия роженицы замену, предоставляя учительнице право самой подобрать кандидатуру на эту должность, однако никаких гарантий сохранения места не было⁴⁰.

В 1907 г. в Таврическом губернском училищном совете рассматривалась жалоба инспектора народных училищ Ялтинско-Севастопольско-Евпаторийского района на незаконные действия Евпаторийского училищного совета, уволившего без его ведома учительницу Евпаторийского 1-го приходского училища Коновалову и назначившего на её место другого педагога. Дело, очевидно, получило огласку, и инспектора открыто поддержал известный общественный деятель городской голова Евпатории С.Э. Дуван. В телеграмме, отосланной из Петербурга, он утверждал, что «учебное дело не страдало от назначения Коноваловой как женщины». Истинную причину нападков на неё Семён Эзрович видел в обыкновенном «кумовстве» и желании председателя Евпаторийского училищного совета дать место своему кандидату⁴¹. Вместе с тем одним из поводов к увольнению стало утверждение, что учительницы чаще меняются, и для учебного дела земству полезнее нанять учителя. Действительно, учителя в данном училище в 1903 г. служили несколько дольше (в среднем пять лет), чем учительницы (менее четырёх лет)⁴². Однако подобное обобщение явно не могло влиять на частные случаи, на что и обратил внимание инспектор. Кроме того, представитель духовного сословия в училищном совете усомнился в способности Коноваловой заниматься с учениками, учитывая её замужество и уход за двумя малолетними детьми. Он припомнил даже, что «в известное время» она нанимала вместо себя малоопытную практикантку, хотя тогда начальство отнеслось к этому снисходительно. Между тем ранее тот же член совета Тихвинский писал инспектору и городскому голове о госпоже Коноваловой как об «усердной к делу, способной, имеющей навык к педагогическому делу и безупречной в нравственном отношении». Теперь же он явно находился под влиянием председателя совета Ульковского, добивавшегося назначения окончившего педагогические курсы при Симферопольском городском училище И. Панатеско и отзывавшегося о Коноваловой как о женщине «нервной и истеричной». К тому же, по его словам, замужней женщине не следовало оставаться в школе, поскольку «служба для такой учительницы и для неё самой вредна, и для учебного дела бесполезна»⁴³.

Со своей стороны инспектор настаивал на том, что действия совета не оправдываются ни законом, ни установившейся практикой. При этом он ссылаясь

³⁸ Пругавин А.С. Указ. соч. С. 275–276.

³⁹ Зубков И.В. Повседневность учительниц земских школ...

⁴⁰ ГА РК, ф. 260, оп. 2, д. 7, л. 5–6.

⁴¹ Там же, ф. 103, оп. 1, д. 89, л. 25, 27, 39.

⁴² Сборник по школьной статистике. С. 41–42.

⁴³ ГА РК, ф. 103, оп. 1, д. 89, л. 22–24.

на три севастопольских приходских училища, в том числе и мужские, школы в Евпаторийском, Ивановском, Михайловском и Сакском уездах, где также успешно преподавали замужние женщины, имевшие детей. «Что касается того, что мысли замужней учительницы “будут витать” около беспомощного малютки, – отмечал инспектор, – то это дело вкусов – некоторые женщины предпочитают до некоторой степени жертвовать уходом за ребёнком, чтобы только семья не сидела голодная и раздетая, и винить их за это нельзя»⁴⁴. Муж Коноваловой получал 30–35 руб. жалованья в месяц, и её увольнение действительно нанесло бы серьёзный удар по семейному благополучию. В итоге дело разрешилось в пользу учительницы⁴⁵.

Помимо своей непосредственной деятельности таврические учителя свободно участвовали в педагогических дискуссиях на страницах газет и журналов, рассуждали о новых методах преподавания и учительских обязанностях. Некая учительница О.Л. предлагала заменить учебники грамматики на хрестоматии, а практику диктантов – списыванием⁴⁶. Чтобы научиться правильно и красиво говорить и писать, по её мнению, нужны были только книги «наших великих авторов». Соглашаясь с нею относительно вреда диктантов для усвоения грамматики, Ф. Ан-ский, однако, считал, что и списывание не менее вредно. Вместе с тем оба признавали необходимость реформ в начальной школе, где «мертвящая, убивающая детский ум схоластика» препятствует успешному усвоению знаний⁴⁷. На страницах периодических и самостоятельных изданий преподаватели Таврической губ. стремились также излагать свой личный педагогический опыт. К примеру, учительница Е.А. Воронова, основавшая в 1886 г. в Алуште небольшую приходскую школу, которую посещали окрестные дети самых разных возрастов, национальностей, вероисповеданий и способностей, убеждала читателей в том, что отношения учителя и учеников должны строиться на взаимном уважении, а не на страхе, и т.п.⁴⁸

В целом к началу XX в. женщины занимали прочные позиции в начальных учебных заведениях Таврической губ. Числом они превосходили учителей-мужчин, среди них имелись представительницы всех сословий и возрастных групп, они обладали различным образовательным уровнем, но все желали работать на пользу общества и вместе с тем заботились о собственной независимости.

⁴⁴ Там же, л. 38–39.

⁴⁵ Дополнительные постановления и распоряжения относительно училищных Советов // *Прогрессив* А.С. Указ. соч. С. 37–38.

⁴⁶ О.Л. Школьное зло // *Таврический народный учитель*. 1907. № 7–8. С. 3–6.

⁴⁷ Объявления // Там же. № 14–15. С. 13–15.

⁴⁸ *Воронова Е.А. Школа в Алуште (из воспоминаний учительницы)*. Пг., 1915. С. 22–23.

«Смерть моя была бы громадной семейной катастрофой»: сюжеты из жизни «буржуазного» профессора в 1920-е гг.

Евгения Долгова

«My death would be a great disaster to my family»: Some episodes from the life of a «bourgeois» professor in the 1920s

Eugeniya Dolgova (Russian State University for the Humanities, Moscow)

В исторических работах последних лет наметился отказ от резкого противопоставления дореволюционного и советского периодов в отечественной науке XX в.¹ Обосновывается положение о том, что, несмотря на изменения в политической сфере, события 1917 г. не привели к однозначному разрыву традиции. В качестве связующих нитей отмечаются персональная преемственность, функционирование научно-исследовательской традиции и устойчивость подходов в рамках сложившихся научных школ. Особая роль в сохранении традиции при этом отводится так называемой «старой профессуре», чьё профессиональное становление пришлось на конец XIX – начало XX в., а активная творческая деятельность совпала с периодом социально-политических трансформаций². В рамках предложенной концепции обосновывается тезис и о том, что механизмы трансляции традиции в 1920-е гг. не были реализованы в полную меру: возможности ведения научно-исследовательской и преподавательской работы для «старой профессуры» были искусственно затруднены, в первую очередь, по причине её отнесения к категориям «бывших людей» и «буржуазных специалистов»³. Однако если отойти от ставших традиционными представлений о

© 2015 г. Е.А. Долгова

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, № 33.2471.2014/К, при поддержке гранта Президента РФ для молодых учёных-кандидатов наук, проект МК- 5264.2015.6.

¹ См., например: Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. И.М. Савельевой, Е.А. Вишленковой. М., 2013; Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х–1930-е годы) / Под ред. А.Н. Дмитриева. М., 2012; *Красовицкая Т.Ю.* Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – 1920-е годы). М., 2011; и др.

² См., например: *Тихонов В.В.* Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М., 2012; *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трёх поколений историков. М., 2008; и др.

³ См., например: *Тихонов В.В.* Указ. соч.; Подвластная наука: Наука и советская власть / Ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцова. М., 2010; Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005; *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии. Брянск, 2005; *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004; Власть и наука, учёные и власть: 1880 – начало 1920-х годов: Материалы международного научного colloquiuma. СПб., 2003. С. 173–185; *Курепин А.А.* Наука и власть в Ленинграде 1917–1931 гг. СПб., 2003; *Романовский С.И.* Наука под гнётом российской истории. СПб., 1999; Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века: Тезисы докладов и сообщений научной конференции, Санкт-Петербург, 19–20 марта 1996 г. / Под ред. Г.Л. Соболева. СПб., 1996; *Перченко Ф.Ф.* Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М., 1995; Репрессированная наука / Под ред. М.Г. Ярошевского. Т. 1–2. М., 1991–1994; и др.

жизни «бывших людей» в послереволюционную эпоху⁴ от рассмотрения судеб «старой профессуры» через коллективный портрет научной генерации⁵, можно отметить пестроту индивидуальных линий вживания учёных в новые политические и социальные практики.

Очевидно, что популярная в исторической науке концепция незащищенности «старой профессуры» вследствие её социального происхождения и высокого положения, занимаемого ею до 1917 г., не вполне выдерживает эмпирическую проверку. Изучение биографий учёных открывает вариативность отношения к ним политического режима и различный объем предоставляемых им творческих возможностей⁶. Спорным и сложно установимым при этом представляется и сведение биографических линий ученых к принятому в науке понятию «поведенческих стратегий» и социальным детерминациям последних (т.е. представлению об активной, сознательно выстраиваемой линии поведения отдельных представителей науки, идущих на протест или сотрудничество с новым режимом)⁷.

В этой связи встаёт вопрос о границах применения просопографического и генерационного подходов при изучении истории науки и научного сообщества в первой трети XX в. При этом сложно без уточнений принять и попытку анализировать историю научного сообщества исключительно через индивидуальные биографии учёных. При всей субъективности, разнообразии, вариативности, дискуссионности научного пространства, существовали некоторые структурирующие, упорядочивающие, объединяющие его характеристики: сложившаяся в научном сообществе система воспроизводства и ротации научных элит; положенные в основу распределения благ принципы – с одной стороны, свободной научной конкуренции, с другой – ранжирования учёных в соответствии с их научным авторитетом и административными возможностями; сдержек и противовесов – неписаных правил, норм, этикета корпоративного поведения (воспринимаемых научным сообществом как форма (тип) социальной связи и символической солидарности)⁸. Именно изучение индивидуальной биографии

⁴ См., например: *Чуйкина С.А.* Жизненные траектории дворян в советском обществе: Ленинград, 1920–1930-х гг. Автореф. ... канд. соц. наук. СПб., 2006; *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 годы. М., 2003; *Alexopoulos G.* Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, 2003; и др.

⁵ См., например: *Серых А.А.* Поколенческая идентичность историков России в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010; *Поколения в науке (форум) // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 17–132; Сидорова Л.А.* Указ. соч.; *Очерки истории отечественной исторической науки...; Герасимов И.В.* Всё влияние «знающим людям»: новая генерация российской интеллигенции как модернизаторы // *Власть и наука, учёные и власть... С. 278–297*; и др.

⁶ При этом жизненные траектории отдельных лиц, не укладывающиеся в предложенную схему «репрессированной науки», трактуются как исключения из правила и служат богатым материалом для отдельных казуальных исследований. Например: *Сорокина М.Ю.* Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // *Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: Материалы научной конференции.* СПб., 1997. С. 248–254; *Колчинский Э.И., Козулина А.В.* Бремя выбора: почему В.И. Вернадский вернулся в Советскую Россию // *Вопросы истории, естествознания и техники. 1998. № 3. С. 3–25; Тодес Д.* Павлов и большевики // *Там же. С. 26–59*; и др.

⁷ См., например: *Гришина Н.В.* Историки «старой школы»: проблема вживания в советскую действительность // *Историк в меняющемся пространстве российской культуры.* Челябинск, 2006. С. 51–57; *Зезегова О.И.* Стратегии выживания учёных переломной эпохи (на примере выходцев из «русской исторической школы») // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7. Ч. 2. С. 62–64*; и др.

⁸ *Бурдые П.* Клиническая социология поля науки // *Социоанализ Пьера Бурдые: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН.* М.; СПб., 2001.

учёного в фокусе этих характеристик (с позиции его функционального положения в системе) позволяет объяснить вариативность в отношениях политического режима и представителей научного сообщества в 1920-е гг.

Не останавливаясь на сюжетах внутренней конкурентной борьбы в научном сообществе 1920-х гг., обратимся к другому аспекту проблемы. В данной работе выдвигается гипотеза о том, что причины вариативности отношения политического режима к учёным заключались не столько в готовности последних идти на компромисс (зачастую он и не требовался), сколько в различии их *символического статуса* – занимаемой учёным позиции в иерархии научного сообщества. В этом случае работал сформулированный Р.К. Мертонем так называемый эффект Матфея в науке – «каждому имеющему будет дано, и у него будет изобилие, а у неимеющего будет взято и то, что он имеет»⁹. Иными словами, не социальный и политический факторы определяли положение учёного «старой школы» в обществе, а скорее его дореволюционный статус диктовал особенности отношения к нему власти и специфику преломления в отношении его советской социальной политики.

Предложенную гипотезу можно рассмотреть на примере постреволюционного периода жизни известного отечественного учёного – историка, социолога, теоретика и методолога науки Николая Ивановича Кареева (1850–1931). Кареев – профессор Санкт-Петербургского университета, в 1910 г. ставший членом-корреспондентом Российской академии наук, а в 1929 г. почётным членом Академии наук СССР – одна из самых заметных фигур в сфере научно-просветительской жизни первой трети XX в. К 1917 г. имя Кареева было широко известно как в Российской империи, так и за рубежом. Его научные труды обеспечили ему лидирующую позицию в научном сообществе: как основателя отечественной школы изучения Великой Французской революции¹⁰ как одного из пионеров в области институционализации социологии в России¹¹, как одного из самых коммерчески успешных авторов школьных учебников и виднейшего специалиста по проблемам образования¹². Авторитет учёного в научной и научно-просветительской деятельности обеспечил ему определённый вес не только в научной, но и в политической сфере¹³, и как следствие этого – наличие системы разветвленных связей в научных, общественно-политических, экономических, культурных кругах.

Как дворянин и представитель дореволюционной научной элиты Кареев, казалось бы, должен был в полной мере испытать на себе особенности отношения большевистского режима к «бывшим людям». Однако в действительно-

⁹ Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 256–276.

¹⁰ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 147.

¹¹ Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995. Гл. 1; Мамонова Ю.В. Н.И. Кареев как историк отечественной социологии. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2010.

¹² Лыскова И.Е. Научно-педагогическая деятельность Н.И. Кареева. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2002.

¹³ Подробнее о политической позиции Н.И. Кареева см. Соловьёв К.А. Николай Иванович Кареев // Кареев Н.И. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и предисл. К.А. Соловьёв. М., 2010. С. 5–15; *он же*. Кареев Николай Иванович // Перводумцы: Сборник памяти депутатов Первой Государственной думы. М., 2006. С. 131–140; *он же*. Николай Иванович Кареев: «Основать новую Россию, которая будет существовать для своих граждан» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007. С. 395–400.

сти картина оказалась гораздо более сложной и неоднозначной. Фактически, большевистская власть признала высокий статус учёного. Особенно заметно это было в сфере обеспечения его материальными благами. При ранжировании учёных в начале 1920-х гг. Кареева отнесли к IV (из пяти) разряду по научной квалификации («выдающиеся учёные, являющиеся инициаторами или виднейшими представителями в России крупных научных направлений и школ и могущие указать ряд самостоятельных научных работников как своих учеников»¹⁴). В 1925 г. по собственному ходатайству он был переведён в V разряд («учёные мирового значения, а равно крупнейшие представители данной науки»)¹⁵. Если мы обратимся к статистике, то увидим, как организовывалась научная иерархия эпохи: по обнаруженной в фонде С.Ф. Платонова справке Петроградской комиссии по улучшению быта учёных «о количестве учёных, зачисленных в разряды», к V разряду были отнесены 29 учёных Петрограда при норме в 25, к IV – 95 учёных при норме в 90, к III («крупные учёные с большим научным и научно-учебным стажем и значительным количеством оригинальных научных работ, могущие руководить подготовкой научных специалистов») – 496 учёных при норме в 500; ко II («самостоятельные преподаватели и научные работники высших учебных заведений и научных учреждений, вполне подготовленные к выполняемой ими работе, имеющие научные и научно-учебные труды») – 1 325 ученых при норме в 1 500; к I («начинающие молодые учёные, имеющие научный стаж в виде хотя бы одной совершенно самостоятельной научной работы») – 866 учёных при норме в 600¹⁶. Разумеется, и распределение преимуществ между разрядами по научной квалификации было различным¹⁷.

Благодаря своему достигнутому до революции высокому статусу Кареев оказался причастен и к системе привилегий, сформулированных советским правительством для определённых социальных групп¹⁸. Так, его прошение о снижении обязательного для всех «революционного» налога, наложенного на учёного осенью 1918 г. (20 тыс. руб.) было удовлетворено (по ходатайству Петроградского университета налог был снижен до 5 184 руб.¹⁹). Вплоть до октября 1929 г. Кареев получал академическое обеспечение от Центральной комиссии по улучшению быта учёных²⁰. В условиях жилищных уплотнений он на практике реализовал право пользования дополнительной комнатой для научных занятий сверх общегражданской нормы жилищной площади²¹. Поддержано было и ходатайство учёного о выделении персональной пенсии от Академии наук СССР в размере 225 руб. с 1 января 1931 г.²²

¹⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ), ф. 585, оп. 1, д. 4922, л. 5.

¹⁵ Там же, д. 1039, л. 26 об.; д. 2957, л. 3.

¹⁶ Там же, д. 1051, л. 1.

¹⁷ Так, по денежному обеспечению за 1922 г. в Петрограде «одному лицу» было выдано: I разряда – 28 500 ден. зн., II – 42 750 ден. зн., III – 71 250 ден. зн., IV – 127 500 ден. зн., V – 171 250 ден. зн. (Краткий обзор организации ПетроКУБУ и её деятельности за трёхлетний период: 12 января 1920 г. – 12 января 1923 г. Пг., 1923. С. 9).

¹⁸ Подробнее о них см.: *Мэтьюз М.* Становление системы привилегий в советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 45–61.

¹⁹ Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб), ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 325–325 об., 330–330 об; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ), ф. 119, к. 19, д. 80, л. 6.

²⁰ ГА РФ, ф. А-539, оп. 3, д. 9032, л. 8.

²¹ ЦГИА СПб, ф. 2995, оп. 1, д. 444, л. 222.

²² ГА РФ, ф. А-539, оп. 3, д. 9032, л. 1–1 об.

Однако, казалось бы, несложно добиться того, что полагается по закону²³. Гораздо ярче роль научного статуса и личных связей в решении социально-бытовых проблем 1920-х гг. иллюстрирует история с изъятием фамильного имени Кареевых – Аносово Смоленской губ.²⁴ Во время кампании по изъятию бывших дворянских имений, проводившейся в соответствии с постановлением Президиума ЦИК СССР от 20 марта 1925 г. «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах»²⁵, смоленское в 1927 г. оно было конфисковано²⁶; но затем по ходатайству ВЦИК возмещено на подмосковное²⁷ (правда, для этого потребовался неформальный «выход» на А.С. Енукидзе через старые связи²⁸). После рассмотрения учёным нескольких вариантов, он получил в пожизненное владение дачу с $\frac{1}{3}$ десятины парка при деревне Никульское Подольского уезда Московской губ. («Белая дача»)²⁹. После смерти отца ходатайство его дочери Е.Н. Верейской об оставлении «Белой дачи» по протекции В.Д. Бонч-Бруевича было поддержано³⁰. В этой истории многое примечательно: и тот факт, что борьба за имение велась больше двух лет (это был единственный случай по статистике Смоленской губ.); и неформальное, сыгравшее решающую роль, ходатайство к А.С. Енукидзе; и положительное решение центрального руководства; и беспрецедентное разрешение конфликта.

Таким образом, статус Кареева защищал семью «старого профессора» в материальном отношении. В письме от 17 апреля 1929 г. к Н.П. Корелиной Кареев, отвечая на вопрос адресата, думает ли он о смерти, писал: «Без меня придётся плохо многим... Смерть моя была бы громадной семейной катастрофой. Вот я её и не хочу. Это не эгоистический страх смерти и боязнь того, что будет там, за гробом, а жуткая мысль о том, как здесь, на земле, будут справляться без тебя близкие тебе по крови люди»³¹.

При этом не существует и убедительных свидетельств того, что, обеспечив учёного в социально-экономическом плане, власть сузила для него как представителя «буржуазной профессуры» творческие (преподавательские и издательские) возможности. В соответствии с дореволюционными нормами, учёный вышел на пенсию ещё 25/12 февраля 1918 г., получив звание почётного профессора; декретом же Наркомпроса от 1 октября 1918 г. его должность была возвращена в сетку штатной профессуры. Судя по свидетельству о заработной

²³ На самом деле, и положенного по закону в Советской России добиться было непросто: так, например, право для научных работников на лишнюю комнату или 20 кв. м сверх общегражданской нормы жилищной площади – постулируемая, но не всегда реализуемая на практике (особенно в Москве и Петрограде/Ленинграде) норма советского законодательства 1920-х гг. См.: *Тайцлин И.С.* Жилищные права и условия научных работников // *Научный работник.* 1927. № 1, январь. С. 38.

²⁴ Подробнее об этом см.: *Долгова Е.А., Тихонова А.В.* «Тяжёлое материальное положение должно будет отразиться и на ходе научных работ...»: частная жизнь профессора Н.И. Кареева, 1917–1931 гг. // *Родина.* 2012. № 7. С. 158–160.

²⁵ Известия ЦИК СССР. 1929. 29 марта, № 72.

²⁶ Государственный архив Смоленской области, ф. Р-13, оп. 5, д. 33; ф. Р-268, оп. 3, д. 25.

²⁷ Там же, ф. Р-268, оп. 3, д. 25, л. 44; ГА РФ, ф. 3316, оп. 32, д. 42, л. 13.

²⁸ Сохранилась и записка, датированная 20 января 1927 г., от члена Президиума ВЦСПС А.А. Андреева секретарю ЦИК СССР А.С. Енукидзе с неформальным ходатайством о «правильном направлении дела» (ГА РФ, ф. 3316, оп. 32, д. 42, л. 2).

²⁹ РГАЛИ, ф. 1094, оп. 1, д. 14; ОР РГБ, ф. 119, к. 18, д. 13, л. 11–11 об.; к. 18, д. 14, л. 14–14 об.

³⁰ ГА РФ, ф. 3316, оп. 32, д. 42, л. 13–13 об., 15.

³¹ Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы), ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 77–77 об.

плате от 9 июля 1919 г., Кареев числился и в Первом Петроградском университете (оклад учёного составлял 2 880 руб. в месяц), и Третьем Петроградском университете (с окладом 2 304 руб. в месяц). Не коснулись его и сокращения, связанные со слиянием петроградских вузов и факультетов, – учёный автоматически получил звание профессора факультета общественных наук Единого Петроградского государственного университета³². Кроме университета Кареев работал и в так называемом Университете имени товарища Толмачёва, и на Кооперативных курсах на Фонтанке, и в Доме литераторов (на Бассейной), и в Доме искусств (на Морской), а с 1922 г. он начал преподавать в Географическом университете. Постановлением Научно-политической секции Государственного учёного совета от 22 июня 1923 г. Кареев был отставлен от чтения лекций в университете (документального объяснения причин этого решения обнаружить не удалось)³³, однако продолжил преподавание в Географическом институте³⁴. В апреле 1924 г. по личной просьбе он был переведен на сверхштатную должность ввиду запрета нового «Положения о научных работниках» одновременно получать пенсию и находиться на государственной службе. В своём заявлении профессор обосновал экономическую целесообразность данного решения и выразил готовность в случае необходимости продолжить работу в институте на условиях почасовой оплаты³⁵. В 1925 г. Географический институт вошёл в состав Ленинградского университета, где Кареев автоматически восстановился. За ним было закреплено чтение спецкурса по исторической этногеографии³⁶. Таким образом, говорить о том, что учёный был «отставлен» от преподавания, не приходится – на тех или иных условиях он работал в высшей школе до 1 сентября 1929 г. Окончательно свою трудовую деятельность Кареев завершил только в возрасте 78 лет в связи с проведением перевыборов профессоров и преподавателей, работавших свыше установленного срока; кроме того, и единственный читавшийся им курс в этом году был исключён из учебного плана³⁷. Несмотря на совпадение в датах с Шахтинским делом 1928 г. и последовавшей за ним волной репрессий, причины произошедшего, вероятнее всего, следует искать в обстоятельствах объективного характера: на момент сокращения учёный достиг весьма преклонного возраста, а единственный читавшийся им спецкурс по исторической этногеографии, по которому даже не сдавался экзамен, к сожалению, не пользовался популярностью среди студентов³⁸.

Не вполне подтверждается и предположение о том, что после 1917 г. для Кареева как учёного «старой школы» сократились возможности публикации его работ. Действительно, в период с 1917 по 1921 г. можно говорить о некотором сокращении публикационной активности исследователя, связанной прежде всего с экономическим кризисом. Однако негативная динамика была

³² ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 304 об.–305; 307–308, 312–315, 329, 333.

³³ В письме к Н.П. Корелиной учёный писал: «В той же бумаге, где об этом было сказано, один был «исключён» из состава профессоры, многие были «переведены за штат», а я, Гревс и еще кое-кто «утверждены» ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 4, л. 113–114 об.). В исторической науке распространена версия «изгнания» В.И. Гревса из университета за «идеализм», относительно увольнения Кареева таких свидетельств обнаружить не удалось.

³⁴ ОР РГБ, ф. 119, к. 19, д. 23; ГА РФ, ф. А-539, оп. 3, д. 9032, л. 12 об.–13.

³⁵ ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 345–346.

³⁶ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 98 об.–99.

³⁷ ОР РГБ, ф. 119, к. 20, д. 32; ЦГИА СПб, ф. 2556, оп. 11, д. 58, л. 94 об.–95; ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 356.

³⁸ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 136. В записной книжке за 1926 г. Кареев отмечал, что на лекцию пришёл только один студент (ОР РГБ, ф. 119, к. 3, д. 13, л. 59).

относительна: в условиях экономического кризиса в 1918–1920 гг. Н.И. Карееву всё же удалось выпустить две книги («Общие основы социологии» в 1919 г. и «История Западной Европы в начале XX века» в 1920 г.), добиться публикации третьей – работы «Великая Французская революция», вышедшей в приложении к иллюстрированному журналу «Нива» несколькими небольшими статьями; в июле 1920 г. был заключён и договор с издательством З.И. Гржебина на написание истории Франции, объёмом до десяти листов. С 1921 г., став рецензентом в журнале «Педагогическая мысль», Кареев получил возможность регулярно публиковаться, а в 1922 г. наряду со статьями удалось выпустить две монографии: «Западная Европа в Новое время: Революция и наполеоновская эпоха» и «Европа до и после войны в территориальном отношении».

К этому же времени относится и единственное встретившееся мне указание на цензурное ограничение: оно связано с изданием одной из последних работ ученого – учебного пособия «Общая методология гуманитарных наук»³⁹. Осенью 1922 г. Петроградский губернский отдел по делам литературы и издательств (Гублит) дал разрешение на публикацию рукописи. Издательство «Наука и школа» успело напечатать часть работы⁴⁰, однако в начале 1923 г. корректура была отозвана из издательства: на её публикацию как учебного пособия потребовалось получение особого разрешения из Государственного учёного совета. После довольно продолжительной задержки в печатании рукописи из Москвы пришло письмо, разрешающее её публикацию на общих основаниях. Однако по причине «резко идеалистической позиции» автора Карееву предложили напечатать работу при условии помещения в ней предисловия с критикой его взглядов. Отказавшись от этого, он предпринял ряд шагов: «Соглашаясь пожертвовать второстепенным, чтобы спасти главное», исследователь предложил внести коррективы в текст работы, смягчив «неудобные с цензурной точки зрения места». Председатель ленинградского Гублита И.Е. Острцов посоветовал учёному обратиться в Главлит, с разрешения которого книга могла быть освобождена от критического предисловия. На докладную записку Н.И. Кареева в Главлит от 3 июня 1924 г. председатель П.И. Лебедев-Полянский уже 9 июня наложил резолюцию: «Если в работе нет мест, неприемлемых с политической точки зрения, пропустить книгу без всяких предисловий»⁴¹. Справедливости ради следует отметить, что «Общая методология гуманитарных наук» так и не вышла в печати – причины этого, очевидно, следует искать в характере издания: как учебное пособие по гуманитарным дисциплинам оно привлекало особое внимание цензуры.

Однако этот цензурный казус не снизил общей публикационной активности Кареева: в 1923–1925 гг. было опубликовано 9 его монографий, посвящённых конкретно-историческим сюжетам⁴². Кроме того, в 1923 г. Кареев подготовил

³⁹ ОР РГБ, ф. 119, к. 39, д. 1–19. Подробнее см.: Долгова Е.А. Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук», 1922–1924 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239–245.

⁴⁰ ОР РГБ, ф. 119, к. 39, д. 11–14.

⁴¹ Там же, к. 19, д. 36, л. 1–3.

⁴² В 1923 г. в издательстве «Сеятель» Е.В. Высоцкого вышли «Очерки социально-экономической истории Западной Европы в Новейшее время» и «Французская революция в историческом романе»; в издательстве «Брокгауз-Ефрон» – «Томас Карлейль. Его жизнь, его личность, его произведения, его идеи»; в издательстве «Наука и школа» – «Девятнадцатый век. Период от 1814 до 1859 гг. Историографический обзор» и «Новейшее время. Период от 1859 до 1914 гг. Историографические очерки». В 1925 г. в том же издательстве «Сеятель» была опубликована работа «Две английские

к изданию и опубликовал перевод работы М. Вебера «Город». 1923–1925 гг. характеризовались и публикацией статей учёного в журналах «Анналы» (три статьи), «Голос минувшего» (две статьи), «Педагогическая мысль» (пять статей). Эти данные позволяют судить о том, что возможность публиковаться у Кареева сохранялась и после «цензурной истории» с «Общей методологией гуманитарных наук».

Подтверждают это и документы 1928–1930 гг., связанные с изданием последних работ Кареева – его воспоминаний «Прожитое и пережитое»⁴³ и монографии «Очерки по истории социологии в России»⁴⁴. Надежды на публикацию мемуаров связывались, в первую очередь, со «старыми издательствами», в частности с издательством М. и С. Сабашниковых, в котором печаталась серия мемуарной литературы и с которым учёного связывали близкие отношения ещё в дореволюционное время. Однако рукопись была отклонена. В письме к Н.П. Корелиной от 25 февраля 1930 г. Кареев с обидой отмечал: «Читал много мемуаров, между прочим, изданных Сабашниковым, а вот мои лежат под спудом. Тот, кто обещал издать, надул»⁴⁵. Отказ побудил учёного искать иные возможности. Узнав о начале публикации издательством «Наука и жизнь» сборников «Минувшее», в письме от 13 января 1930 г. Кареев предложил главе издательства В.Д. Бонч-Бруевичу «рассказ об изгнании из университета в 1899 г.»⁴⁶ Ответа на письмо долго не поступало. И лишь в письме от 9 августа 1930 г. Бонч-Бруевич дал положительный ответ: «Ваша весьма ценная работа действительно мною может быть напечатана. Так как в настоящее время сборники “Минувшее” начинают действительно выходить в свет, и я с твёрдой убеждённостью могу сказать, что их будет выходить много, то и прошу Вас не отказать в высылке Ваших воспоминаний о 1905 г. ... Само собой понятно, что все другие ваши воспоминания о М.М. Ковалевском или о др[угом] – всё крайне интересно». Посылая рукопись о Кровавом воскресенье, историк решил подробнее рассказать о лежавшей «в столе» рукописи: «Что касается до целой книги моих воспоминаний, то она охватывает восемь десятилетий моей жизни: детство, средняя школа, университет, учительство, заграничная командировка, профессура в Варшаве (с польскими отношениями), профессура и общественная деятельность в Петербурге, заграничные поездки и т.д. Время до 1917 г. изложено на 270 стр[аницах], а после ещё на 50 страницах». В.Д. Бонч-Бруевич оценил всю важность книги воспоминаний историка и, как следует из письма от 7 ноября 1930 г., даже договорился о её издании с отделом «Academia» Литературно-художественного Госиздата⁴⁷.

Над последней своей монографией «Очерки по истории социологии в России» Кареев работал с конца 1927 г. до марта 1930 г.⁴⁸ Сохранились заявле-

революции XVII века»; в издательстве «Колос» – 2 тома работы «Историки Французской революции» («Французские историки первой половины века» и «Французские историки второй половины XIX века и начала XX века»). В 1925 г. в издательстве «Колос» вышел третий том «Историков Французской революции» («Изучение Французской революции вне Франции»).

⁴³ См.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.

⁴⁴ В архивах обнаружены два экземпляра рукописи: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН), ф. 980, оп. 1, д. 16; ОР РГБ, ф. 119, к. 38, д. 1–18. В 1996 г. рукопись была опубликована по петербургскому экземпляру авторским коллективом под руководством И.А. Голосенко под названием «Основы русской социологии».

⁴⁵ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 64 об.

⁴⁶ ОР РГБ, ф. 369, к. 282, д. 41, л. 2.

⁴⁷ Там же, к. 159, д. 6, л. 1, 5 об., 7.

⁴⁸ Там же, ф. 119, к. 17, д. 7, л. 26.

ния учёного с просьбой о публикации «Очерков» в Отделение гуманитарных наук АН СССР, Комиссию по истории знаний АН СССР, Президенту АН СССР А.П. Карпинскому⁴⁹. Сохранились свидетельства, позволяющие предположить, что Карееву удалось добиться разрешения на публикацию и этой работы⁵⁰.

Анализ динамики публикационной активности Кареева позволяет сделать несколько наблюдений. Работы учёного порой действительно попадали под цензурные ограничения (однако и в этом случае существовала возможность апелляции к решению вышестоящей инстанции). Однако представление о том, что в 1920-е гг. публикация работ Кареева как представителя «старой профессуры» искусственно затруднялась, не находит подтверждения. Публикационные возможности для исследователя сохранялись и зачастую обуславливались не корпоративными связями внутри научного сообщества, а его индивидуальным весом и заинтересованностью издателя в книге. Как нельзя более ярко это иллюстрирует ситуация с публикацией мемуаров Кареева, отклонённых Сабашниковым и принятых к публикации Бонч-Бруевичем. Работал и механизм публикации через систему рекомендаций и квот – случай с подготовкой к публикации работы «Очерки по истории социологии в России» иллюстрирует, что как почётному члену АН СССР Н.И. Карееву удавалось использовать его возможности.

Таким образом и в творческом отношении учёный не имел искусственных ограничений: возможности ведения преподавательской деятельности и публикации работ сохранялись, хотя и не были безграничными. Однако всё ли было так благополучно в жизни «буржуазного» профессора?

События последних лет жизни Кареева наиболее легко вписываются в схему «репрессированной науки»: в 1928 г. был арестован сын Кареева Константин, в 1929 г. учёный получил вместо «действительного» только «почётное» членство в Академии наук СССР, в 1930 г. на заседании методологической секции Общества историков-марксистов он обвинялся в «выкриках против марксизма» и «стремлении реставрировать свергнутые классы». Попробуем разобраться в хитросплетениях этих лет.

Сын Николая Ивановича Константин («Котик») был арестован по делу религиозно-философского кружка «Воскресение» («дело А.А. Мейера»). Вместе с К.Н. Кареевым по делу проходили И.М. Гревс, О.А. Добиаш-Рождественская, Л.С. Косвен и др. В публикации И. Флиге и А. Даниэля, посвященной истории «Воскресения», приводятся следующие сведения о К.Н. Карееве: «Кареев Константин Николаевич (1883–1945). Служащий; с 1924 – безработный. Сын историка Н.И. Кареева. Арестован 11 декабря 1928 г., освобождён под подписку о невыезде 4 февраля 1929 г., приговорён к лишению права проживания в 6 городах СССР сроком на 3 года. Выслан в Смоленск»⁵¹.

Тот факт, что К.Н. Кареев был освобожден спустя полтора месяца, позволил предположить, что причиной этого стало положение и влияние отца. Вероятно, в какой-то степени об этом свидетельствует и место высылки Константина – хорошо известный семье Кареевых Смоленск. Очевидно, что Н.И. Кареев пытался использовать все свои связи для помощи сыну. В письме к Н.П. Корелиной о поездке к Константину в Смоленск он описывал его подавленное со-

⁴⁹ Там же, к. 18, д. 9–21, л. 4–4 об.

⁵⁰ Там же, к. 19, д. 24, л. 1; к. 18, д. 34, л. 20 об.

⁵¹ Дело А.А. Мейера / Публ., подгот. текста, вступ. коммент. и примеч. И. Флиге и А. Даниэль // Звезда. 2006. № 11.

стояние: «За 15 месяцев, в течение которых я его не видел, он несколько похудел и постарел (седина в боках бороды), но я нашёл его бодрым, хотя в общем, конечно, невесёлым. Положение его прежнее, т.е. бесправное и безработное»⁵². Однако попытки Н.И. Кареева через старые связи добиться получения работы для сына и какого-либо облегчения его положения ни к чему не привели⁵³. База данных «Мемориал» уточнила, что 29 октября 1930 г. Константин, проживающий в Смоленске, вновь был арестован и 17 сентября 1931 г. (уже после смерти Н.И. Кареева) приговорён к трем годам лагерей. В 1932 г., отбыв наказания, он лишился права проживать в 12 населённых пунктах⁵⁴. В письме брату от 31 декабря 1930 г. (когда Константин Николаевич подвергся уже второму аресту) учёный тревожно отмечал: «От Котика вестей нет»⁵⁵. В случае с арестом и последующей ссылкой К.Н. Кареева приходится констатировать, что ни статус Н.И. Кареева, ни система связей в общественно-политических кругах, к сожалению, не сработали. Почему? Обратимся к следующему сюжету.

Летом 1928 г. был опубликован список 225 лиц, рекомендованных как кандидаты в Академию наук разными научными учреждениями и частными группами учёных⁵⁶. Несмотря на научные заслуги Кареева, его кандидатуру в действительные члены не предложили⁵⁷. Среди предлагаемых к избранию были кандидатуры «красных профессоров» Н.И. Бухарина, А.М. Деборина, Н.М. Лукина, В.М. Фриче, Г.М. Кржижановского, И.М. Губкина – именно на это обстоятельство чаще всего обращают внимание в историографии⁵⁸. Но важнее другой факт: в письмах историка В.П. Бузескула секретарю Отделения гуманитарных наук АН СССР С.Ф. Платонову применительно к выборам 1929 г. встречается словосочетание «массовое производство» академиков⁵⁹. Действительно, выборы 1929 г. стали своего рода рекордом по количеству присвоенных званий – их число увеличилось вдвое (вероятно, именно для того, чтобы снять остроту введения кандидатур «красных профессоров»)⁶⁰.

В письмах Платонову Бузескул пытался настоять на кандидатуре Кареева, делая упор на долголетнее служение учёного русской науке и подходящий к случаю юбилей (60 лет со дня появления первой печатной работы). Стилистика писем подчёркивает его настойчивость: «Я по-прежнему держусь того мнения, что справедливость требует избрать в члены Академии проф[ессора] Н.И. Кареева, который давно этого заслужил... Возраст его, конечно, большой,

⁵² ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 58–59 об.

⁵³ Там же, л. 12 об.

⁵⁴ URL: <http://lists.memo.ru/indexll.htm>; дата обращения 25 февраля 2013 г.

⁵⁵ ОР РГБ, ф. 369, к. 282, д. 41, л. 9.

⁵⁶ К выборам новых академиков // Известия. 1928. № 128, 3 июня. С. 5.

⁵⁷ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 301; ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 71 об.–72.

⁵⁸ Подробнее см.: Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. В 2 ч. СПб., 1998; Перченко Ф.Ф. Указ. соч. С. 201–235; *Анапий Б.В., Паняк В.М.* «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки: памяти И.Д. Ковальченко. 1999. № 2 (120). С. 338–350. Подробную библиографию см.: *Леонов В.П.* Академическое дело // Библиография. 1998. № 1. С. 85–94.

⁵⁹ ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 2403, л. 6–6 об.

⁶⁰ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС 1922–1991 / 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С. 55–56; *Мальшева М.П., Познанский В.С.* Партийное руководство Академии наук. Семь документов из бывшего архива Новосибирского обкома КПСС // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 11.

но он не утратил свежести мысли и работоспособности, и я смотрел бы на его избрание как на акт справедливости»; «раз увеличивают чуть не вдвое число академиков, то, может быть, нашлось бы место и для Н.И. Кареева, откровенно говоря, мне больно за него, если при “массовом производстве” академиков он будет обойдён; по моему мнению, он заслуживает избрания»⁶¹. После того как кандидатура Кареева была решительно отклонена Отделением гуманитарных наук, Бузескул смог добиться для учёного вместо «действительного» только «почётного» членства⁶². Сложности всех «подковёрных» игр иллюстрируют опасения, высказанные Бузескулом в письме от 1 января 1929 г.: «Когда же будет происходить баллотировка лиц, представленных в почётные члены? Если не 12 [января], а в следующем затем общем собрании, тогда выборы их будут проходить при новом составе (ибо избранные новые действительные члены после 12 января вступают во все свои права), это может повлиять на результат»⁶³. Но даже в этом отношении результат голосования на выборах был далеко не очевиден: Н.И. Кареев в письме к Н.П. Корелиной писал: «Вам известно, как меня обходили при выборах в Ак[адемию] наук. Теперь там возникла мысль об избрании меня в почётные члены (членом-корреспондентом я состоял давно), и завтра будут выборы, на которых могут и прокатить»⁶⁴. Академия наук СССР сумела избрать Н.И. Кареева своим почётным членом 31 января 1929 г. Но это известие скорее огорчило его, он почувствовал себя «обойдённым». Однако, как показывают документы, вовсе не «красные профессора» обошли «старого преподавателя истории» (как называл себя сам Кареев), а более молодые и активные учёные из одного с ним лагеря.

Сюжеты, связанные с арестом сына и с участием Кареева в выборах в Академию, на мой взгляд, иллюстрируют наметившееся с конца 1920-х гг. ослабление «символического статуса» Кареева в научном сообществе. Учёный, в 1917 г. бывший и успешным, и влиятельным, и знаменитым, в конце 1920-х гг. невольно отошёл на второй план. Причиной этого стали и преклонный возраст, и отсутствие административных ресурсов (Кареев не занимал никаких постов ни в университете, ни в Академии наук, ни в общественно-политических структурах), и «размывание» научного авторитета (работы учёного по проблемам образования, методологии гуманитарного знания (теории истории и социологии) в свете изменений в этих сферах уже потеряли свою актуальность; как специалиста же по истории Великой Французской революции его теснила близкая к политике школа Н.М. Лукина). Результатом этой негативной динамики стало для Кареева сужение реальных возможностей при сохранении некоторых преимуществ (таких как «почётное» членство, персональная премия и т.д.).

Внимание широкой общественности к имени учёного привлекли события декабря 1930 г. На заседании методологической секции Общества историков-марксистов, посвящённом анализу работ Кареева, Бузескула, Д.М. Петрушевского и других «старых профессоров», председатель Общества Н.М. Лукин обвинил Кареева в стремлении «реставрировать свергнутые классы» и в «вы-

⁶¹ Архив Российской академии наук, ф. 2, оп. 1–1928, д. 89, л. 67; ОР РНБ, ф. 585, д. 2403, л. 13 об.

⁶² ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 71 об.–72.

⁶³ ОР РНБ, ф. 585, д. 2403, л. 28.

⁶⁴ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 93 об.

криках против марксизма», раздающихся в иностранной печати⁶⁵. В развёрнутом виде доклад, сопровождаемый критической статьёй Н.П. Фрейберг, был опубликован в издании «Историк-марксист». Фрейберг обвиняла Кареева в «отрицательном, если не сказать, враждебном отношении к марксизму... несмотря на кажущуюся “объективность” работ, посвящённых конкретно историческим вопросам»⁶⁶.

Тот факт, что доклад Лукина был озвучен именно в дни празднования семьёй Кареева 80-летнего юбилея учёного (к слову, АН СССР никак не отметила это событие), ещё более усугубил психологически тяжёлую ситуацию. «Восьмидесятилетних юбилеев не бывает, – писал Кареев, – впрочем, один академик мне всё-таки преподнёс вместо поздравления инсинуацию»⁶⁷. В письме брату В.И. Карееву историк отмечал: «Одна из причин плохого сна в предыдущую ночь заключалась в думах о том, как реагировать на доклад Лукина (академика), который тебе известен из газеты»⁶⁸, а в письме к Н.П. Корелиной от 31 января 1930 г.: «Доклад был первым из целого ряда докладов, общим вступлением в доклады об отдельных ныне живущих историках... За кем дальнейшим очередь, не знаю, но, очевидно, проберут всех ныне живущих историков»⁶⁹.

Публикация материалов заседания методологической секции Общества историков-марксистов в журнале «Историк-марксист» и вечернем выпуске «Красной газеты» встревожила Кареева. Он написал открытое протестное письмо президенту АН А.П. Карпинскому и непременно секретарю СССР Волгину⁷⁰ (копию он разослал некоторым знакомым академикам)⁷¹; письмо в редакцию «Малой советской энциклопедии»⁷². В нём учёный протестовал против сближения его научной деятельности с процессом Промпартии, настаивал на том, что Лукин в действительности «не может указать ни одного места, на котором отразились бы стремления господствовавших классов царской России», указывал, что высказывания Лукина «выходят за пределы чисто научной полемики»⁷³. Ответа на письмо Кареева не последовало. По словам историка, оно осталось «ударом хлыста по воде»⁷⁴. Однако даже решившись на открытый протест, Кареев предпринял все возможные усилия, чтобы исправить негативное впечатление о своих работах. Незадолго до смерти учёного в его черновиках встречается запись о начале работы над статьёй «об историках-марксистах» на французском языке⁷⁵. В ходе работы над рукописью Кареев тщательно изу-

⁶⁵ Буржуазные историки в СССР: Доклад академика Н.М. Лукина в обществе историков-марксистов // Красная газета. 1930. № 305 (2663). С. 2. Н.М. Лукин имел в виду статью Н.И. Кареева «Russie», опубликованную в издании: *Histoire et historiens depuis 50 ans. Méthodes, organisation et résultats du travail historique de 1876 à 1926*. Vol. 1. P., 1927. P. 341–370. Её перевод см.: *Кареев Н.И. Отчёт о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926)* / Публ. подгот. В.П. Золотарёв // *Отечественная история*. 1994. № 2. С. 136–154.

⁶⁶ Буржуазные историки Запада в СССР. (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.): открытое заседание Методологической секции от 18 декабря 1930 г. // *Историк-марксист*. 1931. № 21. С. 77.

⁶⁷ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 4, л. 117.

⁶⁸ ОР РГБ, ф. 369, к. 282, д. 41, л. 9.

⁶⁹ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 123 об.–124.

⁷⁰ СПФ АРАН, ф. 980, оп. 1, д. 47.

⁷¹ ОР РГБ, ф. 119, к. 6, д. 62.

⁷² «Многие его взгляды отразились и на моих исторических высказываниях»: Письмо Н.И. Кареева в редакцию «Малой советской энциклопедии» о его отношении к К. Марксу и марксизму. 1931 г. / Публ. В.П. Золотарёва // *Исторический архив*. 2002. № 6. С. 169–175.

⁷³ СПФ АРАН, ф. 980, оп. 1, д. 47, л. 1.

⁷⁴ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 124.

⁷⁵ ОР РГБ, ф. 119, к. 18, д. 34, л. 20 об. (3 января – 5 января 1931 г.), 21 об. (15 января 1931 г.).

чал материалы своих оппонентов⁷⁶. Однако закончить эту работу он не успел – 18 февраля 1931 г. Кареев скончался.

В чём была причина столь острой критики историка в периодической печати? Помещение имени Кареева в риторичку «академического дела» обусловлено в первую очередь его принадлежностью к академической корпорации и тематикой исследований: учёный являлся крупнейшим специалистом по истории Великой Французской революции – одного из наиболее ангажированных сюжетов исторической науки того времени⁷⁷. Могли бы иметь какие-либо последствия для Кареева доклад Лукина и статья Фрейберг? Среди упоминавшихся вместе с ним «буржуазных историков» – как уже арестованный Е.В. Тарле⁷⁸, так и те, против кого никаких уголовных обвинений не выдвигали – Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, В.П. Бузескул⁷⁹. Планировались ли репрессивные акции или же «окрик красных профессоров» был направлен на дискредитацию научного сообщества и повышение символического статуса в нём представителей нового поколения? Вопрос остаётся открытым. Однако тот факт, что смерть Кареева трагическим образом совпала с высказанными в его адрес обвинениями, которые, к слову, так и не были опровергнуты в публичном пространстве, оказал влияние на посмертную судьбу наследия учёного – в советской исторической науке его творчество отныне ассоциировалось с ярлыками «противника марксизма» и «идеализма» и надолго исчезло из внимания историографической мысли, а будучи возвращённым, оказалось частью историографического клише о репрессиях в отношении «старой профессуры», не способствуя объективному рассмотрению ни биографии учёного ни историографической школы, им представляемой.

Анализ научной биографии Н.И. Кареева на фоне изменений 1920-х гг. позволяет заключить, что в условиях ломки научной системы (в историографии трактуемой как попытки её обновления за счёт смены принципа воспроизводства и ротации научных элит) власть считалась и с символическим статусом учёного, и с корпоративными правилами научного сообщества. Хотя социально-политические условия в целом определяли особенности и динамику функционирования научного сообщества (в том числе положение учёных «старой школы»), отношения власти и отдельного учёного зачастую были индивидуализированы, обусловлены субъективными факторами и выстраивались в соответствии с принципом кумулятивного накопления преимуществ – местонахождения учёного в структуре науки, его научной репутации и потенциала в большей степени и его политической позицией в меньшей.

Под этим сокращением имелась в виду работа «Французская революция в марксистском освещении в России» («La révolution française dans l'historiographie marxiste en Russie»). См.: Там же, к. 42, д. 9, л. 2–75. Предположительно она была подготовлена для публикации в издании: «Encyclopedia for the social sciences» (Там же, к 18, д. 34).

⁷⁶ Так, листок читательского требования свидетельствует о том, что 20 января 1931 г. Кареев заказывал в Библиотеке Академии наук книгу Лукина «Новейшая история Западной Европы» (Там же, к. 42, д. 9, л. 6).

⁷⁷ Подробнее о противостоянии школ см.: *Гордон А.В.* Великая Французская революция, преломленная советской эпохой // *Одиссей: Человек в истории.* 2001. М., 2001. С. 311–336.

⁷⁸ *Дунаевский В.А., Чаткевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле: человек в тисках беззакония // *Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР.* М., 1995. С. 108–127.

⁷⁹ *Чудинов А.В.* Историк воюющий: Н.М. Лукин // *Историк и власть: советские историки сталинской эпохи.* Саратов, 2006. С. 199–250.

«Образ будущей России» в восприятии Ф.А. Степуна (1920–1930-е гг.)

Маргарита Вандалковская

«Future Russia's image» in Fyodor Stepun's works, 1920s–1930s

Margarita Vandalkovskaya

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Оказавшись в эмиграции, русские мыслители 1920–1930-х гг. оставили огромное интеллектуальное наследие, отразившее их научные знания о российском и западноевропейском опыте. Как писал Ф.А. Степун, «если у эмиграции есть какая-нибудь задача, то она не может состоять ни в чём ином, как только в непрерывной работе над возвращением в русской душе и в русском сознании образа будущей России»¹. При этом многие эмигранты связывали будущее России не с вооружённой интервенцией (что было характерно в основном для консервативной и, прежде всего, военной части эмиграции), а с эволюцией социальных отношений и процессов в самой стране. Анализируя специфику и традиции российского прошлого и сравнивая их с историей европейских стран, изгнанники намечали пути желательных преобразований, которые должны были способствовать построению новой России. Как правило, в своих размышлениях каждый из них сосредоточивался на наиболее близких ему аспектах политической, хозяйственной, национальной, международной, культурной жизни. Такие прогнозы (или даже прорицания), отличавшиеся индивидуальностью и свидетельствующие о политической культуре эмиграции и её способности видеть перспективу развития России, делали Н.Н. Алексеев, Б.А. Бахметев, В.А. Маклаков, П.Б. Струве, Г.П. Федотов.

Заметное место среди них занимал и Фёдор Августович Степун (1884–1965) – философ, историк, культуролог, писатель и публицист. По окончании Московского реального училища он отправился в Гейдельбергский университет, где учился под руководством известного учёного неокантианца В. Виндельбанда, изучая историю, политическую экономию, государственное право, историю искусств и литературу. В 1910 г. Степун защитил докторскую диссертацию «Философия истории Владимира Соловьёва»². Вернувшись в Россию, он принял участие в Первой мировой войне³, а после Февральской револю-

© 2015 г. М.Г. Вандалковская

¹ *Степун Ф.А.* О свободе (Демократия, диктатура и «Новый град») // Новый град (Париж). 1938. № 13. С. 36.

² *Stepun F.* Wladimir Solowjew. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Heidelberg. Leipzig, 1910.

³ Его роман «Записки прапорщика-артиллериста» (М., 1918) критики называли одной из лучших книг о том времени.

ции сблизился с эсерами и опубликовал статьи антибольшевистской направленности. В конце 1917 г., переехав в Москву, Фёдор Августович продолжал сотрудничество с эсеровским «Возрождением», какое-то время совмещая публицистическую деятельность с работой на посту заведующего репертуарным отделом «Показательного театра революции». Однако вскоре его уволили «за непонимание пролетарской культуры», проявившееся в постановках «Царя Эдипа» Софокла и «Меры за меру» В. Шекспира.

Заинтересовавшись сборником «Освальд Шпенглер и закат Европы», выпущенным в 1922 г. Ф.А. Степуном совместно с Н.А. Бердяевым, Я.Н. Букшпаном и С.Л. Франком, В.И. Ульянов (Ленин) усмотрел в нём «литературное прикрытие белогвардейской организации». В постановлении Политбюро ЦК РКП(б) «об утверждении списка высылаемых из России интеллигентов» в 1922 г. Степун характеризовался как мистически и эсеровски настроенный философ, который «был нашим ярким, активным врагом, работая в газете правых социалистов-революционеров “Воля народа”». 16 августа 1922 г. Степуна арестовали. На допросе он заявил, что как гражданин относится к советской власти «определённо лояльно», считает всякую вооружённую борьбу с ней политической ошибкой, но как философ видит в большевизме признак «очень сложной религиозной и моральной болезни русской народной души, которая, однако, безусловно пойдёт на пользу её духовного роста». На вопрос о том, как он оценивает процесс над социалистами-революционерами, проходивший в июне–августе 1922 г., Степун ответил, что его проведение показывает «всю духовную неприемлемость... большевистски-коммунистического мирозерцания»⁴.

На основании постановления Коллегии ГПУ, вынесенного 4 октября 1922 г., «в целях пресечения» антисоветской деятельности Степун был выслан за границу и поселился в Берлине. В эмиграции его творчество приобрело огромный размах: выходили яркие и талантливые книги⁵, активно велась преподавательская работа на кафедре социологии в Дрезденской Высшей технической школе. В своих лекциях Степун критиковал национал-социализм и, в частности, предлагавшееся его сторонниками решение расового и еврейского вопросов. Не удивительно, что в 1937 г. он был уволен по доносу за постоянную критику нацистской идеологии и «приверженность к русскости». Ему пришлось сосредоточиться на написании мемуаров, в которых излагались и его мысли о России. Опубликованы они были уже после войны⁶. В 1945 г. во время бомбёжки англо-американской авиацией дом Степуна в Дрездене был разрушен, погибли его архив и библиотека. Сам Степун и его жена уцелели лишь потому, что находились в это время за городом. В послевоенной Германии высоко оценили позицию, занятую Степуном в 1930-е гг. В 1947 г. философу предложили принять специально для него созданную кафедру русской культуры в Мюнхенском университете, где он трудился до конца жизни, читая лекции по литературе

⁴ Кантор В.К. Фёдор Степун: хранитель высших смыслов... // Философия России первой половины XX века. Фёдор Августович Степун. М., 2012. С. 11–12. См. также: Артизов А.Н. К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы. 2003. № 1; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ 1921–1923. М., 2005. С. 337.

⁵ «Жизнь и творчество» (Берлин, 1923), «Театр и кино» (Берлин, 1932), Роман в письмах «Николай Переслегин» (Париж, 1929), «Встречи: Достоевский – Л. Толстой – Бунин – Зайцев – В. Иванов – Белый – Леонов» (Мюнхен, 1962).

⁶ *Stepun F. Vergangenes und Unvergänglichliches. Aus meinem Leben.* 3 Bd. München, 1947–1950 (русский перевод см.: *Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся.* Т. 1–2. Нью-Йорк, 1956; *он же. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р. Гергеля.* Изд. 2, испр. СПб., 2000).

и социологии революции, пользовавшиеся, по свидетельству современников, всеобщим признанием. На родине работы Степуна начали переиздаваться и изучаться лишь в 1990-е гг.⁷

Центральное место в его творчестве всегда занимала Россия, которую он не только любил, но и активно стремился в меру своих сил избавить от всех её недостатков. Будучи философом, Степун обладал ярко выраженным историческим мышлением, каким не всегда одарены и историки. Понимание природы того или иного явления он всегда связывал с прошлым, определяя его точки роста и возможную трансформацию. «Настоящей России, – писал Степун, – одинаково нет как без прошлого, так и без будущего, ибо настоящая Россия мыслима только в единстве своего прошлого и своего будущего». «Разве уж так бессмысленны размышления о прошлом в сослагательном наклонении, – спрашивал он, – разве они ничем не связаны с размышлениями о будущем – в повелительном? Для меня в этой связи весь их смысл и вся их ценность. Многомерность своего сознания я в будущем ни в каких практических целях никогда и ни за что не погашу»⁸. Всё это придавало суждениям Степуна масштабность, основательность и перспективность, позволяло проникнуть в сущность явлений, увидеть их многофакторность и многослойность, проследить различные линии развития и оценить их жизнеспособность. В его подходах ощущалась связь с баденской школой неокантианства, знакомство с трудами В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Э. Гуссерля, М. Вебера, П.А. Сорокина. Так, он утверждал, что «понятие революции – не абстракция, а типологическая конструкция»⁹, а поскольку при определённых исторических условиях возможно повторение уже складывавшейся ранее ситуации, типичные формы и модели революций необходимо изучать одновременно и как универсальные, и как конкретные.

Понимая, что «революция в общепринятом смысле представляет собою очень сложный узел целого ряда исторических тем»¹⁰, Степун видел в ней прежде всего «некое внутреннее событие духа, поскольку её бытие и состоит не в чём ином, как в осмысливании, обессмысливании и переосмысливании жизни»¹¹. Степун возражал против расхожего представления о том, что революция – это «предельно ускоренная эволюция». Напротив, все революции, по его мнению, являлись культурным, социальным и политическим откатом назад, «задним ходом» истории, перерывом в эволюции. Ведь если эволюционное развитие предполагает единство национального сознания и культуры, то революция разрывает его и в представлениях революционеров, и в реальной жизни. «Православные мужики, апеллирующие поджогами усадеб к справедливости царя против засилья помещиков, вместе с ними, мужиками, верующих в Бога и царя, – бунтари, но не революционеры, – считал Степун. – Рабочий же марксист, расстреливающий из пулемёта икону как символ ненавистной богопомазанности царей-преступников – революционер, а не бунтарь»¹².

Ответственность за разложение национального сознания возлагалась им на правящие элиты. По его словам, «начинается оно всюду одинаково: с обездушения господствующих культурных ценностей путём превращения их в факторы

⁷ См.: *Степун Ф.А. Сочинения* / Под ред. В.К. Кантора. М., 2000; Фёдор Августович Степун. Жизнь и творчество / Вступит. ст., сост. и коммент. В.К. Кантора. М., 2008.

⁸ *Степун Ф.А. Мысли о России // Степун Ф.А. Сочинения*. С. 212.

⁹ *Степун Ф.А. Религиозный смысл революции // Степун Ф.А. Сочинения*. С. 378.

¹⁰ Там же. С. 377.

¹¹ Там же. С. 379.

¹² Там же. С. 383.

власти и даже насилия над восходящими к жизни новыми народными слоями, новыми классами»¹³. Степун уверял, что «лишь тогда, когда правящие слои царской России превратили исповедуемую ими религиозную истину в идеологический заслон против народных требований, т.е. обездушили её, восстал русский народ на царя и на Бога во славу Маркса и Интернационала»¹⁴.

Впрочем, и сам перерыв в эволюции Степун склонен был рассматривать диалектически: «Разрушение, производимое революцией, потому только и есть революционное разрушение, что оно вовсе не есть только разрушение, а есть через разрушение осуществляющее себя творчество»¹⁵. Так, французская революция в той или иной степени воплощала провозглашённые ею принципы – свободы, равенства и братства, а в России в 1917 г. был осуществлён лозунг «Земля – народу». Однако русский народ освободился только от помещиков, истинная же и полная свобода наступит лишь в постбольшевистское время.

В том, что «положительная идея революции связана не с Октябрём, а с Февралём», Степун не сомневался. «Февральские лозунги Родины, свободы и социальной справедливости и сейчас составляют краеугольные камни того мирозерцания, под знаком которого только и возможна борьба против большевизма, – писал он в 1931 г. – Верность этого положения должна быть признана незыблемо»¹⁶. Столь же решительно он настаивал на лояльности лидеров Февральской революции к религии и Церкви и говорил про всенародный патриотический порыв весной 1917 г., связанный с большой тревогой за благополучный для России исход Первой мировой войны.

Большевизм рассматривался Степуном как явление «не случайное, не наносное, не искусственно вздутое, а почвенное и первичное». В ленинизме просвещенчески-рационалистическая идеология К. Маркса соединилась с «тёмной маятой русской народной души»¹⁷. Ссылаясь на Ф.М. Достоевского, Ф.А. Степун указывал на связь между «мистической бесформенностью русского пейзажа, варварством мужицкого хозяйства, идейностью и бездельностью русской интеллигенции, религиозностью и антинаучностью русской философии, с одной, и изуверским науковерием и сектантским фанатизмом коммунизма, – с другой стороны»¹⁸. «В кривом зеркале большевистского синтеза», по мысли Степуна, своеобразно переплелись и исказились народническая традиция социалистического мессианизма, «бакунинско-бланкистская направленность бунта», идеи научного социализма. В результате все «искания социальной правды» обернулись не освобождением России, а её «закрепощением церковно-приходским марксизмом Ленина и комсомольской муштрой»¹⁹. Степун утверждал, что «из всех зол, причинённых России большевизмом, самое тяжёлое – растрепание её нравственной субстанции, внедрение в её поры тлетворного духа цинизма и оборотничества»²⁰. Вместе с тем «в большевизме есть всемирность и поэтому острый соблазн для народов всех материков»²¹. Ведь хотя «большевизм ужа-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 384.

¹⁶ Степун Ф.А. Задачи эмиграции // Степун Ф.А. Сочинения. С. 435.

¹⁷ Степун Ф.А. Мысли о России. С. 336–337.

¹⁸ Там же. С. 337, 351.

¹⁹ Степун Ф.А. О человеке «Нового града» // Степун Ф.А. Сочинения. С. 445.

²⁰ Степун Ф.А. Мысли о России. С. 250.

²¹ Степун Ф.А. Германия проснулась // Степун Ф.А. Сочинения. С. 493.

сен, преступен, богопротивен, но в ужасной варварской форме большевистского коммунизма звучит всё же центральная тема эпохи: социальное устройство на земле»²².

Критикуя коммунистический режим, Степун готов был признать достижения и успехи советской власти, особенно в области технического прогресса, а также то, что «за 13 лет своего властвования большевики из печального недоумения русской жизни выросли в грозную мировую силу»²³. Но всё это, по мнению Степуна, лишь свидетельствовало о необходимости активного включения эмиграции в антибольшевистскую борьбу. «Задача эмигрантской ответственности, – полагал он, – создать идеологию будущей России. Подъяремная Россия сделать этого не может. Для этого нужен воздух свободы»²⁴. Конечно, Степун понимал, что вовлечь эмиграцию в эту работу довольно трудно. По духовному облику он делил российское зарубежье на «эмигрантщину», удачно устроившуюся за границей и потерявшую связь с Родиной, и эмиграцию, способную послужить освобождению России. Эмигрантщину, не понявшую произошедшего с Россией и отрицающую будущее во имя прошлого, Степун считал «тяжёлым недугом»²⁵. «Проблема же эмиграции в более узком и существенном смысле этого слова, – писал он, – начинается только там, где... внутреннее эмигрирование стало печальной судьбою не обывательского бездушия, а настоящих творческих душ»²⁶.

Основой духовного возрождения России, по мнению Степуна, как и других религиозных мыслителей, должно быть православие, чуждое как католическому превращению Церкви в государство, так и протестантскому освобождению христианской совести от ответственности за просчёты государственной власти. В историческом опыте русского православия Степун усматривал решение двуединой задачи: безвластного властвования над государством и «внутреннего вовлечения каждой отдельной личности в общественную и политическую жизнь». При этом голос Церкви, обращённый к государству, обществу и отдельной личности, должен был неизменно звучать как предостережение и напоминание о совести. Явный социальный оттенок Степун отмечает и в истории русской православной мысли: западники и славянофилы характеризуются им как носители идей православной соборности и социалистического коллективизма, Достоевский идёт к православию через социализм и ссылку, Н.Ф. Фёдоров создаёт «Общее дело», Вл.С. Соловьёв стремится к «оправданию добра», С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк приходят к вере кружным путём – через марксизм, но остаются верны идеалам своей юности и надеждам на праведное социальное устройство человечества и т.д.

Размышляя над наметившимся в мире в 1920–1930-х гг. «переходом от эпохи безыдейной свободы к эпохе насильнической идейности» и натиском идеократических режимов, Степун убеждал своих читателей в актуальности принципов социального христианства и своевременности лозунга «христиане на политический фронт»²⁷. В то же время православно-русское решение вопроса о роли христианства в общественной и культурной жизни Степун пытался

²² Там же.

²³ Степун Ф.А. Путь творческой революции // Степун Ф.А. Сочинения. С. 426.

²⁴ Степун Ф.А. Задачи эмиграции. С. 442.

²⁵ Степун Ф.А. Мысли о России. С. 307, 303–314.

²⁶ Там же. С. 228.

²⁷ Степун Ф.А. Христианство и политика // Степун Ф.А. Сочинения. С. 414–421.

связать не с доминировавшей прежде иосифлянско-синодальной линией, а с учением Нила Сорского и заволжских старцев, требовавших невмешательства светских властей в церковные дела, учивших пастырей не бояться земных владык и беречь свободу духовной жизни.

Степун рассчитывал на то, что в будущей России сотрудничество Церкви и государства окажется творческим и плодотворным. Обязательным условием этого он признавал как отделение Церкви от государства, так и неустанную заботу духовенства «о праведности государственных путей» и тесном соединении религиозной жизни и национальной культуры. Доказывая возможность подобных отношений, Степун ссылаясь на «почти чудесную связь православного монастыря с глубиной народной жизни и с вершинами национальной культуры, осуществляемую в Оптиной пустыни»: её старцы не только помогали толпам паломников советом и словом, но и ввели в свою обитель величайших русских писателей и мыслителей – Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и Вл.С. Соловьёва.

Наиболее приемлемым для будущей России общественным строем Степун считал социализм. Вместе с тем он признавал, что «реальная сила и значительность социализма как мирозерцания и волеустремления – не в идеологической состоятельности социалистического учения, а в анализе фактической несостоятельности капитализма»²⁸. Именно поэтому разрыв религии и социализма казался ему вредным и для религии, и для социализма. Напротив, основы социализма – нравственный протест против превращения человеческой личности в функцию хозяйственного производства, против расслоения человечества на враждующие классы, против обездушенности капиталистического общества и его лжеобъективной науки, не стремящейся к преобразованию мира, – требовали, по мнению Степуна, религиозного углубления.

Более того, в России социализм должен был приобрести национальную окраску и проявиться как «стиль русской духовности и своеобразный дух русской культуры»²⁹. Степун констатировал, что на Западе социализм отказался от веры в Бога, в свободное творчество, в иррациональную, духовную глубину человека и не смог изжить буржуазный индивидуалистический дух с его верой в неизбежность прогресса и реализацию «прав человека и гражданина», лишённых всякого религиозного смысла. Между тем «то, чего не осилил западноевропейский социализм, оказалось вполне по силам большевизму». Ведь, по словам Степуна, «Колумбово яйцо большевизма – радикальная отмена человека с большой буквы»: «Если либеральная буржуазия, а за ней и европейский социализм отказались от легенды, что душа человека – это дыхание Божье, то большевизм всерьёз поверил, что никакой души человека нет, а потому в сущности нет и самого человека. Есть только пролетарий, душа которого отработанный пар в котле, и буржуй, – душа которого отработанный пар котла»³⁰. Поэтому противостояние капиталистического и коммунистического укладов для Степуна – борьба сиамиких близнецов, гибель которых неизбежна. Однако он утверждал, что «окончательное крушение потерпела в России не Россия и не социализм, а всего лишь оторванная от идеи социализма социалистическая идеология большевиков»³¹. Это позволяло ещё надеяться на возрождение.

²⁸ Степун Ф.А. Мысли о России. С. 338.

²⁹ Там же. С. 370.

³⁰ Степун Ф.А. Путь творческой революции. С. 427–428.

³¹ Степун Ф.А. Мысли о России. С. 341.

Оптимистический взгляд на грядущее возрождение России Степун выразил на страницах журнала «Новый град», издававшегося им в содружестве с И.И. Бунаковым-Фондаминским и Г.П. Федотовым в Париже в 1931–1938 гг. (всего вышло 14 номеров). Уже само его название, несмотря на обманчивую отсылку к небесному Иерусалиму, возвещало создание «праведного общества, основанного на христианской морали». «Для нас, похоронивших отечество, – заявляла редакция в первом же номере, – необходимо быть с теми, кто готов бороться, готов странствовать – не в пустыню, а к Новому граду, который должен быть построен нашими руками, из старых камней, но по новым зодческим планам»³². Степун и его единомышленники продолжали верить в возможность изменить мир и общественное сознание, развивая в «Новом граде» свой «замысел о новом человеке в его обращённости к государственной, политической, общественной и социальной жизни»³³. Именно создание нового человека являлось неременным условием будущих преобразований³⁴.

Намечая свою программу переустройства современного мира и делая прогнозы на будущее, авторы «Нового града» исходили из убеждённости в несовершенстве и духовной несостоятельности как европейских демократических и фашистских режимов, так и Советской России. Но для того чтобы исправить положение, они предлагали не разрабатывать новые рецепты и конституции, а отказаться от прожектёрства, освободившись от большевистской идеологизации и европейского доктринёрства.

Журнал изначально занимал «определённо демократические позиции», выявляя и отстаивая «постоянное и существенно ценное» содержание принципов демократии, меняющих в процессе развития свои исторические формы³⁵. Особое внимание его авторы уделяли критике политической практики демократических стран.

Степун и его коллеги резко критиковали парламентскую демократию Запада 1930-х гг. Её «главный порок» они усматривали в равнодушии к вопросам мирозерцания. «Давно пора демократии, – писал Степун, – перестать защищать только хозяйственные интересы и политические права народа, давно пора думать и о защите его духовного состояния и духовного творчества. Давно пора перестать выменивать у народа Бога на хлеб, пользуясь его нуждой и темнотой. Такая защита народных интересов неизбежно должна рано или поздно привести к власти “демократов” над народом, т.е. к превращению политической демократии в скрытую идеократию демократического толка»³⁶. Степун напоминал о религиозной основе свободы и полемизировал с русскими публицистами от А.И. Герцена до М. Горького и от К.Н. Леонтьева до Н.А. Бердяева, не отделявшими мещанство от демократии, тогда как «корни демократии – религиозные корни реформации, корни мещанства – рационалистические корни позднего просвещения»³⁷.

³² Редакция // Новый град. 1931. № 1. С. 4–5; *Вандалковская М.Г.* Европа и возрождение России в программе журнала «Новый град» // *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М., 2009.

³³ *Степун Ф.А.* О свободе ... // Новый град. 1938. № 13. С. 12.

³⁴ *Степун Ф.А.* Идея России и формы её раскрытия (Ответ на анкету Пореволюционного клуба) // *Степун Ф.А.* Сочинения. С. 497–498.

³⁵ Редакция. Германия «проснулась» // Новый град. 1933. № 7. С. 3.

³⁶ *Степун Ф.А.* Мысли о России. С. 358.

³⁷ *Степун Ф.А.* О человеке «Нового града». С. 450.

Сетуя на «невнимательность к отдельной человеческой душе» со стороны политических деятелей и интерес партий к каждому из своих членов, лишь «поскольку он похож на всех остальных, а не постольку поскольку он ни на кого не похож»³⁸, Степун болезненно ощущает усиливающееся преобладание во всех областях специалистов: «Этим учёным специалистам мы обязаны всеми внешними усовершенствованиями нашей жизни, но и исчезновением из неё личности и всеобещающих целостных постижений, без которых мы и в научном свете двигаемся, как впотьмах. Живых глаз, которыми личность смотрит на мир, ни научными, ни даже религиозными точками зрения заменить нельзя»³⁹.

Но, критикуя западную демократию и большевизм, Степун столь же решительно выступал и против каких-либо попыток восстановления монархии. В России, полагал он, монархия пала «не как отвлечённая политическая категория, а как вполне конкретный социальный политический строй» с присущим ему в годы царствований Александра III и Николая II «духом безволия и произвола, самоуверенности и растерянности, топанья на месте и топанья ногой, духом творческой бездарности и административного рутинёрства», которые и привели к проигранной войне и революции⁴⁰.

Оптимальной политической системой Степуну казалась «авторитарная демократия» с сильной президентской властью и свободно выбранными Советами. Президента следовало выбирать всенародным голосованием, на пять лет, предоставляя ему диктаторские полномочия и право назначения министров. Высший же орган народного представительства («Совет советов») должен был обладать лишь совещательным голосом, для того чтобы освещать деятельность правительства, предупреждать президента от ложных шагов и готовить общественное мнение к новым выборам. «Вне формы авторитарной демократии, – утверждал Степун, – русская идея неосуществима». Тем самым, писал он, «слово “демократия” должно получать в пореволюционной России новый, металлический звук»⁴¹. Подлинное народоправство, по его мысли, требовало признания абсолютной ценности человеческой личности, созданной Богом, и восприятия народа не как атомизированного коллектива, а как единой соборной личности, также имеющей божественное происхождение. Однако подобное «ощущение демократии», как выражался Степун, оставалось чуждо и «беспозвоночному демократу-пролетарию», лишённому религиозных корней, и фашисту, склонному к цезаристскому обожествлению диктатора⁴².

Только «авторитарная демократия», по мнению философа, могла осуществить в постбольшевистской России преобразования, необходимые во всех сферах хозяйственной жизни, сохранить в своих руках собственность на землю и одновременно обеспечить интересы крестьянства. Огромная территория, считал Степун, коренным образом определила стиль русского творчества, включая и земледелие. В результате «колониационного разлива» и постоянного расширения хлебородных равнин в России столетиями создавались приёмы малокультурного, варварского хозяйствования и психология «безлюбовного отношения к любимой земле», не изменившиеся и при крепостном праве, и после его отмены. По наблюдениям Степуна, страстные мечты о земле не мешали

³⁸ Степун Ф.А. Мысли о России. С. 236.

³⁹ Степун Ф.А. Нация и национализм // Степун Ф.А. Сочинения. С. 942.

⁴⁰ Степун Ф.А. Мысли о России. С. 298–300.

⁴¹ Степун Ф.А. Идея России и формы её раскрытия... С. 500–501.

⁴² Там же.

русскому мужику «зряшно» к ней относиться. При этом Степун считал, что душа всякого народа похожа на душу той земли, которую он возделывает и застраивает. Сущность же русской природы виделась ему в бесформенности, но «не в смысле малой выразительности её форм», а как мистическое утверждение абсолюта и варварское отрицание всех форм культурного творчества. Не случайно индустриализацию сельского хозяйства Степун связывал с атеистическим рационализмом и отречением от веры в чудо. А «культурно-хозяйственное убожество народной жизни» он сближал с «духовной существенностью русского религиозного сознания», с содержанием произведений Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского как «всемирно значительных иероглифов русской народной религиозности»⁴³.

Указывая на особую роль культурно-невоспитанного, убогого, но религиозного крестьянского сознания, Степун отмечал, что вплоть до революции русский народ был ограждён от влияния культуры не только «убожеством хозяйственных форм», но и политикой царей, державших народ в темноте из корыстных династических соображений. Между тем некультурность, необразованность русского народа «спасли» его от полупросвещения, характерного для Западной Европы, задержали обездушение жизни и расцерковление народного сознания. Революция стала крушением народной веры, а неверие перешло в циническое безбожие. «В этом диалектическом срыве народной души» Степун искал «объяснение напряжённости и высоты метафорической проблематики русской революции» и её «предельному окаянству»⁴⁴.

В 1934 г. в статье «Идея России и формы её раскрытия» Степун сформулировал принципы организации хозяйства будущей России. Одним из них являлся «радикальный отказ» от идеологического подхода к экономике, характерного как для большевистской России, так и для демократий Запада. «Ни коллектив, ни собственность, – заявлял Степун, – сами по себе не святы и не ценны». Весь «смысл хозяйства» он видел в том, «чтобы устроить человека на земле», укрыть, обуть, одеть, согреть, напоить, накормить, защитить от всяких неожиданностей и опасностей и затем уже «создать экономический избыток», обеспечивающий обществу и государству возможность удовлетворить культурные потребности человека. К этому «первичному смыслу» хозяйства тесно примыкал и другой, «более глубокий и сокровенный», согласно которому «праведен всякий труд только таящимся в нём творчеством», а его сущность состоит в раскрытии личности творца⁴⁵. «Вся задача пореволюционного строительства, – писал Степун, – должна заключаться в том, чтобы в муках рождённую трудовую жизнь, в очень большой степени приравнявшую бедных и богатых, знатных и простых, духовно утончённых и малограмотных, не просто отринуть, но, до неузнаваемости повысив её бытовой и хозяйственный уровень, как-то и удержать как основу новой соборной и универсальной христианской культуры»⁴⁶.

Крестьянское отношение к земле Степун признавал «очень сложным чувством». Крестьянин любит свою землю, но не чувствует себя хозяином жизни, поскольку плодородность и благополучие его хозяйства зависят от Бога. Причём земля для него – почва, но не пейзаж. «Из всех русских писателей, – отмечал Степун, – Достоевский, быть может, сильнее всех чувствовал землю, но во

⁴³ Степун Ф.А. Мысли о России. С. 318–323.

⁴⁴ Там же. 322–323.

⁴⁵ Степун Ф.А. Идея России и формы её раскрытия... С. 501–502.

⁴⁶ Степун Ф.А. Чаемая Россия // Степун Ф.А. Сочинения. С. 530–532.

всех его романах совсем нет пейзажа. Тургенев был величайшим русским пейзажистом, но чувства земли, её недр, её плодородного лона, её божьей плоти и её живой души у него нет. Крестьянское чувство земли очень близко к чувству Достоевского, помещице – ближе к тургеневскому. У Достоевского и у мужика чувство земли онтологично». Крестьянин – собственник, но собственность для него не юридическая, а религиозно-нравственная категория, так как «право на землю даёт только труд на земле, труд, в котором обретается онтологическое ощущение земли и религиозное преображение труда». Тем самым в крестьянской душе сплетается утверждение труда как условия земельной собственности и ощущение возделанной земли как религиозной основы жизни⁴⁷.

Коллективистские идеи и колхозное строительство Степун рассматривал как «насильническое разрушение» личности крестьянина. В постбольшевистской России государству следовало поддержать и финансово обеспечить естественное стремление крестьян-колхозников выйти из «крепостнических» колхозов и вернуться к единоличному хозяйству, разумеется, избегая при этом всякого насилия и не перенося ненависть к «идеократически закупоренным колхозам» на все формы артельно-кооперативных объединений. Изъятие же земли «из бесконтрольного частновладельческого оборота» во избежание капитализации аграрных отношений должно было, по словам Степуна, привести «к утверждению подлинного смысла землевладения», основанного на трудовой и нравственной связи человека с природой.

Степун предсказывал также, что утверждение и развитие сделанного большевиками обеспечит обновлённой России расцвет промышленности. Все ключевые производства в новой России он рекомендовал сохранить в ведении государства, которое контролировало бы и частновладельческий сектор, предотвращая эксплуатацию рабочих предпринимателями. Соответственно, плановость по-прежнему играла бы в организации промышленности значительную роль. Самой сложной задачей Степуну казалось развенчание психологии пролетария и мифологии марксизма и большевизма. По его мнению, разработке природных богатств, строительству фабрик и заводов гораздо больше способствовало бы другое мировоззрение, опирающееся на чувство национального достоинства русского человека, способного к красоте и поэзии и свободного от догматизма⁴⁸.

Называя себя «державным» государственным деятелем и сожалея о происходившей в эмиграции денационализации, Степун не скрывал, что «культурное самоопределение национальных меньшинств» вызывало у него отторжение. Признавая его «заветным» стремлением всей русской либеральной и социалистической демократии⁴⁹, Степун был убеждён в том, что государство нуждалось в другом: в укреплении значения русского народа и «русскости» как своеобразного стиля культуры.

Степун был далёк от отрицания каких-либо успехов Советской России, и у него не вызывали одобрения «люди внутренне глухие к сложнейшей теме большевизма, не чувствовавшие её глубокой укоренённости в русской душе и русской истории, её провиденциальности для наступающих судеб всего человечества, её громадного размаха и тончайшего соблазна». Он дистанцировался от той части эмиграции, которая не понимала, что «большевизм не только зло-

⁴⁷ Степун Ф.А. Мысли о России. С. 217–218.

⁴⁸ Степун Ф.А. Чаемая Россия. С. 531–532.

⁴⁹ Степун Ф.А. Мысли о России. С. 208–209; *он же*. Нация и национализм. С. 493, 491.

стный поджог и страшный пожар России, он ещё и вечерняя заря старого мира, и утренняя заря какого-то нового дня истории, быть может, очень жестокого и безумного (какой взойдёт день, зависит, между прочим, и от каждого из нас)». «Вот этой-то зари..., – заключал Степун, – ни белогвардейскими пулями не расстреляешь, ни демократическим красноречием не зальёшь. Тут нужны иные творческие силы». Однако многие предпочитали жить прошлым, и диалектическое понимание революции оставалось для них недоступно (не случайно Степун характеризовал их сознание как «дореволюционное», используя заведомо абсурдное, применительно к противникам большевиков, определение). Со своей стороны, Фёдор Августович называл память о прошлом России «прямым долгом каждого русского человека». Он признавал, что «память – величайшая духовная сила, в ней основа всякой традиции, всякой культуры, она же – и мерило человеческого благородства». Но одних воспоминаний (тем более корыстных) для выполнения задач, стоявших перед русской эмиграцией, было, по его мнению, недостаточно. Между тем настоящими антибольшевиками не могли быть те, кто не понимал природу большевизма.

Эмигранты «философских пароходов», высланные из России в 1922 г. (носители «пореволюционного сознания», по терминологии Степуна), отчётливо это сознавали, видя в большевизме не только ложь, не только реальность, которую необходимо учитывать, но и новый этап в поступательном развитии страны. Они старались руководствоваться идеями, извлечёнными из немых недр подъяремной России, соединяя «покорную тонкость слуха со страстной напряжённостью мысли»⁵⁰. Степун постоянно указывал на необходимость сотрудничества с Россией, понимания её настроений, сближения с её людьми и особенно с теми из них, кто испытывал потребность в постепенном преодолении и изживании большевизма. Проблема духовных основ общественного устройства будущей России приобретала для Степуна и его единомышленников в 1920–1930-х гг. определяющее значение, что проявлялось и в особом внимании к формированию нового человека, которому и предстояло возродить отечество.

⁵⁰ Степун Ф.А. Мысли о России. С. 292; *он же*. Задачи эмиграции. С. 435–442.

Становление колониального права в Русской Америке

Александр Петров, Иван Савельев, митрополит Климент (Капалин)

The Origins of Colonial Law in Russian America

Alexander Petrov (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow),

Ivan Savelev (Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Archangelsk, Russia),

Metropolitan Kliment (Kapalin) (Russian Orthodox Church Publishing House, Moscow, Russia)

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. в состав Российской империи входили территории Нового Света (Алеутские острова, часть Североамериканского континента с прилегающими островами). Там же располагались поселения, контролировавшиеся акционерной, монопольной Российско-американской компанией (РАК, находилась под императорским покровительством), но формально существовавшие вне юрисдикции Российской империи (Форт-Росс в Калифорнии, Елизаветинская крепость на Гавайских островах и др.). Все эти территории и поселения назывались «российско-американскими колониями», а в дальнейшем «Русской Америкой».

С точки зрения историко-правовой науки, Русская Америка – это территории, находящиеся под властью метрополии, лишённые в основном политической и экономической самостоятельности, управляемые на основе специального режима¹. Последний стал возможен благодаря наличию определённой нормативно-правовой базы, которую мы предлагаем назвать «колониальным правом», возникшим в нашей стране на основе норм, сложившихся в ходе освоения Сибири и дальнейшего движения «за океан».

Рассматриваемая тема лишь косвенно затрагивалась в работах отечественных учёных: П.А. Тихменёва, изучавшего структуры РАК, Н.Н. Болховитинова, исследовавшего процесс становления и развития российско-американских отношений, С.Б. Окуня, развившего теорию о широком плане экспансионистских стремлений государства, Р.В. Макаровой, описавшей деятельность первых промысловых компаний, С.Г. Фёдоровой, занимавшейся вопросами, связанными с этнографией Русской Америки, А.Ю. Петрова, проанализировавшего финансово-хозяйственную деятельность РАК, митрополита Климента (Капалина), рассмотревшего проблему взаимодействия Русской Православной Церкви со служащими РАК и местными жителями². Касались этой темы и зарубежные

© 2015 г. А.Ю. Петров, И.В. Савельев, Климент (Капалин), митр.

¹ Похлёбкин В.В. Колонии и колониальная политика // Советская историческая энциклопедия. Т. VII. М., 1965. С. 517.

² Тихменёв П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий её до настоящего времени. Т. I–II. СПб., 1861–1863; Окунь С.Б. Российско-американская

авторы: Г. Банкрофт рассмотрел процесс проникновения русских на Аляску и в Калифорнию, Дж. Гибсон выявил особенности снабжения продовольствием колоний на Аляске, Б. Дмитришин провёл анализ административного аппарата РАК³. Колониальное право всегда рассматривалось в связи с изучением уставов РАК, структуры органов её управления, обязанностей служащих, санкций за должностные правонарушения. Иными словами, в указанных трудах сложно проследить генезис и эволюцию правовой составляющей процесса освоения Русской Америки.

Изучение данной темы довольно затруднено по причине того, что учёные зачастую действуют в рамках сугубо исторического исследования, используя специфический инструментарий. То же можно сказать и о «классических» юристах. При постановке проблемы мы опирались на положения российской юридической науки (И.Д. Беляев, В.Н. Латкин⁴), исследования эволюции взаимоотношений имперского центра и местной администрации (В.Е. Романовский, Н.П. Ерошкин⁵), а также на работы о гражданском праве в разрезе деятельности акционерных обществ (Г.Ф. Шершеневич, К.П. Победоносцев⁶). Отечественные специалисты Ф. Мартенс и В.В. Еремян использовали понятие колониального права, но не дали его определения⁷. В последние годы изучение отечественных колоний в Новом Свете происходит на междисциплинарной основе – появились работы историков, филологов, экономистов, археологов и юристов⁸. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты проблематики, связанные со становлением российского колониального права как комплексной отрасли, регулировавшей достаточно широкий круг отношений и определявшей процесс открытия новых земель и закрепления их за метрополией, а также вопросы функционирования купеческих промысловых компаний, статуса различных групп населения, взаимоотношений с зарубежными партнёрами и др.

Российское колониальное право формировалось на основе предпринимательского, нормы которого были закреплены в валовом контракте – специальном соглашении между купцами, которые организовывали охоту на пушного зверя, и работными людьми. Особой составляющей при этом стали конфессиональные нормы, что было связано с активной миссионерской деятельностью

компания. М.; Л., 1939; *Болховитинов Н.Н.* Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991; *Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968; *Фёдорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века – 1867 г. М., 1971; *Петров А.Ю.* Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006; *Климент (Капалин), митр.* Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М., 2009.

³ *Bancroft H.* History of Alaska (1730–1885) // Works of H.N. Bancroft. Vol. XXXIII. San Francisco, 1886; *Gibson J.* Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America. 1784–1867. N.Y., 1976; *Dmytryshyn B.* The Administrative Apparatus of the Russian-American Company, 1798–1867 // Canadian-American Slavic Studies. 1994. Vol. 28. № 1. P. 1–52.

⁴ *Беляев И.Д.* Лекции по истории русского законодательства. Изд. 1. М., 1879; *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). Изд. 2. СПб., 1909.

⁵ *Романовский В.Е.* Государственные учреждения древней и новой России. Изд. 3. М., 1911; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

⁶ *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1995; *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. В 3 ч. СПб., 1868.

⁷ См.: *Мартенс Ф.* Колониальная политика современных государств // Вестник Европы. 1885. Т. VI; *Еремян В.В.* Местное самоуправление и муниципальное управление в Латинской Америке: исторический опыт генезиса. М., 1999.

⁸ *Петров А.Ю., Климент (Капалин), митр., Малахов М.Г., Ермолаев А.Н., Савельев И.В.* История и наследие Русской Америки // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 12. С. 1090–1099.

Русской Православной Церкви в этом регионе. Православие не только влияло на формирование семейно-правовых отношений, но и посредством исполнения обрядов Крещения и Венчания «поднимало» аборигенов до уровня положения подданных Российской империи.

Исследуемая отрасль права прошла три стадии развития: первая (становление) связана с открытием и освоением новых земель силами самостоятельных небольших купеческих (промысловых) объединений; вторая характеризуется действием привилегированных монопольных торговых компаний; третья (заключительная) – ликвидацией монопольных торгово-колониальных компаний и переходом колоний под управление метрополии и дальнейшего придания им статуса доминионов и протекторатов. Последний период не был свойствен для России, что связано с её продажей Аляски США в 1867 г.

Периоду становления российского колониального права (середина – конец XVIII в.) были присущи отсутствие чёткой системы правовых норм, регулировавших приобретение и освоение Россией новых территорий (основная роль здесь отводилась праву первооткрытия и первозаселения); включение этих земель в экономический оборот страны; начало организации и функционирования торговых (купеческих) компаний и предоставление Санкт-Петербургом льгот отдельным купцам⁹. Здесь преобладала частноправовая составляющая, так как территория Русской Америки находилась далеко от органов центральной власти, которые имели возможность лишь косвенно влиять на участников экспедиций и следить за соблюдением ими законодательства. Перемены начались при появлении в северной части Тихого океана кораблей под Андреевским флагом – соблюдение устава Военно-морского флота и текущего законодательства в колониях обеспечивалось офицерским составом, кроме того, морские офицеры имели право осуществлять предварительное расследование в отношении купцов и промышленников, преступивших закон на территории Русской Америки.

Сначала в регионе стали действовать нормы государственного и административного права России. Это были подзаконные нормативно-правовые акты, исходившие как от органов имперского уровня (указы монарха, Сената и Синода), так и от местного – сибирского генерал-губернатора, коменданта Охотского порта, Большерецкой и Нижнекамчатской канцелярий (инструкции и распоряжения)¹⁰. Некоторые из этих актов, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, исследователи Русской Америки при изучении географических открытий на Тихоокеанском севере использовали как сугубо исторический, но не правовой источник. Позже появились документы, содержащие в себе частноправовые нормы, прежде всего валовые контракты (однако они не были отражены в актах официальной публикации, проведённой М.М. Сперанским в начале 1830-х гг.).

Одним из первых источников по рассматриваемой теме можно считать инструкцию Петра I, предписанную капитану 1-го ранга В.И. Берингу (1725), возглавившему Первую Камчатскую экспедицию 1725–1730 гг.¹¹ В инструк-

⁹ Савельев И.В. Российское колониальное право: К постановке проблемы // Актуальные проблемы правовой науки. Вып. 2. Архангельск, 2002. С. 57.

¹⁰ Савельев И.В. Дуализм колониального права: на примере системы управления Русской Америки // Российское и европейское право: традиции и стратегия развития в условиях глобализации: Материалы международной научно-практической конференции. Архангельск, 2008. С. 73.

¹¹ ПСЗ-I. Т. 7. № 4649. С. 413.

ции, хотя и косвенно, повелевалось включить обнаруженные земли в состав Российской империи – по праву первооткрытия и первозаселения. Капитан чётко следовал инструкции, но проигнорировал неблагоприятную ситуацию, сложившуюся в ходе плавания, что привело к безрезультатному поиску земель севернее Камчатки.

Первенство же открытия Америки со стороны Тихого океана принадлежит экспедиции М.С. Гвоздева–И. Фёдорова. 21 августа 1732 г. «Св. Гавриил» подошёл к Американской земле северо-восточнее мыса Принца Уэльского, но из-за плохой погоды участники экспедиции не смогли высадиться на материк. Нехватка продуктов и течь судна вынудили их повернуть обратно. Члены экспедиции наносили на карту местность – особенно подробно в районе Берингова пролива, где они открыли новые земли, ныне известные как острова Диомида. После своего возвращения на Камчатку путешественники не сообщили об этом открытии и долгое время скрывали результаты экспедиции. Вскоре Фёдоров умер, а Гвоздев продолжал скрывать правду. По одной из версий, молчание первооткрывателей Америки объясняется тем, что они во время «вояжа» организовали торговлю с местными жителями и значительно обогатились. Выторгованный у эскимосов «моржовый бивень» представлял огромную ценность: за несколько дней Фёдоров и Гвоздев приобрели 100 пудов этого товара, в то время как во всей России его добывалось ежегодно всего 5–6 пудов. Только оказавшись в тюрьме после суда 1741 г., оставшийся в живых Гвоздев «признался в совершении» географического открытия¹².

В предписаниях, полученных главами российских экспедиций, отмечалось, что при невозможности исполнения инструкций или наступлении внештатных ситуаций (конфликт с местными жителями, неповиновение команды, встреча другого европейского корабля) капитан судна мог поступить в соответствии с нормами военно-морского устава, решения же должен был принимать единолично или «с общего согласия» офицеров¹³.

В 1732–1743 гг. состоялась Вторая Камчатская экспедиция (В.И. Беринга–А.И. Чирикова), инструкции которой были даны уже Адмиралтейств-коллегией, что стало нормой при организации подобных предприятий в дальнейшем. Во всех этих документах подробно определялись задачи плавания российских судов в регионе, назывались варианты поведения в случае встречи с представителями коренных народов и других европейских государств, а также перечислялись предоставляемые полномочия по отношению к представителям купеческих компаний. В результате Второй Камчатской экспедиции большая часть побережья полуострова Аляска и ряд островов Алеутской гряды были нанесены на карту.

Особо отметим, что успешное хозяйственное освоение новых территорий было бы невозможно без начавшейся там активизации Русской Православной Церкви. При этом особый характер миссионерской деятельности определялся конфессиональным правом России, которое создавалось Синодом. Продвижение частных русских экспедиций вдоль гряды Алеутских островов регулировалось путём включения духовенства в состав правительственных экспедиций, выработки требований и поощрений мирных отношений с туземцами, направления сборщиков ясака на купеческие суда, предоставления промысловым компаниям льгот за приведение в российское подданство обитателей новых земель

¹² Петров А.Ю., Ермолаев А.Н., Савельев И.В. История Русской Америки. Вологда, 2010. С. 16.

¹³ История Русской Америки / Под ред. акад. Н.Н. Болховитинова. Т. 1. М., 1997. С. 61.

и сбор с них подати в государственную казну, а также получения сведений о религиозных представлениях и обрядах коренного населения Аляски, при этом предусматривалось распространение там русской духовной культуры. К примеру, для приобщения местных жителей к основам православия, с одной стороны, и освоения русскими туземного языка – с другой, рекомендовано было перевести на него в качестве упражнения молитву «Отче наш». В силу того, что православие – стержень русской цивилизации и духовная основа российской государственности, усвоение религиозных и нравственных традиций русского народа коренными жителями готовило их к восприятию основ общественно-политического строя империи, приобщению к культурным и духовным сторонам русской цивилизации и способствовало закреплению земли их проживания за российской короной мирным путём¹⁴.

Шаги по содействию будущей просветительской деятельности среди аборигенов предпринимались ещё в период подготовки российских правительственных экспедиций. Так, инструкция Сената (1733) предписывала Берингу устанавливать исключительно мирные отношения с коренными жителями, обучать их русскому языку и посылать лучших представителей местного населения в столицу¹⁵.

Затраты на две Камчатские экспедиции, открывшие для России территории её будущих колоний, оказались непомерно велики. В результате интерес к новым походам на Тихоокеанский север был надолго утрачен, поэтому инициатива в этом деле перешла в руки предпринимателей – купцов и промышленников, которые активно приступили к освоению богатых пушниной Командорских и Алеутских островов. Как и в других подобных случаях, государство передало частному капиталу те сферы экономики, где оно не могло и не желало заниматься руководством и контролем, а, возможно, просто казённые издержки оказались слишком значительными. Поэтому правительство оставило за собой лишь общее регулирование процесса освоения тихоокеанских земель нормами публично-правового характера, поощряя деятельность купцов и промышленников, которые контролировали взаимоотношения между участниками промысловых компаний и местным населением на основе норм частного права (гражданского и предпринимательского).

Участники Второй Камчатской экспедиции привезли в Россию шкурки калана, или, как его тогда называли, морского бобра. Прочные и красивые они были элитным товаром, который русские купцы на ярмарках показывали лишь внушавшим доверие покупателям. В конце XVIII – начале XIX в. цена одной хорошо выделанной шкурки калана достигала 300 руб. и более, что равнялось цене 50 шкурок соболей, или 100 – красной лисы, или 5 тыс. – белки.

Меры государственного регулирования процесса проникновения русских купеческих компаний на Алеутские острова и Аляску (закрепление вновь открытых территорий, приведение в российское подданство жителей этих земель, отношение с местными жителями и т.д.) свидетельствуют о стремлении центральной власти к его упорядочению и защите своих интересов на границах Российской империи, избегая в Тихоокеанском регионе открытого противостояния с ведущими морскими державами.

¹⁴ *Климент (Капалин), митр.* Защита государственных интересов и распространение православия на Тихоокеанском севере // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83. № 9. С. 839–843.

¹⁵ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1841–1867. Сборник документов / Ред. А.Ю. Петров; сост. Т.С. Фёдорова. Т. 5. М., 2010. С. 151–152.

«Зверинные промыслы» в Тихом океане приносили казне большие доходы (в виде пошлины – $\frac{1}{10}$ часть всего добытого), кроме того, расширяли территорию Российской империи (по праву «первооткрытия») и предоставляли новых подданных. На каждое купеческое судно, ушедшее на промысел в Восточный океан, назначался представитель государственной администрации – казак, в обязанности которого входило «лаской и приветом склонять местных жителей» в русское подданство и взимать ясак, который поступал в российскую казну. Указом Анны Иоанновны от 20 сентября 1733 г. (на имя сибирского губернатора А.Л. Плещеева) предписывалось содействовать пушному промыслу, «ибо удобнее, без убытку казенного, сами купцы и промышленники в отделенные места путь сыщут, как и Камчатка и иные, прежде неизвестные места купцами и промышленниками сысканы»¹⁶.

Принимавшиеся центральными и местными органами власти публично-правовые нормы регулировали широкий круг правоотношений, касавшихся порядка создания купеческих компаний и найма работных людей (как русских, так и коренных народностей Сибири и Дальнего Востока)¹⁷; предоставления отдельным торговцам определённых преимуществ и льгот; взаимоотношений промышленников с аборигенами, приведения последних в российское подданство и взимания с них ясака; приобщения алеутов к православной вере; утверждения алеутских тоенов (вождей) в их звании; поощрения наиболее предприимчивых купцов и т.д.

Развитие пушного промысла на Тихоокеанском севере официально началось со специальной инструкции начальника Охотского порта А.М. Дивиера, полученной сержантом Охотского порта Е. Басовым 11 июля 1741 г. Этот документ регламентировал его права и обязанности: построить на Камчатке за свой счёт два надёжных и безопасных судна; брать с собой промышленных и вольных людей, «кто пожелает» (Камчатская администрация на время экспедиции продлевала сроки действия паспортов); во время похода «склонять живущих на островах в ясак ласкою и приветом, и которые к тому будут склонны, с таких брать с кого чем возможно и те ясаки записывать в данную ему ис канцелярии Охотского порта за шнуром и за печатью книгу, а князькам и лучшим людям давать подарки и те подарки вписывать в данную ему особливую книгу»; «военную рукою ни на каких народов не наступать, разве ко оборонению своему»; по окончании похода суда поручить камчатскому командиру, а самому направиться в Охотск для представления рапорта о вновь открытых землях¹⁸.

В данной инструкции прослеживаются основные принципы госрегулирования процесса освоения новых территорий: минимальное финансовое участие государства, сопряжённое с получением наибольшей выгоды; стремление к приведению в российское подданство местных жителей и взимание с них ясака; создание среди племенной верхушки островитян лояльной к российским властям прослойки; сведение к минимуму или полному исключению вооружённых конфликтов с местными жителями; стремление к приобретению новых территорий и возможному ограничению там контактов с другими европейскими державами. Подобные разрешения, выдававшиеся местной админис-

¹⁶ РГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, ч. 1, тетр. 16, л. 4–7.

¹⁷ В отношении работных людей, ушедших на пушной промысел в Тихий океан, трёхгодичный срок действия паспортов, установленный для всех остальных категорий податного населения, не применялся.

¹⁸ АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 8, л. 112 об.–113.

трацией, являлись обязательным условием для организации очередной частной экспедиции и выхода в Тихий океан для пушного промысла. По мере его дальнейшего развития – во второй половине XVIII столетия – соответствующие государственные акты стали носить более конкретный характер. Каждое судно перед отплытием должно было получить разрешение на вояж у местной администрации. Передовщику (лицу, возглавлявшему промысловую экспедицию) компании вручался указ, согласно которому тот получал разрешение на плавание, в нём же давались некоторые наставления: «В силу контракта следовать к известным и неизвестным островам»; «приводить народы в ясашный платеж», заниматься промыслом, выплачивая казне $\frac{1}{10}$ часть полученного дохода; наказывать нарушителей порядка; брать на островах толмачей, а в случае опасного промысла – и аманатов и т.д.¹⁹

С целью упорядочения учёта всех «вновь найденных» территорий местные администрации (сибирская и камчатская) обязаны были узнавать обо всех имевшихся там достопримечательностях – природных особенностях края, обычаях местных жителей и т.д. 28 июня 1749 г., когда в Петербурге стало известно об открытиях трёх Ближних Алеутских островов, сибирскому губернатору был адресован указ с предписанием выяснить у привезённого оттуда «иноземца» следующие вопросы: «Те острова в чьем подданстве, или каждый остров имеет своего владельца и какого именно, какую дань платят или властвуют обще собою без владельцев, и какого те народы праву и закону, и сколько который велик и многолюден, и какое оружие имеют, и каким изобилием пользуются, и с кем собственными землями и островами коммерцию и купечество имеют, и есть ли какие знатные и многочисленные минералы и звери и о прочем, что через него взять можно»²⁰.

Очень часто при организации экспедиций купцы сталкивались с противодействием местной администрации. Так, в 1762 г. в Сенат была послана жалоба на действия камчатской канцелярии, которая вопреки указаниям губернатора не только не содействовала организации «вояжей», а, наоборот, создавала всякие препятствия: не отпускала продовольствия, не предоставляла командам судов зимних квартир, вымогала взятки. В ответ Сенат потребовал от властей Камчатки оказать помощь всем промышленникам, отправлявшимся в море за ценной пушниной, а «не токмо остановки и препятствия (как то прежде сего от тамошних командиров происходило) чинить, снабжать их казенными материалами, а деньги взыскивать по возвращении судна из плавания и по настоящим ценам без излишества»²¹.

Первые успехи в установлении учёта «вояжей» «партикулярных» купеческих судов и в упорядочении донесений об этих плаваниях были достигнуты лишь в конце 1750-х – начале 1760-х гг. В 1759 г. сибирский генерал-губернатор Ф.И. Соимонов получил распоряжение Сената о составлении ведомости всех судов, которые с 1750 г. уходили с Камчатки на морской промысел. Он «накрепчайше» приказал командиру Охотского порта капитану В.А. Ртищеву «требовать рапорты» с тех, кто вернулся из плавания, потому что если «кроме $\frac{1}{10}$ промысла казне пользы нет, то упущена государственная выгода в известиях, а дабы того впредь происходить не могло», требовалось узнать следующее: имя хозяина судна и численность его команды; время плавания; «куда ходили и

¹⁹ Там же, д. 22, л. 37–37 об.

²⁰ РГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, ч. I, тетр. 15, л. 56 об.

²¹ Там же, тетр. 3, л. 2; д. 538, ч. I, л. 12.

что где видели»; размер промысла; с кого взята «десятая» пошлина и на основании чьих указов; местонахождение судна в момент составления ведомости; сколько частных промысловых судов имеется в порту, как долго длится их плавание, и на основании каких указов их отправили на «звериный» промысел²². Такие рапорты подавались передовщиками компаний, а чаще всего мореходами судов на имя начальника Охотского порта. В начале документа любой глава команды всегда ссылался на указ, разрешавший вояж, и перечислял «цели» плавания. Все писавшие подобные отчёты старались подчеркнуть своё служение общегосударственным интересам.

В это же время вышли директивы, способствовавшие развитию пушного промысла. Так, в 1759 г. Канцелярией Главной артиллерии и фортификации был обнародован указ, разрешавший камчатской и охотской администрациям выдавать компаниям порох. Принятие такой нормы стало необходимостью, так как до этого ни командиры камчатских острогов, ни начальник Охотского порта не имели права выдавать порох на сторону без согласования с военным ведомством²³. Указ Сената от 3 сентября 1761 г. предписывал сибирским властям составить для мореходов «компанейских судов» карты и «наставления» относительно взаимоотношений с жителями островов и «разведывания» возможности «коммерции» с ними²⁴. Принимая во внимание, что снаряжение на промысел каждого судна требовало сразу больших единовременных вложений, и учитывая отсутствие на Дальнем Востоке контор Купеческого заёмного банка, правительство пошло на издание указа, согласно которому ссуду для организации экспедиции предоставляла казна²⁵. По указу Сената от 7 марта 1774 г. – в целях содействия развитию пушного промысла на Тихом океане – сохранили только те пошлины, которые взимались на пограничных таможах, отменив «десятью» – с «мягкой рухляди»²⁶.

В отношении механизма создания купеческих компаний главенствовали обычаи делового оборота, сложившиеся в XVII–XVIII вв. на Русском Севере и в Сибири. Правительство обязывало предпринимателей в качестве работников набирать только тех людей, которые имели паспорта. В соответствии с указом Сената от 13 августа 1768 г. срок действия паспортов составлял три года, а указ от 29 мая 1762 г. предписывал местной администрации отправлять на прежнее место жительства лиц с просроченными документами. Тем не менее, понимая значимость экспедиций, 17 июля 1773 г. Сенат издал новую директиву, дававшую промысловым компаниям серьёзное преимущество. Местную администрацию обязывали выдавать промышленным людям «аттестации», в которых непременно указывалось, что причина просрочки – участие в экспедиции, и в зависимости от её сроков продлевалось время действия паспортов²⁷. Установленный порядок изменила Екатерина II, приняв указ от 26 марта 1784 г., закрепивший новый срок действия паспортов «относительно работников на отправляющихся из Охотска в вояж для промыслу зверей купеческих судах... дабы не причинять никакого помешательства в промысле подкрепляющем Кяхтинскую торговлю, как они нередко без всякого известия на островах для промыслов

²² АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 7, л. 48–50 об.

²³ РГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, ч. I, тетр. 16, л. 5.

²⁴ ПСЗ-I. Т. 15. № 11320.

²⁵ РГАДА, ф. 7, д. 2349, ч. I, л. 350.

²⁶ ПСЗ-I. Т. 19. № 14129.

²⁷ Там же. № 14013.

пребывают без всяких способов брать на надлежащее время паспорта, а после необходимости давать им оные на семь лет»²⁸.

В середине 1740-х гг., когда пушной промысел начал распространяться на Алеутские острова, неизбежными стали тесные контакты с аборигенами – алеутами, курильцами и эскимосами. Вплоть до середины следующего десятилетия царский двор и местные администрации почти не вмешивались в стихийно складывавшиеся отношения между промышленниками и местными жителями, ограничиваясь главным образом письменными указаниями о том, как именно с ними обходиться: «Призвать в подданство ласкою и приветом жителей вновь открытых островов и брать с них ясак, от чего могла быть казенная прибыль»²⁹.

С 1753 г. правительство поощряло предприимчивых купцов к открытиям новых земель и приведению независимых ранее народов в российское подданство. С середины 1760-х гг. камчатские и охотские власти стали выпускать для команд судов, выходивших на промыслы, инструкции насчёт их взаимоотношений с местными жителями. Так, в одной из них, предписанной мореходу судна «Св. Троица», говорилось: «Никаких обид, утеснений и озлоблений [туземцам] не чинить... съестных и харчевых припасов или чего самовольно грабежом и разбоем не брать и не отнимать; ссор и драк от себя не чинить и тем в сумнение тамошних народов не производить»³⁰. В этом же документе впервые указывались санкции за невыполнение обозначенных требований – штраф и телесные наказания. С середины 1770-х гг. подобные наставления издавались уже не местной, а сибирской губернской администрацией. Санкции за нарушение предписаний оказывались более суровыми, причём с работных людей в этом случае брали расписки³¹. Применялись и другие наказания. Так, в 1763 г. нескольких членов команды бота «Св. Гавриил» привлекли к суду за «чинение над островитянами разных злодеяний»: после долгих проволочек – только в 1774 г. – 40 человек оставили на Камчатке для хлебопашества, а бот конфисковали в казну³².

Участники промысловых экспедиций неоднократно вывозили туземцев Алеутских островов в Россию. Один из них, уроженец острова Атту, даже был представлен к императорскому двору во исполнение Высочайшего повеления «выписать жителя с Алеуцких островов»³³. В соответствии с указаниями Петербурга сибирские и камчатские власти требовали от промышленников дружелюбного отношения к коренному населению³⁴. Роли органов следствия выполняли не только камчатская и охотская канцелярии: в том случае, если в районе Алеутских островов находилась та или иная правительственная экспедиция, на её командира возлагалась обязанность разбирать жалобы местных жителей в «отношении притеснений, чинимых им промышленниками». Так, руководителю одной из экспедиций, капитан-лейтенанту М.Д. Левашову, пришлось произвести подобное следствие³⁵. Однако морские офицеры не были наделены

²⁸ РГИА, ф. 13, оп. 2, д. 52, л. 137.

²⁹ Архив Русского географического общества (далее – АРГО), ф. 60, оп. 1, д. 3, л. 17.

³⁰ АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 6, л. 22 об.

³¹ Там же, д. 26, л. 177.

³² АРГО, ф. 60, оп. 4, д. 3, л. 57.

³³ РГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 52, л. 1.

³⁴ Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в.: Сборник документов / Под ред. А.Л. Нарочницкого. Т. 2. М., 1989. С. 170.

³⁵ РГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 367, л. 1–7.

полномочиями для вынесения приговоров, поэтому они направляли все материалы следствия в выполнявшую эту функцию камчатскую администрацию.

Для официального закрепления за империей новых территорий рассматривалась возможность дарования их российским подданным³⁶. Тоенам для придания их власти официального характера выдавались подписанные сибирским генерал-губернатором указы об утверждении их в «тоенском звании». Сверх того, получившему в дар новые земли вручалось «наставление, как содержать своих родников», что свидетельствовало о стремлении центральных органов власти регламентировать на местах внутривидовые отношения³⁷. Некоторые правительственные акты носили персональный характер, в первую очередь это касалось награждения отдельных купцов, а иногда и целых компаний, проявивших особую «ревность в сыскании за Камчаткою новых островов», и предоставления им льгот³⁸.

Во второй половине XVIII в. Петербург неоднократно предпринимал попытки ввести церковные правовые нормы на стихийно приводимых под власть российской короны территориях Тихоокеанского севера. На протяжении всего существования Русской Америки эти нормы сохраняли относительную самостоятельность и, в отличие от светских норм, не были столь самобытны. В 1770-х гг. камчатский командир премьер-майор М.К. фон Бем намеревался пригласить на частные суда православных миссионеров³⁹. В это же время Синод ходатайствовал о выделении восточных окраин Иркутской епархии в отдельное викариатство, епископ которой должен был распространять свою юрисдикцию на Алеутские острова⁴⁰. Десять лет спустя первенствующий член Синода митрополит Гавриил (Петров) пытался назначить на Аляску двух священников-монахов, однако первая духовная миссия отправилась к берегам Америки только в 1793 г.

Именно на монахов возложили функцию реализации ряда норм колониального права в форме разрешения споров между служащими РАК, местным населением и даже колониальной администрацией⁴¹. Первым учреждением официальной власти в Русской Америке стало возглавлявшееся начальником духовной миссии Северовосточное американское духовное правление⁴². Согласно п. 24 инструкции митрополита Гавриила⁴³, глава духовной миссии, имея полномочия церковного суда, должен был вести соответствующее делопроизводство и защищать туземцев колонии наряду с российскими подданными. Кроме того, на миссионеров возлагалась задача введения на подконтрольной территории Америки норм церковного брака. У аборигенов Аляски было распространено многобрачие в форме полигамии. В Российской империи единственной законной формой брака являлась моногамная семья, как этого требовал распорядок православной Церкви. Наряду с множеством её норм, вошедших в российское семейное право, существовал и запрет на брак православных с нехристианами. В этой связи в п. 21 указанной инструкции священникам предписывалось

³⁶ ПСЗ-I. Т. 17. № 12589.

³⁷ АРГО, ф. 60, оп. 1, д. 3, л. 52.

³⁸ РГАДА, ф. 24, оп. 4, д. 34, л. 9.

³⁹ Там же, ф. 7, оп. 2, д. 2539, л. 495.

⁴⁰ *Титлинов Б.В.* Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1730–1801). Его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени. Пг., 1916. С. 1130.

⁴¹ *Климент (Капалин), митр.* Русская Православная Церковь на Аляске... С. 21–97.

⁴² РГИА, ф. 796, оп. 74, д. 210, л. 53.

⁴³ Там же, л. 37–40 об.

венчать русских с туземками, которые были обязаны предварительно принять крещение.

Если на Аляске первые миссионеры не смогли выполнить все предписания по реализации правовых норм Российской империи, то в отношении местного населения Алеутских островов всё складывалось весьма успешно: здесь священники применяли те же юридические положения, которые содержались в уставе Валаамского монастыря. Из официальных документов известно, что за первые полтора года были крещены 9 212 уроженцев Аляски и повенчаны 2 109 супружеских пар⁴⁴, т.е. в брак вступили 4 218 человек, что составило около 50% от общего числа принявших крещение, в том числе детей и стариков. При этом на браки, заключённые между русскими промышленниками и туземками, приходилась незначительная часть от общего числа венчавшихся: например, на Алеутских островах их соотношение составляло 36 : 536. Таким образом, с самого начала институционального присутствия Русской Православной Церкви в Русской Америке среди местного населения активно внедрялись нормы российского семейного права. Принявших крещение аборигенов миссионеры рассматривали как российских подданных, о чём, в частности, свидетельствует факт приведения к присяге на верность российскому государю кадьякских тоенов⁴⁵.

В отношении же служащих, и особенно колониальной администрации, у миссионеров возникали определённые проблемы⁴⁶. Среди работников, занимавших разные ступени социальной лестницы, находились люди с моральными пороками. Случалось, что промышленники – исключением не стал даже главный правитель РАК А.А. Баранов – нарушали не только христианский закон, но и гражданские нормы. К аборигенам применялись жёсткие наказания, иногда со смертельным исходом, а некоторые русские даже не скрывали фактов содержания ими наложниц и разрушения венчанных браков⁴⁷. Миссионеры не всегда могли пресечь многочисленные злоупотребления, функции церковного суда часто не выполнялись, так как монахи могли опираться только на авторитет духовной власти, в то время как промышленники признавали гражданско-правовые нормы.

Таким образом, в начальный период развития колониального права в Русской Америке отмечалось ограниченное применение отечественного позитивного права – первопроходцы руководствовались сложившимися традиционными нормами существовавших на местах укладов. Однако в ходе дальнейшей колонизации происходило более активное взаимодействие с сибирскими властями, которые выполняли судебные функции на пограничных территориях. Разрешения на организацию экспедиций и выход судов в море выдавались нижнекамчатской или охотской администрациями. В последней четверти XVIII в. – в ходе укрупнения компаний и расположения их главных контор в Иркутске – подобные акты издавал сибирский генерал-губернатор. Благодаря активной деятельности православной миссии в Америке началось постепенное включение освоенных территорий в состав Российской империи, но при этом, в отличие от

⁴⁴ Там же, ф. 796, оп. 74, д. 210, л. 51, 212 об.

⁴⁵ Тихменёв П.А. Указ. соч. Т. II. С. 163, 165.

⁴⁶ Климент (Капалин), митр. О причинах конфликта первых миссионеров на Аляске и администрации Российско-американской компании // Вестник Поморского университета. 2010. № 2. С. 17–21.

⁴⁷ АВПРИ, ф. 341, оп. 888, д. 117, л. 2 об.

западноевропейских компаний, отечественные купеческие образования выполняли ограниченные правовые функции. Отрасль ещё не получила своего деления на отдельные институты. Судебная власть находилась под сильным давлением со стороны региональных и центральных органов исполнительной власти и фактически не была от неё отделена. При взаимодействии с иностранными державами и торговыми объединениями отечественные купцы и промышленники применяли нормы, основанные на положениях внутривнутригосударственного и международного права, разрабатываемые как органами исполнительной власти империи, так и РАК. Некоторые нормы, регулировавшие отношения русских поселенцев с коренными жителями, исходили и от Синода.

На следующем этапе развития колониальное право в полной мере проявило свой дуализм: в нём сочетались частноправовые и публично-правовые элементы. Позитивное право в целом вытеснило обычное, и его основным источником оказались уставы РАК. Сфера деятельности отрасли стала более обширной, охватив почти все стороны жизни колоний – от прав туземного населения до эмиссии собственной денежной единицы. Колониальное право в лице РАК регулировало взаимодействие государства и частного капитала, и в условиях современной России этот опыт может быть полезен для правовой составляющей государственно-частного партнёрства, необходимой для дальнейшего освоения Дальнего Востока и взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Вклад Российско-американской компании в социально-экономическое развитие Сибири

Алексей Ермолаев

Russian-American Company's contribution to the social and economic development of Siberia

*Alexey Ermolaev (Institute of Human Ecology, Siberian Department of the Russian
Academy of Sciences, and Kemerovo State University, Russia)*

Самое известное акционерное общество России конца XVIII – 60-х гг. XIX в. – Российско-американскую компанию (РАК) – принято ассоциировать с русскими колониями в Америке. Действительно, именно на Аляске и в Калифорнии компания имела свои постоянные поселения, занималась добычей пушнины и некоторых полезных ископаемых (угля, льда и т.д.). Здесь же она вела исследовательскую деятельность, организовывала сухопутные и морские экспедиции, занималась сельским хозяйством, торговлей с иностранцами, строительством кораблей, школ, больниц и т.д. Но не стоит забывать, что Сибирь была прародиной этой акционерной компании. Именно в РАК, в отличие от ранее существовавших в XVIII в. подобных учреждений (Темерниковской, Персидской и Среднеазиатской компаний), проявились все основные принципы

акционерного общества (ограниченная ответственность капитала, выборность директоров и ответственность их перед акционерами, возможность распоряжаться акциями по своему усмотрению).

Проблемам, связанным с деятельностью РАК в Русской Америке, посвящены сотни и даже тысячи работ. Официальный историограф РАК П.А. Тихменёв не только одним из первых раскрыл все аспекты работы компании на Аляске, но и представил ценные документальные приложения¹. После выхода в свет книги советского учёного С.Б. Окуня, где РАК представлена в крайне негативной форме², в отечественной исторической науке появились целые направления, посвящённые изучению работы компании. Внимание учёных привлекали географические открытия, хозяйственная деятельность, взаимоотношения русских с аборигенами Аляски, дипломатические отношения в регионе, торговля и связи с иностранцами и т.д. Наконец, в конце 1990-х гг. в связи с 200-летием РАК вышла в свет «История Русской Америки»³, которая подвела итог многолетним исследованиям как отечественных, так и зарубежных авторов и обобщила все знания о русских колониях в Америке.

Между тем деятельность РАК в Сибири оказалась за рамками научных интересов исследователей. В связи с этим особо важным становится изучение таких аспектов активности РАК в Сибири, которые позволяют определить роль этой организации в социально-экономическом развитии региона. К ним относятся торговля и конкуренция, грузоперевозки, использование наёмного труда и благотворительность⁴.

Необходимо отметить, что начало развитию единой монопольной акционерной компании было положено именно в Сибири. Тщательное исследование этого процесса представил А.Ю. Петров⁵, который пришёл к выводу, что создание РАК стало результатом «развития рынка купеческо-промысловых компаний». Добычей и продажей пушнины занимались многие купеческие компании, но постепенно выделилась компания Г.И. Шелихова и И.Л. Голикова. Она имела высокопоставленных покровителей в столице: одна из дочерей Шелихова вышла замуж за Н.П. Резанова, получившего впоследствии чин камергера двора е.и.в. Резанов активно участвовал в делах компании и продвигал идею объединения всех купцов в одну монополию. В 1798 г. все сибирские купеческие компании, которые торговали пушниной, добывавшейся на Аляске и Алеутских островах, объединились в Соединённую Американскую компанию (САК)⁶.

Окончательное решение об этом принял император Павел I. По воспоминаниям В.И. Штейнгеля, сославшегося на рассказы самого Резанова, в Михайловском замке в кабинете царя при посредничестве гр. Н.П. Румянцева рассматривался вопрос о единой компании. При этом в кабинете инкогнито

¹ Тихменёв П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий её до настоящего времени. Т. I–II. СПб., 1861–1863.

² Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л., 1939.

³ История Русской Америки (1732–1867). В 3 т. / Под ред. Н.Н. Болховитинова. Т. 1–3. 1997–1999.

⁴ О некоторых других видах деятельности компании в Сибири см.: Ермолаев А.Н. Российско-американская компания и винные откупа Сибири в начале XIX века // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. Томск, 2006. С. 369–380; он же. Российско-американская компания и поиски золота в Восточной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири. Ч. 1. Барнаул, 2007. С. 204–207.

⁵ Петров А.Ю. Образование Российско-американской компании. М., 2000.

⁶ Там же. С. 124–129; он же. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006. С. 48.

находился Павел I, о присутствии которого знал только Румянцев. Резанов так удачно парировал все претензии и так умело защищал интересы будущей объединённой компании, что император не выдержал и воскликнул: «Браво! Компания имеет превосходного адвоката!»⁷. В 1799 г. были приняты «Правила» и «Привилегии» единой компании. Она стала именоваться «Под высочайшим его императорского величества покровительством Российско-американская компания». Новые документы носили характер дополнений к уставу САК. Так РАК получила исключительные права на все промыслы и торги в русских колониях, а также привилегии и монополии сроком на 20 лет⁸.

Основным источником существования компании были добыча и продажа пушнины. Главными промысловыми животными являлись морские бобры (каланы) и морские котики. Первые ценились за густой непромокаемый мех, цена на них доходила до 150 руб. за шкуру, вторые стоили намного меньше – несколько рублей за шкуру, но их добывали десятками тысяч в год. Добывали пушнину алеуты и эскимосы, из которых составляли партии под руководством русских байдарщиков.

Главными рынками сбыта пушнины стали Россия и Кяхта. Особенностью кяхтинской торговли был её меновой характер, использование наличных денег запрещалось. В марте 1800 г. утвердили «Правила, по которым кяхтинская таможня и купечество при производстве с китайцами торга поступать должны» и «Кяхтинский таможенный тариф»⁹. Согласно правилам были официально узаконены новые способы торговли – с использованием уполномоченных (компаньонов). Их избирали из опытных купцов, которые оценивали качество товаров и определяли соотношение каждого их вида для обмена. После принятия этого положения главным эквивалентом, к которому приравнивались все остальные товары, стал чай. Исходя из его стоимости, определялась стоимость привезённых для мены товаров.

Меновой характер торговли в Кяхте породил «променную цену». Стоимость товара определялась относительно и выражалась в условных рублях. Променные цены установили в 1800 г., когда серебряный рубль равнялся ассигнационному. С течением времени ассигнации обесценились, а «променная цена» осталась прежней, т.е. вплоть до 1840 г. она соответствовала цене, выраженной в серебряных рублях, или была очень близка к ней¹⁰. В начале XIX в. кяхтинская торговля стабилизировалась на выгодном для РАК уровне. Морские бобры обходились при промене на чай от 110 до 124 руб. за шкуру. Обычно компания получала за одного бобра два ящика чая, а за 10 морских котиков – один. По сведениям Тихменёва, средний годовой торговый оборот РАК в Кяхте достигал 100–150 тыс. руб. в променных ценах, т.е. в расчёте на серебро¹¹.

Представление о соотношении рынков сбыта пушнины компании в начале XIX в. даёт отчёт Главного правления РАК собранию акционеров, датированный февралём 1812 г. Согласно этому документу, в России продавалось около 73% всей «мягкой рухляди», только 27% сбывалось в Кяхте. Директора компании очень надеялись на развитие именно кяхтинской торговли, что объяснялось

⁷ Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1992. С. 285.

⁸ ПСЗ-1. Т. 25. № 19030. С. 699–718.

⁹ Там же. Т. 26. № 19327, 19328.

¹⁰ Корсаков А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 254.

¹¹ Тихменёв П.А. Указ соч. Т. I. С. 115, 254.

объективными причинами. Дело в том, что русские купцы стали привозить в Кяхту значительно меньше шерстяных тканей, поэтому китайцы с охотой покупали у них пушные товары. Цены на «мягкую рухлядь» быстро выросли: если раньше морские коты обменивались по цене 4 руб. за шкуру, то теперь они уходили в три раза дороже – по 12 руб.¹²

Дальнейшую динамику кяхтинской торговли РАК можно проследить на основе «Выписки на проданные внутри России и променянные в Кяхте пушные товары», в которой представлены данные за 1822–1827 гг.¹³ В эти годы компания имела два рынка сбыта пушнины: Россию и Кяхту. В последней обменивалось 64% всей пушнины, выраженной в деньгах, соответственно в России (Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске, на Макарьевской и Ирбитской ярмарках) в этот период продавалось около 36% всей пушнины, в денежном выражении¹⁴.

По данным А. Корсака, в 1824–1827 гг. в Кяхту ежегодно доставлялось пушнины на сумму около 3 млн променных руб., и тогда же РАК выменивала её на 1 млн руб. ассигнациями. С учётом их перевода в серебряные деньги получается, что компания променивала в Кяхте 9–10% всей пушнины¹⁵. Стоит заметить, что относительно некоторых её видов (морские бобры, морские коты) это делала исключительно РАК, другие поставщики не располагали таким товаром. С другой стороны, компания не поставляла в Кяхту меха белки, горностаев, кошки, мерлушки – этим занимались отдельные сибирские и российские купцы. Ежегодно в Кяхте променивали миллионы шкур белок, мерлушек и кошек; сотни тысяч лисиц, песцов, горностаев и выхухолей; десятки тысяч выдр и корсаков¹⁶.

Судя по общему товарообороту РАК, она являлась крупным торговцем на кяхтинском рынке: во второй половине 1820-х гг. там ежегодно променивалось товара до 7 млн руб. по променным ценам, у компании сумма достигала 1 млн руб. в пересчёте на ассигнации. Таким образом, выраженный в денежном отношении товарооборот РАК составлял примерно 5% от кяхтинского. К таким же показателям можно прийти, если сделать расчёт иным способом: в 1824–1828 гг. ценность промененной пушнины составляла примерно 50% от ценности всего товара¹⁷, если учесть, что в Кяхте компания продавала около 10% всей пушнины, то её доля в общем денежном обороте как раз составит около 5%.

Интересным является вопрос, связанный с взаимоотношениями РАК и её конкурентов – купцов, торгующих в Кяхте. В 1824 г. их было 24 человека (17 из великороссийских губерний и семь из Сибири)¹⁸. В ноябре 1829 г. они подписали соглашение, согласно которому весь выменанный в Кяхте чай в следующем году отправлялся в Россию не целиком, а частями. Соглашение содержало специальный график: одну половину партии чая отправляли до апреля, вторая делилась на две равные части, одну из которых отвозили с августа по ноябрь, другую – в декабре. Таким образом, порционная отправка чая позволяла регулировать цены на Нижегородской ярмарке, точнее, поддерживать их

¹² Внешняя политика России XIX и начала XX вв. Т. 6. М., 1962. С. 278.

¹³ РГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1287, л. 9–16. Цены указаны в ассигнациях.

¹⁴ Подсчитано по: Там же.

¹⁵ Подсчитано по: Там же; Корсак А. Указ. соч. С. 134. Соотношение серебряного рубля к ассигнационному в это время составляло 1:3.6.

¹⁶ Корсак А. Указ. соч. С. 178–179.

¹⁷ Там же. С. 258.

¹⁸ Тарасов С. Очерк кяхтинской торговли. СПб., 1858. С. 29.

на высоком уровне. Эксперимент оказался успешным, и в 1830 г. купцы вновь договорились о вывозе чая из Кяхты частями, пригласив к участию в этом деле РАК, однако та отказалась присоединиться к соглашению. Тогда на неё оказал давление директор департамента внешней торговли Д.Г. Бибилов. Он полностью поддержал инициативу купцов, считая, что соглашение способствует стабильному и высокому сбору пошлин¹⁹. В сентябре 1830 г. компания дала согласие на участие в совместных действиях с купцами²⁰, однако уже в 1831 г. со стороны директоров РАК последовал категорический отказ. Бибилов, а затем и директор департамента мануфактур и внутренней торговли Я.А. Дружинин пытались повлиять на Главное правление РАК, но безуспешно²¹.

На некоторое время давление на компанию ослабло, но на следующий год история повторилась. На этот раз директора РАК изложили свою позицию подробно. В письме на имя Дружинина они так охарактеризовали особенности торговли в Кяхте: «Круг действий компании... не имеет ничего общего с оборотами частных торговцев. Компания не производит на Кяхте никакой торговли. Она там променивает только произведения своих колоний, в которых заключается важнейшая часть её капиталов. Каждый груз колониальных произведений, доставляемых на Кяхту, во время прибытия туда заключает в себе капитал, оставшийся уже несколько лет без оборота. Если к сему и самый вывод товаров с Кяхты должен отстрачиваться по частным расчётам торгующих на Кяхте (купцов. – *А.Е.*), то выручка сего капитала ещё более замедлится, и компания в случаях крайних и настоятельных может подвергнуться неизбежному расстройству»²². В результате директора отказались подписать очередное соглашение с купцами. В последующие годы они ещё неоднократно пытались заставить РАК изменить своё решение, но та всегда отказывалась и действовала самостоятельно. Не вступая в сговор с другими купцами, компания продолжала вывозить партии чая в удобное для себя время и находила покупателей для своего товара, способствуя таким образом развитию конкуренции и рыночных отношений внутри Российской империи.

Соотношение рынков сбыта пушнины РАК в 1840-х гг. можно рассчитать по «Общей ведомости оборотов Российско-американской компании за 1835–1845 гг.»²³. Кроме того, с 1842 г. Главное правление компании стало ежегодно публиковать собственные отчёты²⁴. Согласно ведомости, всего в России и Кяхте в этот период променивались и продавались ежегодно в среднем 37 006 меховых шкур. Доля промена в Кяхте составляла в среднем 29 956 шкур в год (80%), при этом на Россию приходилось всего 7 050 шт. в год (20%)²⁵. Кроме того, в Кяхте сбывали лапы и хвосты, которые не пользовались спросом у россиян. Таким образом, кяхтинский рынок для РАК оставался доминирующим.

Если в 1844–1851 гг. в Кяхте все торговцы пушниной променяли свой товар на общую сумму 11,9 млн руб.²⁶, то РАК осуществила эту операцию на

¹⁹ РГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1294, л. 1–2.

²⁰ Там же, л. 6–6 об.

²¹ Там же, л. 15–16.

²² Там же, л. 24–25.

²³ Там же, д. 1320, л. 96–109.

²⁴ Первый опубликованный отчёт содержал сведения за два года (1840–1841). Впоследствии все подобные документы публиковались за один год, за исключением отчёта 1856 г., который содержал данные за 1854–1855 гг.

²⁵ Подсчитано по: РГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1320, л. 96–109.

²⁶ Подсчитано по: *Корсаков Л.* Указ. соч. С. 254.

сумму в 1.7 млн руб.²⁷ Значит, во второй половине 1840-х – начале 1850-х гг. компания променивала в Кяхте около 14% всей пушнины, выраженной в денежном эквиваленте. При этом стоит заметить, что удельный вес самой пушной торговли в Кяхте в этот период сократился: в 1847–1851 гг. она составляла всего 20% от стоимости всех обменивавшихся там товаров²⁸. Известно, что в 1840–1853 гг. в Кяхте торговали 70–90 купцов, ежегодно променивая товары на сумму 5–6 млн руб. Следовательно, на каждого купца приходился в среднем оборот около 75 тыс. руб. РАК обменивала пушнину ежегодно на 225 тыс. руб., т.е. её обороты были в три раза больше, чем у среднестатистического купца²⁹. Это подтверждается и тем фактом, что большинство участвовавших в кяхтинской торговле сибирских купцов имели оборот около 90 тыс. руб., но имелись три–четыре крупных предпринимателя, у которых этот показатель в разы превосходил данную цифру³⁰.

В конце 1840-х гг. в Кяхте в процессе торговли РАК стали возникать кризисные явления, связанные с невозможностью сбыта части её товаров. В 1847 г. компания не смогла променять около 6% завезённых меховых шкур, в 1848 г. – уже 62, а в 1849 г. – 65%.³¹ В 1853 г. торговля в Кяхте вообще прекратилась из-за внутренних проблем Китая – тайпинского восстания (1850–1864). В ноябре 1853 г. в России был создан специальный правительственный комитет, которому поручили изучить кяхтинскую торговлю и выработать меры к её развитию. В комитете пришли к выводу, что для этого необходимо разрешить хождение в Кяхте звонкой монеты и серебряных изделий. Спрос на серебро в Китае возрос после его поражения в опиумной войне (1840–1842), по результатам которой эту страну обязали заплатить огромную контрибуцию Англии и Франции. После длительного обсуждения вопроса в Сибирском комитете было принято решение о подчинении кяхтинской торговли общим правилам. 1 августа 1855 г. Александр II подписал указ, по которому разрешалось в торговле с Китаем использовать деньги, серебряные и золотые изделия. Цены на все товары объявлялись свободными – формировались лишь продавцами и покупателями³².

Либерализация кяхтинской торговли оказалась невыгодной для РАК. Использование наличных денег усилило конкурентные преимущества не участвовавших в ней купцов, которые могли теперь просто закупать чай за звонкую монету и продавать его в России. В результате объём кяхтинской торговли компании в 1850-х гг. существенно сократился, и чтобы компенсировать утрату рынка, она стала развивать морскую торговлю с Китаем. Ежегодно в Шанхай направлялись по одному–два принадлежавших ей судна, что позволило сохранить китайский рынок сбыта пушнины и саму компанию³³.

²⁷ Подсчитано по: Отчёты Российско-американской компании за 1844–1851 гг. СПб., 1845–1852.

²⁸ Корсаков А. Указ. соч. С. 259.

²⁹ Подсчитано по: Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 1998. С. 190; Отчёты Российско-американской компании за 1840–1853 гг. СПб., 1842–1854. Данные приведены в серебряных рублях.

³⁰ Разгон В.Н. Указ. соч. С. 192.

³¹ Подсчитано по: Отчёты Российско-американской компании за 1847–1849 гг. СПб., 1848–1850.

³² Волчек В.А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006. С. 368.

³³ Подробнее см.: Ермолаев А.Н. Морская торговля Российско-американской компании с Китаем в 1848–1863 гг. // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2011. № 1(155). С. 22–27.

Важнейшей сферой деятельности РАК стали её грузоперевозки по территории всей Сибири – от Урала до Тихого океана. В восточном направлении компания везла в Охотск различные промышленные товары и продовольствие для своих колоний, в западном – из Охотска до Кяхты – пушнину, а из Кяхты до Европейской России – чай. На территории Сибири действовали конторы и комиссионерства РАК, занимавшиеся перевозками её грузов. Представление об их объёмах в 1830-х гг. дают сохранившиеся в Государственном архиве Томской области «Книги на записку контрактов и договоров». В 1830 г. являвшийся комиссионером РАК в Томске купец Б. Вергунов заключил семь контрактов на перевозку грузов, из них три – в западном направлении и четыре – в восточном. Всего он перевёз грузов общим весом 5 740 пудов и с ними – 42 человека, проследовавших в колонии; общая сумма контрактов при этом составила 22.3 тыс. руб.³⁴ В 1831 г. Вергунов заключил уже 15 договоров с перевозчиками: пять – на перевозку в Иркутск, десять – в Тюмень. Цена за один пуд груза зависела от времени года: зимой она была ниже, в целом годовая цена варьировалась от 2 руб. 40 коп. до 5 руб. 25 коп. Всего было перевезено 9 047 пудов грузов, за которые комиссионер РАК заплатил подрядчикам 63.4 тыс. руб.³⁵ В 1832 г. Вергунов подписал 11 аналогичных контрактов. В итоге в Иркутск перевезли 2 904 пуда разных припасов, 23 работных людей, троих унтер-офицеров и шестерых казённых матросов, в Тюмень доставили 11 278 пудов. В марте того же года Вергунов заключил самый «дорогой» из выявленных контрактов: за перевозку 5 380 пудов китайских товаров он затратил 26 215 руб. Общая же сумма, заплаченная комиссионером за подобные операции в 1832 г., составила 56.3 тыс. руб.³⁶

Важным является сравнение объёмов грузоперевозок РАК и других заказчиков. Так, всего в 1830 г. сухим путём через Томск перевезли товаров общим весом около 103 307 пудов³⁷, из них на компанию приходилось 5 740 пудов, т.е. 5.5% от общего объёма. Поскольку в 1832 г. Вергунов заключил контрактов на перевозку грузов общим весом 14 182 пуда, то очевиден рост доли РАК. По всей видимости, она уже перевозила около 10% всех следовавших через Томск грузов, став, таким образом, одним из крупнейших грузоперевозчиков московско-сибирского тракта.

Для службы в колониях компания нанимала работных людей, которые занимались добычей пушного зверя, строительством поселений и выполняли различные ремесленные работы. Их численность оказывалась достаточно стабильной – около 500 человек. Проблема заключалась в том, что происходила постоянная ротация контингента рабочих: нанимаясь на службу сроком на семь лет, они потом либо продлевали контракты, либо выезжали из колоний; постоянного населения в Русской Америке не было³⁸. После утверждения правил и привилегий РАК на промыслы в колонии стали наниматься десятки промышленников: к примеру, из 72 человек, заключивших с компанией контракты для отправки на остров Кадьяк в августе 1799 г., 61 являлся представителем

³⁴ Государственный архив Томской области, ф. 127, оп. 1, д. 1458, л. 59, 70 об.–71 об., 86–86 об., 109–109 об., 111–111 об., 118, 174 об.–175, 237–237 об.

³⁵ Там же, д. 1504, л. 50, 58 об., 59–60 об., 94 об., 95 об., 150, 152 об., 153, 154 об.; д. 1483, л. 25.

³⁶ Там же, д. 1504, л. 254 об., 258, 264 об.; д. 1531, л. 21 об.–22, 40–40 об., 49 об.–50, 66–66 об., 67–68 об., 118 об.–119, 149.

³⁷ Бойко В.П. Томское купечество конца XVIII – XIX веков. Томск, 1996. С. 130.

³⁸ Гринёв А.В. Колониальные граждане Русской Америки: проблема формирования постоянного русского населения в Новом Свете // Американский ежегодник за 2006 год. М., 2008. С. 179–210.

сибирских городов и уездов. В контракте 1812 г., зафиксировавшем фамилии 59 промышленников, уехавших из Охотска в Ново-Архангельск, числились 48 сибиряков³⁹. Таким образом, жители Сибири составляли 80–90% от общего числа отправлявшихся на промыслы в Америку работных людей⁴⁰.

Важным источником для моего исследования вопроса, связанного с состоявшими на службе в Русской Америке сибиряками, стал Энциклопедический словарь-справочник⁴¹, составленный на основе сплошного изучения колониального архива РАК. Если из 5 850 персоналий, включённых в издание, выбрать только тех, кто имел сибирское происхождение (не считая нижних чинов сибирских линейных батальонов) и находился в колониях в период существования РАК, то их насчитывается 547 человек. У всех этих лиц указаны годы службы в колониях, правда, очень часто это примерные даты (1800-е, 1810-е и т.д.). Для определения примерного соотношения находившихся на службе в Русской Америке сибиряков (выявленных в словаре) я разделил их по десятилетиям. В результате оказалось, что наибольшее их количество приходилось на 1810-е гг., потом началось постепенное уменьшение. Небольшой рост произошёл только в 1850-х гг., затем вновь последовало его снижение. Таким образом, в начальный период существования РАК основные рабочие поступали на службу в колонии из Сибири. Принимая во внимания тот факт, что в начале XIX в. доля сибиряков в колониях приближалась к 90% от общего числа населения, можно утверждать, что на рубеже 1830–1840-х гг. она снизилась до 50%. В последний период деятельности компании число сибиряков продолжало снижаться, достигнув в 1860-х гг. $\frac{1}{10}$ от всех служащих⁴².

В начале XIX в. вся частная промышленность Сибири была представлена двумя основными видами – горнодобывающей и перерабатывающей. На крупных рудниках и заводах, принадлежавших российскому правительству, использовался в основном принудительный труд, на частных золотых приисках и в перерабатывающей промышленности – вольнонаёмный. В 1820-х гг. в Сибири использовались более 28 тыс. подневольных и около 18 тыс. наёмных рабочих. При этом самым крупным предприятием, на котором применялся наёмный труд (около 240 рабочих), являлся Ирбинский железодельный завод. Большинство частных мануфактур были небольшими – с шестью–семью вольнонаёмными рабочими⁴³. РАК, нанимавшая в Сибири в этот же период сотни людей, считалась крупнейшим работодателем. Правда, к середине XIX в. вольнонаёмный труд всё больше использовался на частных предприятиях золотопромышленности. К 1860 г. в Сибири на нескольких сотнях приисков трудилось 30 тыс. вольнонаёмных рабочих, лишь на некоторых (в основном в Енисейской тайге) – несколько сотен, но большинство предприятий были мелкими, там работали по несколько десятков человек.

³⁹ Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1980. С. 46.

⁴⁰ Примерно к таким же выводам пришла С.Г. Фёдорова. На основе анализа нескольких источников она составила список из 143 работных людей, служивших в колониях в 1799–1829 гг. Оказалось, что сибиряки составили до 80% всех рабочих (Фёдорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971. С. 158–159).

⁴¹ См.: Гринёв А.В. Кто есть кто в истории Русской Америки. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2009.

⁴² Подсчитано по: Там же. С. 14–635.

⁴³ Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. С. 24.

Одним из важнейших социально-экономических аспектов деятельности РАК в Сибири стала благотворительность. На первом же заседании общего собрания акционеров, состоявшемся 16 сентября 1799 г. в Иркутске, по предложению Н.А. Шелиховой, «в знак верноподданнической признательности к милостям государя императора», было принято решение ежегодно отчислять в течение всего срока привилегий по 3 тыс. руб. на строительство и содержание каменных казарм в Иркутске. Кроме того, единовременно выплатили 500 руб. в пользу страждущих – в военных госпиталь и 700 руб. – в больницу гражданского ведомства⁴⁴.

Строительство казарм велось под руководством попечителя, иркутского купца Я. Чурина, главным архитектором был А.И. Лосев. РАК перечисляла деньги по несколько раз в год, иногда даже в месяц – в зависимости от того, имелись ли свободные денежные средства в её иркутской конторе. Как правило, суммы доходили до 200–500 руб., изредка компания вносила в счёт сумм различные строительные материалы или предоставляла авансы, перечисляя деньги за год вперёд⁴⁵. Общая сумма, перечисленная РАК на возведение каменных казарм, составила 60 тыс. руб.⁴⁶ Стоит заметить, что до 1820-х гг. среди сибирских купцов-благотворителей никто не вносил таких пожертвований. Они были сопоставимы со сборами на военные нужды целой губернии в период Отечественной войны 1812 г.: например, в Тобольской губ. на эти цели собрали около 100 тыс. руб., в Томской – 120 тыс., в Иркутской – 170 тыс. руб.⁴⁷

В 1821 г. утвердили новый устав РАК и продлили её привилегии на следующие 20 лет. 2 октября 1821 г. на общем собрании акционеров в присутствии министра финансов гр. Д.А. Гурьева (что придавало мероприятию особую важность) были приняты важные решения. В частности, акционеры постановили отпускать ежегодно по 3 тыс. руб. на строительство и содержание каменных казарм в Иркутске и по 5 тыс. руб. – на «устройство и содержание в Охотском порте» больницы, а также единовременно внести в иркутский Приказ общественного призрения 10 тыс. руб. (с обязательным пополнением этой суммы на 2 тыс. руб. в год) – на поддержку якутов – главных перевозчиков «всех тягостей как казённых, так и компанейских», которые нуждались в лошадях⁴⁸. Таким образом, компаньоны заявили о пожертвовании 210 тыс. руб.: 60 тыс. – на казармы, 100 тыс. – на больницу и 50 тыс. – на помощь якутам.

Благотворительные инициативы компании оказались весьма своевременными для сибирского общества. Прежде всего это относится к постройке нового комплекса каменных казарм в Иркутске. Фундамент под новый комплекс был заложен в 1820 г. на средства горожан, однако деньги быстро закончились и строительство пришлось приостановить. К счастью для жителей, именно в это время акционеры РАК приняли решение о выделении денег для продолжения строительства. Постановлением иркутского гражданского губернатора от

⁴⁴ Тихменёв П.А. Указ. соч. Т. I. С. 73.

⁴⁵ Государственный архив Иркутской области (далее – ГА ИО), ф. 70, оп. 1, д. 302, л. 3–84.

⁴⁶ Казармы действительно построили – в народе их называли «американскими» – и использовали по назначению до 1930-х гг. В 1934 г. было принято решение о строительстве на их месте «Дома каторги и ссылки», но этого не произошло – перед Великой Отечественной войной здесь возвели жилой дом (Гаращенко А.Н. Постройки Иркутска, связанные с Российско-американской компанией // Русская Америка. Материалы III международной научной конференции «Русская Америка». Иркутск, 2007. С. 57–58, 71).

⁴⁷ Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск: Очерки по истории города. Иркутск, 1958. С. 92.

⁴⁸ РГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1255, л. 1–3. Все денежные средства указаны в ассигнациях.

17 января 1822 г. было разрешено его закончить за счёт средств, перечислявшихся компаниями – 57 тыс. руб. ассигнациями или 16 285 руб. серебром⁴⁹ (в документах иркутской городской думы фигурирует цифра 19 014 руб. серебром)⁵⁰.

Реализация проекта строительства охотской больницы проходила не по плану. Уже в 1823 г. Главное правление компании сообщило в МВД, что отказывается от содержания больницы при своей охотской конторе. Все заготовленные для неё вещи и назначенный для содержания капитал в размере 20 тыс. руб. компания решила передать иркутскому Приказу общественного призрения. Одновременно с этим РАК ходатайствовала о разрешении лечить своих служащих в охотской гражданской больнице⁵¹, пообещав в дальнейшем перечислять на её содержание по 5 тыс. руб. в год⁵². Компания регулярно перечисляла деньги, однако государство эту больницу так и не построило. Её проекты неоднократно пересматривались. В 1834 г. Николай I утвердил строительство больницы на 42 койки, потом было решено сократить их численность до 25. Несколько раз объявлялись конкурсы на строительство, но никто из подрядчиков не выразил желания приступить к постройке здания за предлагавшуюся казной цену. В результате в 1843 г. якутская строительная комиссия вынуждена была сама начать строительство, однако в том же году его прекратили, так как по ревизии оказалось, что больница не имеет возможности принимать необходимое количество больных⁵³. Заготовленные для строительства материалы неоднократно выставляли на продажу. Наконец, в 1858 г. полусгнивший лес купил охотский купеческий сын А. Бушуев, а железные изделия решили вывезти небольшими партиями в Якутск для продажи с аукциона⁵⁴. На этом закончилась продолжавшаяся 37 лет (!) эпопея с охотской гражданской больницей, которую планировалось построить на средства РАК. По официальным данным она перечислила 25 714 руб. 28 коп. серебром⁵⁵, по другим – 28 930 руб.⁵⁶; в пересчёте на ассигнации – около 90 тыс. руб., т.е. примерно объявленная изначально сумма.

Что касается третьего обязательства РАК – помощи якутам, то, по данным директоров компании за второй период её деятельности, на соответствующие пособия были перечислены 48 тыс. руб. ассигнациями или 13 714 руб. серебром⁵⁷.

Всего за второй период своей деятельности РАК израсходовала на благотворительные нужды около 195 тыс. руб. ассигнациями, практически выполнив свои обязательства, заявленные в 1821 г. Если сравнивать объём пожертвований на нужды Сибири других компаний, частных лиц и РАК, то последняя по-прежнему выступала в качестве самого крупного мецената. Например, известно, что в 1828 г. после смерти купчихи Е.М. Медведниковой согласно её завещанию на благотворительные нужды было определено 70 тыс. руб. Через 10 лет, в 1838 г., на эти средства дети Медведниковой построили и открыли в

⁴⁹ Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-американской компании с самого начала учреждения оной и до настоящего времени. Литография. СПб., 1861. С. 56.

⁵⁰ ГА ИО, ф. 70, оп. 1, д. 1994, л. 2–3.

⁵¹ Там же, ф. 24, оп. 2, д. 1, к. 1419, л. 17.

⁵² Там же, л. 23.

⁵³ Переписку о строительстве больницы в Охотске см.: Там же, л. 141–201.

⁵⁴ Там же, л. 378–379.

⁵⁵ РГАДА, ф. 1385, оп. 1, д. 1028, л. 266 об.–267.

⁵⁶ ГА ИО, ф. 24, оп. 2, д. 1, к. 1419, л. 315 об.

⁵⁷ Краткое историческое обозрение образования... С. 56.

Иркутске Сиропитательный дом для девочек⁵⁸. Однако есть сведения и о более щедрых пожертвованиях. Так, после смерти в 1833 г. известного купца и золотопромышленника А. Попова оказалось, что он завещал 500 тыс. руб. ассигнациями на благотворительные нужды. На эти средства в Томске был учреждён Общественный сибирский банк⁵⁹. Когда в 1841 г. истекал срок действия привилегий, дарованных РАК, она в очередной раз проявила благотворительную инициативу, однако для компании «более чем скромную». Общим собранием акционеров, состоявшимся 1 июня 1842 г., было решено ежегодно «отпускать» по 150 руб. серебром на воспитание и содержание беднейших девиц иркутского Сиропитательного дома. О своём решении директора РАК незамедлительно сообщили генерал-губернатору Восточной Сибири и императрице⁶⁰. В 1844 г. был утверждён третий по счёту и последний действующий устав компании. Привилегии продлили ещё на 20 лет. Общее собрание акционеров состоялось 19 декабря. Однако ситуация изменилась – Главное правление компании практически полностью срослось с госаппаратом империи, так как, согласно третьему уставу РАК, члены правления находились на государственной службе, поэтому они уже не проявляли благотворительных инициатив⁶¹. Между тем в середине XIX в. наблюдался расцвет сибирской благотворительности. Крупнейший региональный золотопромышленник иркутский купец Е.А. Кузнецов пожертвовал на эти цели около 1 млн руб.⁶² Тогда же купеческий род Щёголевых также потратил на разные филантропические проекты около 1.2 млн руб.⁶³

Итак, с момента своего возникновения РАК принимала самое активное участие во всех проводившихся в Сибири торговых операциях, став крупным дельцом в кяхтинской торговле. Её обособленная позиция по отношению к другим купцам, торговавшим в Кяхте, способствовала развитию конкуренции. Компания являлась не только основным грузоперевозчиком на московско-сибирском тракте и самым крупным работодателем, использовавшим в конце XVIII – начале XIX в. наёмный труд, но и самым щедрым благотворителем первой трети XIX в. в регионе. Таким образом, своей деятельностью РАК способствовала формированию и развитию рыночных отношений в Сибири и внесла значительный вклад в её социально-экономическое развитие.

⁵⁸ Иркутск в панораме веков. Иркутск, 2003. С. 221.

⁵⁹ Кириллов А.К. Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2003. С. 28–29.

⁶⁰ Отчёт Российско-американской компании Главного правления за 1 год, по 1 января 1843 г. СПб., 1843. С. 27.

⁶¹ РГИА, ф. 18, оп. 5, д. 1398, л. 8.

⁶² Струве Б.В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854 гг. СПб., 1889. С. 105–106.

⁶³ Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.). М., 2006. С. 212.

Военно-морской ленд-лиз для СССР в годы Великой Отечественной войны

Александр Комарков

Lend-lease aid for the Soviet Navy during the Great Patriotic War

Alexandr Komarkov (Saint-Petersburg, Russia)

Вопрос военно-морских поставок по ленд-лизу¹ в СССР из Великобритании и США во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в российской историографии изучен недостаточно. Несмотря на то что распад Советского Союза и «архивная революция» начала 1990-х гг. способствовали открытию для отечественных исследователей ранее засекреченных материалов, результаты их работы по освещению различных аспектов проблемы англо-американской помощи советскому ВМФ до сих пор ограничиваются отдельными статьями и фрагментами монографий по истории флота. Указанную тенденцию подтверждают работы В.Н. Краснова, Р.И. Ларинцева, А.В. Платонова, М.Э. Морозова, В.О. Левашко, В.А. Золотарёва². Эти авторы, несомненно, внесли достойный вклад в освещение ряда интересных моментов военно-морского сотрудничества «Большой тройки» периода Второй мировой войны. Вместе с тем современная отечественная историография ленд-лиза для советского ВМФ, как и четверть века назад, всё также является несвободной от многочисленных «белых пятен». Поэтому сегодня существует необходимость приращения знаний о функционировании программы англо-американского снабжения военно-морских сил (ВМС) СССР 1941–1945 гг. с привлечением не ввошедших ещё в научный оборот источников.

Одним из наименее изученных и потому наиболее актуальных для отечественной исторической литературы сюжетов является проблема влияния союзнических поставок на боевую деятельность советских флотов. Имеются

© 2015 г. А.Ю. Комарков

¹ Ленд-лиз (Lend-Lease) – система передачи США займы или в аренду вооружения, боеприпасов, строительного сырья, различных товаров и услуг странам-союзницам по антигитлеровской коалиции (Энциклопедия российско-американских отношений: XVIII–XX века. М., 2001. С. 301).

² *Краснов В., Артемьев А.* О ленд-лизских поставках флоту // Морской сборник. 1992. № 5–6. С. 11–16. *Краснов В.Н.* Ленд-лиз и развитие советского флота // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 1. С. 69–85; *он же.* Ленд-лиз для ВМФ СССР // Независимое военное обозрение. 2000. № 27. С. 5; *Ларинцев Р.И.* Ленд-лизские поставки на Северный флот и их эффективность // Война в Арктике (1939–1945 гг.). Архангельск, 2001. С. 263–270; *он же.* Вклад союзников в борьбу с минной опасностью на Севере // Защитники Отечества: Материалы XI областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2002. С. 39–45; *он же.* Ленд-лиз для ВМФ СССР – помощь на завтра // Флот и Победа (материалы общероссийских общественно-научных чтений, 19–20 мая, Архангельск). Архангельск, 2004. С. 91–100; *он же.* Использование противоминных кораблей, полученных по ленд-лизу // Ленд-лиз и Россия: Материалы международной конференции по проблемам ленд-лиза. Архангельск, 2006. С. 228–243; *Платонов А.В.* Энциклопедия советских надводных кораблей, 1941–1945. СПб., 2002; *Морозов М.Э.* Противолодочное оружие ленд-лиза // Полигон. 2002. № 1–3; *Левашко В.О.* «Ваша победа – это наша заслуга» // Военно-промышленный курьер. 2011. № 13(379). 6–12 апреля. С. 10; *Золотарёв В.А.* Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. В 2 кн. Кн. 1. М.; СПб., 2004.

основания предположить наличие прямой взаимосвязи между количественными показателями завоза в страну импортного морского снабжения и реальным значением технической помощи Великобритании и США для поддержания боеспособности ВМФ Советского Союза в конкретные периоды войны. В данной статье предпринята попытка проследить интенсивность экономических операций в интересах Рабочее-крестьянского красного флота (РККФ) СССР на различных этапах взаимодействия «Большой тройки» с тем, чтобы дать объективную оценку роли ленд-лизских поставок в истории отечественного флота и военного судостроения.

При освещении темы сотрудничества советских, британских и американских ВМС в 1941–1945 гг. следует помнить о том, что на протяжении всей войны положение со снабжением РККФ за счёт внутренних ресурсов страны оставалось напряжённым. Хроническая экономия на нуждах отечественного ВМФ стала следствием катастрофического для Советского Союза хода войны в 1941–1942 гг. Внезапное германское вторжение, переключение значительных мощностей кораблестроения на выпуск вооружений для Красной армии, потеря судостроительных заводов в Николаеве и блокада противником главного центра военного судостроения страны – Ленинграда – многократно сократили возможности строительства новых боевых кораблей³.

Начавшаяся война заставила коренным образом изменить деятельность данной отрасли. В механических цехах многих советских судостроительных заводов в соответствии с введённым в действие уже 23 июня 1941 г. мобилизационным планом по боеприпасам и патронам началось производство корпусов для бомб, гранат и т.п. По мере ухудшения военного положения на фронтах действующие предприятия Наркомата судостроительной промышленности (НКСП) СССР всё в большем объёме загружались срочными не судостроительными заказами. В распоряжение Наркомата танковой промышленности перешёл судостроительный завод № 112 «Красное Сормово», выпускавший до начала Великой Отечественной войны подводные лодки⁴. Резкое сокращение уже во втором полугодии 1941 г. производственной базы военного кораблестроения повлекло за собой снижение его валовой продукции более чем в два раза. Заводы-контрагенты значительно сократили изготовление необходимого НКСП оборудования. Выпуск проката чёрных металлов уменьшился втрое; почти прекратилась выплавка цветных металлов, крайне необходимых военному производству. Списочный состав трудовых коллективов судостроительных заводов сократился без малого наполовину⁵.

С началом войны в Советском Союзе были вынуждены отказаться от реализации программы строительства «Большого флота». В соответствии с постановлениями Государственного комитета обороны СССР от 10 и 19 июля 1941 г. консервации подлежали практически все находившиеся в процессе строительства крупные надводные корабли: линкоры (проект 23), тяжёлые крейсера (проект 69), лёгкие крейсера (проект 68) и приобретённый недостроенным у немцев крейсер «Петропавловск». В Ленинграде и Николаеве остановилось строительство 12 миноносцев, шести сторожевых кораблей, трёх тральщиков и восьми подводных лодок, имевших «малый процент технической готовно-

³ *Дмитриев В.И.* Советское подводное кораблестроение. М., 1990. С. 200.

⁴ *Шитиков Е.А., Краснов В.Н., Балабин В.В.* Кораблестроение в СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 9, 10.

⁵ *Дмитриев В.И.* Указ. соч. С. 200–201.

сти». Вместо них Государственный комитет обороны велел сосредоточиться на скорейшей постройке подводных лодок, эсминцев, тральщиков, охотников за подводными лодками, торпедных катеров и бронекатеров, «подлежащих сдаче в ближайшее время»⁶. Однако стремительное вражеское наступление и необходимость эвакуации верфей европейской части страны в первые месяцы Великой Отечественной сразу же поставили под сомнение выполнение даже столь ограниченного плана. Не приходится удивляться, что ещё до конца 1941 г. среди производственников стали ходить разговоры о ненужности и несвоевременности создания любых военных кораблей⁷.

Военное судостроение СССР оставалось в кризисном состоянии практически до 1945 г. Несмотря на ввод в строй вывезенных на восток предприятий, размах боевых действий на суше не позволял удовлетворять заявки РККФ на снабжение в полном объёме. Более того, показатели производства продукции для флота в 1942–1945 гг. не дотягивали даже до уровня первого года Великой Отечественной войны. По отношению к последнему довоенному 1940 г., вся судостроительная промышленность страны выпустила: в 1941 г. – 89% (за счёт последних мирных месяцев и резкого ускорения сдачи ВМФ кораблей, находившихся в завершающей стадии строительства после начала войны), 1942 г. – 44, 1943 г. – 45, 1944 г. – 55, в 1945 – 58% военно-морской продукции⁸. Спад кораблестроения в военные годы произошёл из-за потери производственных мощностей в результате оккупации, трудностей работы на ленинградских заводах в период блокады и вынужденной замены строительства судов их аварийным ремонтом. Срочное подключение к судостроению предприятий других наркоматов способствовало развитию вспомогательного флота, но ситуацию с боевыми кораблями существенно не улучшило⁹.

Под влиянием перечисленных проблем руководству ВМФ СССР пришлось искать дополнительные возможности для обеспечения флота необходимым вооружением и оборудованием. В ситуации, когда советский военно-промышленный комплекс (ВПК) оказался не в состоянии одновременно снабжать свои армию и флот, важнейшим фактором поддержания боеспособности РККФ стали зарубежные поставки. Как известно, в период войны в противовес Германии Объединённые Нации создали антигитлеровскую коалицию, ключевыми участниками которой являлись Советский Союз, Великобритания и США. Между ними были установлены экономические связи, суть которых сводилась к предоставлению американцами материальной помощи Англии и СССР на базе принятого в США закона о ленд-лизе. Однако имевшее место взаимодействие флотов «Большой тройки» в рамках программы ленд-лиза долгое время сопровождалось специфическими противоречиями, препятствовавшими функционированию системы англо-американских поставок для советского ВМФ и серьёзно влиявшими на сроки поступления в СССР иностранных морских «оборонных материалов».

Прежде всего нужно отметить, что снабжение советского ВМФ по ленд-лизу осуществлялось неравномерно. Этот факт подтверждают данные статистики Отдела морских заказов Инженерного управления Народного комиссариата

⁶ Центральный военно-морской архив (далее – ЦВМА), ф. 13, оп. 71, д. 2436, л. 43–44, 152.

⁷ Шитиков Е.А., Краснов В.Н., Балабин В.В. Указ. соч. С. 13.

⁸ Буров В.Н. Отечественное военное кораблестроение в третьем столетии своей истории. СПб., 1995. С. 208.

⁹ Шитиков Е.А., Краснов В.Н., Балабин В.В. Указ. соч. С. 22.

внешней торговли (НКВТ) СССР, курировавшего внешнеторговые операции в целях удовлетворения потребностей советских ВМС за счёт внешних источников. Его документы свидетельствуют: вплоть до 1943 г. интенсивность сотрудничества флота СССР с ВМФ Англии и США была недостаточной. Во втором полугодии 1941 г. суммарный объём поступлений ленд-лиза для РККФ составил всего лишь 2 838 английских т (одна длинная английская тонна или англо-т соответствует 1 016 кг. – *А.К.*) и возрос спустя год незначительно – до 4 959 англо-т принятых советской стороной морских грузов. Резкое увеличение этого объёма имело место только на фоне состоявшегося «коренного перелома» на фронтах Великой Отечественной войны. В итоге, уже в 1943 г. масштаб импортных операций в интересах флота СССР трёхкратно превышал совокупные показатели первых 18 месяцев войны (21 395 против 7 797 англо-т), а в дальнейшем расширился ещё больше. Самые существенные для советских ВМС заказы были реализованы союзниками лишь в период 1944–1945 гг., ближе к завершению войны в Европе, когда общий тоннаж зарубежного морского снабжения (63 255 англо-т к июлю 1945 г.) в целом адекватно соответствовал потребностям отечественного флота¹⁰, став важнейшим средством поддержания его боеспособности.

С другой стороны, приведённые данные хорошо согласуются с информацией Отдела внешних заказов Наркомата военно-морского флота (НКВМФ) СССР, ведавшего вопросами учёта всех англо-американских морских поставок 1941–1945 гг. Среди его материалов я нашёл списки вооружения и снабжения, принятого по ленд-лизу для советских ВМС. Даты их составления (1 июля 1942 г., 1 августа 1943 г., 1 июля 1944 г. и 1 июня 1945 г.) в целом совпадают со временем прекращения исполнения союзниками своих обязательств в рамках предыдущих соглашений о поставках в СССР и начала действия новых протоколов ленд-лиза¹¹. Это, в свою очередь, даёт возможность рассмотреть количественный аспект морской помощи в динамике с распределением всех поступлений по годам и периодам. А сопоставление сведений, отражённых в упомянутых списках, позволяет подтвердить вывод о том, что в действительности помощь по ленд-лизу отечественному ВМФ стала прибывать в СССР в относительно больших размерах только на рубеже 1943–1944 гг. Именно тогда советский флот получил наибольшее количество американских и британских боевых и вспомогательных кораблей, морских пушек и зенитных пулемётов, гидроакустических станций (сонаров) и радаров, аварийно-спасательных, судоподъёмных, судостроительных и иных механизмов.

К примеру, по состоянию на 1 августа 1943 г. Отдел внешних заказов НКВМФ успел доложить руководству флота СССР о поступлении от союзников самых первых кораблей и начале поставок военно-морского снабжения в весьма скромных масштабах. Это были 10 английских тральщиков, два торпедных катера, 84 британских сонара «Асдик» и 12 корабельных радиолокаторов, 90 комплектов трального оборудования (акустического и электромагнитного), 562 установки 20-мм автоматических пушек ПВО «Эрликон» и 250 спаренных крупнокалиберных зенитных пулемётов системы «Браунинг-Кольт», 43 комп-

¹⁰ РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 552, л. 3.

¹¹ Поставки в СССР по ленд-лизу в годы войны осуществлялись на основе четырёх специальных протоколов: Московского (1 октября 1941 г. – 30 июня 1942 г.), Вашингтонского (1 июля 1942 г. – 30 июня 1943 г.), Лондонского (1 июля 1943 г. – 30 июня 1944 г.) и Оттавского (1 июля 1944 г. – 12 мая 1945 г.).

**Военно-морские поставки флоту СССР из Великобритании и США в 1941–1945 гг.
с распределением поступлений по протокольным периодам**

Номенклатура поставок (<i>шт.</i>)	Протоколы				Всего
	Московский	Вашингтонский	Лондонский	Оттавский	
Тральщики	7	3	12	–	22
Торпедные катера	–	2	43	122	167
Большие охотники за подводными лодками	–	–	12	34	46
Малые охотники за подводными лодками	–	–	44	16	60
Автоматы «Эрликон»	68(50)	494 (512)	1 267	171	2 000
Пулемёты «Кольт» спаренные	90 (230)	160 (20)	550	1 000	1 800
Пулемёты «Кольт» на турели	–	–	250	50	300
Артустановки трехдюймовые	–	–	289	91	380
Зенитки «Бофорс»	–	–	200	487	687
Мины всех видов	2 204	74	718	1 050	4 046
Глубинные бомбы	4 000	–	8 396	8 877	21 273
Параваны-охранители	100	–	51	6	157
Тралы акустические	14	63	7	3	87
Тралы электромагнитные	–	13	11	20	44
Гидролокаторы «Асдик»	43	41	21	216	321
Радиолокаторы корабельные	–	12	62	319	393
Аккумуляторные батареи	–	43	25	12	80
Двигатели для судоремонта	–	225	763	918	1 906
Дизельгенераторы для судоремонта	–	–	311	271	582
Гребные винты	–	6	70	369	445
Трубки стальные котельные (<i>т</i>)	248	710	422	346	1 726
Трубки купроникелевые (<i>т</i>)	118	–	34	231	383
Спасательные плоты «Флотанет»	–	209	16	–	225
Костюмы водолазные	–	132	183	–	315
Водолазные станции	–	–	100	46	146
Станции подводного освещения	–	–	54	97	151
Дизели и моторы для судостроения	–	–	–	–	5 721
Дизельгенераторы для судостроения	–	–	–	–	562

Составлено по: ЦВМА, ф. 928, оп. 3, д. 53, л. 1–15; д. 126, л. 1043–1050; д. 278, л. 1–14; д. 320, л. 4–12; д. 321, л. 2–3.

лекта предназначенных для подлодок акбатарей, 100 параванов-охранителей, 95 судовых моторов «Паккард» и 130 бензиновых двигателей, 958 т стальных и 118 т купроникелевых трубок для военного судостроения и судоремонта, незначительное количество магнитных мин и противолодочных глубинных бомб¹². Причём в ходе выполнения Московского протокола союзники были склонны снабжать советский ВМФ «оборонными материалами» в совершенно малых количествах, передав последнему к лету 1942 г. только семь тральщиков, 68 (50) орудий «Эрликон», 90 (230) «Кольтов»¹³, 14 акустических тралов,

¹² ЦВМА, ф. 928, оп. 3, д. 126, л. 1043–1050.

¹³ В документах имеются расхождения по вопросу поставок в СССР в 1941–1943 гг. 20-мм автоматов «Эрликон» и спаренных 12.7-мм пулемётов «Кольт».

43 «Асдика», 248 т котельных и 118 т купроникелевых трубок, боезапас глубинных бомб и мин, параваны и проч.¹⁴ Схожая картина в отношении морского ленд-лиза наблюдалась и в следующий период сотрудничества. Помощь англичан и американцев советским ВМС на условиях Вашингтонского протокола также была представлена поступлением в СССР ограниченных номенклатур вооружения: двух катеров и трёх тральщиков, 43 аккумуляторных батарей, 130 бензиновых двигателей и 95 корабельных моторов «Паккард», 494 (512) автоматов «Эрликон», 160 (20) установок спаренных пулемётов «Браунинг-Кольт», 76 корабельных тралов, 41 сонара, 12 комплектов судовой радиолокационной аппаратуры, 132 водолазных костюма, 710 т трубок и проч.¹⁵

Напротив, последние полтора–два года войны оказались необычайно богаты на ленд-лиз для отечественного флота. С осени 1943 г. Великобритания и США резко увеличили поставки в СССР ценного морского снаряжения. Так, американцы направили в Советский Союз большое количество боевых кораблей различных классов. Уже ко времени окончания действия Лондонского протокола (1 июля 1944 г.) оперативные соединения советских ВМС за истекший год успели принять на вооружение два британских и десять американских тральщиков, восемь английских и 35 американских катеров, 12 больших и 44 малых американских охотников за подводными лодками¹⁶. Дополнительно, ко времени окончания войны с Германией, на условиях Оттавского соглашения в страну по ленд-лизу завезли ещё 34 больших и 16 малых охотников и 122 торпедных катера ВМФ США¹⁷. Та же картина – по артиллерийской статье военно-морской помощи союзников. На рубеже 1943–1944 гг. СССР получил 1 267 комплектов зенитных автопушек «Эрликон» (60% всех импортированных за время войны 20-мм автоматов). Аналогичная тенденция прослеживается и в отношении поступлений спаренных 12.7-мм пулемётов системы «Браунинг-Кольт» (1 550 установок в рамках двух последних протоколов). Наконец, завершающий период Великой Отечественной войны отличился поставками из-за рубежа целого ряда образцов вооружений, ранее отсутствовавших в совокупности морских грузов: 40-мм пушек «Бофорс» (687 единиц), трёхдюймовых морских орудий (380), сдвоенных пулемётов «Кольт» на турели (300)¹⁸.

Реализация союзниками условий Лондонского и Оттавского протоколов также сопровождалась активизацией поставок больших партий гидроакустических и радиолокационных приборов, водолазного и судоподъёмного снаряжения, силовых машин и энергетического оборудования. При этом следует особо выделить англо-американские корабельные радары (381 установка) и гидролокаторы (237 комплектов), в целом способствовавшие росту боеспособности РККФ и развитию отечественных технологий. Неоценимое значение для развёртывания судоподъёмных работ на морских театрах военных действий имел осуществлявшийся с осени 1943 г. завоз из Англии и США 146 водолазных станций и 150 установок подводного освещения (в полной комплектации). С приближением окончания боевых действий в Европе выполнение программы военного судоремонта было поставлено в прямую зависимость от многократно возросших к тому времени показателей импорта корабельных двигателей (1 681 шт.) и впервые предложенных союзниками на условиях Лондонского со-

¹⁴ ЦВМА, ф. 928, оп. 3, д. 53, л. 1–15; д. 321, л. 2–3.

¹⁵ Подсчитано по: Там же, д. 126, л. 1043–1050; д. 321, л. 2–3.

¹⁶ Там же, д. 278, л. 1.

¹⁷ Подсчитано по: Там же, д. 320, л. 4.

¹⁸ Подсчитано по: Там же, д. 126, л. 1043; д. 278, л. 1–2; д. 320, л. 4.

глашения дизельгенераторов (582 шт.). Наконец, последние два протокола о поставках в Советский Союз способствовали дополнительному обеспечению НК-ВМФ электромагнитными тралами (31 комплект), аккумуляторными батареями (37 шт.), глубинными бомбами (17 273 шт.), гребными винтами (439 комплектов), водолазными костюмами (183 шт.), купроникелевыми (265 т) и стальными (768 т) трубками и иными партиями грузов ленд-лиза флотской номенклатуры¹⁹.

Перечисленные факты свидетельствуют о том, что столкнувшийся с дефицитом снабжения в первые военные месяцы советский ВМФ получил возможность извлечь ощутимую выгоду из сотрудничества с сильнейшими морскими державами, к сожалению, с большим опозданием. Почему же так получилось? Для ответа на данный вопрос необходимо перейти к рассмотрению противоречий, негативное влияние которых усложняло решение стоявшей перед союзниками задачи по обеспечению отечественных ВМС в соответствии с их реальными нуждами. Прежде всего обращает на себя внимание следующее обстоятельство: вклад могущественных в индустриальном отношении американцев в реализацию программы морского ленд-лиза вплоть до середины 1943 г. носил ограниченный характер. Приступившая к оказанию помощи уже в 1941 г. Великобритания не имела возможностей удовлетворить запросы ВМФ СССР в полном объёме за счёт собственных средств в силу сложившейся на Британских островах тяжёлой экономической ситуации. Поэтому в процессе согласования первой советской морской заявки в октябре 1941 г. английское Адмиралтейство не согласилось передать СССР эсминцы, так как флот Его Величества сам был обеспечен ими только наполовину. С той же формулировкой были сняты с рассмотрения все советские заказы на поставку из Великобритании мощных судовых дизелей и моторов. Крайне необходимые СССР современные тральщики английские «товарищи по оружию» предложили заменить старыми норвежскими китобойными судами, оснащёнными противоминным оборудованием. Значительному сокращению подверглась и артиллерийская заявка НКВМФ: вместо запрошенных с поставкой до конца 1941 г. 500 автоматических орудий ПВО Адмиралтейство было готово выделить лишь 50 «Эрликонов»²⁰.

Между тем вступившим в мировую войну в декабре 1941 г. США требовалось время на строительство своих вооружённых сил и реализацию имевшихся в наличии колоссальных производственных возможностей. Хорошо известно, что американская промышленность в 1941–1945 гг. оказалась в состоянии произвести невиданное количество вооружений: 300 тыс. самолётов, 315 тыс. артиллерийских орудий, 86 тыс. танков, 8,5 млн т тоннажа заново построенных военных кораблей²¹. Вместе с тем на проектные мощности американские ВПК и военное кораблестроение смогли выйти только в 1943 г. В отношении программы судостроения ВМФ США периода Второй мировой войны данный тезис можно проиллюстрировать следующими показателями. Если в 1942 г. суммарный тоннаж построенных американскими верфями боевых и вспомогательных кораблей составлял всего лишь 900 тыс. т, то уже в 1943 г. он вырос трёхкратно – 2 млн 700 тыс. т, а в следующем, наиболее плодотворном, 1944 г., был поставлен абсолютный рекорд – 3 млн 200 тыс. т²².

¹⁹ Подсчитано по: Там же, д. 126, л. 1043–1050; д. 278, л. 3–14; д. 320, л. 4–11.

²⁰ Там же, д. 56, л. 10–11.

²¹ Уилсон Т.А. Соединённые Штаты – Левиафан // Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995. С. 211–212.

²² U.S. Navy at war 1941–1945. Official reports to the Secretary of the Navy by fleet admiral Ernest J.

С другой стороны, масштаб участия американских и британских ВМС в мировой войне не шёл ни в какое сравнение с относительно скромным вкладом советского флота в достижение победы над странами Оси в Европе и Азии. Следовательно, вынесшие на своих плечах всю тяжесть глобальной борьбы на море Великобритания и США были не в состоянии в полном объёме снабжать РККФ без достижения прогресса в реализации собственных программ военного кораблестроения. Однако, принимая во внимание данные о развитии судостроительной промышленности США, не приходится удивляться, что крупнейшие партии морского ленд-лиза стали прибывать в Советский Союз только в конце 1943 г. К тому времени располагавшие соответствующими ресурсами американцы окончательно перехватили инициативу у англичан в деле снабжения флота своего союзника, что благоприятно сказалось на обеспечении НКВМФ военными материалами. И если в процессе исполнения двух первых протоколов экспорт морских вооружений в СССР имел место в пропорции 9 711 (из Америки) к 6 937 (из Великобритании) англо-т, то уже начиная с осени 1943 г. Соединённые Штаты значительно увеличили свои объёмы поставок. В результате, уже в третьем протокольном периоде соотношение числовых показателей иностранной материально-технической помощи отечественному ВМФ составляло 23 110 к 6 025 англо-т в пользу США, а в четвёртом выросло ещё больше: 41 315 длинных американских т против 5 259 длинных англо-т²³.

Другим фактором, ставившим под сомнение (вплоть до 1943 г.) эффективность программы морского ленд-лиза для СССР, следует признать недостаток тоннажа торговых флотов стран антигитлеровской коалиции, прежде всего американского. Дело в том, что в 1941–1945 гг. основные обязанности по транспортировке поставок морем в Советский Союз были возложены на располагавший адекватными возможностями флот США. Однако даже эта страна с её мощными производительными силами не смогла избежать проблем при решении задачи поддержания численности корабельного состава собственных торговых флотилий на приемлемом уровне. Весь 1942 и отчасти 1943 г. кораблей для перевозки ленд-лиза в СССР не хватало ещё и потому, что располагавшие ограниченным тоннажем Объединённые Нации сами были вынуждены перебрасывать ресурсы на участки фронта, требовавшие концентрации американско-британских сил. Только по этой причине в Советский Союз направлялось грузов вдвое меньше, чем предлагали союзники²⁴. Вот почему Вашингтонский протокол даже пришлось составить в двух частях: в первой перечислялось максимальное количество военных материалов, которые могли отправить в СССР США и Англия, а во второй указывалось, сколько всего материалов может быть перевезено на доступных для этого кораблях²⁵. И хотя производственные мощности американских судостроительных заводов значительно возросли ещё до Пёрл-Харбора, только потери в результате атак вражеских подводных лодок и растущие потребности глобальной войны заставили США развернуть по-настоящему масштабное строительство транспортных судов²⁶.

В итоге рекордная норма постройки торговых судов была достигнута в США в 1943 г., когда время на производство одного транспорта класса

King, U.S. Navy. Washington, 1946. P. 147.

²³ РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 552, л. 15, 18.

²⁴ Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945. М., 1997. С. 152, 200.

²⁵ Стеттиниус Э. Ленд-лиз – оружие победы // Загадки ленд-лиза. М., 2000. С. 212–213.

²⁶ Уилсон Т.А. Указ. соч. С. 214.

«Либерти» сократилось с 30 до 7 недель²⁷. Во многом именно благодаря данному обстоятельству период 1943–1944 гг. ознаменовался спуском на воду 3 124 коммерческих судов, что составляло около $\frac{2}{3}$ суммарного количества всех построенных в Соединённых Штатах грузовых (3 791) и пассажирских (123) кораблей, а также танкеров (678) за время Второй мировой войны²⁸. Таким образом кризис тоннажа, от которого страдал торговый флот США на начальном этапе развёртывания поставок в СССР, был преодолен окончательно. Уже к концу 1943 г. посредством введения в эксплуатацию большого числа новых сухогрузов и судов наливного флота союзники получили возможность увеличить пропускную способность маршрутов из Западного полушария в СССР без ущерба для реализации своих стратегических планов на других театрах военных действий. Это благоприятно сказалось на доставке всех составляющих экономической помощи Великобритании и США 1943–1945 гг., в том числе морского имущества, всегда обладавшего пониженным приоритетом на фоне необходимых Советскому Союзу вооружений для Красной армии и материалов для ВПК.

И всё же, несмотря на неравномерное поступление в страну импортных грузов, в завершающий период Великой Отечественной войны военно-морской ленд-лиз принёс советскому флоту ощутимую пользу. При этом наиболее ценными для поддержания боеспособности РККФ стали поставки военных кораблей. Благодаря ленд-лизу ко времени окончания боевых действий в Европе весной 1945 г. советский ВМФ успел пополниться восемью десантными баржами, 46 большими (SC-110) и 60 малыми (RPC и RTC) охотниками за подводными лодками, 22 тральщиками (AM, TAM и MMS) и 122 боеготовыми торпедными катерами (А-1 «Воспер», А-2 «Хиггинс», Д-3 «ЭЛКО»)²⁹. Между тем за время войны с Германией судостроительная промышленность Советского Союза сдала отечественным ВМС два лёгких крейсера, 18 эсминцев, 54 подводных лодки, два монитора, один сторожевой корабль, один дизельный базовый и два турбинных тральщика, 18 больших охотников. Одновременно были построены и введены в состав РККФ 591 боевой катер (торпедный, малый охотник, сторожевой, бронекатер), 327 катерных тральщиков и 1 375 вспомогательных судов³⁰. Значит, Великобритания и Соединённые Штаты своими поставками фактически обеспечили пополнение ВМФ СССР новыми противоминными тральщиками и большими противолодочными кораблями и во многом содействовали поддержанию численности советского катерного парка в условиях нехватки выделяемых НКСП отечественных ресурсов.

Поставляемые из-за рубежа корабли отличались хорошим уровнем исполнения и высокими характеристиками. В отчёте о проделанной НКВТ работе за период Великой Отечественной войны отмечалось: «Большие и малые охотники, минные тральщики и торпедные катера по своим мореходным качествам, манёвренности, оборудованию, средствам управления и наблюдения, а также вооружению удовлетворяют требованиям ВМФ, а по качеству отделки, комфортабельности и удобств для жизни личного состава стоят выше кораблей

²⁷ Там же; РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 528, л. 62.

²⁸ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 528, л. 62.

²⁹ ЦВМА, ф. 928, оп. 3, д. 320, л. 4.

³⁰ Грибовский В.Ю., Нарусбаев А.А., Черников И.И. История отечественного судостроения. В 5 т. Т. 4. СПб., 1996. С. 441.

такого же класса отечественного производства»³¹. Даже переоборудованные англичанами из старых китобойных судов тральщики ТАМ (семь единиц) были оснащены современными для той поры акустическими и электромагнитными тралями, рассчитанными на борьбу со всеми типами неконтактных мин, применявшихся противником³². Кроме того, в результате интенсификации сотрудничества ВМС Великобритании и США с флотом СССР в 1944–1945 гг. стало возможным появление в его рядах соединений, полностью оснащённых иностранными судами. Именно так Северный флот получил бригаду торпедных катеров, бригаду и дивизион больших охотников, два дивизиона тральщиков; Балтийский – дивизион больших охотников, два дивизиона катеров; Черноморский – три дивизиона кораблей различных классов (больших охотников, сторожевиков, торпедных катеров)³³.

Вместе с тем необходимо помнить, что реальный вклад кораблей ленд-лиза в поддержание боеспособности советских флотов существенно различался от одного театра военных действий к другому. Вплоть до капитуляции Германии все суда поступали в СССР из Англии и США единственным доступным североатлантическим маршрутом – вдоль норвежского побережья в Мурманск и Архангельск – и автоматически зачислялись в списки Северного флота. Только затем по внутренним речным коммуникациям была переведена на Чёрное море и Балтику некоторая их часть. В результате случилось так, что в составе Балтийского флота иностранные корабли и суда появились лишь по окончании войны в Европе. Черноморский флот, содействовавший армии на юге, получил возможность пользоваться этими поставками в завершающих операциях против Румынии и Болгарии со второй половины 1944 г.³⁴ Поэтому предоставленная по ленд-дизу помощь оказала наибольшее влияние на боевую деятельность советского Северного флота. В условиях слабости сил этого флота, имевшей место на протяжении почти всей войны, переданные Великобританией и США боевые корабли позволили усилить как ударную (катера), так и оборонительную его составляющую (охотники, тральщики)³⁵. Данное утверждение применимо к 1944 г., когда вставшие в строй на севере импортные суда стали преобладать над отечественными в количественном и качественном отношении³⁶. Все они эксплуатировались активно и смогли оправдать возлагавшиеся на них надежды. К примеру, союзнические тральщики, будучи самыми боеспособными среди всех тралящих кораблей Северного флота, сыграли важную роль в обеспечении безопасности плавания в миноопасных районах Северного морского театра³⁷. Прибывшие из США большие охотники с их хорошими мореходностью и вооружением были заняты противолодочной обороной советских арктических коммуникаций, привлекались к высадке десантов, огневой поддержке сухопутных войск и сопровождению конвоев³⁸. Наконец, составившие большую и качественно лучшую часть бригады Северного флота торпедные катера амери-

³¹ РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 560, л. 48.

³² ЦВМА, ф. 928, оп. 3, д. 302, л. 108; *Ларинцев Р.И.* Ленд-лизские поставки на Северный флот... С. 266.

³³ *Краснов В.Н.* Ленд-лиз и развитие советского флота. С. 78.

³⁴ *Перегонцев А.С., Перегонцев В.С.* Корабли Второй мировой войны 1939–1945 гг. Ч. 1. М., 1999. С. 215–217, 224.

³⁵ *Ларинцев Р.И.* Ленд-лиз для ВМФ СССР... С. 93.

³⁶ РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 553, л. 6.

³⁷ *Ларинцев Р.И.* Вклад союзников... С. 43.

³⁸ РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 560, л. 65.

канской постройки в 1944 г. смогли добиться значительных успехов в борьбе с судоходством противника, только за одну кампанию превысив результативность действий всех советских катеров периода 1941–1943 гг. вместе взятых³⁹.

Наряду с корабельным ленд-лизом в 1941–1945 гг. важнейшим направлением усиления советских ВМС выступили союзнические поставки морского имущества, завозившегося в СССР отдельно от боевых и вспомогательных судов. Например, в «Отчёте Управления кораблестроения НКВМФ» утверждалось: «Постройка всех боевых катеров, тральщиков, больших охотников и других кораблей обеспечивалась в основном импортным оборудованием»⁴⁰. Прежде всего речь здесь идёт о дизельгенераторах, выпуск которых отечественная промышленность прекратила из-за недостатка производственных мощностей. В результате поступавшие в страну по ленд-лизу дизельгенераторы и другое электрооборудование полностью (на 100%) удовлетворили потребности программы советского военного судостроения⁴¹. Не менее существенную роль в поддержании боеготовности флотов СССР в завершающий период войны суждено было сыграть американским судовым моторам – продукции фирм «Дженерал Моторс», «Купер Бессемер», «Паккард», «Вольверин», «Холл-Скотт» и проч. По свидетельству Инженерного управления НКВТ, большинство поставившихся в Советский Союз двигателей иностранного производства оказались современными и заслуживали положительной оценки с точки зрения компактности, удобства обслуживания и высокого качества изготовления деталей – к 1945 г. ими были оснащены все без исключения новые советские катера⁴².

Допущенное перед войной отставание ВМФ СССР в оснащении кораблей автоматической артиллерией отрицательно сказалось на ведении боевых действий. Возможностей советской промышленности в военные годы для восполнения указанного пробела оказалось недостаточно. Фактически отсутствовала пушка малого калибра, предусмотренная к установке на малотоннажных катерах. Большинство мобилизованных судов вооружалось артиллерией, практически непригодной для отражения атак вражеской авиации. Частично эту проблему решили, поставив автоматы «Эрликон» и крупнокалиберные пулемёты из Англии и США. Более того, именно благодаря ленд-лизу вся система строительства отечественных катеров во время войны была ориентирована на поставки пушечно-пулемётного вооружения из-за границы. Правда, масштабное поступление в адрес советского флота автоматов и пулемётов ПВО началось лишь в конце 1943 г., когда угроза с воздуха на всех морских театрах военных действий резко ослабла⁴³.

К началу Великой Отечественной войны в составе РККФ числился один корабль, оснащённый радиолокационной аппаратурой – крейсер «Молотов» с радаром «Редут-К». Трудно переоценить значение своевременного обнаружения целей, однако вплоть до конца войны отечественная промышленность смогла дополнительно поставить на флот только три радара «Гюйс-1». Все остальные корабельные радиолокаторы были британского или американского производства и потому экспортировались в СССР на условиях ленд-лиза⁴⁴. В итоге по

³⁹ Ларинцев Р.И. Ленд-лиз для ВМФ СССР.. С. 94–95.

⁴⁰ Краснов В.Н. Ленд-лиз и развитие советского флота. С. 82.

⁴¹ РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 553, л. 35.

⁴² Там же, л. 26, 27, 28.

⁴³ Ларинцев Р.И. Ленд-лиз для ВМФ СССР.. С. 98–99.

⁴⁴ Платонов А.В. Указ. соч. С. 609.

состоянию на 1 мая 1945 г. за счёт помощи извне оснастили радары уже 57 советских боевых кораблей. Только корабельный состав Северного флота принял на вооружение 88 радиолокаторов, предназначенных для поиска надводных целей, 22 – воздушных и восемь радиолокационных систем управления огнём, из которых лишь единственная станция была изготовлена собственным ВПК⁴⁵.

К сожалению, вследствие позднего поступления в СССР англо-американских радиолокаторов и отсутствия подготовленных специалистов освоение новой техники шло крайне медленно. На севере по данным радиолокации немецкие надводные корабли обнаруживались только торпедными катерами. Правда, около 30 раз советские эсминцы и охотники пеленговали вражеские подводные лодки в надводном положении. Применение радаров для управления огнём по морским целям имело место только при боевой подготовке экипажа крейсера «Мурманск». Прибывшие из Великобритании и США с индикаторами кругового обзора корабельные радары использовались советским ВМФ преимущественно в интересах судовождения⁴⁶. Следует также отметить, что союзники были склонны поставлять нам локаторы устаревших моделей, заменяя на своих кораблях последние более совершенными образцами⁴⁷. Вместе с тем в условиях имевшегося технологического отставания СССР от американцев и англичан даже эти «устаревшие модели», по мнению советских инженеров, представляли собой исключительно перспективное оборудование. Согласно их выводам, ленд-лизские поставки радаров позволили отечественной радиоэлектронике сделать в своём развитии «скачок величиною в 10 лет»⁴⁸.

То же самое можно сказать и про гидролокацию. Накануне Великой Отечественной войны РККФ Советского Союза вынужден был эксплуатировать устаревшие на 20 лет гидроакустические средства. Начавшаяся вскоре борьба с подводными лодками противника потребовала от советских ВМС срочной установки на кораблях более совершенной гидролокационной аппаратуры⁴⁹. По этой причине первые комплекты английских гидроакустических станций «Асдик» стали завозить в СССР уже в конце 1941 г., чтобы советский ВМФ успел принять на вооружение свыше 300 таких установок ещё до завершения войны в Европе. Однако действительное значение заграничных поставок сонаров в 1941–1945 гг. определялось в первую очередь их качественными характеристиками⁵⁰. Так, согласно докладу Управления связи НКВМФ, «английские приборы типа “Асдик” по своим тактико-техническим данным значительно превосходят аналогичные отечественные приборы типа “Тамир”»⁵¹. Преимущество британских гидролокаторов перед советскими заключалось в их обтекателе, который уменьшал помехи и давал возможность искать подводные лодки противника на ходу противолодочного корабля со скоростью до 16 узлов. Кроме того, они имели ряд счётно-решающих устройств, значительно облегчавших процесс обнаружения подводных лодок и применения против них оружия⁵². Но все попытки наших специалистов скопировать «Асдик» длительное время

⁴⁵ Морозов М.Э. Указ. соч. № 3. С. 40.

⁴⁶ Платонов А.В. Указ. соч. С. 609, 611, 612.

⁴⁷ РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 560, л. 47.

⁴⁸ Супрун М.Н. Значение северных конвоев в организации военно-экономического сотрудничества СССР и союзников в 1941–1945 гг. // Управленческое консультирование. 2005. № 2. С. 16.

⁴⁹ Ларинцев Р.И. Ленд-лизские поставки на Северный флот... С. 268.

⁵⁰ Морозов М.Э. Указ. соч. № 3. С. 38–39.

⁵¹ ЦВМА, ф. 928, оп. 3, д. 121, л. 113.

⁵² Платонов А.В. Указ. соч. С. 613.

оказывались тщетными – в СССР не было кварца для излучателей и машин высокой частоты⁵³. И только в конце войны советский ВПК сумел наладить в незначительных количествах выпуск гидроакустической станции «Тамир-9», приближавшейся по параметрам к принятым по ленд-лизу зарубежным аналогам⁵⁴.

С развёртыванием активных боевых действий производство тралов в СССР оказалось в тяжелейшем положении по причине начавшейся срочной эвакуации заводов-изготовителей противоминного оборудования. Также в 1941 г. советский флот столкнулся с серьёзным кризисом в связи с отсутствием в его распоряжении неконтактных тралов. Именно поэтому все оперативные соединения РККФ не могли противостоять новейшим образцам магнитных и акустических мин, широко применявшихся немцами с первых часов вторжения в СССР. Несмотря на то что отечественный ВПК в ходе войны всё же изготовил собственные модели неконтактных тралов, их характеристики в целом не отвечали требованиям советского ВМФ. Кроме того, запущенное в Советском Союзе серийное производство электромагнитных тралов изначально лимитировалось слабыми возможностями смежных отраслей, поставлявших комплектующие (кабель, дизельгенераторы, плавсредства). Столь же ограниченным долгое время оставался и выпуск акустических тралов, аналогично нуждавшийся в своевременных поставках элементной базы – корпусов, вибраторов, электромолокотков и проч.⁵⁵

Крайне напряжённая ситуация, сложившаяся со снабжением советских ВМС современными тральными средствами, заставила руководство НКВМФ обратиться за помощью к Великобритании и США⁵⁶. В результате предпринятых сторонами мер в 1941–1945 гг. ВМФ Советского Союза принял на вооружение из внешних источников 87 акустических, 44 электромагнитных, три береговых, 10 речных и пять контактных тралов «Оропеза»⁵⁷, причём значительная часть этих противоминных комплектов (77 акустических, 13 электромагнитных и пять контактных) поступила в СССР по программе ленд-лиза в течение первых двух лет Великой Отечественной войны⁵⁸. Такая союзническая поддержка ещё в 1941–1942 гг. позволила организовать борьбу с минной угрозой, а в дальнейшем модернизировать имевшиеся собственные образцы, потому что завезённая из-за границы тральная аппаратура намного превосходила все советские устройства по своим важнейшим параметрам и являлась отчасти новым видом трального оборудования, ранее не состоявшего на вооружении РККФ⁵⁹.

В начале войны ВМС СССР столкнулись с немалыми трудностями при решении вопроса поддержания боевой готовности своих подводных лодок в результате свёртывания выпуска аккумуляторных батарей предприятиями, находившимися в процессе эвакуации. Из-за недостаточного поступления в распоряжение ВМФ новых аккумуляторов участились случаи постановки лодок на прикол⁶⁰. Первое время выходили из такого положения, главным образом, за счёт изъятия пригодных к эксплуатации акбатарей с недостроенных субмарин

⁵³ ЦВМА, ф. 928, оп. 3, д. 121, л. 114.

⁵⁴ Ларинцев Р.И. Ленд-лиз для ВМФ СССР... С. 99.

⁵⁵ Золотарёв В.А. Указ. соч. С. 267–268, 272.

⁵⁶ Зимонин В.П., Золотарёв В.А., Козлов И.А., Шломин В.С. История флота государства Российского. В 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 43.

⁵⁷ ЦВМА, ф. 928, оп. 3, д. 320, л. 5.

⁵⁸ Там же, д. 126, л. 1044.

⁵⁹ Там же, д. 321, л. 4–5; РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 553, л. 11.

⁶⁰ ЦВМА, ф. 928, оп. 3, д. 321, л. 6.

и их передачи в адрес действующих флотов⁶¹, но уже со второго года войны в страну по ленд-лизу стали завозить английские, а затем и американские аккумуляторные батареи. Всего было поставлено 83 комплекта, 50 из которых прибыло в СССР в 1942–1943 гг.⁶² Тем самым при помощи союзников удалось преодолеть сложнейший период в истории отечественного подводного флота и обеспечить функционирование советских подлодок соответствующей материальной базой⁶³.

Важнейшим источником восполнения потерь корабельного состава советских флотов в период стратегического наступления Красной армии 1943–1945 гг. стал подъём затонувших судов и их возвращение в строй⁶⁴. Вместе с тем развернувшиеся в морских и речных бассейнах ближе к концу войны аварийно-спасательные работы не были подкреплены соответствующим количеством водолазного оборудования отечественного производства. Советский Союз получил его по ленд-лизу: водолазные станции, установки подводного освещения, судоподъёмные понтоны, pistolsеты пробивного действия, различные насосы и компрессоры⁶⁵. Благодаря этой помощи осуществили подъём Таллиннского и Николаевского плавдоков, турбоэлектрохода «И. Сталин», немецкого крейсера «Зейдлиц», десятков других кораблей и судов⁶⁶. В связи с этим в Инженерном управлении НКВТ всегда отмечали высокое качество импортного судоподъёмного оборудования, эффективно использовавшегося в ходе спасательных работ и сыгравшего большую роль при очищении фарватеров⁶⁷.

Таким образом, поставки по ленд-лизу вооружения и оборудования из Великобритании и США в адрес флота Советского Союза во время Великой Отечественной войны стали ценным дополнением к снабжению РККФ средствами борьбы отечественного производства. Подавляющее их большинство быстро нашло применение на различных театрах военных действий в сложившихся условиях слабости индустриальной базы советского судостроения и способствовало модернизации ряда собственных, весьма несовершенных, технологий. Вместе с тем при оценке реального вклада трёхстороннего сотрудничества стран-участниц антигитлеровской коалиции в поддержание боеспособности советских флотов всегда необходимо учитывать факт слишком неравномерного по времени завоза в страну наиболее важных категорий морских «оборонных материалов». Вплоть до развёртывания их полномасштабного экспорта в СССР на рубеже 1943–1944 гг. исключительно важную роль в материально-техническом обеспечении НКВМФ играли накопленные до войны запасы⁶⁸, которые помогли советскому флоту пережить самый драматичный период в его новейшей военной истории. И только по мере исчерпания отечественных резервов и развития экономических отношений внутри «Большой тройки» англо-американский военно-морской ленд-лиз занял со временем достойное место среди всех источников усиления советских ВМС на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

⁶¹ Кулагин К.Л., Морозов М.Э. Советский подводный флот 1922–1945 гг.: о подводных лодках и подводниках. М., 2006. С. 751.

⁶² Подсчитано по: РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 562, л. 22, 28.

⁶³ ЦВМА, ф. 928, оп. 3, д. 321, л. 6.

⁶⁴ Золотарёв В.А. Указ. соч. С. 244.

⁶⁵ ЦВМА, ф. 928, оп. 3, д. 321, л. 6.

⁶⁶ Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои... С. 319.

⁶⁷ РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 560, л. 49.

⁶⁸ Золотарёв В.А. Указ. соч. С. 351.

А.В. Голубев, О.С. Поршнева. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011

Отношения между союзниками редко бывают простыми и ровными. Когда же на них влияют не только прагматичные соображения и расчёты стратегов и дипломатов, но и массовые, порой иррациональные, симпатии или предубеждения, они оказываются и вовсе запутанны, противоречивы и даже непредсказуемы. В какой мере и какими способами власть, намечающая и проводящая внешнеполитический курс, может эффективно управлять и манипулировать настроениями общества? Насколько сама она зависит от его самосознания и прежде всего от устойчивых стереотипов и предрассудков? Что они собой представляют, как возникают и трансформируются? Все эти вопросы приобретают особую остроту в том случае, если речь идёт об эпохе мировых войн, ломавших не только границы и судьбы государств, народов и отдельных людей, но и картину мира, и мироощущение тех, кому довелось их пережить. Вероятно, поэтому монография кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН Александра Владимировича Голубева и доктора исторических наук, профессора Уральского федерального университета Ольги Сергеевны Поршневой, давно и систематически изучающих взаимовосприятие России и её соседей, долго ещё не устареет и будет привлекать к себе внимание не только специалистов, но и всех интересующихся историей русского самосознания в первой половине XX в.¹

В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук Н.Н. Баранов (Уральский федеральный университет), И.В. Быстрова и В.А. Невежин (Институт российской истории РАН), а также кандидаты исторических наук А.В. Короленков (журнал «Новая и новейшая история») и Т.А. Филиппова (Институт российской истории РАН).

Николай Баранов: «Скажи мне, кто твой друг»

*Nikolay Baranov (First Russia's President B.N. Eltsin Ural Federal University):
«Tell me who is your friend»*

В книге А.В. Голубева и О.С. Поршневой обе мировые войны и межвоенные годы рассматриваются как единый период, обладающий собственной внутренней логикой. Как известно, Ш. де Голль ещё во время лондонской эмиграции говорил о «второй Тридцатилетней войне». Позднее это определение использовали философ Р. Арон в 1950-е и историк Г.У. Велер в 1990-е гг. Подобный подход особенно важен при изучении структур и механизмов формирования общественного сознания.

¹ Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.

Исследование же «образа союзника» представляется совершенно необходимым для выработки некоей общей парадигмы восприятия «других» в рамках того или иного группового сознания. основополагающим для имагологии является противопоставление «свои – чужие», которое в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. «Своё», родное (например, русское, российское) служит при этом отправной точкой для понимания и оценки всего другого, «чужого». Тем самым внешний мир структурируется по методу оппозиции. Однако образ союзника имеет при этом черты некоего «включённого третьего». В результате он отличается лабильностью и девиативностью, способностью изменять формы и признаки, существенно отклоняться от базовых представлений под влиянием различных внутренних и внешних факторов, успехов или неудач, изменения уровня самооценки, пропагандистских установок и проч. Об этом убедительно говорится в постановочной части введения (с. 11–12), да и во всей монографии на основе многих красноречивых примеров.

Авторы тщательно характеризуют историографическую традицию освоения интересующей их проблематики, учитывая работы, посвящённые различным проявлениям общественного сознания и тем или иным аспектам образов Другого². Ими широко использованы материалы прессы, источники личного происхождения (включая письма), отчёты, обзоры и сводки Департамента полиции МВД, Военного министерства, ОГПУ/НКВД и ВКП(б). Как убедительно показано в книге, несмотря на специфический и во многом конъюнктурный характер таких документов (особенно советского времени), они содержат и вполне достоверную информацию, которая помогает реконструировать существовавший в общественном сознании образ союзника. Особо хочется отметить композиционную и даже стилистическую гармонию труда О.С. Поршневой и А.В. Голубева. Думается, это закономерный результат совместных усилий историков, которых объединяет не только искренний интерес к теме, но и совпадение концептуальных подходов.

Их исследование убеждает в том, что в первой половине XX в., несмотря на войны, революционные потрясения, смену государственного и общественного строя, стремление заместить православную веру и народные обычаи коммунистической идеологией и классовым самосознанием, базовые ценностные установки российского общества оставались неизменными, особенно на уровне массовых стереотипных представлений, включая и образы Другого. Впрочем, не стоит недооценивать и силу воздействия концепций социального детерминизма. Сын известного импрессиониста, французский режиссёр и боевой лётчик Ж. Ренуар, создатель одного из ярких художественных воплощений военной судьбы – фильма «Великая иллюзия» (1937), в котором принципиально отсутствует образ врага, утверждал: «Если французский крестьянин окажется за столом с французским финансистом, этим двум французам будет нечего сказать друг другу. Но если французский крестьянин встретит китайского фермера, они найдут, о чём поговорить». При чтении книги нельзя не почувствовать, как сильно и принципиально различались представления разных обществен-

² Книга, скорее всего, была уже написана, когда увидела свет интересная статья: *Деятков А.В., Кондратьев С.В., Макарычев А.С., Чувильская К.А.* Проблематика образов в международных отношениях: методологические подходы и перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 10. С. 24–30.

ных групп. Неграмотные крестьяне, знавшие азбуку горожане, рефлексирющие интеллигенты, высокопоставленные чиновники, партийные деятели и т.д. по-своему воспринимали «образ союзника», особенно под влиянием военно-политических перемен и с учётом всех этнополитических стереотипов, связанных с такими странами, как Франция, Великобритания и США. Потому возникает неизбежный вопрос: какое же словосочетание точнее обозначает предмет исследования – «образ союзника» или «образы союзников»?

В главе «Образ союзника в контексте “настроения 1914 года”», написанной О.С. Поршневой, совершенно верно отмечены признаки того, что уже в начале века война привела в действие характерные для массового общества механизмы тотальной мобилизации. Во всех странах, несмотря на ту или иную специфику, ощущалось тогда стремление к «сплочению вокруг трона и алтаря», наблюдались выраженные эсхатологические настроения, происходила идеализация собственного культурно-исторического типа и национального опыта. Впрочем, и тут многое зависело от местных обстоятельств и социальных факторов. К примеру, ни в рабочих пригородах Гамбурга, ни в баварских деревнях не было тотальной эйфории «августовского переживания». Более того, в течение первых военных дней настроения немцев существенно колебались. О повсеместном всплеске патриотизма и всеобщем военном воодушевлении говорить явно не приходилось³. «Дух 1914 года» скорее оказывал прямо-таки мифически сильное воздействие на политическую культуру послевоенного времени.

В целом же авторы на основе актуальных методологических и концептуальных подходов создали фундаментальный академический труд, который впервые в отечественной историографической практике раскрывает процесс формирования и эволюцию представлений о союзниках в сознании россиян в первой половине XX в.

Татьяна Филиппова: Против кого дружим?

Tatiana Filippova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences): Whom are we friends against?

В отечественной историографии восприятие «врагов» рассматривалось чаще, чем образ «друзей». Книга же А.В. Голубева и О.С. Поршневой даёт возможность проследить, как те или иные стереотипы, клише и представления о союзниках России складывались и менялись в обществе в разные эпохи. При этом безусловно нужно учитывать специфику положительного образа «союзника», состоящую в том, что он формируется в сугубо негативном контексте войны – реальной или ожидаемой. Методологическая часть работы не только помогает уточнить её понятийно-терминологический аппарат, но и в концентрированной форме раскрывает интеллектуальную историю темы во всей её многосложности.

Замысел данной книги и трансдисциплинарный подход её авторов (на грани имагологии, культурной антропологии, теории межкультурной коммуникации, психоистории) в чём-то созвучны идеям Дж. Лиирсена (междисциплинарная природа имагологии), П. Бергера и Т. Лукмана (роль «другого» как

³ См.: *Volker U. Kriegsaltag. Hamburg im Ersten Weltkrieg. Köln, 1982; Ziemann B. Front und Heimat. Ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914–1923. Essen, 1997; Geinitz C., Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth, and Mobilization in Germany. Cambridge, 2000.*

детерминанта собственного «я»), Э. Саида и И. Нойманна (ориенталистские трактовки «Востока» в процессе самоидентификации «Запада» и проектирования внешней политики), У. Липпмана («механика» и психология процессов стереотипизации представлений об «ином», «чужом», «враждебном»), К. Флада (аксиологические аспекты и мобилизационный потенциал политического мифа), У. Митчелла (знаково-символическая система семантизации вербальной и визуальной картины мира)⁴. Но это не мешает монографии А.В. Голубева и О.С. Поршневой оставаться прежде всего добротным конкретно-историческим исследованием.

Различные аспекты союзнических отношений – их этика, степень лояльности, проверка боем – остро волновали общественное мнение России ещё в эпоху Первой мировой войны. Писали о них обычно в сугубо морализаторском ключе. К примеру, явная политическая «асимметрия» германо-турецких и австрийско-болгарских отношений внутри блока Центральных держав не раз становилась объектом жёстких насмешек отечественной сатирической журналистики. Готовность Германии и Австро-Венгрии воевать до последнего турка и болгарина неизменно считалась признаком обречённости и моральной ущербности Тройственного союза. «Турки в отношениях с немцами попали в сложное положение, – шутили журнальные сатирики, – если с русскими как врагами они могут заключить перемирие, то что они могут заключить с союзниками, подставляющими их под русские пули?»⁵.

Собранный и изученный авторами обширный материал убедительно свидетельствует о том, что отношение к союзам и союзникам в разные эпохи XX в. являлось одним из показателей зрелости политической культуры общества, степени его открытости, уровня противостояния военно-политических блоков и общественных систем, меры идеологического радикализма и жёсткости пропаганды. Тем самым образ союзника, как и образ врага, становился своего рода зеркалом, отражавшим реалии политической и культурной жизни России.

Более того, осмысление этого образа, формировавшегося на стыке пропагандистских установок «сверху» и массовых представлений «снизу», выявляет общее и особенное в приёмах как дореволюционного, так и советского времени. При всём содержательном отличии идеологических установок, господствовавших в разные периоды отечественной истории XX в., нельзя не обнаружить устойчивые традиции клишированного изображения того или иного союзника. В этом смысле особенно характерен образ «американца»: ещё со времён Первой мировой войны он предстаёт неким «лукавым доброжелателем». Снова и снова «откупаясь» военными займами и поставками от прямого участия в мировой войне, «дядя Сэм» в представлении значительной части россиян выступает как «третий радующийся» и легко перемещается из числа союзников в ряды врагов (или, по меньшей мере, в зону недоверия), что лишним раз подтверждает подвижность общественных настроений, зависящих от политической реальности и идеологической конъюнктуры.

⁴ *Leerssen J.* Imagology & History and Method // *Imagology. The Cultural Construction and Liberty Representation of National Characters.* Amsterdam; N.Y., 2007; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006; *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004; *Mitchell W.* Iconology: Image, Text, Ideology. Chicago, 1986.

⁵ Подробнее см.: *Филиппова Т.А.* Враг с востока: Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012.

К сожалению, восточным союзникам в книге уделено гораздо меньше внимания, чем западным. Бесспорно, это оправдано ролью тех и других в мировых войнах. Однако для оценки состояния общественного сознания весьма любопытен, например, образ-перевертыш «японца» – коварного агрессора в годы Русско-японской войны, доблестного союзника на Дальнем Востоке в эпоху Первой мировой и вновь – опасного противника в межвоенный период и во Вторую мировую войну. В советскую эпоху на фоне мирового антиколониального движения и раздела мира на два лагеря образ «пробуждающегося Востока» становится устойчивым политическим символом потенциального союзника по принципу «против кого дружим».

Как бы то ни было, монография А.В. Голубева и О.С. Поршневой ценна, помимо прочего, тем, что вызывает желание вступить в диалог с авторами, «примерить» их исследовательские подходы к своей тематике, проверить собственные выводы на материале их работы. Актуальность же заявленной темы – и в общественном, и в академическом отношении – не вызывает сомнений. Динамика восприятия союзников и союзничества позволяет судить о глубинных мировоззренческих реакциях и рефлексиях значительной части российского общества не только в XX в., но и в наши дни. Многие образы союзничества и вражды – во всей их подвижности, контекстуальности и неоднозначности – живы и сегодня. И это говорит об их способности нагнетать напряжение между *реальностью* представлений и *мнимостью* фактов.

Ирина Быстрова: Война и союзники

*Irina Bystrova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences):
The war and the allies*

Монография А.В. Голубева и О.С. Поршневой посвящена исследованию одной из наиболее востребованных, актуальных и «болевых» проблем отечественной историографии последних десятилетий – взаимовосприятию России и внешнего мира. Именно в эти годы стали применяться методы и подходы исторической имагологии, разрабатывавшиеся за рубежом с 1950-х гг., в частности, началось изучение формирования понятий «мы – другой», «свой – чужой», как компонентов национальной идентичности. Будучи известными специалистами по данной тематике, авторы книги успешно решают масштабную задачу: «Изучая на конкретно-историческом материале восприятие мира российским обществом, начиная с раннего Средневековья и кончая нашими днями, мы должны поставить и разрешить такие принципиальные вопросы, как проблема открытости / закрытости общества по отношению к внешнему миру; диалектика войны и мира, врага и союзника; эволюция самого общества, его представлений о мире и самом себе; наконец его, если угодно, “культурное бессознательное”» (с. 6).

Конечно, едва ли возможно всеобъемлюще и равномерно осветить все эти сюжеты в одной монографии. Решая поставленную задачу, авторы широко используют массовые источники. Характеризуя период Первой мировой войны, они также уделяют особое внимание периодической печати, которая наряду с воспоминаниями, письмами и полицейскими донесениями отражала как стереотипные, так и меняющиеся представления населения о роли союзников в войне. Напротив, материалы советской прессы носили исключительно пропа-

гандистский характер и отражали преимущественно идеологические установки правящего режима, а не реальные настроения масс. Видимо, поэтому во второй части монографии, посвящённой советскому периоду, в значительно большей мере используются архивные документы, а также донесения органов ОГПУ–НКВД, опубликованные в 1990–2000-х гг.

В центре исследования – эволюция образа союзника в восприятии широких масс населения России и СССР на протяжении первой половины XX в. – эпохи мировых войн, революций и «строительства социализма». Особое внимание при этом уделяется формированию более или менее устойчивых стереотипов («застывших» образов, общественно-исторических мифов), связанных с представлениями о ведущих странах Запада – Великобритании, Франции, США. По мнению авторов, «для мифологизированного сознания внешний мир представляет собой “тёмную”... зону, то есть область повышенной опасности», и поскольку союзник, как и враг, являлся частью «внешнего мира», он представлялся чем-то «неустойчивым» и «потенциально враждебным» (с. 11).

Однако в условиях приближения войны и в ходе боевых действий в правящих кругах воюющих стран неизбежно возникало стремление переориентировать общественное сознание на создание положительного образа союзника, помогающего в борьбе против общего врага. Как справедливо отмечают исследователи, в годы обеих мировых войн с их невиданным размахом и тотальным характером, требовавшими полной мобилизации населения и поднятия его боевого духа, это становится неотъемлемой частью государственной пропаганды.

В частности, уже на рубеже XIX–XX вв. постепенно преодолевались предубеждения в отношении Франции, сложившиеся ещё во времена борьбы с Наполеоном и Крымской войны (с. 52–64). В 1914 г. на волне патриотического подъёма российская пресса уже активно пропагандировала выдающиеся качества французов. По мнению авторов книги, «тема достоинств национального характера, общего и различий в национальном психическом складе союзников была одной из значимых в военном дискурсе, позволяла лучше понять соратников по коалиции, осознать возможности совместной борьбы» (с. 134).

Как правило, союзники изображались носителями гуманизма и справедливости. «Идеи о справедливой войне России и её союзников за культуру, идеалы права, гуманности, против утверждения Германией права силы, милитаризма и гегемонизма ежедневно пропагандировались прессой...», – пишут авторы. – Реалии кровопролитной войны с сильным противником, психологический настрой на защиту Отечества и господствующие интерпретации внешнеполитических событий способствовали формированию образов Англии и Франции как благородных союзников России в общей справедливой борьбе, а Бельгии – как маленькой героической страны, оказавшей беспрецедентное сопротивление жестокому агрессору» (с. 95).

Вместе с тем в условиях относительного «плюрализма мнений», существовавшего в дореволюционной России, образ Англии даже в годы Первой мировой войны сохранял в общественном сознании несколько негативный оттенок, хотя представители либеральных кругов считали её образцом демократии и либерализма. Со временем важной причиной усиления недоверия к союзникам стало то, что «Англия и Франция не спешили поделиться вооружением и военными материалами с Россией, наиболее остро в них нуждавшейся» (с. 127). В 1915–1916 гг. «по мере нарастания жертв и лишений, обострения внутриполитической ситуации, поражения на фронте и людские потери стали рассмат-

риваться как результат бездействия союзников, нарушения ими требований союзнической солидарности, а то и предательства» (с. 171).

Представление о том, что «наша кровь льётся ради них», характерное для русской общественной мысли этих лет, во многом напоминало настроения, возникшие в Советском Союзе в годы Второй мировой войны, когда длительное ожидание открытия второго фронта также сказалось на репутации союзников, которым приписывалось стремление «загреть жар чужими руками». Отчасти это соответствовало реальным действиям военно-политического руководства США и Великобритании, которые в 1942–1943 гг. всячески откладывали высадку своих войск во Франции, дабы избежать лишних потерь их личного состава. Такая политика порою подвергалась критике и в средствах массовой информации самих стран-союзниц.

Не следует забывать, что после революции Советская Россия и «демократический Запад» стали непримиримыми врагами, культивировавшими враждебность в течение десятилетий. «В мгновение ока» бывшие противники стать союзниками не могли – для этого требовался определённый переходный период взаимной толерантности и относительного дружелюбия. После нападения Германии на СССР правительство Великобритании, воевавшей с Германией с 1940 г., сразу же выступило на стороне СССР. Эта позиция поддерживалась и населением, которое, узнав о нападении Германии на СССР, по воспоминаниям английских капитанов и офицеров судов, приходивших с конвоями в Мурманск, Архангельск, Молотовск, «воспрянуло духом и вздохнуло с облегчением, считая что отныне для Англии опасность миновала и что русская армия спасёт Англию»⁶.

США же формально не участвовали в войне со странами фашистского блока до 7 декабря 1941 г. Американские бизнесмены не желали оказывать экономическую помощь СССР, предвещая его быстрое поражение в войне с Германией. Общественность США находилась под влиянием антисоветской пропаганды предвоенных лет, а в политических кругах ощущались сильные традиции «изоляционизма». Президенту Ф.Д. Рузвельту пришлось долго убеждать своих соотечественников в целесообразности поддержки СССР. При этом в беседах между представителями обеих стран в годы войны не раз отмечалось, что Россия и Америка опираются на богатый опыт дружбы и сотрудничества, а у русского и американского народов есть много общих черт. Посол США в СССР адмирал У. Стэндли во время встречи с И.В. Сталиным 23 апреля 1942 г. передал ему слова Рузвельта: «Имеются все основания для традиционной дружбы между нашими народами, которая существовала... задолго до того, как американцы стали представлять собой нацию. Этим основанием служит характер наших народов. Оба народа являются реалистами, и они хорошо осознают, что недопонимания, которые иногда возникают, объясняются большими расстояниями, разделяющими их, и недостаточно быстрыми средствами связи»⁷.

Председатель Торговой палаты США Э. Джонстон во время беседы со Сталиным 26 июня 1944 г. предположил, что «русские хотят иметь дело с Америкой между прочим и потому, что они недолюбливают Англию». Сталин счёл нужным уточнить: «Англия – это страна аристократическая, а США – не аристократия. При царе Россия управлялась аристократией, но народ прогнал аристократию, и Россия стала демократической страной. Это одна из причин

⁶ АВП РФ, ф. 0129, оп. 28, пор. 72, папка 72, л. 36.

⁷ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 379, л. 3.

симпатий русских к Америке. Кроме того, русские рады, что американцы воюют против немцев». Джонстон также отметил, что «симпатии к русским у американцев имеют исторические корни»: «Во время американской революции ни один из автократических режимов в Европе не хотел иметь дело с Америкой. Исключением был лишь русский царь. И это американцы хорошо помнят»⁸.

В беседе с председателем Управления по делам военного производства Д. Нельсоном 15 октября 1943 г. Сталин заявил: «Русские ближе сходятся с американцами, чем с людьми другой национальности. Русским нравится простота отношений, существующая на американских фабриках и заводах между рабочими и инженерами. Их отталкивает чопорность и надменность англичан... У американцев и русских много общего в быту и в отношениях к народу. В Америке нет помещиков и нет аристократии. В России помещики и аристократия были ликвидированы... Предки американцев бежали от аристократии в другую страну, в то время как русские изгнали аристократию из своей страны». Далее в стенограмме делался вывод: «Тов. Сталин замечает, что по опыту он должен сказать, что в течение 20 лет строительства в нашей стране русские предпочитали иметь дело с американцами, нежели с другими иностранцами»⁹. В.М. Молотов также утверждал, что русским нравились в американцах их демократическая простота, деловая энергия и живой ум.

Самые острые разногласия между союзниками в 1942–1943 гг. были связаны, безусловно, со сроками открытия второго фронта в Европе. Авторы книги уделили большое внимание тому, как фактор второго фронта использовался советским руководством в пропаганде (с. 258–263). Видя в высказываниях Сталина «своеобразный камертон для всей советской пропаганды» и проанализировав его доклады от 6 ноября 1941 г. и 6 ноября 1942 г., авторы доказывают, что «отсутствие второго фронта явилось для советского руководства, и в 1941, и в 1942 г., своеобразным алиби, позволявшим свести причины неудач Красной армии к внешним факторам» (с. 258).

Вместе с тем необходимо отметить, что острые дискуссии о втором фронте велись и в обществе, и в средствах массовой информации союзных держав. Причём они заметно усилились после визита лидера республиканской партии У. Уилки в СССР и Китай в сентябре 1942 г. В то время после летних поражений на южном направлении сложилось тяжёлое положение, шло интенсивное наступление немцев на Сталинград и Кавказ, и в некоторых неофициальных выступлениях советских дипломатов проскальзывали намёки на то, что Сталинград может не устоять. В отличие от многих посещавших СССР представителей союзников, Уилки скептически относился к сотрудничеству с СССР, но поездка заставила его изменить своё мнение и стать «другом Советского Союза»¹⁰. После возвращения из СССР в массовых публичных выступлениях Уилки утверждал, что «США ещё не заявили свою определённую программу целей в этой мировой войне», и настаивал на скорейшем открытии второго фронта. Этот визит был одной из первых серьёзных попыток американской элиты наладить в том числе и личный контакт со странами, которые несли наибольшие человеческие и материальные потери в войне.

Визиты в СССР в годы войны нередко способствовали улучшению отношения представителей Запада к СССР. Настоящим «другом» и поклонником

⁸ Там же, д. 374, л. 69–75.

⁹ Там же, л. 50–51.

¹⁰ См.: Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 76–82.

русского народа вернулся из СССР в октябре 1943 г. председатель Управления по делам военного производства США Д. Нельсон. Влиятельный представитель бизнеса и военно-промышленного лобби пропагандировал идеи общности русского и американского народов, достижения советской промышленности и победы Красной армии на многочисленных митингах в США и в средствах массовой информации, помогал организовать военно-экономическую помощь. Более того, он стал горячим сторонником продолжения сотрудничества с Советским Союзом после войны.

Критики англо-американской стратегии, оттягивавшей создание второго фронта, прямо заявляли о её «эгоизме». Так, известный журналист М. Стрейт писал в ноябре 1942 г. в нью-йоркском журнале: «Советская стратегия в 1942 г. заключалась в использовании сразу всех возможных ресурсов в борьбе против немецкой армии. Мы следовали политике накопления ресурсов до тех пор, пока не будем иметь такого превосходства, что наш успех в бою будет обеспечен». Первый план генеральных штабов Англии и США предусматривал начало союзного наступления в июне 1943 г. – через месяц после того, как, по мнению его составителей, «советское сопротивление наконец рухнет». «В то время как Красная армия утверждает, что критическим годом является 1942 г., – писал Стрейт, – а англичане намекали, что, возможно, 1943 является критическим, мы действовали на основании, что 1945 г. является критическим. Для русских, китайцев и англичан – для всех народов – наше отношение означало одно: что мы готовы принести в жертву Россию, Китай и, если необходимо, саму Великобританию, ради того, чтобы обеспечить Америку от угроз победившей Германии»¹¹.

На заключительном этапе Второй мировой войны Голубев и Поршнева усматривают усиление влияния союзников не только на ход военных действий, но и на политику СССР (ропуск Коминтерна, разрешение относительной свободы вероисповедания в СССР). По мнению авторов, это вызывало в советском обществе «и надежды, и опасения» (с. 340–341). Например, согласно донесениям органов безопасности, в деревнях распространялись устойчивые слухи о грядущей ликвидации колхозов. В кругах советской интеллигенции начали размышлять о возможности «диффузии» между капитализмом и социализмом, в том числе в области политики и культуры, введении демократических форм управления и т.д. (с. 336–337). Видимо, эти настроения после освободительного похода Красной армии в Европу стали достаточно сильными и заставили руководство СССР пойти на «закручивание гаек» и усиление идеологического контроля над населением в послевоенные годы.

В монографии нельзя не отметить некоторые «неравномерности» в изложении материала. Так, авторы уделяют гораздо больше внимания образу Великобритании (и частично Франции), нежели США. Применительно к Первой мировой войне это отчасти оправдано тем, что США вступили в неё лишь в 1917 г., а Британская империя продолжала во многом «править миром» и в межвоенный период. Однако в годы Второй мировой войны роль США стремительно возросла, и образ этой страны в 1944–1945 гг. стал вытеснять образ Великобритании в общественном сознании СССР. Впрочем, эта неравномерность освещения темы не является недостатком книги. Скорее, она оставляет простор для дальнейших исследований.

¹¹New Republic. 1942. November. P. 3–4.

Vladimir Nevezhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences): «Perfect utopias» and the realities of being an ally

История мировых войн XX в. не сводится лишь к описанию разработки великими полководцами замысловатых стратегических планов (реализованных или не воплотившихся), грандиозных сражений между миллионными армиями, блестящих побед, горестных поражений и унижительных капитуляций. Достойное место и в зарубежной, и в российской историографии занимают исследования, освещающие особенности формирования образа Другого в условиях тотального вооружённого противоборства десятков стран и народов. Весьма перспективным представляется и изучение специфики восприятия союзника в общественном сознании. А.В. Голубев и О.С. Поршнева рассмотрели её на примере России и СССР (используемый в названии монографии термин «российское общество» требует явно расширительного толкования, когда речь идёт о событиях Второй мировой войны и реакции на них советских граждан). И следует признать, что результаты подобной творческой «коалиции» оказались весьма успешны. Оба «союзника», уже сравнительно давно и плодотворно занимавшихся данной проблематикой, внесли посильный, равный и достойный вклад в «победу». В год 70-летия окончания Второй мировой войны эта монография вызывает особый и вполне оправданный интерес, поскольку она отличается глубиной проработки и мастерским анализом обширного фактического материала, извлечённого из разнообразных источников (документов из 27 центральных государственных, ведомственных и научных архивов, прессы, опубликованных мемуаров и дневников).

В первой части книги показано, какие причудливые метаморфозы происходили в сознании российского общества в период установления союзнических отношений с Антантой, во время их перерастания в боевое содружество и, наконец, в момент распада коалиции. Повествуя о состоянии умов в России летом 1914 г., накануне начала военных действий, авторы приводят отрывок из стихотворения В.Я. Брюсова «Старый вопрос», в котором, в частности, сказано: «Не надо несбыточных грёз, / Не надо красивых утопий». Эта формулировка (имевшая у Брюсова иной контекст) вполне подходит для характеристики господствовавших тогда настроений. Как отмечают авторы, в условиях начавшейся кровопролитной войны и психологического настроения на защиту Отечества в русской периодической печати усиленно создавался положительный образ Великобритании и Франции, которые изображались благородными защитниками мира и справедливыми борцами против нового «гуннского нашествия». Соответствующие публикации заполняли и солидные журналы, и газетные полосы. О войне, о роли в ней союзников и святости их общего дела рассуждали известные писатели и публицисты того времени – Л.Н. Андреев, М.А. Волошин, К.К. Арсеньев, Б.В. Савинков, С.И. Раппопорт. Однако сказывалось и численное преобладание в стране неграмотных и малограмотных крестьян, среди которых едва ли существовали чёткие представления о причинах войны, а образы союзников и противников России оставались предельно схематизированными и обобщёнными. Впрочем, единого отношения к целям войны и союзникам по Антанте «не было ни в среде интеллигенции, ни в политической и военной элите». Более того, по мере нарастания жертв и лишений, обострения внутриполитической ситуации и неудач русской армии, западные партнёры всё чаще

подозревались и даже обвинялись если не в бездействии и предательстве, то в стремлении переложить на Россию основное бремя борьбы с Центральными державами.

И если правящая элита (император, представители высшей бюрократии, большинство депутатов Государственной думы) ещё сохраняла верность союзникам, то в широких слоях населения и особенно в солдатской массе, изрядно измотанной боями и фронтовой повседневностью, они вызывали скорее раздражение. Довершили дело драматические события 1918 г., когда страны Антанты (Великобритания, США, Франция и др.) оказались военными противниками Советской России.

В период Второй мировой войны (точнее, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) главными союзниками теперь уже СССР по антигитлеровской коалиции были Великобритания и США. Кроме того, ими формально являлись и находившиеся в изгнании, в Лондоне, правительства полностью или частично оккупированных нацистской Германией Польши, Франции и Чехословакии. При этом Советский Союз по-прежнему позиционировал себя как социалистическое государство и всячески подчёркивал коренное отличие своего политического и социального устройства от западных капиталистических демократий.

Авторы указывают на большую роль советской пропаганды, носившей тотальный характер, в формировании образа западных союзников в 1941–1945 гг. В то же время цензура постоянно следила за тем, чтобы читатели не забывали про «классовый характер» ведущейся войны, и строго дозировала позитивную информацию о союзниках и их военных достижениях. Реакция советского общества на подобные пропагандистские усилия, судя по книге Голубева и Поршневой, была неоднозначной. С одной стороны, люди не сомневались в экономической мощи союзников, их превосходстве над противником и огромных общих ресурсах. Большой интерес вызывали сообщения о повседневной жизни, науке, культуре западных стран, помещавшиеся на страницах печати (в том числе и в русскоязычной газете посольства Великобритании в СССР «Британский союзник»). С другой стороны, затягивание открытия Второго фронта в Европе вызывало в советском обществе непонимание и нелюбезную критику.

Тем не менее сотрудничество с капиталистическими державами и налаживание в 1941–1945 гг. культурных связей с Великобританией и США, фактически реанимированных после почти полного свёртывания к началу 1940-х гг., представителями отечественной интеллигенции нередко расценивалось как гарантия ослабления политического и идеологического диктата внутри страны и начало «потепления» во взаимоотношениях между СССР и Западом. Однако ещё до наступления победного мая 1945 г. подобного рода «красивые утопии» превратились в «несбыточные грёзы». Вместо ожидавшегося «потепления» межсоюзнических отношений наступил длительный период «холодной войны», вина за развязывание которой лежала и на советском руководстве, и на его западных партнёрах по антигитлеровской коалиции. Однако это, как говорится, другая история.

Антон Короленков: Хуже союзников – только их отсутствие

Anton Korolenkov («Novaia i Noveishaia istoriia» journal):

There is only one thing worse than fighting with allies, and that is fighting without them

Отношения России с союзниками с давних пор складывались непросто: ещё в XV в. Иван III был недоволен крымскими татарами, позднее Пётр I – датчанами и саксонцами, Екатерина II и Потёмкин – австрийцами и т.д. Александр III заявлял о том, что единственные верные союзники России – её армия и флот, но в конце своего правления заключил союз с Францией, вместе с которой Россия и вступила в Первую мировую войну. Как отмечают А.В. Голубев и О.С. Поршнева, ни наполеоновские войны, ни Крымская война не смогли посеять непримиримой вражды между обеими странами. А ведь с Германией, против которой этот союз очевидно был направлен, Россия в XIX в. не воевала, если не считать участия Пруссии в походе Великой армии в 1812 г. В 1907 г. удалось достичь и русско-английского соглашения, хотя, как показано в книге, у Англии в России оказалось куда меньше поклонников, чем у «прекрасной Франции».

Однако подлинным испытанием союзнических отношений стала Первая мировая война. Как известно, по мере неудач недовольство союзниками росло – даже многие либералы начали говорить, что Франция втянула Россию в конфликт с Германией, желая «ценой русской крови» вернуть Эльзас и Лотарингию, да и англичане, сражаясь, исходили лишь из своих «личных выгод». Утверждали, будто русская армия была разбита в Восточной Пруссии из-за того, что ради спасения Парижа (разумеется, по просьбе французов) начала наступление слишком рано¹². Между тем русские войска начали наступление в Восточной Пруссии почти за три недели до начала битвы на Марне, когда ни о какой угрозе Парижу ещё речи не шло¹³.

Как же всё это влияло на отношения с союзниками? После назначения в 1916 г. министром иностранных дел Б.В. Штюрмера, считавшегося германофилом, в Лондоне, если верить П.Н. Милюкову, русского посла гр. А.К. Бенкендорфа стали куда меньше, чем прежде, знакомить с секретными материалами, утверждая, будто те начали каким-то образом попадать к неприятелю. Подобные назначения, независимо от достоверности сообщения Милюкова, лишь затрудняли координацию действий между союзниками, необходимую для успешного ведения войны. Не способствовали согласию и публикации П.Ф. Булацеля, который писал о бесполезности жертв России, ибо результатом этого станет лишь ещё «более тяжёлое английское порабощение» (с. 162–164). Булацеля возмущало то, что англичане продвинулись «за два года войны на своём фронте на несколько сотен метров», но требуют от России «воевать не только до тех пор, пока наши упорные, храбрые и сильные враги – германцы признают себя слом-

¹² Согласно другому популярному мифу такого рода, относящемуся уже ко времени Великой Отечественной войны, Висло-Одерская операция началась раньше намеченного срока по просьбе У. Черчилля из-за тяжёлого положения союзников в Арденнах (Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. М., 2011. С. 539). Однако в действительности кризис в Арденнах уже миновал, Черчилль не умолял о помощи, а просто спрашивал о планах на январь 1945 г., наступление же началось даже позже запланированного срока (Исаев А.В. 1945-й. Триумф в наступлении и в обороне: от Висло-Одерской операции до Балатона. М., 2008. С. 7–8).

¹³ Нелитович С.Г. Первый блин комом: Восточно-Прусская операция 1914 г. Саарбрюкен, 2012. С. 19.

ленными и согласятся на выгодный и почётный для России мир, а до тех пор, пока царствующая в Германии династия Гогенцоллернов не будет низложена русскими штыками»¹⁴. Это было откровенным передёргиванием (британский премьер Г.Г. Асквит говорил лишь о *возможности* привлечения германского и австрийского императоров к суду), но даже после принятых против Булацеля мер тот продолжал свои выходки, уверяя, будто «русские газеты могут в самых грубых выражениях отзываться о российских министрах, но не имеют права упоминать о речах английских премьеров иначе как с подобострастным восхвалением каждого слова, вырвавшегося из уст английских ораторов»¹⁵. Даже у крайне правых эти далёкие от истины утверждения вызывали протест и жёсткую критику, в результате Булацеля исключили из Русского народного союза имени Михаила Архангела¹⁶. Любопытно, что, высмеивая своих оппонентов как людей, «воспитанных в европейских шорах», этот публицист восхвалял Германию (тоже часть Европы!), забывая о каких бы то ни было «шорах».

К концу 1916 г. антианглийская кампания пошла на спад, а англофильство, по словам авторов, стало знаком оппозиционности. Широкие общественные круги были настроены на войну и победу, мирные же инициативы Вильгельма II считались неприемлемыми (с. 164–166). Вместе с тем, как отмечают авторы, если общество не желало ссориться с союзниками, то солдаты всё больше проявляли недовольство ими, подозревая, будто они «стараятся, чтобы Россия ослабла», а «главным виновником является Англия» и т.д. (с. 158)¹⁷. Это вело к неприятию войны как таковой, усиливало недоверие к правительству, связанному с такими союзниками, и тем самым «работало» на революцию.

Однако не только простые солдаты, но даже и высшее командование считало, что союзники умышленно «подводят» Россию (с. 155–156). Это и понятно – «бездействием» союзников генералы нередко оправдывали собственные промахи, причём «чёрная легенда» о союзниках создавалась подчас путём прямых подтасовок. Вот как, например, начальник постоянной русской военной миссии при французской главной квартире генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский «отредактировал» телеграмму полковника В.В. Кривенко о поездке в район сражения на Сомме. Жилинский зачеркнул слова «относительное спокойствие на Сомме, которое установилось в конце августа, объясняется не сомнениями командования в целесообразности продолжения боёв, а единственно необходимостью собрать на месте все средства, способные обеспечить успех крупного наступления, избегая при этом риска бесполезных потерь». Вместо этого он написал «попроще»: «Прекращение операции объясняется решимостью избежать потерь». Смысл такой «правки» очевиден – союзники просто не хотят воевать, ибо иначе трактовать боязнь потерь невозможно, тогда как Кривенко писал лишь о «бесполезных потерях», что далеко не одно и то же. А доклад об уроках сражений на Сомме и под Верденом Жилинский вообще запретил

¹⁴ Цит. по: Стогов Д. Предисловие // Булацель П.Ф. Борьба за правду. М., 2010. С. 19.

¹⁵ Цит. по: Горбачёва Л.О. Официальная пропаганда и формирование образа врага в российском общественном сознании в годы Первой мировой войны // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 13. Екатеринбург, 2013. С. 177.

¹⁶ Стогов Д. Указ. соч. С. 20.

¹⁷ Среди стран, требовавших наступления России, подкупая её правительство, солдаты указывали даже Италии (с. 158), хотя вряд ли кто-то из них знал, что именно наступление итальянских войск на р. Изонцо и их последующие действия заставили летом 1915 г. снять с русского фронта не менее 10 австро-венгерских дивизий, и это стало «единственной реальной помощью русским войскам» (Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 438).

отсылать, поскольку выводы Кривенко полностью противоречили тому, что сообщал в Ставку сам генерал¹⁸.

Русский военный агент А.А. Игнатъев отмечал, что русские офицеры, ехавшие во Францию с предубеждением против неё, «резко меняют мнения даже после самого поверхностного знакомства с французской армией». Однако их оценки в силу различных причин становились известны лишь немногим и на настроения в армии в целом не влияли¹⁹. Впрочем, среди посещавших Францию офицеров были и те, кто, как полковник А.К. Келчевский, в целом неплохо относившийся к французам, оспаривал разумность позиционной войны и считал, что союзники при их превосходстве в силах и крепком тыле «могли бы, и не раз, рискнуть после Марны... общим наступлением, чтобы раздавить врага»²⁰. На Сомме союзники не побоялись «рискнуть», но результат, несмотря на масштабы задействованных сил и огромные потери, оказался довольно скромным.

В книге отмечается как непонимание солдатами смысла войны, так и то, что попытки офицеров объяснить нижним чинам её цели обычно заканчивались неудачей: слова про защиту неведомых большинству из них сербов, про «честь и величие России» и т.д. не воодушевляли солдат, уже год или два сидевших в окопах и видевших одни поражения. Тем не менее им, похоже, не пытались указать на тот простой факт, что если не вести войну сейчас, пока у России есть союзники – возможно, воюющие и хуже, чем хотелось бы, но оттягивающие на себя половину сил врага, – то через два–три года, когда падёт Франция, бороться с Центральными державами придётся в одиночку.

Во время Великой Отечественной войны наша страна ощутила, насколько тяжело сражаться вообще без союзников. Между тем если в 1914–1917 гг. пропагандистское обеспечение войны оказалось совершенно неудовлетворительным, то в 1941 г. население прекрасно понимало, с кем и зачем идёт война. Власти же повели себя таким образом, словно США и Англия просто обязаны немедленно помочь СССР²¹ и в кратчайшие сроки открыть второй фронт. Сталин писал об этом Черчиллю уже в июле 1941 г.²² и открыто заявил о такой возможности 6 ноября. В Ленинграде сообщение об этом вызвало как удовлетворение, так и язвительные замечания: «Сталин теперь открыто расписался в полном бессилии СССР в войне с Германией. Из доклада следует понимать, что теперь всё зависит от помощи Америки и Англии» (с. 304). Бесспорно, это было крупным преувеличением, но Сталин и в ноябре 1942 г. объяснял пора-

¹⁸ См.: *Ревякин А.В.* Восприятие военными кругами России положения на Западном фронте в 1916 г. // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового света. М., 2010. С. 151.

¹⁹ Там же. С. 140.

²⁰ Там же. С. 142.

²¹ Весьма показательны, например, записные книжки генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, ездившего в США в 1941 г. Активного сторонника помощи СССР Г. Гопкинса их автор характеризовал как «распоясавшегося фарисея, предельно зазнавшегося и зарвавшегося прихвостня большого человека», т.е. Ф.Д. Рузвельта (Записная книжка маршала Ф.И. Голикова. Советская военная миссия в Англии и США в 1941 году // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 110). При этом Голиков, понося американцев как «саботажников», ни разу не вспомнил о том, что Соединённые Штаты даже не находились в состоянии войны с Германией, а между СССР и США не существовало соответствующего соглашения.

²² Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 11. Впоследствии вполне серьёзно утверждалось, что англичане действительно могли высадиться во Франции уже в 1941 г. (см., например: *Самсонов А.М.* Вторая мировая война 1939–1945. Очерк важнейших событий. М., 1984. С. 158–159).

жения Красной армии отсутствием второго фронта²³. Голубев и Поршнева наглядно показали, что народ охотно воспринимал критику союзников, ожидал от них требования непомерно высокой платы за оказанные услуги и, конечно, выражал недовольство отсутствием активных военных действий, припоминая Англии её давнюю враждебность к России (к США отношение было заметно лучше). Советские граждане сетовали на то, что «мы всё ещё одни, а союзники всё ещё жалуются на плохую погоду». Некоторые из них даже утверждали, что «союзники наши, наверно, только брехать красиво умеют». Задержка в создании второго фронта вполне серьёзно объяснялась желанием ослабить Советский Союз. Когда советские войска начали брать верх, возникли опасения, что СССР останется без резервов и Германия будет поделена между США и Англией без участия Советского Союза. Стали сомневаться и в том, следует ли допускать Англию на Балканы (с. 311–325).

Кстати, представители союзников порою довольно болезненно реагировали на критику. Так, лидер республиканской партии У. Уилки, приехавший в 1942 г. в Москву и наслушавшийся в учреждениях и на предприятиях упреков, связанных с задержкой открытия второго фронта, заявил: «Я не могу приехать с этим на американские фабрики и заводы и сказать, что Россия недовольна Америкой – это отразилось бы на усилиях Америки и снизило бы темпы производства». Ему казалось, что американские рабочие будут обижены недооценкой их труда (с. 318–319). Разумеется, эти смехотворные рассуждения не имели никаких последствий. Тем не менее размещение в советских журналах карикатур на чрезмерно осторожных союзников в мае 1944 г. было запрещено (с. 287–288).

Однако союзникам в СССР приписывали не только излишнюю пассивность. Ходили слухи, что они ставят условием создания второго фронта роспуск колхозов (с. 317, 341), будто Ленинград, Баку, Архангельск и другие города сдадут в аренду англичанам и американцам и жить благодаря этому станет лучше (с. 345). В роспуске Коминтерна иные видели уступку Западу, за которой последует и роспуск ВКП(б) (с. 343). Многие излишне оптимистично настроенные люди рассчитывали на смягчение политического и экономического строя СССР (с. 341), вели разговоры даже о свержении советской власти с помощью США и Англии (с. 338). Тех, кто с симпатией относился к политическому и экономическому устройству держав антигитлеровской коалиции, было немало. Но, пожалуй, только вполне «правоверный» адепт коммунизма Г.С. Эфрон (сын Марины Цветаевой), отмечая в дневнике военную слабость Англии и США, писал о том, что «подхлестывать союзников, торопить их и давать им военные советы – на это мы не имеем права» (с. 322–323). Возможно, тут сказывалось всё же его многолетнее пребывание во Франции. Между тем можно спорить о том, насколько было полезно для дела торопить союзников, но уж никак не о праве СССР на это, оплаченном кровью миллионов наших людей.

Безусловно, влиял на отношение к союзникам и ленд-лиз. Понимая, что никакие поставки не заменят второго фронта²⁴, многие с особой теплотой вспоминали о ленд-лизовой тушёнке, американской одежде и обуви, знаменитых «студебеккерах», значительно превосходивших по своим техническим

²³ Отсутствие второго фронта рассматривалось как единственная причина того, что победа над Германией «отодвигалась», и в официальной историографии (*Самсонов А.М.* Указ. соч. С. 195–198).

²⁴ Авторы приводят образчик чёрного юмора бойцов, которые иногда называли «вторым фронтом» заградотряды (с. 318).

характеристикам наши полуторки. Спрашивали, не потому ли немцы не бомбят Москву, что её небо защищает загадочное «чикагское планипо»? (с. 326). Пережившая войну женщина уверяла даже, будто посылки с консервами и тёплыми вещами от союзников разбрасывали с самолётов, хотя это, бесспорно, пример «сказочного преломления реальности в массовом сознании» (с. 327). Помимо того, что присылаемое союзниками облегчало жизнь людям, оно нередко выгодно отличалось от советских аналогов или вообще не имело таковых, и поэтому, очевидно, часто воспринималось как диковина.

Отношение к Америке и Англии в Прибалтике имело свою специфику. Англичан и американцев ждали там с нетерпением, но как союзников против СССР, в котором освободителя большинство населения отнюдь не видело. Ходили слухи, аккуратно фиксировавшиеся «органами», будто на шоссе Рига – Взморье видели автомашины с английскими офицерами и людьми в форме бывшей латвийской армии, что пароход, плывший по Западной Двине, вёз английских солдат и т.д. (с. 349). Со своей стороны, некоторые литовские поляки радовались тому, что в присоединённом к Литве Вильнюсе не выдают хлеба. «Я бы хотел, – признавался один из них, – чтобы населению города Вильнюс подольше ничего не давали». Вместе с тем ему было «трудно понять политику Англии и США, которые вместо того, чтобы совсем разбить монголов..., снабжают русских оружием и продуктами питания» (с. 355). Видимо, озлобление не позволяло уяснить то, что собственные интересы союзников заставляли их помогать СССР, а не воевать с ним. Впрочем, строго говоря, жителей Прибалтики и тем более литовских поляков вряд ли можно было тогда всерьёз считать частью советского общества.

То, что союзников подчас излишне эмоционально, хотя и во многом справедливо критиковали, понятно. Но зачастую недостаточной активностью, трусостью и эгоизмом союзников советское руководство пыталось оправдать собственные ошибки. Между тем до войны оно не раз заявляло о том, что не испытывает необходимости в союзниках. Так, в журнале «Партийное строительство» в 1939 г. говорилось: «Страна социализма не нуждается в помощи какого бы то ни было другого государства для защиты своей независимости»²⁵. 15 апреля, 24 мая и 5 июня 1941 г. посол США в Москве Л. Штейнгардт сообщал заместителям наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовскому и А.Я. Вышинскому, что его страна готова оказать Советскому Союзу помощь, если тот подвергнется вражескому нападению. Однако Вышинский высокомерно назвал подобное предположение слухами, рассчитанными на «слабонервных», а Лозовский безапелляционно ответил, что «Советский Союз встретит во всеоружии всякого, кто попытается нарушить его границы»²⁶. Но когда война началась, об этом уже никто не вспоминал – ни советское руководство, ни союзники.

В заключение нельзя не отметить, что А.В. Голубев и О.С. Поршнева пишут об «имагологии» (имэджинологии), «дискурсе», «матрице» и т.д., но, употребив все эти слова в начале книги, в дальнейшем их практически не используют, причём без всякого ущерба для своего исследования. И это лишний раз свидетельствует если не об искусственности данной терминологии, то о гораздо более скромной потребности в ней, нежели ныне считается.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

²⁵ Цит. по: Случ С.З. Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг. от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 75.

²⁶ Мальков В.Л. Великий Рувельт. М., 2011. С. 359–360.

Владимир Иванов, Алексей Кортунов

Рец. на: Ю.В. Селезнёв. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013. 472 с.

*Vladimir Ivanov, Alexey Kortunov
(both – Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia)*

Rec. ad op.: Iu.V. Seleznev. Russkie kniaz'ia v sostave praviashchei elity Djuchieva Ulusa v XIII–XV vekah. Voronezh, 2013

Несмотря на обширнейшую историографию Золотой Орды (Улуса Джучи), освещающую практически все доступные современному анализу аспекты истории этого государства в самом широком оценочном диапазоне – от полного негатива в досоветский и советский периоды до воссоздания особой Золотоордынской цивилизации в современной литературе – вопрос о характере взаимоотношений Руси и Орды и степени воздействия последней на социально-политическое развитие Русского государства остаётся одним из наименее изученных и понятых. Авторы имели возможность убедиться в этом, приступив к разработке научно-исследовательского проекта «Кочевники Золотой Орды XIII–XV вв. и казачество Урала XVI–XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности», предусматривающего выявление реминисценций в военно-социальной организации кочевых сообществ и казачества – двух сообществ, на определённых этапах своей истории развивающихся в рамках схожих по своей семантике государственных структур. Методическим и отчасти методологическим посылом для этой работы является монография Ю.В. Селезнёва, посвящённая взаимодействию двух правящих элит – золотоордынской и русских княжеств периода феодальной раздробленности – и их иерархии в системе политического господства одного государства над другим. Книга снабжена обширными приложениями, представляющими собой полный перечень имён кня-

зей, посещавших ставку ордынского хана с 1242 до 1445 гг., составленный в виде аннотированных таблиц и аналогичных таблиц приёмов и отправки ордынских послов русскими князьями в XIII–XV вв.

Во «Введении» автор пытается доказать, что русские князья в XIII–XV вв. были составной частью элиты Золотой Орды. Следует отметить, что сама подобная постановка вопроса является новацией, поскольку идёт вразрез с традиционной историографической парадигмой, указывающей на некую автономию русских князей перед лицом ордынских ханов на всем протяжении истории русско-ордынских отношений. Из этого вытекает и цель исследования: «Выявить особенности политической и социальной системы ордынского государства, закономерности функционирования элит, которые формируют правила взаимодействия в рамках политической системы Джучиева Улуса» (с. 5).

Для достижения поставленной цели автор использует обширный корпус источников, главным образом русские летописи. Анализ содержания летописных текстов позволил автору сделать ряд весьма интересных и полезных, с точки зрения методики исторического исследования, наблюдений и выводов (в первую очередь это относится к таблицам и цифровым показателям частоты и времени пребывания русских князей в Орде).

Монография Ю.В. Селезнёва насыщена фактами. С одной стороны, это усиливает доказательность его выводов. С дру-

гой – обилие информации, почерпнутой из источников без глубокой источниковедческой критики (источниковедческий раздел рассматриваемой монографии по содержанию является лишь аннотированным списком источников), несёт в себе риск альтернативного их толкования. Это может привести и к альтернативной оценке сделанных автором выводов. Вообще Ю.В. Селезнёву, очевидно, нужно быть готовым к тому, что некоторые его умозаключения исследователи золотоордынской эпохи могут встретить критически. Причём как «традиционалисты», скептически оценивающие масштабы и глубину русско-ордынской интеграции, так и «евразийцы», сторонники толерантного подхода к оценке роли и места Золотой Орды в истории России.

Во второй главе монографии Ю.В. Селезнёв исследует проблему русско-ордынских отношений в XIII–XIV вв. через призму её восприятия русскими летописцами-книжниками. В центре главы стоит терминологический контекст этого процесса. Автор акцентирует внимание на понятиях «честь» и «жалование», при этом выделяя, хотя, по нашему мнению, не достаточно обосновав их, два периода – XIII и XIV вв. Смена восприятия ханской власти в сознании русских правящих элит происходила, очевидно, вследствие начала «Ордынской замятни» 1360-х гг., свидетельствующей об ослаблении централизованной власти ханов. Последние в меняющейся политической обстановке внутри Золотой Орды, по-видимому, меняли и своё отношение к русским князьям-улусникам. Поэтому на смену понятия «честь» («чествование») приходит понятие «пожалование». Оно подразумевает отношение между двумя субъектами: пожалователем и пожалованным, из которых первый даёт, а второй принимает не только само пожалование, но и условия, на которых он обязан «отработать» пожалование. В конечном итоге всё это означает не что иное, как усиление эксплуатации пожалованного, пусть даже и потенциальное. Из-за отсутствия соответствующих данных мы (как, очевидно, и автор монографии) не знаем, насколько в материальном выражении «пожалование» отличалось от «чести». Но результаты себя не застави-

ли ждать: усиление Москвы, хитроумная данническая политика Ивана Калиты, Куликовская битва, ослабившая власть Орды над Русью.

Здесь невольно напрашивается аналогия с более поздней ситуацией, связанной с вхождением башкир в состав Русского государства. Раздираемая внутренними усобицами Большая Ногайская Орда усилила эксплуатацию приуральских башкир, что в итоге привело к их обнищанию и, как следствие, к стремлению освободиться от ногайской власти, что и произошло во второй половине XVI столетия.

«Красной нитью» через монографию Ю.В. Селезнёва проходит мысль о превращении русских княжеств в XIII в. в часть административно-политической системы Золотой Орды. Мысль эта проводится автором последовательно, с опорой на обширный материал, пусть даже имеющий опосредованное отношение к его генеральной идее. Так, в третьей главе монографии Селезнёв даёт подробную характеристику правящего слоя Улуса Джучи, структурируя его в соответствии с социальной иерархией. Безусловно, нельзя не согласиться с выводом автора о том, что «элита Золотой Орды несла в той или иной степени все основные общественные функции (политическая – военная, административная, дипломатическая и др.; экономическую; социальную; культурную; религиозную)», являясь, таким образом, господствующим классом золотоордынского общества (с. 127). Следовательно, вхождение в её круг являлось престижным. С другой стороны, вхождение в высшую страту золотоордынского общества для русской княжеской элиты, по определению, было ограничено уровнем эмиров и нойонов (с. 121). Если учесть, что их социальное положение зависело от воли хана, то желание ордынских ханов видеть русских князей в составе элиты своего государства (с. 175) вполне понятно. Тем более что права голоса при решении важнейших политических вопросов в Орде они всё равно не имели бы (с. 171).

Но подобное желание ордынских ханов могло быть реализовано только при условии включения русских княжеств в административную структуру Золотой Орды. Как это происходило, например,

в более поздние времена, когда территории Казанского ханства и Башкирии включались в состав Русского государства: московская власть давала тарханские грамоты местной мусульманской элите, приравнивая её к русскому служилому сословию. Надо полагать, что и в эпоху Золотой Орды ханы преследовали те же цели, обеспечивая этим лояльность и верность со стороны своих русских князей-вассалов. Но соответствовало ли это желание представлениям русских князей об их вассалитете относительно ордынских ханов? С одной стороны, Ю.В. Селезнёв полагает, что представители высшей русской аристократии оказались включёнными в элиту Джучиева Улуса уже в XIII в. Следовательно, по логике вещей, уже с этого времени русские княжества должны были восприниматься ордынскими ханами как часть административно-политической системы их государства. Вместе с тем не существует ни одной карты, на которой русские княжества были бы показаны как часть территории Золотой Орды. Не является исключением и новейшая по времени составления карта, приложенная к рассматриваемой монографии.

В то же время автор монографии отмечает, что полного слияния русской знати с аристократией Орды не происходило. В подтверждение своего мнения Ю.В. Селезнёв приводит данные о числе династических браков между русскими князьями и ордынскими ханами – пять браков русских князей со знатными ордынками (следует отметить, что доподлинно невестами из правящего ханского дома были две: жена князя Юрия Даниловича Московского Кончака, сестра хана Узбека, а также жена князя Фёдора Ростиславовича Черного, дочь хана Тула-Буки (?)). Женитьба на родственницах ордынских ханов давала ханским зятям право совещательного голоса в курултаях, но не более того (с. 169). Вместе с тем русские князья, как отмечает Селезнёв, предпочитали своих дочерей замуж за ордынских аристократов не отдавать (с. 311). Во всяком случае, в проработанных автором монографии многочисленных русских летописях данных об этом нет, что, в общем-то, плохо согласуется со статусом русских князей как верноподанных «улусников-служебников» (если

они таковыми являлись), поскольку стать ханским тестем тоже было престижно. Но не в случае шаманистско-тенгрианской, а затем мусульманской Золотой Орды с её многожёнством, идущим вразрез с матримонийными законами русского православия.

В предлагаемой автором монографии трактовке русских князей как «улусников-служебников» ордынских ханов есть ещё один не до конца ясный аспект – внешнеполитический. Здесь выделяются, как минимум, два момента. Во-первых, Ю.В. Селезнёв отдельный параграф своей монографии посвятил церемониалу приёма и отправки русскими князьями ордынских послов (с. 240–249). В условиях улусной системы (и русских княжеств как её структурной части) посылка посольств к «улуснику-служебнику», посаженному на улус самим ханом, выглядит неким нонсенсом. Тем более что подобные миссии осуществляли нойоны (эмиры), стоящие на одной с русскими князьями ступени социальной иерархии Золотой Орды (с. 117–118). Мы, к сожалению, не имеем данных об отправке ханских послов-киличеев (ильчи) к другим ордынским держателям улусов (улусбегам). К русским же князьям за 1242–1445 гг. было отправлено 82 посольства (с. 249).

Во-вторых, русские княжества кроме Золотой Орды на северо-западе и западе граничили со Шведским, Польским и Венгерским королевствами. И если относительно улусбегов Золотой Орды известно, что они самостоятельных внешних контактов с соседями не имели, то относительно русских княжеств есть сведения об их прямых контактах в XIII–XIV вв. с Византией (по церковным делам), с Польским и Венгерским королевствами; Новгород от имени великого князя заключал торговые договоры с городами немецкой и шведской Прибалтики. Или эти контакты также осуществлялись под контролем ханов Золотой Орды?

Ю.В. Селезнёвым, безусловно, проделана большая работа: поставлена проблема; собран и в значительной степени обобщён материал, необходимый для её решения. Определённые аспекты русско-ордынских отношений на уровне правящих элит изложены автором вполне

отчётливо: социальная стратификация и функции ордынской элиты; формальные признаки, определявшие место русских князей – вассалов в этой стратификации; рассчитана периодичность и продолжительность пребывания русских князей при дворе ордынских ханов, детально реконструирован ритуал общения князя и хана. Вызывает интерес вывод автора о том, что соблюдение соответствующего ритуала «обусловило появление особого поведенческого стереотипа, связанного с системой регулярных посещений верховного правителя» (с. 308). Вывод интересен прежде всего тем, что он вносит дополнительный нюанс в понимание генезиса образа и статуса будущих государей московских. Вместе с тем генеральный вывод автора о том, что русские княжества являлись улусом Золотой Орды, а князья – улусниками-служебниками ордынского хана, на наш взгляд, требует более глубокого обоснования. С одной стороны, Ю.В. Селезнёв

приводит убедительные свидетельства формальной принадлежности русской княжеской элиты к указанной категории ордынской знати. С другой – из приведённых им же данных можно сделать вывод и о том, что за формальной стороной процесса скрывались некие не очевидные, но существенные нюансы русско-ордынских отношений, выводящие русские княжества и, соответственно, князей за рамки общепринятого и традиционного понимания социальной и административно-политической иерархии Джучиева Улуса.

Несмотря на то что в монографии Ю.В. Селезнёва проблемность явно преобладает над эвристикой, её выход вполне своевременен, поскольку она выводит исследователей истории Золотой Орды, а шире – истории феодальной Руси – на новый ракурс, хотя и известный, но до сих пор не привлекавший должного внимания отечественных и зарубежных историков.

Вероника Беляева, Алексей Морохин

Рец. на: Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века / Сост. А.В. Антонов (отв.), А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. Ч. 1. 1040 с.; Ч. 2. 960 с. М.: Древлехра-нилище, 2015

Veronicka Belyaeva

(Nizhny Novgorod Institute of Management and Business, Russia),

Alexey Morochin

(Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Russia)

Rec. ad op.: Materialy po istorii Nizhegorodskogo kraia kontsa XVI – pervoi chetverti XVII veka. Vol. 1–2. Moscow, 2015

За последние годы издание актов, связанных с историей Нижегородского края XVI–XVII вв., стало заметным явлением среди публикаций источников этого периода¹. Данная тенденция не может не радовать, так как до начала XXI в. ощущалась явная нехватка опубликованных источников, характеризующих процесс развития одного из центральных регионов Российского государства XVII столетия. В ряду этих изданий особое место занимает подготовленный сотрудниками

Российского государственного архива древних актов двухтомник. Составители сборника документов справедливо отмечают, что публикуемые документы «имеют исключительно важное значение для истории Нижегородского края, а также конкретных лиц и семей, принимавших активное участие в трагических событиях Смутного времени» (ч. 1, с. 3). В состав издания вошли документы, хранящиеся в фондах РГАДА: комплекс нижегородских поместных актов 1591–1610 гг., дозорная

книга 1612/13 г. Силы Никитича Грекова и подьячего Климения Козодавлева поместьи-вотчинных земель; дозорная книга Семёна Ивановича Языкова и подьячего Емельяна Евсевьева дворцовых и оброчных земель; писцовая книга 1621–1623 гг. Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова Закудемского, Березопольского и Стрелицкого станов Нижегородского уезда; десятины денежной раздачи нижегородским детям боярским за 1603/04, 1606/07, 1615/16, 1618, 1622 гг.; выписки из утраченных нижегородских десятин за разные годы о Костливицких, Ленивицких и Приклонских; алфавитный указатель к утраченным нижегородским десятинам за разные годы. Среди представленных в двухтомнике документов особо следует выделить хорошо известную исследователям платёжную книгу Д.В. Лодыгина и дьяка Д.В. Образцова 1627 г. Публикация этого важного источника по истории Нижегородчины 1620-х гг. дополнила комплекс опубликованных ранее Нижегородской губернской учёной архивной комиссией аналогичных документов.

Большая часть представленных материалов публикуется впервые, хотя многие из них фрагментарно были знакомы исследователям истории Нижегородского края по более ранним изданиям. Например, в сборниках «Действий Нижегородской учёной архивной комиссии» был опубликован текст дозорной книги С.Н. Грекова. Фрагменты писцовой книги 1612/13 г.² и её более поздних копий публиковались исследователями истории отдельных территорий³. Опубликованные материалы неоднократно привлекались учёными при изучении различных аспектов истории Нижегородского уезда первой четверти XVII в.⁴, однако давно ощущалась необходимость полного и комплексного издания источников.

Научная значимость публикации перечисленных выше источников не вызывает сомнения. Они содержат информацию о численности, землеустройстве, пространственной организации поместных и вотчинных владений на территории Нижегородского уезда, специфике хозяйственного и экономического функционирования этой территории. В трудах

отечественных историков неоднократно освещались вопросы, связанные с информационными возможностями и спецификой использования источников, отражающих процессы социально-экономического, хозяйственного и политического развития описываемого региона. С опорой на них возможно решение вопросов социальной стратификации населения, исторической демографии. Опубликованные документы имеют огромную важность в решении вопросов исторической географии. К числу достоинств издания можно отнести наличие подробного источниковедческого обзора публикуемых источников, а также именного и географического указателей.

Важными представляются и наблюдения составителей сборника документов, сделанные в предисловии. Так, отмечается хозяйственно-экономический подъём региона и значительный прирост населения после завершения Смутного времени. Составители пытаются представить наиболее очевидные причины данного процесса, резонно замечая, что обоснованные выводы о социально-экономическом развитии региона сделать ещё предстоит (ч. 1, с. 5). Отмеченное в предисловии наличие в Нижегородском крае большого количества испомещённых служилых иноземцев подтверждается и новейшими исследованиями⁵.

Думается, издание выиграло бы, если бы составители показали в предисловии историю формирования территории Нижегородского уезда в XVI–XVII вв., так как процесс изменения границ уезда нашёл отражение в опубликованных источниках. Достоинством издания могла бы стать краткая характеристика основных событий истории региона в указанный исторический период. Слабо представлен в документах и сам Нижний Новгород. Составители сборника указали на причины данного обстоятельства (ч. 1, с. 6). Однако отсутствие сведений, касающихся центрального города уезда, делает издание информационно неполным. Недостатком подобного рода изданий является их минимальный тираж (в данном случае 200 экземпляров). Однако данное замечание нельзя адресовать составителям: это – прискорбное выражение общероссийского кризиса исторической науки.

Опубликованные материалы существенно расширяют источниковую базу исследований по средневековой истории Нижегородского уезда. Подобное комплексное издание с неизбежностью приведёт к всплеску интересных исследований, касающихся вопросов социально-экономического развития региона, вопросов специфики восстановления демографических показателей в связи с кризисными явлениями конца XVI – начала XVII в. Издание может способствовать активизации популярных в последние годы просопографических исследований, а также сравнительному анализу развития региона на фоне общероссийских показателей.

Примечания

¹ Балахнинский уезд в XVII веке. Документы приказного делопроизводства: Сборник документов / Сост. Б.М. Пудалов. Н. Новгород, 2005; Нижегородский край в конце XVI – первой половине XVII в. (Акты приказного делопроизводства): Сборник документов / Сост. Б.М. Пудалов. Н. Новгород, 2009; Родной земли седая старина: Территория Спасского района Нижегородской области в XVII веке: Документы и исторический очерк / Сост. С.М. Ледров. Н. Новгород, 2013; Село Богородское в XVII веке. Документы и историчес-

кий очерк / Сост. В.Н. Беляева, С.М. Ледров. Н. Новгород, 2014.

² См.: Действия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии. Т. 5. Отд. 3. Н. Новгород, 1903. С. 17–34; Т. 6. Отд. 3. Н. Новгород, 1905. С. 128–189; Т. 7. Отд. 3. Н. Новгород, 1905. С. 618–641.

³ *Варенцова Л.Ю., Филатов Н.Ф.* Борское лесное Заволжье в XVII веке: Очерки истории. Документы. Н. Новгород, 2001. С. 153–160; Нижегородский край. Хрестоматия (История в документах с древнейших времён до 1917 года / Сост. Н.Ф. Филатов. Н. Новгород, 2001. С. 54–58; Родной земли седая старина... С. 20–33; Село Богородское... С. 7–12.

⁴ *Филатов Н.Ф.* Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: К проблеме торгово-промышленного развития России и формирования всероссийского рынка. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988; *Давыдова А.А.* Пространственно-демографические изменения и особенности структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI–XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2005; *Филатова В.Н.* Торгово-промышленное село XVII века: социально-экономический и демографический облик (на примере сёл Павлово и Лысково Нижегородского уезда). Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2009.

⁵ См.: *Скобелкин О.В.* Нижегородские «немцы» в конце 20-х гг. XVII в. // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4 (1). С. 212–216.

Александр Орлов

Рец. на: Л.В. Мельникова. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М.: Чучково поле, 2012. 392 с., ил.

Alexander Orlov

(Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Russia)

Rec. ad op.: L.V. Mel'nikova. Russian Orthodox Church and the Crimean war, 1853–1856. Moscow, 2012

Деятельность Русской Православной Церкви и вообще религиозная составляющая предыстории и истории Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. были по понятным причинам слабо освещены в советской историографии. Значительный вклад в заполнение существовавшей

лакуны вносит монография кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН Л.В. Мельниковой.

Целью своей работы автор определила комплексное исследование роли Русской Церкви в борьбе России с Османской

империей, Великобританией, Францией и Сардинией в период Крымской войны в духовно-идеологическом и военном отношениях. В соответствии с этим в монографии рассматриваются следующие вопросы: 1) сущность и значение дипломатического конфликта вокруг святых мест Палестины; 2) официальная позиция русских православных и французских католических иерархов по отношению к начавшейся войне; 3) роль военного и морского духовенства в армии и на флоте; 4) оборона Соловецкого монастыря; 5) участие военного и приходского духовенства в героической защите Севастополя; 6) деятельность Крестовоздвиженской общины сестёр попечения о раненых; 7) меры, предпринятые Церковью в связи с созывом народного ополчения; 8) попечение о судьбе российских военнопленных со стороны настоятелей русских посольских церквей в Париже и Лондоне. Внимание Л.В. Мельниковой направлено и на то, чтобы «показать неразрывную связь между религиозно-цивилизационным противостоянием, каковым, безусловно, была Восточная война, и последовавшим вслед за её окончанием... усилением русского духовного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке» (с. 11).

Поставленные цель и задачи реализованы автором на основе изучения комплекса архивных (исследован 21 фонд из 7 архивов) и опубликованных документов, а также значительного числа научных работ отечественных историков. Как справедливо указывает Л.В. Мельникова, «несмотря на обилие трудов, многие аспекты темы изучены пока недостаточно» (с. 6): дореволюционная историография не успела создать крупных обобщающих работ об участии Церкви в Крымской войне; для советской историографии характерны три основные черты – чрезмерное подчёркивание агрессивности политики царской России, общий «пораженческий» взгляд на ход и итоги кампании, а также «абсолютное игнорирование православной составляющей этого глобального противостояния» (с. 8). В контексте «настойчивого желания современных исследователей переосмыслить события и итоги Крымской войны» тем более убедительным выглядит тезис автора о назревшей необходимости

«всестороннего и объективного освещения» также духовной и конфессиональной подоплёки этого общеевропейского конфликта (с. 11).

В первой главе «Святые места в центре Восточного вопроса. Церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны» (с. 16–39) автор подвергает критике ставший традиционным тезис отечественной и зарубежной историографии о том, что разногласия России и Франции относительно статуса православного и католического духовенства в Святой Земле были будто бы только поводом к войне, а Николай I и Наполеон III использовали этот повод для реализации иных, собственно внешнеполитических планов. При этом, как правило, забывается, что в христианской тогда ещё Европе межконфессиональные, политические и культурные противоречия были неотделимы друг от друга. Л.В. Мельникова пишет: «Конечно, Крымская война была вызвана целым комплексом противоречий, существовавших в то время между Россией, Францией, Великобританией и другими державами. Но при этом одной из главных причин, породивших войну, было справедливое желание императора Николая I воспротивиться попытке западной (прежде всего французской) дипломатии вытеснить Россию из сферы влияния на Ближнем Востоке. Российская империя, традиционно опиравшаяся в этом важном для неё регионе на позицию защитника православных интересов и связанная системой обязательств, данных христианам Османской империи, не могла отстраниться от участия в дипломатической дуэли вокруг святых мест, закончившейся кровавой развязкой» (с. 17). Автор обоснованно подчёркивает, что «среди огромного множества причин, породивших войну, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов и духовного, церковно-политического аспекта» (с. 25–26).

При понятном стремлении исследовательницы глубже изучить вопрос в интересующем её ключе невозможно отвлечься от огромного фонового комплекса экономических и геополитических проблем. В 1840-х – начале 1850-х гг. Ближний Восток стал ареной жизненно важных интересов трёх великих европей-

ских держав: Великобритании, России и Франции. Великобритания, естественно, стремилась надёжнее защитить пути коммуникаций с Индией и усилить свои позиции в регионе за счёт всестороннего ослабления влияния России. России необходимо было обеспечить безопасность южных и юго-восточных границ империи, не допустив неуправляемого развала турецких владений, что привело бы к анархии и постоянным войнам. Именно этим было вызвано предложение Николая I о разделе наследства «больного человека Европы» (Османской империи), которое он сделал в 1844 г. Великобритании. Франция, озабоченная созданием собственной колониальной империи, стремилась вытеснить с Ближнего Востока Великобританию, и сделать это можно было только с помощью России. Наполеон III в начале 1853 г. через российского посланника в Париже Н.Д. Киселёва обратился к Николаю I с просьбой о немедленном заключении союзного договора, угрожая в ином случае сделать подобное предложение Лондону. «Я ему (Николаю I. – А.О.) предлагаю честно и откровенно союз сердца и политики (*une alliance de coeur et de politique*), мир тогда наш. Англии не будет; но для этого мне нужно, чтоб этот союз был на жизнь и смерть; я желаю, чтобы он по-братски протянул мне руку, и тогда судьбы вселенной могут быть иные; но если я не найду союза с ним, а мне необходим союз, я кинусь в объятия Англии, с стеснённым сердцем, но по его вине», – говорил Наполеон III Киселёву¹. Естественно, Николай I ответил на это предложение отказом, и французский император исполнил свою угрозу. Однако сразу после окончания Крымской войны и заключения Парижского мирного договора 1856 г. франко-русские отношения снова начали улучшаться. В этот сложный политический контекст органично вплетены впервые выделяемые и исследуемые Л.В. Мельниковой церковно-дипломатические противоречия.

В следующих главах монографии представлен богатый фактический материал о деятельности иерархов Русской Православной Церкви и простых клириков из числа белого и чёрного духовенства, а также сестёр Крестовоздвижен-

ской общины попечения о раненых в годы Крымской войны. «Помимо направленной на укрепление морального духа армии и народа церковной проповеди, в которой давалось духовно-нравственное истолкование причин, целей и смысла войны, духовенство, наряду с другими сословиями, собирало деньги на военные нужды, работало в госпиталях. Военное и морское духовенство вместе с регулярной армией и флотом принимало участие в военных действиях, при этом не только исполняло свои прямые обязанности... но также во время сражений подавало своей пастве примеры героизма и самоотверженности. Некоторые священнослужители епархиального ведомства, находившиеся на территории, охваченной военными действиями... приняли непосредственное участие в отражении неприятеля (наиболее яркий пример – оборона Соловецкого монастыря 6–7 июля 1854 г. от нападения английской эскадры). Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне (протоиереи И.В. Васильев и Е.И. Попов. – А.О.), оставаясь во время войны в странах-противниках, оказывали духовное попечение и материальное вспомоществование российским военнопленным», – пишет автор (с. 238).

Окончательный вывод исследовательницы вполне обоснован: «Русская Православная Церковь в годы Крымской войны, как и всегда во времена военного лихолетья, оказалась на высоте своего служения, разделив со страной все тяготы и лишения» (там же). Этот тезис не противоречит отмечаемому историками факту частичного падения авторитета Церкви в связи с неудачами поддерживавшейся ею государственной политики. Другое дело, что проигранная Крымская война, как и вся в конечном итоге оказавшаяся бесперспективной политика Николая I, безоговорочно (иначе и быть не могло!) поддерживаемая Церковью, повлияли на доверие к последней в известных кругах интеллигенции².

В книге Л.В. Мельниковой есть отдельные упоминания об антиклерикализме выдающегося хирурга Н.И. Пирогова (с. 152–153, 157–158), о видных представителях русской аристократии таких, как кн. И.С. Гагарин, И.М. Муравьёв, Е.П. Ба-

лабин и др., принявших католицизм и живших в Париже (с. 232), но эта тема осталась вне рамок исследования. Конечно, буржуазные реформы Александра II, особенно ликвидация крепостного права в 1861 г. и приток массы освобождённых крестьян в города, с одной стороны, породили апатию по отношению к религии у городских рабочих, с другой – разрушили традиционный мир крестьянской общины с её важнейшей религиозной константой. Однако считать это результатом сдачи Севастополя, разумеется, нельзя. Более того, как пишет Л.В. Мельникова, «воспринимаемый современниками священный характер Восточной войны, а также деятельность православного духовенства, придали войне особый колорит и, несмотря на тяжёлые для России условия Парижского мира, создали тот потенциал нравственного превосходства, который вскоре позволил России осуществить мощный духовный и политический прорыв в Иерусалиме и на Ближнем Востоке» (с. 240).

Что касается последнего тезиса, автор могла бы указать и иные точки зрения на этот вопрос, в частности, процитировать английского историка А. Тэйлора, специально изучавшего причины и последствия Крымской войны: «Русская политика после Парижского конгресса характеризовалась единством цели, отсутствовавшим в политике других держав: она была направлена на пересмотр Парижского договора и исключала всё остальное... Своё будущее Россия как империя могла найти в Азии; на Чёрном море она должна была обеспечить только оборону. Балканы были жалкой добычей по сравнению с той, какую можно было захватить в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Но этого не могли понять царь и сановники, пережившие унижение вследствие потери территории и принудительной нейтрализации Чёрно-

го моря. На протяжении жизни целого поколения русская дипломатия направляла свои усилия на ложную цель»³. Однако, подобные дискуссионные оценки историков выходят за границы темы рецензируемой монографии и потребовали бы более пространного разбора. Между тем, выбранный Л.В. Мельниковой аспект связан именно с борьбой великих держав за преобладающее влияние в религиозном центре христианского мира – в Иерусалиме, а Иерусалима нет ни в Средней Азии, ни в Индии, ни на Дальнем Востоке. Именно эта смысловая и историческая значимость проблемы святых мест определила, по мнению автора, духовную заострённость Восточной войны и, соответственно, избранный ракурс монографии.

Скажу в заключение, что книга Л.В. Мельниковой – знаменательное явление сегодняшнего этапа развития исторической науки, когда в России вновь пробуждается интерес к истории Русской Православной Церкви в разные эпохи её существования, а роль самой Церкви в государстве и обществе заметно усиливается.

Примечания

¹ Цит. по: Из памятных заметок В.Д. Давыдова // Русский архив. 1871. № 4–5. Стб. 0961. Давыдов передаёт свой разговор с кн. С.Г. Голицыным, состоявшийся 17 июня 1856 г., которому это рассказал сам Киселёв.

² Об этом см., например: *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. М.; Минск, 2001. С. 41, 180.

³ *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе 1848–1918. М., 1958. С. 128. Эта идея получила развитие и в современной российской историографии. См., например: *Хевролина В.М.* Российская дипломатия в рамках Крымской системы // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 108.

Владимир Бурков

Рец. на: О.Н. Наумов. Научная геральдика России. М.: Старая Басманная, 2013. 508 с., VIII л., ил.

Vladimir Burkov

(Saint-Petersburg State University, Russia)

Rec. ad op.: O.N. Naumov. Nauchnaia geral'dika Rossii. Moscow, 2013

Рецензируемая монография известно-го учёного, доктора исторических наук, профессора О.Н. Наумова представляет собой первое комплексное исследование по истории научной геральдики России и является логическим продолжением ряда крупных научных работ автора в области отечественной историографии геральдики¹. Рубеж XX–XXI вв. можно признать периодом бурного развития в нашей стране специальных исторических дисциплин, ставших фундаментальными для исторической науки. В их число наряду с генеалогией, нумизматикой и фалеристикой вошла и геральдика. Значительно возросло количество публикаций по геральдике, расширилась их тематика, были введены в научный оборот ранее неизвестные источники, данный предмет прочно вошёл в учебные планы высших учебных заведений, возникли геральдические учреждения и общественные организации, проводятся научные конференции, появились периодические издания, популяризирующие и развивающие геральдические знания, активизировалось герботворчество, сложилась новая геральдическая система и были сформулированы принципы единой геральдической политики в России. Всё это требовало осмысления основ геральдики как научной дисциплины, выявления её основных задач и способов их решения, обозначения перспектив её развития. В этом плане важнейшее значение приобретает изучение историографии и истории геральдики. Крупные монографические научные работы, относящиеся к научно-теоретическим исследованиям в области геральдики (к таким исследованиям относится рецензируемая работа), встречаются не так часто, ибо их подготовка и написание требуют от авторов высокого профессионализма, большой общеисто-

рической культуры, глубоких всесторонних знаний. Всеми этими качествами обладает автор данного исследования. Его докторская диссертация, ставшая основой монографии, представляет настоящий научный прорыв в изучении геральдики как специальной исторической дисциплины. Не случайно она официально была признана Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации лучшей диссертацией по историческим наукам в России за 2004 г. До этого времени, за исключением отдельных статей и небольших очерков, комплексные исследования по историографии и истории геральдики отсутствовали. Конечно, опыт отдельных историографических изысканий в сфере геральдики был, но незначительный и непоследовательный. Примером тому могут служить дореволюционные труды А.Б. Лакиера, Ю.В. Арсеньева, П.П. фон Винклера, В.Е. Белинского, Л.М. Савельева и др.² В советское время это были небольшие историографические разделы в общих трудах по истории исторической науки и немногочисленные специальные статьи³. Такое положение не изменилось и в 1990-х гг.

Рецензируемая работа имеет необходимый список сокращений, именной указатель, цветные и черно-белые иллюстрации (в том числе из личного архива автора). Она хорошо структурирована и отражает теоретические проблемы геральдики, а также основные этапы её развития в России от зарождения до начала XXI в. Наумов представил развитие научного геральдического знания в России более чем за три столетия, определил характерные особенности каждого периода отечественной геральдической историографии, проанализировал наиболее значительные исследования в области геральдики, опубли-

ликованные (и неопубликованные) в России и российскими исследователями за рубежом. Так, например, обстоятельному разбору подвергся фундаментальный труд А.Б. Лакиера «Русская геральдика», оказавший огромное влияние на становление русского гербоведения и удостоенный в 1856 г. почётной Демидовской премии. Серьёзному анализу подверглись и труды П.П. фон Винклера, которые сыграли заметную роль в формировании геральдической эвристики. Наумов убедительно показывает, что в начале XX в. сложились две основные концепции геральдического знания: культурологическая, выдвинутая хранителем Оружейной палаты Московского Кремля, первым в России профессором геральдики Ю.В. Арсеньевым, и источниковедческая, разработанная управляющим Гербовым отделением Департамента герольдии Сената, профессором В.К. Лукомским при участии С.Н. Тройницкого.

Большой интерес вызывают наблюдения автора о развитии отечественной научной геральдики и геральдической историографии после 1917 г., когда русское гербоведение, как и историческая наука в целом, разделилась на две ветви: советское и эмигрантское. В Советской России, а затем в СССР по идеологическим мотивам изучение геральдики было затруднено, и эта специальная дисциплина (как и некоторые другие, например, генеалогия) отвергалась официальной исторической наукой как не имеющая ценности для марксистского понимания прошлого. Герб был объявлен элементом старой дореволюционной власти и рассматривался только в качестве предмета изучения археологии и истории материальной культуры. Именно в это время в советской историографии искусственно, под воздействием идеологического прессинга, понятие «герб» стало расширяться. Гербом начали называть различные знаки, эмблемы и символы, встречающиеся на памятниках материальной культуры, а под геральдикой в широком смысле стали понимать дисциплину, имеющую своей целью установление генезиса и этапов развития всякого рода самых разнообразных и своеобразных знаков, принятых на различных ступенях развития человечес-

кой культуры»⁴. Это был явный регресс. Предмет геральдики и её исследовательские границы становились нечёткими, дисциплина могла утратить исследовательскую специфику. Гербовый музей, созданный В.К. Лукомским в апреле 1918 г. на базе музейных и архивных собраний упразднённого Департамента герольдии, преобразованный в 1931 г. в Кабинет вспомогательных исторических дисциплин, в 1940 г. был окончательно ликвидирован.

Оценивая эмигрантскую геральдическую историографию 1920–1940-х гг., Наумов выделяет ряд факторов, существенно повлиявших на её развитие. Это, с одной стороны, острый недостаток источников и недоступность отечественных архивов, с другой – доступность европейской литературы и источников. В целом же автор совершенно справедливо отмечает, что «к середине XX в. и в СССР, и в эмиграции научная геральдика пришла в кризисное состояние. Целенаправленное изучение гербов фактически прекратилось. Дисциплина приобрела вспомогательное значение по отношению к генеалогии, сфрагистике, нумизматике и источниковедению. Специалисты практически отсутствовали» (с. 274). Лишь с середины 1960-х гг. в СССР в условиях политической «оттепели» и на основе развития источниковедения началось возрождение научной геральдики. Наумов определил два основных направления, характерных для этого периода: советская геральдика и территориальные гербы. «Оба они представлялись идеологически наиболее приемлемыми, первое – как часть истории советского периода, второе – в силу “нейтральности”, поскольку прямо не ассоциировалось ни с дворянством, ни с монархической властью» (с. 276).

Особый интерес вызывают заключительные части монографии. Они посвящены проблемам современной отечественной научной геральдики которая на рубеже XX–XXI вв. вступила в период обновления. В это время окончательно сложились геральдическое источниковедение и геральдическая археология. Сам автор книги внёс большой вклад в их развитие, о чём свидетельствуют, например, его публикации, в том числе в основанном им в 2011 г. издании «Гербоведение». Именно

на рубеже XX–XXI вв. были восстановлены не только традиционные направления исследований в области геральдики: государственная, территориальная, родовая, формальная, но и сформировались новые направления – история гербоведения и корпоративная (ведомственная) геральдика. Обрёл смысл термин «теоретическая геральдика».

В заключении монографии автор определил комплекс проблем, которые имеют, с его точки зрения, наибольшую актуальность для дальнейшего успешного развития отечественной геральдики: «Во-первых, необходимо изучение теории дисциплины, включая понятийно-терминологический аппарат, методику источниковедения и историю отечественного геральдического права. Во-вторых, требуется объективное изучение истории герботворчества всех периодов, в том числе советского и современного, на основе синтеза идеографического и номотетического подходов. В-третьих, желательно активизировать археографическую деятельность, особенно в сфере родовой геральдики и введения в научный оборот вещественных памятников. В-четвёртых, нужно создание полной справочно-информационной (эвристической) системы, опирающейся на новейшие компьютерные технологии. В-пятых, представляет интерес изучение художественной стороны отечественных гербов. В-шестых, важно активно бороться с антиисторическими концепциями в сфере гербоведения, нужна их объективная критика» (с. 483). Автор сформулировал и план реализации этих задач: создание словаря, посвящённого отечественной геральдике, подготовка монографического исследования по тео-

рии гербоведения и родовой геральдике, публикация архивных и музейных источников (в том числе всех томов «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи», «Сборника дипломных гербов и составление собрания неутверждённых гербов»), постоянное ведение текущей библиографии, выявление и анализ информации о современном состоянии герботворчества, а также издание учебного пособия, «дающего объективное представление о геральдике в глобальном, в крайнем случае – европейском масштабе» (с. 484).

Примечания

¹ *Наумов О.Н.* Геральдическая историография России. М., 2001; *он же.* Отечественная историография геральдики. Ч. 1. М., 2003.

² *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. Кн. 1–2. СПб., 1855; *Арсеньев Ю.В.* Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907/1908 г. М., 1908; *Винклер П.П., фон.* Русская геральдика. Вып. 1–3. СПб., 1892–1894; *он же.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесённые в «Полное собрание законов» с 1649 по 1900 г. М., 1900; *Белинский В.Е.* Русский геральдический словарь. Вып. 1–2. СПб., 1912–1913; *Савёлов Л.М.* Лекции по русской генеалогии. М., [б.г].

³ См., например: *Очерки истории исторической науки в СССР.* Т. 2–3. М., 1960–1963; *Поцелуев В.А.* Обзор историографии и источниковедения советской геральдики // *Историография и источниковедение.* М., 1978. С. 52–64.

⁴ *Лукомский В.К.* Гербовая экспертиза (случаи и способы применения) // *Архивное дело.* 1939. № 1. С. 46.

Анатолий Иванов, Тамара Красовицкая

Рец. на: О.А. Фомичева. А.С. Будилович. Деятельность в национальных регионах пореформенной Российской империи. СПб.: Алетейя, 2014. 216 с.

Anatoliy Ivanov, Tamara Krasovitskaya

(both – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Rec. ad op.: O.A. Fomicheva. A.S. Budilovich. Deyatel'nost' v natsionalnykh regionakh poreformennoy Rossiiskoy imperii. Saint-Petersburg, 2014

Профессор А.С. Будилович – один из крупнейших учёных-славистов и общественных деятелей России последней трети XIX – начала XX в. – до сих пор обычно лишь упоминался исследователями, и монография О.А. Фомичевой, ученицы профессора Л.Е. Горизонтова, вносит весомый вклад в изучение его жизни и творчества. В книге показано, как предвзятые оценки, данные современниками Будиловичу как общественному деятелю, перешли в историографию и сохранялись в ней вплоть до начала XXI в. Для этого автору пришлось рассмотреть украинскую, белорусскую, польскую, прибалтийскую, татарскую и чувашскую литературу. Выявляя особенности позиции Будиловича, Фомичева кропотливо изучила его работы по филологии, педагогике, национальной истории и общественно-политическим вопросам. Выводы автора основаны на значительном корпусе источников, включая как материалы официального делопроизводства (прежде всего документы Министерства народного просвещения и университетов Российской империи), так и огромный комплекс публицистических статей и переписки Будиловича. Значительная часть этих документов ещё не использовалась историками и впервые извлечена автором из центральных (ОР РГБ, РГАЛИ, ГА РФ, РГИА, СПФ АРАН) и местных (ГИА Чувашской республики) архивов. Проработан Фомичевой и фонд Дерптского (Юрьевского) университета, который в настоящее время находится в Историческом архиве Эстонии и в рукописном собрании библиотеки Тартуского университета. Большое внимание уделено также трудам и воспоминаниям коллег Будиловича – как его единомышленников, так и идейных оппонентов.

Сам Будилович предстаёт на страницах книги признанным авторитетом, оказывавшим существенное влияние на общественное мнение России, развитие отечественного славяноведения и формирование национальной политики империи «в сфере образования – ключевого инструмента воспитания лояльных подданных» в таких регионах, как Левобережная Украина, Царство Польское, Прибалтика, Поволжье, Урал и Кавказ. Автору удалось не только раскрыть понимание Будиловичем задач имперской политики в каждом из этих регионов, но и проследить эволюцию его взглядов на протяжении нескольких десятилетий. При этом практическая деятельность Будиловича как педагога и чиновника Министерства народного просвещения и его взгляды на задачи и методы этнической, языковой и конфессиональной политики исследуются Фомичевой в единстве с их теоретической базой, нашедшей воплощение в его научных трудах.

Судьба А.С. Будиловича, его научное и общественное наследие удачно вписаны автором в историю становления российской славистики. Тщательно рассмотрены его идейные и личные связи со своим учителем В.И. Ламанским, П.А. и Н.А. Лавровскими. Основное отличие историософской концепции Будиловича Фомичева видит в стремлении выявить причины вхождения Российской империи в Европу и усиления её влияния на европейские страны. Говорится в монографии и о деятельности Будиловича на посту секретаря Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета.

В пореформенный период представители правящей элиты империи нередко обращались к идеям поздних славянофилов.

Вместе с тем Будилович, будучи одним из немногих сторонников жёсткой русификаторской политики, включая языковую, на западе империи, выступал за сохранение и самостоятельное развитие местных языков в её восточной части. Не случайно он пользовался там особым уважением преподавателей и миссионеров из среды «инородцев». В исследовании Фомичевой впервые показано, что идейно-теоретическое ядро убеждений Будиловича оставалось неизменным независимо от того, размышлял ли он о решении польского вопроса, о проблемах панславизма, о русификации прибалтийских губерний или о миссионерской деятельности среди народов Поволжья. Таким образом, реконструирована система взглядов Будиловича в их целостности.

В первой главе монографии раскрывается становление мировоззрения Будиловича и характеризуется его деятельность до начала 1880-х гг. Вторая глава посвящена его службе на западных окраинах Российской империи в 1880–1890-х гг., где он, в частности, усиленно добивался расширения преподавания русского и церковнославянского языков в гимназиях. В третьей главе анализируется его участие в выработке национальной политики Министерства народного просвещения в начале XX в. В каждой из них Фомичева затрагивает недостаточно изученные сюжеты

и делает немало важных наблюдений. Так, она устанавливает связь между преследованием повстанцами в 1863–1864 гг. отца Будиловича – православного священника, имевшего польские корни, и открытой неприязнью поляков к деятельности профессора Будиловича в Привисленском крае в 1880-х гг. Исследовательница впервые изучила роль Антона Семёновича в развитии средних школ Царства Польского и в создании педагогического коллектива Нежинского историко-филологического института.

Возможно, автору следовало подробнее проследить отношение Будиловича к приёму в высшие учебные заведения Российской империи евреев. Ведь, как известно, вопрос о процентной норме для студентов еврейского происхождения поднимался в период его ректорства в Юрьевском университете. Больше можно было сказать и о поездке Будиловича в Казанский учебный округ и реакции на неё мусульманского духовенства. Тем не менее нельзя не признать, что О.А. Фомичева много сделала для освобождения важной темы от идеологической заштампованности, и её книга может стать своеобразным ориентиром для дальнейшего изучения взглядов и деятельности А.С. Будиловича и его единомышленников, а также специфики образовательного процесса на окраинах империи.

Игорь Нарский

О плюсах и минусах количественного исследования российской многопартийности: несколько ремарок по поводу книги Н.Д. Постникова*

Igor Narsky

(South Ural National Research University, Cheliabinsk, Russia)

Quantitative research of Russia's multi-partisan system: Pro et contra (some remarks on the book by N.D. Postnikov)

Рецензируемую монографию нельзя отнести к кругу лёгкого чтения. Читательскую работу с ней усложняют и её жанр, и авторский замысел, и история и качество его воплощения. Прежде все-

го следует сказать о контексте рождения этой монографии, который относится, в целом, к завершённому прошлому и многим историкам, особенно молодым, не знаком. Её автор, кандидат истори-

* *Постников Н.Д.* Территориальное размещение и численность политических партий России (1907 – февраль 1917). М.: ИИУ МГОУ, 2013. 326 с.

ческих наук, доцент кафедры истории и политологии Российского государственного университета туризма и сервиса, в 1990-х гг. проявил себя как поборник количественных методов в изучении дореволюционных политических партий в России, переживших свой расцвет в последнее десятилетие существования СССР и первое постсоветское десятилетие. В те годы интерес к истории «непролетарских» политических партий находился на крутом подъёме. Примененные в монографических исследованиях В.В. Шелохаева о конституционно-демократической партии и Союзе 17 октября в 1905–1907 гг.¹ подходы к изучению численности и социального состава партийных организаций постепенно обрели в этом молодом сегменте отечественной историографии чеканную формулу «территориальное размещение и динамика численности», которая пользовалась невероятной популярностью, дав название обязательным (первым) главам и параграфам в многочисленных диссертационных исследованиях, увидевших свет в 1980–2000-х гг. Наличие количественного компонента стало неотъемлемой частью анализа истории российских политических партий. По прошествии многих лет можно констатировать, что всеобщий интерес специалистов по истории многопартийности к её количественному измерению был совершенно оправдан, позволив оценить масштабы, социальные и культурные особенности этого явления в общероссийской, региональной и локальной перспективах. При этом в нём явно отразился конъюнктурный фактор – желание противопоставить заидеологизированной истории КПСС научный подход, который во времена «триумфального шествия» количественной социальной истории во многом базировался на «магии чисел».

Н.Д. Постников наверняка попал под обаяние первого сборника, посвящённого количественному анализу российских политических партий в годы Первой русской революции и ставшего в конце 1980-х гг. важным рубежом в исследовании этой проблематики². В 2001 г. он издал сборник, хронологически продолживший первый материалами межреволюционного периода³. Как пишет автор, «при работе над сборником и возникла идея написания

данной монографии, ставящей задачей дать всесторонний анализ накопленной информации, сделать на её основе общие выводы, наблюдения, позволяющие углубить представления об истории политических партий России в начале XX века» (с. 24). Но ещё до опубликования сборника по количественной истории партий 1907–1917 гг., в 1998 г. он защитил кандидатскую диссертацию⁴, название которой совпадает с заглавием рецензируемой книги, представляющей собой, таким образом, расширенный вариант диссертации 15-летней давности. С тех пор круг исследовательских интересов Н.Д. Постникова претерпел существенные изменения⁵, и издание книги является, по-видимому, запоздалой «жирной точкой» в давно завершённом процессе. Эта предыстория данной монографии предопределила как её сильные, так и уязвимые стороны, что следует иметь в виду, анализируя и оценивая её содержание.

Автор ставит перед собой задачу «комплексного анализа проблемы территориального размещения, динамики численности и эволюции организационных структур основных общероссийских партий» (с. 4), под которыми подразумевает, как и было принято в 1990-е гг., партии социал-демократов, эсеров, кадетов, октябристов и черносотенцев. История национальных партий в монографии не учитывается, что вполне соответствует состоянию изучения данной проблематики тех лет.

Структура монографии подчинена решению поставленной задачи. Выигрышным сюжетом введения является попытка автора покончить с неясностью в определении членства в российских партиях и тем самым постараться создать инструментарий для чёткого различения между активным партийным ядром и аморфной массой сочувствующих. Неудачным представляется историографический обзор. Во-первых, нельзя сводить неровности и недостатки изучения политических партий к запретительной политике в области историографии. Автор прекрасно знает, что историографический процесс – дело многотрудное, а создание репрезентативной базы количественных данных на основе исторических источников, тре-

бующее многолетней скрупулёзной работы, – тем более. Если же следовать логике Постникова, то фрагментарность данных о количестве организаций и численности их участников в книге В.В. Шелохаева о кадетах в 1905–4907 гг. придётся объяснять с помощью абсурдного предположения, что её автор в 1983 г. боялся сталинского запрета на исследование политических партий. Во-вторых, автор не проследил развитие исследований российской многопартийности после середины 1990-х гг., что может быть объяснено лишь использованием в издании 2013 г. историографического обзора из защищённой в 1998 г. диссертации.

Первая глава книги посвящена характеристике источников. Источниковой основой его исследования стали материалы нескольких фондов ГА РФ, а именно Департамента полиции и собственно политических партий. Несомненно, Постников является одним из лучших знатоков этих фондов, поскольку он систематически прорабатывал отложившиеся в них документы на предмет выявления сведений о размещении, количестве, численности и организационном состоянии основных всероссийских политических партий. Исследователь пришёл в целом к обоснованному выводу, что «ни один источник, отражающий деятельность местных партийных организаций РСДРП и ПСР (партии социалистов-революционеров. – *И.Н.*), не является столь полным по собранной информации и репрезентативным, как дела фонда Департамента полиции, так как ни в каком другом источнике так тщательно и даже скрупулёзно не фиксировалась информация обо всех сторонах и аспектах местных организаций РСДРП и ПСР в масштабах империи» (с. 27). Вместе с тем следует подчеркнуть, что положенные в основу определения численности левых партий списки членов местных партийных организаций, составленные на основе наружного полицейского наблюдения, далеко не надежны, особенно в провинции, где «культурный слой» был тонок и представители оппозиции часто находились в тесном контакте. В полицейских списках РСДРП и ПСР зачастую фигурируют одни и те же фамилии, которые порой встречаются и в списках кадетов, которые во

время первой российской революции, а отчасти и позже, контактировали с левыми. К вопросу надёжности полицейских количественных данных ещё придётся вернуться при оценке авторских подсчётов численности участников российских политических партий.

Однако в отношении Союза 17 октября, Союза русского народа и Союза Михаила Архангела, а отчасти и Конституционно-демократической партии, деятельность которых интересовала Департамент полиции значительно меньше, чем работа леворадикальных партий, полицейские сведения о размещении и численности их филиалов значительно более фрагментарны. Их Постникову пришлось добывать, по собственному признанию, «по крохам» (с. 39), в фондах политических партий. Причём даже тщательное просеивание партийных фондов не дало столь подробных сведений о географии распространения и количественных характеристиках политических партий, какие предоставляет документация Департамента полиции. Неоднородность и различная информативная насыщенность источниковой базы исследования Постникова заложили главную, как мне представляется, проблему в его исследовании – разнородность критериев сбора и обработки собранной информации. Если в отношении социалистических партий исследователь мог придериваться достаточно строгим критериям идентификации партийной организации (признание организации руководством партии, продолжительность функционирования, наличие членов и какой-то деятельности, обсуждение документов партии), то в отношении организаций октябристов и черносотенцев приходилось обходиться любым упоминанием о существовании местного отдела соответствующего союза.

Во второй главе речь идёт о территориальном размещении и количестве социалистических, либеральных и право-монархических партийных организаций в России. Анализ количественных данных о партиях, собранных в 20 таблицах, подтвердил устоявшийся в историографии тезис о сокрушительном развале в межреволюционный период партийных организаций всех политических направлений

без исключения. Постников констатирует также успешность репрессий против социалистических партий, которые в результате попали под тщательный контроль полицейских органов. Не являются новыми и на этот раз статистически обоснованные утверждения автора о более быстром распаде эсеровских организаций по сравнению с социал-демократическими, о преимущественно городском характере партийных формирований в межреволюционный период, об известном географическом «разделении труда» между эсдеками, доминировавшими в промышленных регионах, и эсерами, более укоренёнными в сельскохозяйственных областях. Более интересными представляются следующие наблюдения исследователя. Во-первых, о наибольшей активности социалистов на Украине и в Бессарабии, во-вторых, о том, что несмотря на разгром социалистических организаций, полностью обезвредить ядро профессиональных революционеров Департаменту полиции не удалось.

В отношении либеральных партий автор констатирует наряду с распадом организационных структур, переходом их сторонников на работу в легальные общественные организации и размещением в городах преимущественное присутствие кадетов в Центральном промышленном районе, на Украине и в Бессарабии, октябристов – в Центральном промышленном районе и в Поволжье. Применительно же к правым партиям он признает, что «численность организационных структур, зафиксированных нами... по существу, не отражала реальное положение дел правомонархической периферии» (с. 145), поскольку речь должна вестись о «качественной» деградации черносотенных организаций при их относительном количественном расцвете. Статистика, собранная автором, убедительно свидетельствует, что регионом преимущественного распространения правых союзов были десять губерний Украины и Бессарабии, где действовало $\frac{3}{4}$ всех праворадикальных организаций. Автор объясняет это особой остротой в этом регионе национального, рабочего и аграрного вопросов.

В третьей главе вновь обсуждаются вопросы организационных структур и численности партий, но на этот раз в

центре внимания автора – количество не организаций, а их членов. Представляется не очень логичным, что Постников приступил к детализированному анализу архитектоники партийных институций лишь в последней главе, поскольку это привело к повтору основных тезисов, сформулированных в предыдущем разделе на количественных материалах. На сей раз распад партий в межреволюционный период при сохранении актива леворадикальных партий, успех Департамента полиции в обуздании и контроле революционной и оппозиционной деятельности, сосредоточение партий в европейской части Российской империи, особенно в Центральном промышленном районе и в украинских и бессарабских губерниях, обосновываются с помощью богатого иллюстративно-фактографического материала, а главное – с привлечением данных о численности членов партийных формирований, сконцентрированных в 11 таблицах. Именно в этой главе, на мой взгляд, методика исследования наталкивается на свои границы.

Автор предлагает пересмотреть принятую ранее методологию подсчёта количества членов партии, которую он в заключении аттестовал как «механистическую» (с. 270). Исследователь считает нецелесообразным для межреволюционного периода включать в число членов партий пассивных попутчиков, которые, по его мнению, по разным причинам покинули партийные ряды в 1907–1916 гг. Судя по контексту, Постников подверг критическому пересмотру метод распространения средних данных об известной численности партийных организаций на те партийные отделы, численность которых в источниках не отложилась. Этот метод экстаполяции, впервые предложенный в отношении кадетской партии в революции 1905–1907 гг. В.В. Шелухаевым три десятилетия назад, был затем активно использован в отношении других партий и за другие периоды, в том числе мною⁶. Н.Д. Постников предлагает производить учёт только тех данных, которые отложились в Департаменте полиции. Плюс такого подхода очевиден: благодаря усердному контролю политического сыска за партиями мы располагаем сведениями о

количестве членов за каждый год, причём за различные месяцы. Однако есть в этом подходе и минусы, делающие его в известной степени ещё более «механистическим», чем метод экстраполяции. Во-первых, как уже было указано, мы располагаем подробными полицейскими данными о количестве данных только по социалистическим партиям, в меньшей степени – по кадетам, и они вовсе отсутствуют по октябристам и черносотенцам. Во-вторых, сам автор признаёт, что «установить точное число членов местных организаций РСДРП и ПСР не представляется возможным» (с. 187) из-за отсутствия информации о слабо организованных и краткосрочно действовавших местных организациях. В-третьих, к такому же выводу он приходит и в отношении других партий, признав в заключении, что «отсутствие правительственных репрессий не позволило... чётко и однозначно зафиксировать таких же членов (имеются в виду активисты-идеологи, якобы составлявшее ядро левых партий в межреволюционный период. – *И.Н.*) у октябристов и правомонархистов» (с. 269). В отношении этих партий исследователю приходилось пользоваться данными другого происхождения – прежде всего сведениями, приходившими в центральные органы партий в письмах и отчётах с мест и зачастую завышенными и уж во всяком случае не отделявшими активистов от сочувствующих. В-четвёртых, трудно разделить его убеждённость, что использование данных Департамента полиции «позволило нам установить фактически “чистую” численность партийных идеологов, агитаторов и членов партийного актива, без “примеси” членов-попутчиков/сочувствующих» (с. 269). Н.Д. Постникову, скрупулёзно работавшему в фонде Департамента полиции, прекрасно известно: политический сыск в межреволюционный период так плотно взял в оборот революционные организации, что в них порой более половины членов были секретными сотрудниками охранки⁷. Так что вопрос о надёжности полицейских цифровых данных остаётся открытым.

О возможностях и границах количественного исследования многопартийности в поздней Российской империи вновь

заставляет задуматься в заключение, в котором подводятся итоги исследования. Самым ценным из авторских выводов является, на мой взгляд, определение активности политических партий в различных областях страны. Вычислив удельный вес партийных организаций, действовавших в отдельных регионах, Постников убедительно показал, что наиболее «активными» регионами были Украина и Бессарабия, за которыми до 1917 г. с большим, но постепенно сокращавшимся отставанием следовали Центральный промышленный район и Поволжье. Вместе с тем, закрыв прочитанную книгу, читатель остаётся в недоумении по поводу авторского ответа на вопрос о том, что же произошло с партиями в поздней Российской империи накануне её гибели: многопартийность к 1917 г. сформировалась или разрушилась? Постников неоднократно утверждает, что процесс формирования политических партий в межреволюционный период продолжался, а ядро активистов революционных партий сохранилось, несмотря на многочисленные репрессии. Мне это утверждение автора представляется слишком смелым и опирающимся по большей части на «ретроспективную мудрость» – на знание о том, что случилось позже, в 1917 г. Ведь сам он убедительно пишет о развале в межреволюционный период всех политических партий и о полном контроле политической полиции за каждым шагом активистов. Так что на этот счёт читателю придется делать выводы самостоятельно. В итоге тезис Постникова о вполне сложившейся в поздней Российской империи многопартийности не поколебал меня во мнении 20-летней давности, что «поступательный и, казалось бы, необратимый процесс увядания партийных организаций всех направлений и их перехода в небытие к 1917 г. почти завершился», а «мощный всплеск многопартийности в 1917 г... оказался не более чем эпизодом в её истории»⁸.

Когда в начале рецензии я заявил о трудностях работы читателя с книгой, я имел в виду, помимо прочего, и авторскую стилистику. Обилие таблиц (33 в тексте, четыре в примечаниях), казалось бы, должно было освободить авторский текст от перегрузки цифрами. К сожалению,

этого не произошло. Обилие цифр делает монографию неудобочитаемой, равно как и тяжеловесный стиль и не всегда уместная терминология. Особенно это касается заключения, которое местами выглядит как поспешно составленный конспект для личного авторского пользования. В конце концов, исторический труд по российской истории вряд ли должен заканчиваться выражением «таргетированный тренд».

Лично для меня главный (но не новый) урок книги Н.Д. Постникова состоит в том, что количественные методы сами по себе не являются гарантией успешного исторического исследования. Трудно разделить убеждение автора, что ему «удалось по-новому взглянуть на “партийные организации” как на формирования не всегда и не вполне партийные по своему содержанию» (с. 269). К этому выводу можно было прийти – и он был известен в середине 1990-х гг. – без фронтального «прочёсывания» полицейских и партийных фондов и с помощью применения метода экстраполяции, положительно рекомендовавшего себя в прежних исследованиях.

Вместе с тем работа Постникова корректирует представления о размещении и численности политических партий в дореволюционной России, предоставляя систематические данные по всей империи в межреволюционный период. Жаль, что этот труд не увидел свет в книжном виде 15 годами раньше. Это было бы замечательное подспорье для каждого исследователя российской многопартийности. Публикуя в 2013 г. текст, в основном созданный во второй половине 1990-х гг., автор мог и не перерабатывать его кардинально. Но в таком случае нужно было предпослать монографии предисловие, в котором

следовало бы рассказать историю текста и сделать обзор актуального состояния изучения рассматриваемой проблематики. Иначе молодой исследователь, взяв в руки книгу Н.Д. Постникова, будет думать, что имеет дело с последним словом науки по истории российской многопартийности. И, к сожалению, ошибётся.

Примечания

¹ Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; *он же*. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987.

² Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ: Сборник статей. М., 1987.

³ Политические партии России: 1907–1917. Количественный анализ / Сост. Н.Д. Постников. М., 2001.

⁴ Постников Н.Д. Территориальное размещение и численность политических партий России в 1907–1917 гг.: По материалам Департамента полиции. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

⁵ См., например: Постников Н.Д. 1-я армия Ренненкампа. Битва за Восточную Пруссию. Изд. 2. М., 2013.

⁶ См.: Нарский И.В. Кадеты на Урале (1905–1907). Свердловск, 1991; *он же*. Революционеры справа: Черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг. (Материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994; *он же*. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Ч. 1–2. Челябинск, 1995; *он же*. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

⁷ См., например: Нарский И.В. Русская провинциальная партийность... Ч. 2. С. 187–202.

⁸ Там же. С. 292, 308, 309.

Дмитрий Павлов

Рец. на: Вооружённые силы России в Первой мировой войне (1914–1917) / Под ред. В.В. Герасимова. М.: Мегapolis, 2014. Т. 1. 744 с. ил.; Т. 2. 786 с., ил.

Dmitriy Pavlov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Rec. ad op.: Vooruzhennyye sily Rossii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917). Vol. 1–2. Moscow, 2014

Сегодня, когда во всём мире широко отмечается 100-летие Первой мировой войны, «одного из наиболее важных событий всемирной истории», как справедливо характеризуют её авторы рецензируемой работы, не вызывает сомнений своевременность фундаментального труда, посвященного состоянию и действиям российских вооружённых сил в 1914–1917 гг. и их роли в войне. Это тем более справедливо, что названная тема недостаточно разработана не только в зарубежной, но даже в отечественной историографии. Последние обобщающие отечественные военно-исторические сочинения такого рода вышли в свет 35–40 и более лет назад¹ и наряду с неоспоримыми достоинствами обременены набором серьёзных недостатков, характерных для советской исторической науки в целом: идеологической «зашоренностью», игнорированием или пристрастным прочтением работ зарубежных историков, замалчиванием трудов бывших соотечественников-эмигрантов, включая воспоминания участников самой войны и различные собранные ими и часто весьма ценные подготовительные материалы. Долгие годы в совершенном забвении находилась роль в Первой мировой войне человеческого фактора. Интерпретируемая как империалистическая и захватническая с обеих сторон, эта «война, цели которой были чужды трудящимся классам, не нуждалась в “человеческом измерении”», верно замечают авторы рецензируемой книги (т. 1, с. 94).

Между тем за прошедшие с тех пор десятилетия и особенно в постсоветские годы исследователи получили возмож-

ность познакомиться с новыми комплексами архивных документов, историография и археография этой темы заметно продвинулись вперёд. Поэтому нельзя не приветствовать стремления авторов рецензируемого двухтомника создать «взвешенный, без оглядок на идеологические догмы и политическую конъюнктуру» военно-исторический труд о Великой войне, основанный на достижениях современной российской и зарубежной исторической науки (т. 1, с. 8).

Исследование выполнено большим коллективом сотрудников НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба, под общей редакцией начальника которого книга увидела свет. Авторы широко привлекают документы ГА РФ, АВПРИ, но особенно активно – РГВИА и РГА ВМФ. В то же время в своей значительной части работа выполнена на опубликованных источниках, в том числе на материалах зарубежных документальных изданий. Это оправданно, учитывая их колоссальный массив, который наряду с делопроизводственной документацией российских военных ведомств и МИД включает законодательный и актовый материал, мемуарную и публицистическую литературу. Бесспорны и хронологические рамки, избранные авторским коллективом – период с момента объявления Германией войны России 19 июля/1 августа 1914 г. до заключения перемирия между РСФСР и Центральными державами 4(17) декабря 1917 г. с кратким экскурсом, посвящённым подготовке и подписанию Брестского мирного договора.

В соответствии с названием своей работы, авторы концентрируются преимущественно на военной стороне событий 1914–1917 гг., в том числе на влиянии, которое война оказала на развитие вооружённых сил России, их материально-техническое оснащение, на состояние российской военной теории, стратегии и оперативного искусства. К другим чисто военным аспектам истории первого мирового вооружённого конфликта относятся такие проблемы, как координация деятельности государственных институтов, призванных обеспечивать военную безопасность страны, адаптацию армий и флотов к распространению вооружённой борьбы на новые природные среды и появление качественно новых угроз, управление разнородными группировками вооружённых сил, возможности и пределы коалиционного взаимодействия и ряд других. Военные историки приходят к выводу, что в годы войны, стремясь к достижению собственных национальных задач, Россия вместе с тем была вынуждена «искать стратегический компромисс» между ними и выполнением своего союзнического долга. «Фронтами, успех на которых приводил Россию к достижению её собственных военно-политических целей, были Юго-Западный и Кавказский, в то время как сначала на Северо-Западном, а затем на Северном и Западном русские армии выполняли вспомогательную задачу – прежде всего отягивания на себя германских сил» (т. 2, с. 555). В какой степени подобное целеполагание было осознано командованием российских вооружённых сил, остаётся, однако, до конца не прояснённым.

Книга в основном написана безупречным языком, оснащена грамотно составленным научно-справочным аппаратом, включая многочисленные таблицы, схемы и графики. Она богато иллюстрирована, в том числе картами. Восемь глав логично и равномерно распределены по двум томам рецензируемого сочинения. В четырех главах первого тома представлен профессионально выполненный обзор отечественной (включая эмигрантскую) и зарубежной историографии войны, в том числе историографию её социокультурных аспектов таких, как история повседнев-

ности, военная психология и др. Здесь же даётся характеристика источниковой базы исследования, проанализировано предвоенное состояние вооружённых сил России и её вероятных противников, их стратегические планы. Подробно (иногда поминутно) рассмотрены основные операции русской армии 1914 г. – Восточно-Прусская, Галицийская, Варшавско-Ивангородская, Лодзинская, ход начального этапа войны на Балтийском и Черном морях и на Кавказе. Второй том посвящён кампаниям 1915–1917 гг., изучение которых также основано на общепринятой периодизации войны. В приложениях к обоим томам публикуются документы российских военных ведомств, в большинстве своём извлечённые из РГВИА и РГА ВМФ.

Авторы не скрывают, что некоторые важные аспекты изучаемой ими темы требуют дополнительного исследования, например вопрос об общих потерях России в войне (т. 2, с. 559–562). То же можно отметить и применительно к концептуальной стороне проблемы – актуальной исследовательской задачей они считают синтез концепций, «подтвердивших свою научную состоятельность», а равно «объединение и взаимное дополнение их положений и выводов» (т. 2, с. 564). Такой взгляд также находится в «тренде» современной мировой историографии, в которой заметно сближение «катастрофической» (война как одна из главных и всеобъемлющих катастроф XX в.) и «адаптационной» (война как мощный ускоритель ранее появившихся тенденций развития) трактовок событий 1914–1917 гг.

Не существует исследований без недостатков. Думается, что авторам рецензируемой работы следовало бы более осмотрительно обращаться с красиво звучащими, но в действительности трудноопределимыми терминами (например, «системный кризис самодержавия» – т. 1, с. 8), а в теоретическом подразделе заключения обратить внимание на признаки тотальности Первой мировой войны для России и её вооружённых сил – вопрос о том, была ли эта война тотальной, и если да, то в чём именно и в какой степени, сегодня активно дебатруется в мировой исторической науке. Фактически, в монографии смазан вопрос о военных закупках

России за рубежом и о степени зависимости российской действующей армии от зарубежных военных поставок, особенно в сфере вооружений и боеприпасов. Между тем этот вопрос был поставлен ещё в работах А.Л. Сидорова и И.И. Ростунова. Большого внимания, как мне кажется, заслуживало бы исследование межсоюзнических конференций и совещаний по военным вопросам – сюжет, который, в конечном счете, упирается в оценку эффективности координации военных усилий стран-членов Антанты. Есть недоработки и в Приложениях к томам – публикуемые документы часто даны в нарушение хронологии и не всегда адекватно озаглавлены (например, некоторые директивы и предписания штаба Ставки главнокомандующим фронтами обозначены как «письма», а донесения командующих крупными войсковыми соединениями Верховному главнокомандующему фигурируют в приложениях как их «телеграммы»).

Вероятно, в обзоре зарубежной исторической литературы, который выполнен на высоком научном уровне и выглядит весьма представительно, следовало бы подробнее остановиться на трудах англоязычных авторов, которые после Второй мировой войны задают тон в зарубежной историографии. Я имею в виду работы британских, американских и канадских

историков, таких, например, как клиометристы Н. Чоукри и Р. Норт, историк-международник К. Нейлсон, военные историки Х. Стрэчан, Л. Тернер, Д. Кейтли, Д. Стивенсон. Все они специалисты мирового уровня, многие – создатели оригинальных научных школ и направлений. Между тем некоторые из этих имён в книге лишь упомянуты, а основное своё внимание авторы рецензируемого сочинения концентрируют на германоязычной историографии Первой мировой войны.

В целом перед нами профессионально выполненное, добротное, основательно фундированное, во многих аспектах инновационное военно-историческое исследование, которое встроено в современный мировой историографический ландшафт и, уверен, займет в нём подобающее ему место. Помимо этих достоинств коллективная работа сотрудников НИИ военной истории имеет и справочную ценность, будучи наполнена первоклассным фактическим и библиографическим материалом.

Примечание

¹ См.: История Первой мировой войны. В 2 т. М., 1975; *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976; и др.

Игорь Гребенкин

Рец. на: Первая мировая война. Энциклопедический словарь / Рук. проекта академик А.О. Чубарьян. Отв. ред. Е.Ю. Сергеев; Институт всеобщей истории РАН. М.: Весь Мир, 2014. 480 с.

Igor Grebenkin

(Esenin Ryazan State University, Russia)

Rec. ad op.: Pervaia mirovaia voyna. Entsiklopedicheskiy slovar' / Ed. by A.O. Chubaryan, E.Y. Sergeyev. Moscow, 2014

В последние годы в научно-исторической литературе наблюдается настоящий энциклопедический бум. Выход в свет новых энциклопедий перестал быть редким, исключительным событием. Для самого

же этого бурно развивающегося жанра характерен рост дальнейшей специализации и детализации предметного пространства. Энциклопедических изданий «удостаиваются» знаковые исторические периоды

и события, государственные институты, направления общественно-политической мысли и даже отдельные персоналии, а многие российские регионы стремятся создать собственный историко-краеведческий лексикон. Самый продолжительный опыт в этом ряду имеет энциклопедическое освещение крупных событий отечественной и мировой истории, среди которых на первый план выступают войны¹.

Опыт освоения энциклопедическим жанром истории Первой мировой войны 1914–1918 гг. до самого последнего времени можно признать относительно скромным². Именно поэтому столетие её начала стало бесспорным поводом к созданию крупных работ такого рода, которые можно считать определённым итогом развития отечественной историографии. К одному из таких изданий, несомненно, следует отнести энциклопедический словарь «Первая мировая война», подготовленный Институтом всеобщей истории РАН под руководством академика А.О. Чубарьяна и редакцией профессора Е.Ю. Сергеева при участии Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Авторский коллектив данной работы представляют известные российские историки, видные специалисты по различным проблемам рассматриваемого периода – О.Е. Алпеев, С.Н. Базанов, В.Т. Иминов, Д.Ю. Козлов, А.В. Лубков, И.Н. Новикова, Е.С. Сенявская, В.К. Шаццлло, Г.Д. Шкундин, А.В. Шубин и др.

Историографическую новизну данного проекта определяет то, что впервые в отечественной практике в рамках одного энциклопедического издания предпринята попытка осветить Первую мировую войну как событие всеобщей истории и мирового значения. Реализация такой масштабной задачи потребовала оригинальных структурных и методологических решений. Авторам удалось найти эффективный подход к определению оптимального построения книги, наилучшим образом отвечающего формату энциклопедического словаря. Его центральную, алфавитную, часть предваряет предисловие, которое представляет собой развёрнутый очерк, задающий концептуальную основу и логику понимания истории Первой мировой войны с учётом достижений современной российской

и зарубежной историографий (с. 9–74). Сущностью современного этапа изучения этой войны являются комплексность, систематизация максимального числа аспектов, в том числе и мало изученных ранее, применение в практике исторических исследований междисциплинарных подходов. Методологической основой работы стали историко-генетический, типологический и сравнительный методы, которые позволили авторам плодотворно сочетать новации с историографической традицией в отношении наиболее сложных и дискуссионных вопросов. Так, проблема происхождения Первой мировой войны рассматривается как взаимодействие долговременных тенденций – сочетание существовавших объективных противоречий и конфликтов, которые возникли и прогрессировали в процессе индустриальной модернизации наиболее развитых держав мира, с непосредственными причинами кризиса лета 1914 г. Таким образом, авторы не отвергают концепции об империалистическом характере войны со стороны всех воюющих держав, равно как не отказываются и от рассмотрения Германии и Австро-Венгрии в качестве стран, ситуативно более заинтересованных в военном разрешении конфликта, выступивших его инициаторами. В духе традиционных взглядов решается вопрос и о периодизации Великой войны – события представлены в рамках проходивших военных кампаний 1914–1918 гг.

Действительно инновационные подходы и исследовательский опыт оказались необходимы для создания картины мировой войны как многомерного явления цивилизационного масштаба. В связи с этим события и ход войны последовательно представлены в словаре в нескольких смысловых ракурсах – показаны роль и место в войне противоборствовавших коалиций и отдельных стран как участвовавших в ней непосредственно, так и нейтральных, стратегические планы сторон и их реализация на театрах военных действий, гуманитарное измерение войны и её международные последствия в виде установившегося нового миропорядка. В относительно кратких фрагментах, раскрывающих эти аспекты, ёмко отражены направления научного поиска

многих исследователей и результаты их работы. Вступительный раздел завершает табличная хронология (с. 75–86), с хорошей степенью наглядности задающая событийную канву истории Первой мировой, позволяющая связать важнейшие положения предисловия с содержанием алфавитной части энциклопедического словаря. Такое построение вступительного раздела послужило оптимизации номенклатуры словарных статей (с. 87–442). Её отличает весьма чёткий тематический круг, что представляется особенно ценным для справочно-энциклопедического издания с точки зрения его практического использования. Алфавитные статьи по тематике могут быть сведены всего лишь к нескольким категориям: персоналии – военные, государственные, политические и общественные деятели воевавших и нейтральных стран; крупнейшие сухопутные и морские сражения и операции; основные международные соглашения и акты, связанные с историей войны; важные общественно-политические события и кампании военного периода; некоторые идейные течения, определявшие сущность массовых настроений того времени. Среди действующих лиц эпохи не остались забытыми и деятели культуры – писатели и публицисты, отразившие в своём творчестве образы войны.

На общем фоне представленных в словаре военных кампаний и участвовавших в них различных держав и регионов мира некоторый приоритет получили Россия и Восточный фронт. В сравнении с «мировой» «российская» тематика выглядит более расширенной. Очерки биографий знаменитых россиян той эпохи помогают создать разноплановый и достаточно объективный образ Российской империи в канун революционного переворота. Галерея российских военачальников представлена не только первыми лицами действующей армии и флота, но и рядом командующих соединениями – армиями, корпусами, дивизиями, чей вклад в ход операций на Русском фронте оказался весьма заметным. Список персоналий пополнили и некоторые «неформатные» фигуры, среди которых руководитель контрразведывательной службы генерал Н.С. Батюшин (с. 114–115), герои-лётчики П.Н. Несте-

ров (с. 293) и Ю.В. Гильшер (с. 175), женщина-офицер, инициатор формирования женских добровольческих батальонов М.Л. Бочкарёва (с. 129–130). Такое решение, без сомнения, помогает преодолеть «кабинетно-штабное» видение военных событий. Особая грань участия России в мировой войне раскрывается в сюжетах, которые формально выходят за географические пределы Восточного фронта и даже хронологические рамки его существования. Прежде всего это касается статей, посвящённых русским воинским контингентам во Франции и на Балканах, а также судьбе Черноморского флота в условиях австро-германской оккупации Юга России и развернувшегося гражданского противостояния весной–летом 1918 г.

Политическая Россия, её общественная и деловая жизнь предстают в статьях о видных государственных деятелях, лицах, проявивших себя как у власти, так и в оппозиции. Судьбы некоторых выдающихся современников предлагают задуматься над теми сложными и радикальными трансформациями, которые претерпели Россия и её население в связи с мировой войной. Известный деятель эсеровской партии и один из руководителей её боевой террористической организации, последовательный противник царизма Б.В. Савинков, будучи в начале войны в эмиграции, показал себя активным «оборонцем», отправился на Западный фронт в качестве военного корреспондента и выступал с патриотическими статьями в русской печати. Вернувшись в Россию весной 1917 г., он вошёл в руководство военного ведомства, стал одним из виднейших политических руководителей армии, а впоследствии включился в контрреволюционную борьбу (с. 351). Не менее впечатляющим представляется путь другого русского революционера, большевика Н.В. Крыленко, который, несмотря на «неблагонадёжное» прошлое был призван на военную службу и, находясь на фронте, активно участвовал в политической агитации, а после Октябрьского переворота по иронии судьбы, имея чин прапорщика, стал последним Верховным главнокомандующим русской армией (с. 243).

Общественно-политический фон России военного периода дополняют материалы, посвященные значимым государственным институтам, общественным организациям и инициативам: Особым совещаниям по обороне (с. 304–305), Союзам земств и городов (с. 207–208), Центральному Военно-промышленному комитету (с. 407–408), Скобелевскому комитету для оказания помощи раненым и инвалидам войны (с. 364), военно-общественным союзам, кампании 1917 г. по формированию добровольческих частей и др.

Авторы словаря создали насыщенную картину жизни фронта и тыла, которую отличают, с одной стороны, глубокая детальность, а с другой – широта и полифония. Кроме того, издание содержит богатый иллюстративный материал – многие статьи сопровождаются фотографиями, рисунки, карты-схемы. Особенно следует отметить картографическое приложение, демонстрирующее развитие ситуации на театрах военных действий и территориальные итоги войны. В заключительном разделе представлены статистические сведения и таблицы, которые значительно расширяют информационно-справочные возможности словаря (с. 445–450).

Работа над энциклопедическими произведениями обычно предполагает решение авторами утилитарной задачи – создать максимально краткое, информа-

тивное описание объекта или предложить непредвзятое, объективное изложение вопроса, причём делать это приходится весьма ограниченными средствами, которые продиктованы традициями жанра. Однако выполнение этой задачи будет более успешным, если энциклопедию помимо справочной функции отличают продуманное композиционное оформление и концептуальное звучание. Именно такими достоинствами в полной мере обладает рецензируемый энциклопедический словарь. Он представляет собой и информационно наполненное справочное издание, способное привлечь внимание самых разных аудиторий, и проникнутое особым пафосом произведение, отвечающее значению и масштабам великой трагедии, которая спустя столетие служит назиданием современному миру.

Примечания

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983; Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985; Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004; Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия. В 3 т. М., 2012.

² Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне: биографический энциклопедический словарь. М., 2003.

Владимир Булдаков

Нераспознанный фарс истории

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

History's unrecognized farce

Политическая обывденность наших дней поразительно быстро и как-то незаметно становится *историей*. Когда Игнац Лозо, автор данной книги*, позвонил мне из Германии 10 июля 2012 г. и спросил,

почему в России до сих пор не написано *научной* монографии о событиях августа 1991 г., я испытал некоторое замешательство. Действительно, почему? Может потому, что историк «знает настоящее с

* Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 462 с., ил.

тыла, а не с лица»¹. Неужели в силу именно этого профессионального «недостатка ремесла» всякий историк в данном случае склонен ограничиться аналогиями с августом 1917 г.²

На мой взгляд, помимо прочих причин, эта тема вызывает у авторов, способных на объективное освещение тогдашнего политического переворота, подобие безразличного отторжения. Слишком много нелепых страстей накручено вокруг этого события, существует более двух десятков противоречащих друг другу мемуаров, ряд агиографических сочинений, а самые важные документы (то, с чем привыкли работать тяжёлые на подъём служители Клио) остаются засекреченными. Вдобавок августовский путч в свете последующих политических событий постоянно меняет свою окраску, вплоть до ротации «героев» и «злодеев». Но главная причина, вероятно, в другом. То, чему свидетелями мы были, кажется *ещё* не историей – трудно отделаться от свежих эмоциональных «помех». Наше укороченное житейское сознание постоянно деформирует смыслы «большой» истории – особенно при ощущении «обманутости» в ожиданиях. Да и сам «август 1991-го» в глазах нового поколения «съёжился», превратившись в неловкий эпизод некогда официально провозглашённой «эпохи реформ». Как-то странно признаваться в том, что «августовский путч сыграл роль той соломинки, которая сломала хребет империи»³. Не случайно на протяжении более чем двух десятилетий продолжается дегероизация тогдашних «победителей». И если события последних лет обостряют свойства нашей психики, в основе которой лежит «смутный страх перед грядущими космическими потрясениями»⁴, то стоит ли ворошить не остывшие угли прошлого?

И. Лозо лишён этих предубеждений. В августе 1991 г. он, 28-летний тележурналист, невольно стал главным поставщиком информации из России для всей Германии (с. 11–12). Немцы, жаждущие скорейшего объединения, реагировали на события в СССР не менее остро, чем его граждане. И это произошло тем естественнее, что современные СМИ делают всякое заметное событие преувеличенно масштабным и приближённым.

Как бы то ни было, с этого момента автор книги принялся скрупулёзно собирать информацию о путче. Несомненно, он находился в весьма выгодном положении: между ним и объектом исследования сохранялся должный уровень отчуждения, фигуранты событий по понятным причинам охотно и многократно давали ему и его коллегам интервью. Но главное в другом: он стал обладателем «строго засекреченного» пятитомного обвинительного заключения о деле Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Его передала ему, ничуть не побоявшись ответственности за этот шаг, Т.А. Шенина, вдова одного из самых решительных «заговорщиков» – О.С. Шенина, сожалевшего, что он не смог официально войти в состав этого комитета (с. 167).

Позднее книга была защищена в качестве докторской диссертации, хотя Лозо только и делал, что «поправлял» мэтров германской (и не только) советологии, далеко не сразу ухвативших суть произошедшего (с. 168, 179, 236, 250, 309, 353–355). Основные события августа 1991 г. воспроизведены им на основе так называемой устной истории. И здесь он проявил себя блестящим источниковедом. Дело не только в том, что были опрошены, причём неоднократно, все ключевые свидетели. Удалось показать, как в их рассказах появлялись и исчезали те или иные «детали», менялась коннотация событий, до какой степени эмоции перехлёстывали память. Обнаружил Лозо и откровенных фантазёров, вроде Г.Х. Попова (с. 100), и «наглых фальсификаторов» (с. 144), показал теле- и кинематографические истоки бытующих и по сей день легенд (с. 103–105), отметил сохраняющуюся в России (и необычную, на его взгляд) «предрасположенность населения к абсурдным утверждениям и тайным заговорам» (с. 143). В результате представленная им версия события, складывающаяся из почти детективных микросюжетов, выглядит не только убедительно, но и поучительно.

Основные выводы автора таковы. Широко распространённые подозрения, что Президент СССР М.С. Горбачёв сам был «участником заговора», несостоятельны (по меньшей мере, по формальным признакам), хотя он давно строил

планы «наведения порядка» и даже инициировал соответствующие публичные заявления со стороны будущих (им же выдвинутых) гэкачепистов (с. 116, 119, 122, 127). В сущности, двойственностью своего поведения он невольно спровоцировал их (с. 42, 117–118, 124, 128–129). Заговорщики, со своей стороны, вели себя опасно, надеясь «подтолкнуть» президента в нужном направлении (с. 130, 170). При этом они нервничали и колебались, стремились повязать друг друга круговой порукой (с. 182). Горбачёв называл их не только «преступниками» и «самоубийцами» (с. 131), но и крыл непечатными словами (с. 136–137), видимо, пребывая в убеждении, что по возвращении в столицу его «хозяйского» окрика будет достаточно, чтобы всё вернулось на круги своя. О возможности путча президента предупреждали, нагоняя общественные страхи и вызывая официальные опровержения, едва ли не за год до случившегося (с. 39–40). В «перестроечном» тумане очертания потенциальных заговорщиков становились более чёткими (с. 43–44), со стороны консерваторов из Верховного Совета СССР прозвучало недвусмысленное «Слово к народу» (с. 46), но он и тогда не вял голосу того, чего по стандартной логике развития подобных событий не могло не быть. «Богатый» опыт номенклатурного управления вкуче с «перестроечным» идеализмом не только заставили посчитать все предупреждения наивными (с. 44), но и перевесили инстинкт самосохранения.

Из практики советского прошлого становятся понятными и особенности поведения его противников. Настоящим заговорщиком был разве что председатель КГБ В.А. Крючков (на чём, ясное дело, сошлись позднее в своих показаниях гэкачеписты). Он готовил путч вместе с Шениным не менее недели (с. 75, 157), а «принципиальное решение» о нём было принято – «однако только главными организаторами» – 16 августа (с. 166). А в общем ситуация накалялась, превращаясь в реальный путч по мере появления танков на улицах Москвы.

Вольно или невольно, главным «обвиняемым» на страницах книги становится сама российская традиция властвования,

от которой одинаково наивно пытались избавиться и Горбачёв, и Ельцин, которые в равной мере вели себя «непоследовательно и своевольно» (с. 80), выступая порой не только противниками, но и союзниками (с. 87, 92). Вглядываясь в описанные перипетии событий, не устаёшь удивляться тому, насколько уверенно Клио, используя возбуждённое воображение современников, расставляет нужных актёров судьбоносного, по любимому выражению того же Горбачёва, действия по своим местам. Власть в России периодически становится слишком самоуверенной и слепой, общественное мнение – беспокойным и мнительным. А тем временем в театре истории готовится неизбежный «выстрел» из давно вывешенного на всеобщее обозрение «ружья».

Разумеется, Лозо, как и положено историку (в отличие от журналиста), показал и тех, кто был объективно заинтересован в сдерживании перестройки. Впрочем, и партийная номенклатура, и значительная часть армейского руководства, и деятели ВПК не скрывали своих установок. Точно так же были видны устремления «разрушителей» советской империи. На этом фоне попытки Горбачёва остановить неизбежное путём различных договорённостей, его уверенность в личной способности «заговорить» любого собеседника смотрелись попытками спастись от ливня с помощью бумажной салфетки. Власть – более древнее и устойчивое понятие, нежели перестройка, само звучание которой к августу 1991 г. уже вызывало подобие идиосинкразии. С другой стороны, сам сценарий мягкого преобразования «красной империи» в свою демократическую противоположность на фоне кризисного ритма российской истории выглядит сомнительно. При этом Горбачёв постоянно находился во власти всевозможных слухов, в том числе и о том, что его подслушивает КГБ (с. 101). Ситуация знакомая. «Внешнее руководство, которое гуртом пасёт в обыкновенные времена стада человеческие, слабеет во времена переворотов, люди, оставленные сами на себя, не знают, что им делать», – заметил в своё время А.И. Герцен⁵.

Подготовленный Горбачёвым союзный договор, вроде бы спровоцировавший

путчистов, Лозо не без оснований называет «абсурдным» – его противоречивые статьи непременно перетолковали бы в свою пользу договаривающиеся стороны (с. 71–72, 82, 93). Однако Михаил Сергеевич, и по сей день пребывающий в убеждении, что «СССР можно было спасти», спешил с его подписанием, назначив это событие на 20 августа. На правовую сторону вопроса он, как и положено коммунистическому лидеру, не обращал внимания (с. 90–91). По плану договор должны были подписать только Россия, Казахстан и Азербайджан, что по замыслу повлекло бы за собой подобие цепной реакции. Стоит заметить, что в прошлом имелся «достойный» прецедент: первая Конституция СССР (январь 1924 г.) была принята более чем через год после провозглашения союзного государства. Но в отличие от Договора 1922 г. горбачёвский план оказался обречён – в жизни коммунистической государственности дезорганизационные процессы доминировали.

Согласно автору, действия ГКЧП «местами были неоднозначными, местами импровизированными, а местами нерешительными», а цели противоречивыми (с. 148, 159, 161). Он уловил, что в заявление путчистов о болезни Горбачёва никто не поверил, и это стало причиной психологического отторжения от них массы москвичей (с. 158). Но вряд ли можно согласиться с его замечанием о том, что в случае своей победы путчисты переставали в нём нуждаться (с. 149–150). Одни из них, как и Горбачёв, цеплялись за идею преемственности власти в её привычной иерархии, в сознании других утвердилась практика дворцовых переворотов: «с Хрущёвым поступили так же» (с. 164). Не случайно путчисты готовы были дать Горбачёву «последний шанс», что и вылилось в нелепый визит их делегации в Форос 18 августа (с. 168, 170). Отсюда и появление среди заговорщиков одного странного персонажа. «Проныру» Г.И. Янаева (так Горбачёв в сердцах обозвал своего заместителя) Крючков попросту закинул на пост главы ГКЧП, словно воспользовавшись тем, что тот «был в подпитии». Лозо даже охарактеризовал формального главу ГКЧП как «почти трагическую фигуру» (с. 211). Увы, обычно история гото-

вит «пронырам» скорее шутовскую роль. На знаменитой пресс-конференции Янаев поначалу отказывался занять место в центре пятерых (из восьми) путчистов, а потом своими трясущимися руками создал безнадёжный имидж ГКЧП (с. 174, 181, 186, 209–210).

В сущности, гэкачепистов, как и Горбачёва, подвела внутренняя неуверенность. Интересно, что они также демонстративно отмежевывались от КПСС (хотя её тогдашние лидеры принимали в разработке их планов деятельное участие), полагая, что наведение порядка на чисто деловой основе больше понравится людям (с. 185). Похоже, что они надеялись и на тактические договорённости с Ельциным для укрепления своих позиций в массе населения. И хотя Крючков «ещё 18 августа дал первые указания о подготовке *возможного* военного захвата штаб-квартиры Б. Ельцина» в Архангельском, соответствующего приказа так и не последовало (с. 200, 268). Привычка заговорщиков к «коллегиальному принятию решений» и всевозможным «согласованиям» и привела их к провалу. Лозо установил, что Крючков, требуя захвата Белого дома, «действовал без мандата ГКЧП, его поддержали члены Комитета Б. Пуго, О. Бакланов и А. Тизяков; партийные функционеры О. Шенин и Ю. Прокофьев также высказывались за штурм Белого дома» (с. 216). При этом «практически всё армейское руководство поддерживало путч или не противодействовало ему» (с. 219). Однако после того как 20 августа планы штурма начали приобретать конкретные формы, маршал Д.Т. Язов и военные принялись саботировать их, явно уклоняясь от личной ответственности (с. 221–224, 230). Управленческие навыки режима, который принято считать тоталитарным, делали его представителей беспомощными в критических обстоятельствах.

Не секрет, что в обществе и по сей день существует убеждение, что в тогдашней ситуации Горбачёв выжидал, на чью сторону склонится чаша весов. Резонно предположить, что ему казалось, что, опираясь на того или иного победителя, он утвердится в своей легитимности. Но из книги следует, что по-настоящему выжидал иной человек – А.И. Лукьянов.

«Из всех членов или сторонников ГКЧП Председателя Верховного Совета СССР следует рассматривать как человека, действующего крайне расчётливо и оппортунистически», – заключает автор (с. 255). Развитие событий форсировала «бескомпромиссность позиции российского руководства» (с. 226). На деле твёрдость Ельцина была скорее величиной виртуальной – телевизионной «фигурой на танке».

22 августа стало ясно, что и СССР, и персонально Горбачёв обречены. Президент СССР сам заронил подозрения в причастности к ГКЧП, бросив на пресс-конференции фразу: «Всё равно всего я не скажу» (с. 252–253). Такая высокомерная уклончивость не могла не показаться неуместной – особенно на фоне подкупающей прямоты «решительного» Ельцина. Лозо вполне к месту напомнил русскую поговорку: «Два медведя в одной берлоге не уживутся» (с. 79). И это тоже закон революции. Лозо мог бы напомнить, что в августе 1991 г. несостоявшийся вице-президент России А.В. Руцкой заявлял с телеэкрана, что гвэчачепистов стоило бы расстрелять, а через два года призывал к насильственному свержению президента Ельцина. Ныне его, скорее всего, «вспоминают» как последовательного сторонника ГКЧП.

Любопытно, как реагировали на развязку «путчисты поневоле». Их «покаянный» визит в Форос, по словам О.Д. Бакланова, «кизначально бессмысленная поездка» – характерное тому подтверждение (с. 250). А самоубийца Б.К. Пуго в предсмертной записке признал, что «совершил абсолютно неожиданную для себя ошибку, равноценную преступлению», и сожалел о «всплеске неразумности» со своей стороны (с. 173). В общем, этот ГКЧП концентрировал в себе все слабости обречённого режима. Лозо считает, что в августовских событиях «борьбы не на жизнь, а на смерть не было, за кулисами между представителями политической элиты, которая корнями уходила в КПСС, существовали клановые отношения» (с. 249). С этим нельзя не согласиться.

Но автор не отказался от исторических аналогий, увы, не очень удачных. Отмечая, что путчисты не встретили ни малейшей поддержки в Ленинграде, он пишет:

«В 1917 г. здесь начался миф “Великой Октябрьской революции”, в действительности оказавшейся путчем большевиков во главе с В. Лениным, из-за чего оказались разрушены демократические структуры, которые начали развиваться после свержения царя в феврале 1917 г. Спустя 74 года политические внуки В. Ленина также устроили путч, чтобы спасти его наследие. Однако при этом они сознательно избегали любого упоминания об основателе Советского государства и его коммунистической идеологии» (с. 269). На мой взгляд, следовало бы отказаться от наивной политизации старых и новых исторических событий и взглянуть на них сквозь призму российских системных кризисов начала и конца XX в. И тогда окажется, что путчисты невольно пародировали генерала Л.Г. Корнилова, а Горбачёв оказался на месте А.Ф. Керенского. Российская смута разрасталась по своим собственным законам, т.е. вопреки субъективным усилиям её главных политических фигурантов. Авторитет Ельцина, как и авторитет Ленина (против мнимых последователей которого он вроде бы боролся), рос, в сущности, помимо его собственных усилий. История делала и делает своих «героев» из подручного человеческого материала. Историк не вправе забывать об этом.

Мне тоже пришлось в некотором роде стать очевидцем событий. Рано утром 19 августа по дороге на Курский вокзал я был поражён пустотой московских улиц. Тогда же с большим опозданием прибыл тбилисский поезд, пришлось выслушивать ворчание усатых проводников: «бардак», танки перекрыли путь, «что у вас творится, кацо?» Исход событий показался мне предreshённым после того, как я увидел, что скучающие бойцы из бригады КГБ, дислоцированные возле библиотеки им. Ленина, «вооружены» автоматами без магазинов. Они охотно поедали мороженое, предлагаемое им праздными девицами. Это больше походило на запоздалую демонстрацию силы, которая, естественно, москвичей смутить не могла. Победный путч обычно оставляет впечатление безжалостной непреклонности. Теперь же только в ночь на 21 августа, когда по естественному сценарию развития событий ждали штурма Белого дома, накатило

ощущение жути происходящего. Но это было исключительным «достижением» радиоэфира.

В августе 1991 г. миф бежал впереди событий и, тем более, историков. Все почему-то всерьёз поверили в начало штурма Белого дома, в чём непрерывно убеждала радиостанция «Это Москвы». Трагическая гибель трёх человек близ тоннеля под проспектом Калинина была воспринята как подвиг, остановивший штурм. На деле бронетранспортёры двигались в сторону от Белого дома, их экипажам было приказано не поддаваться на провокации. Но в реальность штурма готовы были поверить не только москвичи (я не составлял исключения), но и западные историки. Началась торопливая героизация нелепых, увы, событий (с. 244, 252–253). Постепенно их потеснил миф о том, что сотрудники «Альфы», военные и едва ли не все рядовые сотрудники КГБ отказались выполнять приказ о штурме (с. 379, 385).

В представлениях о переломных моментах прошлого не находится места случайному и нелепому, человеческое воображение всегда склоняется к закономерному и героическому. В противном случае история попросту теряет свою притягательность. Как бы то ни было, весть о жертвенной гибели трёх противников всего «старого» и «преступного» сделала ход событий необратимым. Символическое, как всегда, возобладало над реальным – таков «закон» нашего восприятия прошлого.

29 мая 2014 г. я вёл презентацию книги Лозо в Доме журналистов. И это походило на продолжение августовской *истории*. Аудитория, что примечательно, была немногочисленной – присутствовали в основном те, кого книга непосредственно задевала. Участники последовавшей в ходе презентации дискуссии придерживались исключительно «своего» взгляда на события. К взрыву их страстей я не был готов. Так, Ю.А. Прокофьев (бывший секретарь московского горкома КПСС) пылко доказывал, что главный заговорщик – Горбачёв. Оказывается, Президент СССР знал, что московские коммунисты собираются на днях исключить его из своих рядов, а потому ему не оставалось ничего иного как пойти ва-банк. Между прочим, в своё время, как только обозначился конец ГКЧП, Прокофьев охарак-

теризовал его действия как «политическую провокацию», а за ним последовали другие партийные руководители (с. 248, 265). Теперь же попытки убедить его (в том числе в личной беседе) в чём-то ином оказались бесплодными. Шеннина была не менее решительна и прямолинейна, чем её покойный супруг (с. 152). Для неё и Горбачёв, и Ельцин остались всего лишь «предателями». И такие эмоции всё ещё господствуют над нашим историческим сознанием. В своей книге Лозо отметил, что «теории заговора растут, как на дрожжах, когда информация либо отсутствует, либо утаивается в чьих-то интересах, либо распространяется в чьих-либо интересах» (с. 149). Это стандартное объяснение, пригодное скорее для западного, нежели российского культурного пространства. Дискуссия подтвердила, что «наш» человек, переживший «смуту» что в XVII, что в XX в., без образа коварного злодея, притаившегося за очередным поворотом истории, просто не может существовать.

Р.И. Хасбулатов показал себя удивительно обходительным человеком: появившись на презентации, он в первую очередь расцеловался с 90-летним Язовым. Последний сказал всего несколько слов: заговорщиком он не был, ввязываться в драку, конечно, не собирался, войска отвлёк самовольно, чем помог разрешению конфликта. Что касается Хасбулатова, то в ораторском искусстве ему нельзя было отказать. Он долго вещал в «примиренческом» дискурсе, затем как-то незаметно сменил тональность. Из концовки его речи можно было вынести твёрдую уверенность, что «успех» событий обеспечил именно он вопреки нерешительному поведению «непросыхавшего» Ельцина, которого в полном смысле слова приходилось «подталкивать в зад». И конечно, будущий Президент России мог быть союзником кого угодно. А в целом, после серии проклятий в адрес первого и последнего Президента СССР явно смущённые, чтобы не сказать больше, представители Горбачёв-фонда предпочли от молчаться. Да и сам я никак не ожидал такого всплеска эмоций.

Книга всё же оставляет впечатление «прогорбачёвской», ибо автор решительно отвергает как активное, так и пассивное участие Горбачёва в заговоре (с. 116).

Вероятно, имплицитно сказалось то, что исторически невнятная у себя на родине эта фигура совсем по-иному смотрелась и смотрится на Западе. Не случайно в немецком оригинале книга Лозо называется «Путч против Горбачёва и конец Советского Союза», а в 2010 г. на германском телевидении появился даже документальный телефильм «Путч против немецкого единства» (Лозо его высмеивает (с. 108)). Но участникам дискуссии было не до тонкостей. Они видели лишь то, что подтверждало одну единственную «правду» – свою собственную.

Впрочем, готов усомниться: это *у меня* осталось именно такое *впечатление* от дискуссии; её стенограмма могла бы обнаружить нечто иное. Историки постоянно забывают, что природа тех источников, которые считаются «аутентичными», является крайне зыбкой. Иначе и не может быть, ибо те исторические события, которые мы считаем «решающими», на деле сотканы не из прямолинейной решительности (как может показаться), а из эфемерных человеческих страстей. И трудно сказать, что именно в зыбкой психоауре так называемых точек исторической бифуркации приобретает определяющее значение. Тем более не стоит удивляться, что кому-то со временем события августа 1991 г. покажутся величайшей «геополитической катастрофой». Увы, наши привычные преувеличения – всего лишь отражение страхов перед неотвратимостью будущего. Как выяснилось, участники дискуссии не имели ни малейшего представления о том, что 74 года назад, в конце августа 1917 г. в тогдашней тоже революционной России произошло нечто подобное. Историки, включая меня самого, не раз писали об этом⁶. И поневоле возникает вопрос: как бы повели себя августовские путчисты, знай они о безнадёжности исторической затеи генерала Корнилова? Говорят, история повторяется дважды: сначала как трагедия, потом как фарс. Но когда люди научатся распознавать её динамику, скрывающуюся за обманчивыми политическими вывесками? Конечно, «мудрость веков» может на время поблекнуть перед пугающими вызовами современности, но нельзя забывать, что история в той мере остаётся «учительницей жизни», в какой неизменна природа человека. Однако по-

чему «голоса истории» остаются столь безнадежно нерасслышанными? Может быть, фарс откладывается в людской памяти всё же иначе, чем трагедия?

События августа 1991 г. в сознании россиян ещё не «остыли». Они остаются заложниками политических ветров современности. Лозо отметил, что в августе 1992 г. лишь 17% опрошенных сообщили, что считают путч началом эпохи обновления, 25 – назвали его катастрофой, 47 – заявили об углублении кризиса, а 11% – не имели мнения на этот счёт. В 2011 г. только 10% опрошенных считали события августа 1991 г. демократической революцией, 39 – назвали их трагедией, для 35 – это была борьба за власть и 16% – воздержались от ответа (с. 339, 340). Между прочим, в авторской программе Н.К. Сванидзе «Суд истории» 7% зрителей оценили действия ГКЧП как путч, а 93% – как попытку избежать распада страны.

Примечательно, что к автору книги участники дискуссии претензий не имели. Все сошлись на том (и это был единственный случай единодушия), что Лозо стоило бы рассказать и о событиях октября 1993 г. И с этим трудно не согласиться. Беспристрастные историографы в своём Отечестве вряд ли найдутся.

На сегодняшний день книга И. Лозо – наиболее полное и объективное изложение событий августа 1991 г. Остаётся только сожалеть, что перевод оказался слабее оригинала. Впрочем, даже это не мешает читать её с захватывающим интересом.

Примечания

¹ *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. IX. М., 1990. С. 358.

² См., например: *Булдаков В.П.* Август 91-го: Тень генерала Корнилова // *Панорама* (Казань). 1991. № 9.

³ *Булдаков В.П.* Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М., 2007. С. 122.

⁴ *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 371.

⁵ *Герцен А.И.* Былое и думы. Исповедь. М., 2003. С. 595.

⁶ См.: *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 366–371; *он же.* Quo vadis? ... С. 126, 165, 169–171.

Морально-аморальная экономика

Vladimir Babashkin

(Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

Moral/immoral economy

Наконец-то в нашей историографии и социальных науках появилась книга, которая так долго ожидалась «крестьяно-ведами». Авторы «Крестьянских жизненных практик»*, запасшись терпением, на протяжении двух десятилетий побуждали своих респондентов изречь свои мысли в форме воспоминаний и размышлений. Они, кажется, сознательно ожидали, когда одни и те же сельские жители об одних и тех же вещах (колхозы, начальство, богатство, воровство, порядок) выскажут противоположные, даже взаимоисключающие суждения, и с грохотом сталкивали эти суждения – а вдруг получатся искорки понимания, знания. Но житель российской деревни – шире: высказывает противоположные суждения, как дышит. Одна из возможных формулировок пресловутой «загадки русской души», по-моему, выглядит так: делать одно, говорить другое, думать третье при полном и искреннем отсутствии ощущения противоречивости такой ситуации. Правда, это свойство сохраняется у человека до тех пор, пока он не слишком изуродован политической пропагандой или не стал адептом одной из «парадигм» общественно-исторической науки. Однако таких людей, претерпевших, по фразеологии авторов, «ценностное изменение самого человеческого существа» (с. 166), в нашей сельской местности пока что не большинство, и их рассказы в книгу, кажется, не вошли.

Чтобы получить представление о форме и содержании рецензируемой монографии, приведу большую выдержку, в которой мне и встретилось то замечательное прилагательное к заурядному слову «экономика», которое я вынес в заголовок

рецензии: «Хозяйственная жизнь колхоза начала 1990-х была основана на причудливой морально-аморальной экономике, на комбинации совести и бессовестности, на изобретательном, лихом воровстве и угрюмой бережливости и даже скряжничестве, когда речь заходит о мелких тратах на людские нужды – установку вентиляторов, обогревателей и т.п. А в итоге – на тотальном двоедушии, на социально-экономическом оборотничестве. Поэтому мы убеждены, что крестьяне – и неудобный, неуклюжий, и в то же время какой-то непонятный, можно сказать, посторонний класс. Он систематически в стороне, “в сторонке”, на обочине магистральных (или объявленных таковыми) социальных процессов. И там ему, судя по всему, удобно и комфортно. Он чужой. Чужой всему: рациональности, демократии, рынку, писаной законности, правилам среднестатистической цивилизованности. Он – хитроватый наблюдатель всего этого внешнего ему мира. И это особое место он хорошо знает и бережёт, уводя от него сторонних наблюдателей, как птица уводит от гнезда озорников. Вот лукавейшие крестьянские рассуждения, записанные нами на Севере России: – Крестьянский народ – бестолковый! Приживётся, так и в аду живёт. Не ищет хорошей жизни. Вот говорят: “Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше...” Это – пустая поговорка. Человек живёт, где родился!» (с. 52).

Приведённый отрывок даёт возможность оценить язык, которым написана книга, глубину и точность сделанного обобщения, отношение авторов к форме и содержанию рассуждений респондентов. Книга содержит ещё целый ряд, буквально

* *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.П.* Крестьянские жизненные практики. Россия, 1991–2012. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ, 2013. 168 с.

россыпь таких обобщений и умозаключений, любое из которых вполне оправдало бы издание полноценного научного труда. Хочется верить, что такие монографии – дело близкого будущего, когда используемый в «Крестьянских практиках» методологический подход прочнее укоренится в наших социально-исторических исследованиях. Собственно говоря, изобилие свежих мыслей, о котором речь, явилось результатом как раз того, что авторы в течение двух десятилетий оттачивали в своём исследовании этот очень нетривиальный методологический подход, который сами они именуют «двойной рефлексивностью».

Невозможно не порадоваться, видя этот метод в действии. Сходные эмоции я испытывал, когда в 1992 г. читал «Моральную экономику» Дж. Скотта¹, готовясь к самому первому заседанию теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития»: это был целый конгломерат открытий, разбивавших и уходящие вульгарно-марксистские стереотипы исторического мышления, и – в ещё большей степени – рыночно-либеральные стереотипы. А последние, надо отметить, тогда буквально рухнули заняв святое место государственной идеологии и на какое-то время им это практически удалось. Размышляя над этим на самом семинаре, А.В. Гордон говорил: «Секрет научного долголетия этой работы в том, что, по-моему, Дж. Скотту удалось соединить несоединимое. До него в крестьяноведении выделялось четыре основных подхода... Дж. Скотту, кажется, удалось нечто большее: он создал общую теорию, сумев в ней в какой-то степени соединить все эти подходы»².

У авторов «Крестьянских практик» несоединимое соединяется уже в самом исследовательском методе. Это сложное сочетание взглядов на проблему с макро- и микроуровней³. «Наблюдения сверху», оперирование экономической и социальной статистикой по регионам позволяют констатировать разнообразие тенденций в аграрном производстве и жизни сельского населения, например, различие тех реальных условий, в которых сегодня оказываются крестьяне севера и средней полосы. Но сведение такой общей информации к ещё более широким обобщениям – по

стране в целом – не может не сопровождаться известным отрывом от реальности, от земли. Что и происходило с нашей общественной наукой во все времена. Авторы предлагают разрешение этого противоречия путём параллельного накопления и систематизации информации «снизу», позволяющей нащупать нечто общее и очень важное, несмотря на региональные различия. «Такого рода методологический подход, – пишут они, – даёт великолепную возможность уловить и понять систему микроизменений, а также их процесс, их темп, их детали, степень их возможной стремительности и необратимости и, равным образом, их временные “откаты”, их торможения и холостые ходы, – то есть всё то, что “сверху” незаметно и поэтому якобы неважно» (с. 42).

Меня не перестаёт волновать вопрос: многочисленные поколения реформаторов полагали и полагают, что всё это неважно из-за того, что в противном случае пострадают чистота и стройность их теорий? Или же наоборот: они лишь делали вид, что стройность и логичность теории обеспечивает эффективность реформ на практике, заведомо зная, что жизнь преобразует их намерения и посулы до неузнаваемости, но желая извлечь сиюминутную корыстную выгоду? «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Но добросовестно ли мы всё время забываем про овраги в погоне за гладкостью бумажной версии нашей истории? Памятуя о том, как в своё время сформулировал ту же мысль В.С. Черномырдин, можно и пожестче поставить этот вопрос: действительно ли хотим, как лучше, или лишь делаем вид, заведомо зная, что получится как всегда?

С такой меркой можно подойти к крестьянской реформе 1861 г. Тогда станет лучше видно, что, может быть, и не стоило *так* освобождать крестьян, запрограммировав тем самым революционные события XX в.⁴ Подобный же взгляд возможен и на Столыпинскую аграрную реформу. В советской историографии её провал объяснялся половинчатостью и пропомещичьим характером. За последние четверть века создана целая историография, которую знающие люди иронически именуют «столыпинианой»⁵. Согласно ей, реформа, напротив, блестяще продемонстрировала

преимущества частной собственности на землю.

Анализируя впечатляющую статистику «аграрных беспорядков», которые развернулись в связи с осуществлением столыпинского земельного законодательства, П.Н. Зырянов образно писал, что эта статистика «показывает нам лишь видимую, измеряемую часть тех рифов, на которые напоролся столыпинский корабль. Рифы не казались высокими и прочными. Столыпин же и его окружение были решительными, но малоискусными лодчманами. Они плохо представляли себе то, что было скрыто под поверхностью народной жизни. И им не удалось “протаранить” толщу крестьянства, чтобы окончательно навязать стране путь развития, выгодный горстке помещиков, но обрекающий основную часть народа на долгие годы нищеты и голодовок»⁶.

Параллель между теми событиями и аграрным реформированием 1990-х гг. просматривается очень отчётливо. Об этом ещё в июне 1992 г. в ходе дискуссии по книге Т. Шанина «Определяя крестьянство» прямо говорил Зырянов: «Что касается в целом современной ситуации в деревне, то аграрная реформа, которая сейчас вырисовывается, представляется мне какой-то скверной пародией на столыпинскую реформу, и поэтому столь нервно воспринимается всякая критика Столыпина и его аграрных преобразований. Мы никуда не денем тех людей, что живут сегодня в деревне, и фермеров из Америки себе не выпишем. Поэтому, на мой взгляд, нашим реформаторам надо обратить самое пристальное внимание на приусадебное хозяйство, производительность в котором всегда была на порядок выше, чем в колхозно-совхозном производстве»⁷. На том же заседании теоретического семинара Ю.Г. Александров высказал мысль, созвучную главной теме «Крестьянских жизненных практик»: «Как бы ни была привержена часть нашего аграрного населения колхозам и совхозам, сколько бы ни утверждали консервативные политики, что колхозы и совхозы накормят страну, эти структуры обречены на какое-то перерождение. Но если иметь в виду, что значительная часть нашего аграрного населения десятилетиями привыкла использовать для личных нужд ресур-

сы колхозов и совхозов нелегально и даже криминально, то, наверное, заслуживает серьёзной проработки идея о том, что современная реформа должна переместить акцент на подсобное крестьянское хозяйство с тем, чтобы бывший колхоз в условиях рыночного хозяйства превратился в систему снабжения и обслуживания, но осуществляемого легально»⁸.

Логично и вызывающе. Вызов состоял в том, что крестьянское воровство в крупном хозяйстве, хоть оно и составляло важнейший фактор аграрной эволюции повсеместно и во все времена, никогда не признавалось и категорически осуждалось в официальном законодательстве, будь оно, законодательство (да и воровство тоже), капиталистическим или социалистическим. Концепция «моральной экономики крестьянства» стремится покончить с этой страусиной политикой, она за тем и создавалась, чтобы не столько гладко выглядеть на бумаге, сколько «не забывать про овраги». За этим же участники авторского коллектива «Крестьянских практик» приступали тогда, в начале 1990-х, к исследованию «оврагов» и других особенностей рельефа местности.

В этой связи у меня есть претензия к аннотации, сопровождающей «Крестьянские практики». Издание адресуется и социальным антропологам, и экономическим географам, но не историкам. Между тем она явно будет им полезна, причём не только историкам аграрных отношений, но и вообще историкам России. Ведь разговоры о необходимости междисциплинарных подходов, большого внимания, к примеру, к социально-психологическим аспектам исторических проблем звучат часто, но редко претворяются в жизнь. Думается, публикация «Крестьянских практик» – важный шаг в направлении такого междисциплинарного синтеза. Авторам книги – небольшой по объёму и очень удобочитаемой – на основании предшествующей многолетней работы с огромным массивом колхозных повествований удалось сформулировать очень важные выводы. Похожее чудо сотворил в 1966 г. Эрик Вульф, сумевший уместить в книжку объёмом в 127 страниц всю историософию крестьяноведения⁹.

Авторы рецензируемой книги, характеризуя неизменное фиаско многочис-

ленных попыток власти сделать крестьян «другими», пишут: «Так, отмена крепостного права в России в 1861 году Манифестом, подписанным Александром II, привела к обнищанию и разорению крестьян, появлению “сельских пролетариев”, бывших крестьян, выживающих за счёт случайных заработков. Принятие решения о коллективизации в СССР единоличных крестьянских хозяйств в коллективные хозяйства на XV съезде ВКП(б) в 1927 году привело к голоду 1932–1933 годов в основном среди сельского населения и смерти от него свыше 5 миллионов крестьян. Приватизация 90-х годов прошлого столетия колхозно-совхозной собственности привела к резкой “поляризации” сельского населения России. Бывшие руководители колхозов и совхозов стали “хозяевами” агрохолдингов и акционерных обществ со своим бюрократическим аппаратом, сосредоточив в своих руках практически все ресурсы (земельные, производственные, финансовые). Основная масса сельского населения – безработные, выживающие за счёт каторжного труда в своих домохозяйствах и имеющие в собственности “виртуальные” земельные паи» (с. 165–166). Это широкое обобщение очень напоминает то, что писал В.П. Данилов в своей знаменитой статье о судьбах сельского хозяйства в России¹⁰. Но это лишь внешнее сходство. У Данилова присутствовало представление об упущенных исторических возможностях. И реформы, разработанные Н.Х. Бунге, имели все шансы на успешную реализацию, и кооперативная коллективизация по А.В. Чайнову и Н.И. Бухарину была вполне научно обоснованной перспективой в ретроспективе. И, наконец, в преддверие срыва в политику бездумного уничтожения колхозов во славу «невидимой руки рынка» предпринимались попытки довести до сознания политического руководства глубоко обоснованные экспертные оценки того, как должна осуществляться аграрная реформа в стране¹¹. В «Крестьянских практиках» больше детерминизма: происходит то, что происходит, и в адекватном объяснении нуждается не столько *почему*, сколько *что*.

Те, кто во главу угла ставит «почему», как бы заведомо знают ответ на «что». В советской историографии коллективизация – это прорыв в новый технологи-

ческий уклад в аграрном производстве – «неотехнический экотип», по Э. Вульффу¹². В этом случае, «почему» понятно: прогресс – объективная закономерность общественного развития. В постсоветской историографии колхозы – трагедия российской деревни, причина – «сталинизм». Авторы «Крестьянских практик» категорически не устраивают оба эти взгляда. У них свой ответ на вопрос, *что*: в основе происходящего лежат диалектика взаимоотношений колхоза и двора, общественного и личного хозяйства. И это обязывает их именно к тому, что они и делают: через анализ крестьянских откровений понять характер и основные этапы эволюции этой взаимосвязи. С этой точки зрения им удаётся увидеть, что на первых порах этого сосуществования колхоз по существу являлся филиалом двора (разумеется, не с формально-правовой, но с обычно-правовой точки зрения); в позднеколхозный период (1970 – середина 1980-х гг.) они в этом отношении меняются местами. А на рубеже 1980–1990-х гг. начинается обвальное разрушение взаимных моральных обязательств между двумя сторонами, двумя участниками этого диалектического единства, «двор и колхоз превратились во взаимные филиалы, взаимные “фильтры”, взаимные “уголья”»; между которыми происходила ежедневная борьба и сотрудничество. И это странное состояние, похожее на бег по кругу или даже взаимное преследование оказалось, как нам представляется, определяющим для будущих судеб аграрной России» (с. 46).

Эта агония полутысячелетнего симбиоза (если признать, что у крестьян в начале 1930-х гг. были все основания расшифровывать ВКП(б) как «второе крепостное право») расшифровывается её исследователями двояким образом. Колхозники проникались к колхозу презрением за нелепую комбинацию полукнута-полупряника (с. 47–48). Но это презрение очень органично сочеталось с презрением к самим себе за то, что позволили раздербанить колхоз и сами не удержались от того, чтобы поучаствовать.

Вместе с тем авторы уверены в возрождении в тех или иных формах сельского двора в новой общественной реальности: «Какой бы ни была государственная

экономико-политическая машина, крестьянский двор будет стремиться занять в обществе особое место – одновременно связанное с центральным «силовым агрегатом» (политическим, экономическим, ресурсным) и, по возможности, отключённое, независимое, в меру далёкое от него» (с. 51).

Под самый занавес этой рецензии не удержав всё же если не от ложки дёгтя, то буквально от капельки критиканства. Не люблю я трескучее слово «нарратив». Возможно, если бы кто-то из многочисленных собеседников авторов только заподозрил, что он не рассказывает, не повествует, не беседует, а «нарративит», это спугнуло бы то откровение, ради которого всё и делалось. А может быть, я и не прав. В конце концов, и у авторов, и у их респондентов, и у поколений и поколений предков тех и других стоит на вооружении замечательная поговорка: «Хоть горшком называй – только в печку не ставь». Кстати, за особо бережное отношение к народной поговорке, в отличие от «сухой дефиниции» – отдельное большое спасибо участникам авторского коллектива «Крестьянских жизненных практик».

Примечания

¹ Scott J.C. *Moral Economy of the Peasant*. New Haven, 1976.

² См.: Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992. № 5. С. 18–19.

³ Подробнее см.: Шанин Т. Методология двойной рефлексивности и исследования современной российской деревни // Рефлексивное крестьяноведение. М., 2002.

⁴ См.: Бабашкин В.В. Год 1861-й как провозвестник крестьянской революции начала XX в. // Крестьянская реформа 1861 г.: итоги и последствия. М., 2011. С. 135–142; Рязанов В.Т. Реформа 1861 г. в России: причины и исторические уроки // Там же. С. 20–44.

⁵ См., например: Кондрашин В.В., Слепнёв И.Н. К 80-летию со дня рождения Андрея Матвеевича Анфимова // Отечественная история. 1998. № 3. С. 207.

⁶ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 155.

⁷ Современные концепции аграрного развития... // Отечественная история. 1993. № 2. С. 21.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Wolf E.R. *Peasants*. Englewood Cliffs, 1966.

¹⁰ Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. 2005. Вып. 5. М., 2006. С. 10–29.

¹¹ См.: Данилов В.П. Из истории «перестройки» (Переживания шестидесятника-крестьяноведа) // Новый мир русской истории: Сборник статей. М., 2001. С. 420–428.

¹² См.: Современные концепции аграрного развития... // Отечественная история. 1993. № 6. С. 86–89.

Геннадий Бордюгов

Вне поля аграрной истории, за пределами крестьяноведения*

Gennadiy Bordiugov

(Moscow State Linguistic University, Russia)

Outside agrarian history, beyond the peasant studies

Модная в конце прошлого века тема кризиса исторического познания в начале века текущего трансформировалась в вопрос о дееспособности российского исторического сообщества, в формате кото-

рого кризис представляется несомненным достижением, как запись в анамнезе по сравнению со строкой некролога. Между тем «кризис исторического мышления людей вообще» (Э. Трелльч) оказался ско-

* Сталинизм и крестьянство: Сборник научных статей и материалов «круглых столов» и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / Под ред. П.П. Марчени, С.Ю. Разина. Москва: Изд-во Ипполитова, 2014. 765 с.

рее социокультурным явлением, нежели профессиональным затруднением, тем более что, как можно судить по количеству публикуемых исследований, никакого кризиса уже и нет. Популярность ныне вновь обретают темы, к концу 1990-х гг. «снятые» по причине либо выработки фактуры, либо ее отсутствия. Новейшая российская историография фактически ведет работу над ошибками историографии постсоветской – повторение пройденного...

Вместе с тем кажется, что наше научное сообщество усвоило себе некую небрежность, расхлябанность, необязательность, зачастую неуместный в деле поиска истины прагматизм, а главное – никак не может ухватить означаемое, скользя по кромке означающего. Да и с чего бы нашей историографии большого стиля, отягощенной государствоцентризмом русской истории, искать смыслы на имперских руинах – там, где их для неё и быть-то не может. Она и не ищет, избавившись почти четверть века назад от принудительной верификации «под Лениным». С тех пор основная масса людей с дипломами преподавателя истории обретает внутреннюю гармонию в лоне нового подхода, где эффективный менеджер Сталин завершает программу либеральных реформ Петра I, задуманную Иваном IV в дни опричных бледней.

На этом фоне естественное любопытство вызывают проекты, участники которых, во-первых, обнаруживают стремление к профессиональному диалогу и, во-вторых, стараются удержать планку этого диалога. Это не то чтобы слишком трудно, однако предполагает селекционную работу по формированию и сохранению круга «своих» авторов. Наконец, такая деятельность должна каким-то способом вписываться в формат отечественной историографической традиции. В этом смысле постсоветская историография, всё ещё не полностью нашедшая свои новые смыслы под сенью крыл пенопластовых орлов, предстает как череда сменяющих друг друга тематических дискуссий, привязанных (реально или виртуально) к исследовательским площадкам, где приветствуется наличие «своего суждения». Эти сообщества, никогда не имевшие

серьёзной системной поддержки в академических или государственных структурах, побуждаемые любознательностью и энтузиазмом, продвигали отечественную историческую науку от проблемы к проблеме.

Среди актуальных исследовательских площадок, претендующих на «свое мнение», обретается и проект «Народ и власть: История России и её фальсификации», стартовавший в 2009 г. международным «круглым столом» «Народ и власть в российской смуте» (журнал «Власть» Института социологии РАН)¹. Как обычно в научной традиции, в тени фасадов организационных структур неизменно угадываются персоналии, выступающие генераторами исследовательской активности. В данном случае речь идет о двух историках-энтузиастах – П.П. Марчене и С.Ю. Разине, трудами которых, собственно говоря, и держится данный проект. Оставляя в стороне чувство искреннего удивления и симпатии по отношению к людям, которые, не имея за душой ничего, кроме мечты и профессиональной компетенции, стремятся реализовать большие научные планы, можно сказать, что участникам проекта и по гамбургскому счёту есть что предъявить: за пять лет этот тандем организовал семь международных «круглых столов», выпустил четыре сборника научных статей, осуществил десятки публикаций в ведущих научных журналах. В числе соорганизаторов последнего, состоявшегося 11 апреля 2014 г. «круглого стола» «Русское крестьянство и Первая мировая война», – Российское общество историков-архивистов, РГГУ, «Новый исторический вестник»². Накануне этого события вышел из печати и рецензируемый сборник, включающий научные статьи, материалы «круглых столов» и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» – одного из постоянно действующих «подпроектов» проекта «Народ и власть». Сами авторы-составители позиционируют этот сборник в качестве некоего промежуточного отчёта о проделанной работе и своеобразной прокламации на будущее. Первый выпуск проекта «нащупал» узловую проблему отечественной истории³; второй – конкретизировал и концептуализировал

зировал её⁴; третий оказался сосредоточен на основной форме разрешения кризиса этого взаимодействия – смуте/революций⁵; нынешний, четвёртый, попытался пересмотреть изначную сторону революции и её системного преодоления⁶.

Содержание «Сталинизма и крестьянства» примечательно двумя особенностями: во-первых, отсутствием рефлексии относительно предшествующего этапа «похода в деревню», развёрнутого в отечественной историографии в начале 1990-х гг. и опосредованного изучением столыпинского наследия. Во-вторых, проект в целом представляет собой редкий в отечественной науке пример гражданской, политически индифферентной истории. Политические вкусы у коллег, безусловно, присутствуют и они даже не стараются их маскировать, однако результирующий вектор явно оказывается вне политики. Получается это у авторов сборника как бы само собой, чему в немалой степени способствует сохранение своеобразного «ветеранского ядра» – участников ещё шанинских дискуссий начала 1990-х гг. Причём не они задают тон в обсуждении – к добру ли к худу ли, но крестьяноведческие (в смысле евроатлантические, так сказать, кросс-чаяновские, как их позиционировал тогда Т. Шанин) уроки отечественным историческим сообществом остались не выучены. За исключением нескольких неюфитов, ухватившихся за методологию «peasant studies», почти никто парадигму моральной экономики крестьянства всерьёз не воспринял. Однако потребность истолкования исторических переломов первой половины прошлого века, сохраняющаяся на новом историографическом витке, опять разворачивает историческое сообщество лицом к деревне, заставляя вспоминать крестьяноведческие штудии Дж. Скотта и Т. Шанина. Правда, сделать это сейчас несколько сложнее, поскольку Скотт, разрабатывая столь близкую ему проблематику Юго-Восточной Азии, напрямую не связывал результаты своих исследований с ситуацией в России. Что же касается Шанина, возвестившего пришествие крестьяноведения в Россию, то его проект Московской высшей школы социальных и экономических наук потребовал от ученого сосредоточения всех сил.

Поэтому участникам группы потребовалось начать с повторения пройденного – что, кстати сказать, заняло весьма немного времени. Так, уже в ходе второго «круглого стола» проекта «Крестьянство и власть в истории России XX века» 12 ноября 2010 г. крестьянство было определено в качестве наиболее значимого субъекта отечественной истории, а крестьянский вопрос рассматривался как узловая проблема руссиеведения, в которой сосредоточены практически все главные коллизии отечественной истории. Решение мобилизовать крестьяноведческие подходы для анализа структур повседневности советской деревни рубежа 1920–1930-х гг. основано на допущении жизнестойкости социальных институтов моральной экономики. Хотя этот подход едва ли может считаться оригинальным интеллектуальным продуктом участников дискуссии, однако зародившаяся во время неё идея исследования колхозной пасторали как сталинской аграрной утопии выглядит свежо и представляется плодотворной.

Подобный опыт для российского исторического сообщества, где истории гражданской вообще не везло (каждый раз, когда проявлялся интерес не к триумфам государей, а к исследованию земли, по странному стечению обстоятельств, случались либо смута, либо коллапс национального масштаба), – не тривиален и важен даже независимо от наличия позитивных исследовательских результатов. Вооружившись солидным запасом первопроходческой активности и историографической «наивности», авторы проекта начали с «простых» вопросов о смысле и значении крестьянской проблемы в отечественной и мировой истории; о массовом крестьянском сознании; о соотношении реформ и революций в российском историческом процессе; о причинах, итогах и значении российских аграрных реформ XIX–XX вв.; о проблемах легитимности различных вариантов решения крестьянского вопроса накануне и в ходе Второй русской смуты. Все они были озвучены на семинарах «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», которые поначалу проходили при поддержке Центра аграрных исследований Российской

академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Судить о том, далеко ли продвинулись участники проекта, проще всего на основании знакомства с текстом самого сборника «Сталинизм и крестьянство». Среди его авторов, участников «круглых столов» и других мероприятий последнего пятилетия больше половины – участники шанинских семинаров в «Отечественной истории», даниловских конференций, волобуевских форумов в РАН и тому подобных мероприятий 1990-х гг., где историческое сообщество вдохновенно и довольно бурно рефлексировало относительно судеб и итогов России. Даже беглое знакомство с текстами, подготовленными историками для «Сталинизма и крестьянства», позволяет заметить, что аргументы и выводы последних лет (да простят меня коллеги) практически ничем не отличаются от тех, что были в ходу пару десятилетий назад. Получается, что для реценции объяснительных моделей постсоветского извода понадобилось более 20 лет инкубационного периода и усилия нового поколения энтузиастов. Вот только как правильно расставить акценты: «целых 20» или «все-го каких-то...»?

Под эгидой проекта собрались историки разных направлений, стилей и темперамента, но среди них практически нет молодёжи. Это заставляет несколько настороженно отнестись к перспективам расширения исследовательской площадки, поскольку сформулировать проблему силами небольшой команды экспертов можно, а вот раскрывать её придется на обширных междисциплинарных полях, крупными силами. Ведь на сегодняшний день даже понятие «сталинизм» – не говоря уже про «крестьянство» – отнюдь не может считаться однозначно истолкованным. Между тем «в гуманитарной науке, – как отметил один из авторитетных участников проекта В.В. Бабашкин, – очень важно называть вещи своими именами. Задача эта чрезвычайно сложная, практически невыполнимая, но стремиться к этому надо»⁷.

Вместе с тем недостатки сборника на фоне заметных и впечатляющих достижений проекта «Народ и власть» выглядят как досадные болезни роста и вызыва-

ют желание не то чтобы критиковать, а скорее дать пару дружеских советов: концептуальная рыхлость и фактическое отсутствие драматургии придают исследовательскому комплексу свойства отчёта, где «никто не забыт, ничто не забыто». Между тем потенциал проекта позволяет экспериментировать и с формой презентации результатов. Так или иначе, труд «Сталинизм и крестьянство» – теперь историографический факт, и в этом качестве претендует на определённое место в отечественной науке. Конечно, роль, которую этот сборник сыграет в историографии, априори не определить. Впрочем, авторы и участники проекта, осознанно или нет, но выбора себе уже не оставили: либо в своём анализе и обобщениях выходить на некий новый уровень, либо удовлетвориться той половиной строчки в историографии, которую они себе уже обеспечили... Хотя и это далеко не всем удастся.

Примечания

¹ Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный «круглый стол» «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // *Власть*. 2010. № 4. С. 14–17.

² Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный «круглый стол» «Русское крестьянство и Первая мировая война» // *Новый исторический вестник*. 2014. № 2(40).

³ Народ и власть в российской смуте: Сборник научных статей участников Международного «круглого стола» (журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 23 октября 2009 г.) / Под ред. П.П. Марчени, С.Ю. Разина. М., 2010.

⁴ Крестьянство и власть в истории России XX века: Сборник научных статей участников международного «круглого стола» (журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / Под ред. П.П. Марчени, С.Ю. Разина. М., 2011.

⁵ Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. Сборник научных статей (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / Под ред. П.П. Марчени, С.Ю. Разина. М., 2012. Авторы даже предложили новый термин – «смутоведение», рассматривая Империи и Смуту в качестве «инвариантов российской истории» (Марченя П.П., Разин С.Ю. «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к...? // *Россия и современный мир*. 2010.

№ 4. С. 48–65; *они же*. Империя и Смута – инварианты российской истории // Федерализм. 2010. № 3. С. 121–134.

⁶ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного «круглого стола» (третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский воп-

рос в отечественной и мировой истории») // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. 2013. Вып. 8. М., 2013. С. 386–440.

⁷ *Бабашкин В.В.* К вопросу об «аграрном деспотизме» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 38.

Евгений Кордин

Рец. на: J.A. Getty. Practicing Stalinism: Bolshevics, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven: Yale University Press, 2013. 359 p.*

Evgenii Kodin

(Smolensk State University, Russia)

Rec. ad op.: J.A. Getty. Practicing Stalinism: Bolshevics, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven: Yale University Press, 2013. 359 p.

Монография известного американского историка, профессора Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе посвящена проблеме персонификации власти в России. Работа начинается с описания Красной площади, архитектурный ансамбль которой представляется читателю как пример удачно «работающего» сочетания российского традиционализма и современности, что, по мнению автора, олицетворяет собой в России всё, включая политику.

Содержательную часть книги автор сам определяет как собрание связанных между собой очерков о конкретных неформальных и архаичных политических практиках российской элиты, находящих своё отражение в политических «кланах» и «семейственности» (р. 2). В основном он сосредотачивается на «патримониальной персонификации власти» (р. 3). Гетти основывается на теории М. Вебера, который «где-то между традиционной и харизматической формой автократии» отмечал ещё и автократию патримониальную как форму традиционного доминирования личности. На уровне государственной власти это означает, что государство ассоциируется не с учреждениями, а с

конкретной личностью. В этой связи сам автор заявляет, что вся его работа как раз и свидетельствует о том, что «сталинская политика являлась патримониальной», и что в работе в основном исследуется «специфический случай патримониализма – персонификация политики» (р. 6).

В поисках исторических аналогий автор часто уходит очень глубоко в российскую историю, иногда вплоть до норманнского периода. Так, например, именно отсюда он выводит клановость системы государственного управления в России. Патронажно-вассальная система была присуща всей Европе, замечает автор. Но в отличие, например, от французской аристократической Фронды эпохи Людовика XIII в России местные князья и боярская знать всегда счастливо и взаимовыгодно сосуществовали с высшим монархом (р. 13). Власть московского князя не ограничивали ни парламент, ни иные институты, что одновременно устраивало и элиту. Почему? Потому что «абсолютизм и олигархия стали российским структуральным и функциональным ответом местной анархии... Князь нуждался в боярах, и они нуждались в нём» (р. 14).

* *Гетти Дж.А.* Сталинизм в действии: большевики, бояре и живучесть традиции. Нью Хейвен: Издательство Йельского университета, 2013. 359 с.

Такой подход автор переносит и на советский период. Когда верхушка старых большевиков пришла к руководству страной, она тоже думала о себе как об элите, как о корпоративной и привилегированной группе, пишет Гетти (р. 15). В ходе Большого террора Сталин физически уничтожил лидеров этих кланов, но он не смог уничтожить «саму идею патримониального кланового управления» (р. 16). Хотя следом автор делает оговорку, что в сравнении сталинских практик с эпохой Московского государства есть определённый риск игнорирования особенностей социальных, экономических и иных контекстов разных исторических периодов. Однако в целом, заключает Гетти, политические практики были схожими (р. 19).

По каким линиям проводится в книге такое сравнение? Их несколько. Например, древние челобитные и письма «во власть» советского периода. Пришедшие из монгольских времен челобитные, как и письма 1930-х гг., «отражают патримониальное понимание власти». Адресатами здесь всегда были люди во власти, а не властные учреждения. Власть всегда была персонафицированной, «дела делались людьми, а не учреждениями» (р. 28). И эту линию автор проводит вплоть до президентства В.В. Путина, который, по его оценкам, положительно реагируя на письма и просьбы граждан, демонстрирует тем самым, что справедливость исходит от него «как дар, основанный на милосердии и власти» (р. 33).

Затем автор обращается к вопросу коллективной ответственности. Он отмечает, что её придумали не большевики, не Сталин, и даже не Иван Грозный. Практика коллективной ответственности и круговой поруки имеет давнюю традицию в русской истории. Это нашло своё отражение ещё в «Русской Правде». Затем монголо-татары ввели коллективную ответственность за сбор налогов на уровне государства, города и местного сообщества. И через столетия круговая порука дошла и до нынешней России, «стала частью политического пейзажа, частью культуры» (р. 44). В чём суть круговой поруки в политике? Падение одного означает и падение целой группы вокруг него.

Такое её понимание сохраняется в России и сейчас (р. 44).

Параллельно шло и отторжение олигархии от остальных слоёв общества. Изначально это произошло ещё в те времена, когда после прихода викингов образовалась нормано-русская олигархия, которая никогда не считала, что имела хоть что-либо общее с простым народом. Знать оставалась знатью всегда. С точки зрения социологии и антропологии, считает Гетти, провести параллели между старыми большевиками и старой русской княжеской аристократией вполне возможно (р. 45).

Почему политический культ руководства находит такую благодатную почву в России, задается вопросом Гетти? И даёт следующий ответ. Русское слово «государство» происходит от слова «государь», а раньше – «господарь», т.е. «владелец, хозяин». В таком патримониальном понимании управления князь (позже царь) являлся владельцем страны как своей наследственной патримониальной вотчины, а бюрократия воспринималась как служивые люди (р. 83). Отсюда и частая характеристика Сталина как Хозяина. А культ Путина дополняется ещё и его личностной харизмой (р. 89).

Культ руководителей был в России всегда: «мы видим такое понимание политики и управления от Рюрика до Путина, на всех уровнях иерархии во все времена и везде это было неизбежно. Это была глубокая структура, посредством которой Россия управлялась всегда» (р. 95). Когда М.С. Горбачёв попробовал изменить понимание государства и природу политической практики, то его воспринимали как будто заговорившего на языке сухих. Его никто не понял, и он проиграл. Путин вернулся к понятному языку, и он у руля (р. 95).

Будучи персонафицированной на самом верху, власть по той же схеме ретранслировалась и на местах. Автор показывает «маленьких Сталинов» на примере партийного лидера Западной области И.П. Румянцева. У региональных руководителей были друзья и сторонники в ЦК. Они были довольно весомыми политиками, с которыми даже Сталину «приходилось считаться» (р. 180). Но полностью

свободными в своих действиях они никогда не были. Свообразным инструментом контроля над местными «князьками» являлся региональный руководитель от центральной комиссии партийного контроля (КПК). Борьбу этих двух ветвей власти Гетти детально показывает на примере противостояния секретаря Западного обкома партии И.П. Румянцева и руководителя КПК Л.А. Папарде. К весне 1937 г. между местным КПК и партийным комитетом развязалась настоящая война, вылившаяся в драматичное межличностное противостояние между Румянцевым и Папарде. Подобное происходило и в других регионах. Исход борьбы было трудно предсказать. И тогда у Сталина остался один способ решения проблемы, заключает Гетти, он развязал террор (р. 205).

При этом внешне всё выглядело как изначальные уступки Сталина требованиям «местных баронов» по предоставлению им права на репрессии в отношении тех, кто мог подорвать партийную и советскую власть в ходе предстоящих выборов в Верховный Совет в 1937 г. Казалось, что местные олигархи выиграли сражение за предстоящие массовые операции по приказу № 00447. Но в итоге они проиграли. Сталин дал им право на репрессии, но обратил репрессии и против них (р. 236).

Сталин уничтожил кланы. Но система управления осталась прежней, считает автор. Многие из имевших место практик продолжают и сегодня, пережив Советский Союз. Их живучесть кроется в глубокой традиции всей российской истории, поскольку «иногo пути управлять Россией никогда не существовало» (р. 267).

В книге много исторических параллелей. Некоторые из них уместны, другие выглядят неисторично и искусственно (например, почти прямые аналогии меж-

ду думскими дьяками в приказах и персоналом Орграспредотдела ЦК ВКП(б); между собраниями знати и секретариатом ЦК; между ближайшим окружением царя и Политбюро ЦК; непосредственно между Сталиным и царём). Чрезмерно увлекшись слабо исторически обоснованными сравнениями и аналогиями, в конце книги Гетти вообще покидает почву исторической науки. «Клановая природа российской высшей политики жива и здравствует в современной России» – пишет он (р. 274). В сегодняшней борьбе кланов Путин стоит «над схваткой». То же самое делали и московские великие князья с боярскими кланами, и цари с придворными группами, и генеральные секретари – с партийными «семейными кругами» (р. 274). Ничего не изменилось, заключает автор.

Так же как и прежде, «Путин ассоциируется с государством, а государство с ним» (р. 280). Автор не вкладывает в это какого-либо негатива и так же нейтрально констатирует, что России и не нужна другая система управления. В России управляют патримониальные клановые группы. Они просто используют государство как инструмент управления. А по сути, «они и есть государство» (р. 291).

В работе Гетти нет каких-либо поучений для нынешней российской политической элиты. По его словам, он лишь подчеркивает «особую природу российской политической культуры». Однако ангажированность автора налицо. К сожалению, приходится констатировать, что авторитетнейший специалист по сталинской эпохе в данной работе настолько увлекся схематизацией российской политики и историческими аналогиями, что история в ней оказалась в очень большой степени поставленной на службу политике и идеологии.

**Международный симпозиум
«Турки-месхетинцы в мировой истории:
прошлое, настоящее, перспектива»**

Николай Бугай

**International symposium «Meskhetian Turks in the world history:
the past, the present, and the prospectives»**
Nikolai Bugai (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

14–15 ноября 2014 г. в университете Улудаг г. Бурсы (Турция) состоялся международный симпозиум, приуроченный к 70-летию принудительного переселения турок-месхетинцев с территории Грузинской ССР в Казахскую ССР и республики Средней Азии (1944). В работе форума участвовали учёные из России (Институт Российской истории РАН, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, общественное объединение Московская Хельсинкская группа, объединение турок-месхетинцев г. Грозного), Азербайджана, Грузии, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Украины, а также специалисты кафедр истории университета Улудаг, других учебных заведений Турции, руководители мэрии Бурсы, общественных движений. Важно отметить, что только последние 20 лет в мире изучают историю этнических меньшинств, в прошлом подвергшихся деструктивным воздействиям со стороны государственных органов власти. На симпозиуме в Бурсе впервые рассматривались актуальные вопросы истории общности турок-месхетинцев и её современного положения.

Главным объектом обсуждения на данном форуме стали турки-месхетинцы, проживавшие в южных районах Грузинской ССР, принудительно переселённые в 1940-х гг. в другие регионы Советского Союза. Состоялись дискуссии о возможности причисления этого народа к «депортированным» или «принудительно переселённым» этническим общностям (что вызвало спор между историками и юристами), о материальном положении представителей этой этнической общности на разных этапах её развития и о решении государствами, на территории которых проживают турки-месхетинцы, их социальных проблем. Учёные уделили пристальное внимание вопросам образования, трудовой занятости, сохранения самобытной культуры, традициям, обычаям турок-месхетинцев, воспитанию их самосознания и национального сознания, трансформации в обществе (в том числе и связанными с их переселением из России (Краснодарский край) в США), взаимодействия с проживающими рядом с ними народами.

На пленарном заседании выступили ректор университета Улудаг профессор *К. Дилек*, декан исторического факультета профессор *И.Н. Кангюль*, а также представители делегаций учёных Азербайджана, Грузии, Узбекистана, Казахстана, республик Средней Азии и университетов Турции. Большинство участников симпозиума признали тот факт, что при существующем отношении Грузии к проблеме турок-месхетинцев вряд ли возможно её решение в ближайшем будущем. Как известно, 11,5 тыс. представителей этой общности переехали на жительство в США, некоторые остались в Средней Азии, но имеется большая группа тех, кто связывает свою судьбу с Россией, считая, что только здесь могут быть защищены их права и интересы.

В связи с этим важен опыт работы с общностью турок-месхетинцев в Азербайджане. В настоящее время на его территории расселено около 100 тыс. турок, в том числе из бывшей Грузинской ССР. Оттуда в 1944 г. были выселены 84 916 человек вместе с курдами (8 694) и хемшинами (1 385)¹. В данном вопросе Азербайджан выстраивает последовательную политику, направленную не на временное, а на постоянное обустройство этой части своих граждан. Турки-месхетинцы проживают в республике

дисперсно, поэтому возникает задача их компактного расселения, что, по мнению выступавших, было бы полезным в плане сохранения самобытной культуры, обычаев и традиций этнической общности, её адаптации и интеграции в местный социум.

Учёные представили результаты своих исследований относительно различных аспектов жизни турок-месхетинцев в Азербайджане, включая и развитие культуры, литературы, поэзии (*Х. Тюрк*, университет Гиресун, Турция). Профессор *А. Хаджиев* (Бакинский славянский университет, Азербайджан) рассказал об используемых в республике формах и методах образования молодёжи, включая и турок-месхетинцев, особо отметив роль и значение русского языка, которому правительство уделяет повышенное внимание. В решении всех этих проблем Хаджиев видит прочную базу для укрепления отношений между Азербайджаном и Россией – одну из лучших форм воспитания самосознания и национального сознания граждан, в том числе новых поколений, поддержания диалога российской и азербайджанской культур.

В том же ключе выступил и историк, публицист *У. Ордихан* (Турция), верно отметив, что до 2000-х гг. не было понимания сути самой проблемы турок-месхетинцев. Общность принудительно выселялась в 1940-х гг., а возвращение её в 1990-х гг. протекало чрезвычайно сложно – Грузия не пожелала взять на себя это бремя, и все трудности, связанные с процессом переселения, приняла Россия, хотя это являлось не её проблемой. В личной беседе Ордихан указал, что рассматривает переселение турок-месхетинцев в США как нарушение принципа приверженности к историческому месту проживания – своей родине. Два десятка турок-месхетинцев, удобно устроившихся в США, замечал в беседе Ордихан, вовсе не позволяют судить о благополучии всей их общности в этой стране в целом.

Итоги исследования правовых вопросов обустройства турок-месхетинцев прозвучали в выступлении *П. Бакунова* (Ташкент, Узбекистан). По его мнению, проблемы возникали всегда – с момента переселения до начала проживания в новых местах, где фактически не заботились об этнических меньшинствах, тем более пребывавших на спецпоселении.

И. Мамедов (общественное объединение «Ватан», Баку, Азербайджан) коснулся вопроса о возвращении турок-месхетинцев на родину в конце 1990-х гг. Ссылаясь на многочисленные источники, он показал зависимость их судеб от решения И.В. Сталина в 1940-х гг. и роль русского народа в условиях формирования самой российской государственности в 1990-х гг., когда турки-месхетинцы связывали свои надежды с Россией.

В выступлении *Ф. Тосик* (Фират университет, Турция) при анализе революций 1917 г. в России был раскрыт вопрос об отношении турок-месхетинцев к революционным идеям борьбы народов за свои права – положению, которое, по мнению автора, роднило все общности. Важно, утверждала Тосик, как турки-месхетинцы воспринимали лозунги революции и свободы. Они обращались в Османскую империю в целях организации самозащиты, где освободительное движение постепенно перерастало в революционное. Идеи движения проникали в Ахалцих, а также в другие места проживания турок-месхетинцев. Конечно, материальное положение людей оставалось сложным как на всей территории Турции, так и в Ахалцихе, где не хватало продовольствия и создавались все предпосылки для возникновения и расширения революционного движения. Тосик подробно осветила положение турок (ахысков), их усилия, направленные на решение повседневных жизненно важных проблем, а также попытку национального лидера турок-месхетинцев О.Ф. Немзаде создать в 1917 г. национальную автономную ахысков. Она просуществовала шесть месяцев – меньшевики Грузии захватили власть, национальное движение было жестоко подавлено, а её лидер подвергнут гонениям².

Профессор *С. Бунтюрк* (университет Улудаг, Турция), изучавший длительное время вопросы ферганских событий (1989), проанализировал не только проблему межэтнических отношений по вектору «турки-месхетинцы – узбеки», но и роль Узбекистана и России в решении возникавших при этом сложных вопросов, вскрыл причины обострения ситуации в регионе. Им исследован также процесс выхода из этой ситуации – последовавшее затем нарушение прав этнических меньшинств турок-месхетинцев,

изгнание их, как и представителей других этнических общностей, с территории Узбекистана.

Доклад *С. Балджи* (университет Гиресун) был посвящён положению Османской империи в её модернизационный период, когда в стране наряду с решением хозяйственных проблем начался процесс организации обучения населения на базе канонов ислама. *М. Беридзе* (Самцхети-Джаваheti, Девлет университет, Грузия) высказал организаторам симпозиума замечание по поводу отображения на обложке его программы Гюрдистана (Грузии), отметив при этом, что его страна никогда не занималась принудительным выселением народов – это делал Советский Союз. Такое заявление вызвало у участников форума недоумение, так как подобный подход не соответствует истинному положению дел и опровергается имеющимися историческими документами. Дело в том, что в 1940–1950-х гг. народы прибалтийских республик и Грузии принудительно выселялись по просьбе собственных правительств. Что же касается Грузинской ССР, то нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия докладывал И.В. Сталину: «Мероприятия согласованы с ЦК КП(б) Грузии и СНК Грузинской ССР»³. Кроме того, известно, что большинство руководителей НКВД на территории СССР были грузинами.

В.Е. Карастелёв (аспирант, НИУ «Высшая школа экономики») изложил основные положения плана общественного объединения Московская Хельсинкская группа применительно к дальнейшей судьбе турок-месхетинцев в России, Грузии и США. Обществу принадлежала и идея, и инициатива обращения в США с предложением о включении представителей общности в программу по переезду на жительство в эту страну. По сведениям Карастелёва, члены общества провели большую агитационно-разъяснительную работу, и, как он отметил, «главное, мы были рядом с турками». Многие уже удалось сделать, прежде всего благодаря появлению новой генерации лидеров общности. Разумеется, в условиях современности это не препятствует ни легализации турок-месхетинцев в России и среднеазиатских республиках, ни ожиданию их разрешения на переезд в США.

Докладчик сообщил и о готовящемся очередном переселении в эту страну новой группы турок-месхетинцев численностью в 10 тыс. человек, проживающих главным образом в Краснодарском крае, Ростовской обл., Кабардино-Балкарской республике. Для реализации этого проекта имеется особая программа, направленная на то, чтобы прекратить практику удержания турок-месхетинцев в административном порядке (невыдача паспортов, отказы в получении гражданства, религиозное преследование, ненаказуемость лиц, устроивших «ферганскую резню», отказ в трудоустройстве и т.д.).

Прозвучало предложение участников дискуссии о необходимости более ответственной работы с Грузией, в частности в решении проблемы приёма на жительство турок-месхетинцев, курдов и хемшинов. В связи с этим была сформулирована и задача для Совета Европы – не забывать о необходимости решения вопроса, касающегося возвращения в Грузию представителей этих этнических общностей, подвергшихся ранее репрессиям, в том числе тёрёкама и др.

Эмоциональное выступление *Р. Гафаровой* (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского) сопровождалось анализом многих аспектов проблемы. Сопоставляя факты, она попыталась доказать бесправность положения не только турок-месхетинцев, но и крымских татар⁴, по её утверждению, находившихся в тисках оккупантов. Хотя в качестве таковых русские не назывались, из её слов следовало, что речь идёт именно о них и России. Это подтверждалось произнесёнными Гафаровой лозунгами: «Крым наш», «Крым – наша Республика», «Народы имеют право на широкую демократию!», а также заявлением об ущемлении прав межджиса крымских татар. По этому случаю отмечу, что, видимо, автор как филолог слабо знакома с историей Крыма и прежде всего с основами национально-государственного строительства на территории СССР и России. Кроме того, Гафарова, как и её сторонники, полагают, что Республика Крым формировалась исключительно для крымских татар. По своей сути это ошибочное представление. Республика Крым, Горская Республика (Северный Кавказ) и Республика немцев Поволжья создавались как административно-территориальные образо-

вания, принадлежавшие всем народам, проживавшим на их территориях. Крымские же татары в конце 1930-х гг. составляли 19% от всей численности населения республики.

Конститутивности, эволюции процесса принудительного переселения этнической общности, состоянию реабилитации турок-месхетинцев посвятил своё выступление *Н.Ф. Бугай* (ИРИ РАН). Он охарактеризовал процессы адаптации и интеграции турок-месхетинцев в местный социум, заметив, что наиболее сложным при этом оказалось преодоление таких факторов нашей повседневной жизни, как пространство и время. Далее констатировалось, что и в современных условиях не завершена реабилитация турок-месхетинцев, что в первую очередь обусловлено нежеланием руководства государств, призванных решить раз и навсегда данную проблему, проявить политическую волю (в первую очередь это касается Грузии и частично – России).

На симпозиуме также были заслушаны доклады *Р. Байрактара* (университет Гиресун), *М. Гусейнова* (Фрунзе, Киргизия), *Л. Кючюка* (университет Ардаган, Турция), *М. Занингёза* (университет Гази, Турция), *Т. Мустафазаде* (Баку, Азербайджан), *М. Сюреттина* (университет Ардаган, Турция), *И. Биналиева* (общественное объединение турок-месхетинцев Чеченской Республики, Грозный), *А. Туранли* (Стамбул, Турция), *М. Расулова*, *М. Назирова* (общественное объединение турок-месхетинцев «Ватан», Украина) и др. Обсуждались дискуссионные вопросы, был определён уровень изученности проблемы, выработаны соответствующие рекомендации. Участники форума признали очевидным одно приоритетное положение: решать проблемы турок-месхетинцев надо не посредством агитации за отправку их дополнительного контингента в США (ориентировочно 10 тыс. человек), а путём создания условий проживания на их исторической родине – в южных районах Грузии. Всё это и должны, и обязаны делать не общественные организации, а органы государственной власти.

По признанию участников международного симпозиума, его работа оказалась весьма конструктивной. Заслушанные на форуме доклады представляют интерес в плане расширения познаний по рассматриваемой теме, переосмысления некоторых её аспектов, обогащения источниками, связанными с положением этнических меньшинств в современном мире, а также выработки эффективных управленческих решений. Было высказано пожелание, чтобы в будущем в работе подобных симпозиумов принимали участие не только представители общности турок-месхетинцев, но и других национальностей бывших республик СССР. Иначе нельзя в полной мере рассматривать важные проблемы, связанные с восприятием государствами этнических обществ в целом, с их миграцией, обустройством, взаимодействием с иными народами и т.п. Практики сферы межэтнических отношений, опираясь на итоги исследований учёных, должны активно исправлять допущенные в прошлом ошибки, в конечном итоге искоренять их и содействовать созданию в странах условий для нормального проживания этнических общностей.

Материалы симпозиума рекомендованы к печати.

Примечания

¹ *Бугай Н.Ф.* Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. Очерки. М., 2014. С. 310.

² *Говгаленко В.* Турки-месхетинцы. История гонений – гонение истории (URL: <http://news2000.org.ua/print?a=%2Fpaper%2F34230>).

³ ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 66, л. 19.

⁴ Что касается крымских татар, то точка зрения Р. Гафаровой полностью расходится с оценкой, данной Президентом Турции Р.Т. Эрдоганом современному правовому положению крымских татар в Российской Федерации. Он излагал её в ходе визита Президента РФ В.В. Путина в Турцию в начале декабря 2014 г. Президент Турции убеждён, что права крымских татар, их интересы будут защищены в России наравне с интересами русских и других этнических меньшинств, проживающих на полуострове (URL: http://newsvid.ru/main/krim/1315_putin-i-erdogan-obsudyat-problemu-krymskih-tatar.html).

Памяти Н.Ф. Демидовой (1920–2015)

20 января 2015 г. скончалась Наталья Фёдоровна Демидова, доктор исторических наук, автор трудов, вошедших в золотой фонд отечественной историографии и посвящённых разработке на редкость широкого круга проблем российской истории XVII–XVIII вв.

Наталья Фёдоровна родилась 27 октября 1920 г. на Орловщине в семье сельских учителей и прожила долгую, насыщенную жизнь. Вот главные вехи её творческого пути. В 1942 г. она окончила Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ), в 1942–1943 гг. была начальником отдела Октябрьской революции и социалистического строительства Государственного архива Рязанской области, в 1943–1946 гг. училась в аспирантуре МГИАИ на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, в 1946–1964 гг. работала старшим научным сотрудником Центрального государственного архива древних актов, в 1964–1967 гг. – старшим научным сотрудником Государственного Исторического музея, в 1967–1976 гг. – старшим научным сотрудником Института Дальнего Востока АН СССР. В 1976–1991 гг. Н.Ф. Демидова занимала должность старшего, а затем (с 1989 г.) ведущего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР. В 1992–2001 гг. она – главный специалист Российского государственного архива древних актов.

Как о крупном, серьёзном и ответственном учёном Н.Ф. Демидова заявила о себе уже своей первой, опубликованной в 1949 г. работой. Это был весьма солидный по объёму, тщательно подготовленный сборник документов «Материалы по истории Башкирской АССР», посвящённый XVIII в. Будучи прирождённым архивистом и блестящим знатоком многих фондов, Наталья Фёдоровна приняла участие в подготовке к печати ещё ряда публикаций, позволивших включить в научный оборот массу ценнейшего документального материала и поднять на качественно новый уровень работу нескольких поколений историков.

В 1956 г. вышел четвёртый том «Материалов по истории Башкирской АССР», в 1960 г. – пятый. В 1957 г. увидел свет сборник документов «Русско-кабардинские отношения в XVI–XVIII вв.», в 1964 г. – «Русско-белорусские связи». В 1998 г. Н.Ф. Демидова участвовала в подготовке к публикации столбцов московских приказов по управлению Ливонскими городами в 1577–1579 гг. Особое место в публикаторской деятельности Н.Ф. Демидовой занял академический проект по изданию корпуса исторических источников о русско-китайских отношениях в XVII – начале XVIII в., итогом которого стали четыре тома разнообразных документальных материалов, вышедших в 1969–1972 и 1978–1990 гг. и проливающих свет на историю контактов России с её дальневосточным соседом с начала XVII в. до 1727 г.

В качестве члена редколлегии фундаментальной публикации «Письма и бумаги императора Петра Великого» Наталья Фёдоровна провела большую

работу по подготовке к печати 13-го тома издания, а в качестве ответственного редактора – по выпуску в 1996 г. сборника «Русско-монгольские отношения 1654–1685 гг.». Под редакцией Н.Ф. Демидовой в 1999 г. были опубликованы также два выпуска «Описаний древнейших документов московских приказов», подготовленные Н.П. Воскобойниковой. Деятельное участие приняла Наталья Фёдоровна и в издании неопубликованных трудов своего учителя Н.В. Устюгова, осуществлённом в 1974 г.

Вполне ожидаемым и естественным для Натальи Фёдоровны стало создание капитальных исследований по проблематике документальных публикаций, подготовленных с её участием. Первое из них – кандидатская диссертация «Башкирское восстание 1736–1738 гг.», написанная под руководством Н.В. Устюгова и защищённая в Институте истории АН СССР в 1958 г. Н.Ф. Демидова опубликовала также цикл авторских работ по истории Башкирии. Не менее важным вкладом в отечественную историографию явились труды Натальи Фёдоровны, посвященные изучению взаимоотношений России и Китая и ряда вопросов истории Сибири, увидевшие свет в 1960–1970-х гг. Н.Ф. Демидова выступила одним из авторов двухтомного коллективного труда «Очерки истории СССР. Период феодализма», вышедшего в 1950-х гг., тогда же она приняла участие в создании коллективной работы по истории Коми края, а в 1980-х гг. – по истории рабочего класса России от зарождения до начала XX в.

Серьёзные коррективы в устоявшиеся представления о царе Фёдоре Алексеевиче внесла её во многом новаторская работа, опубликованная в 1996 г. Прекрасный знаток персоналий отечественной истории, Наталья Фёдоровна выступала в 1995 и 1996 гг. со статьями о выдающихся московедах – С.А. Белокурове, В. и Г. Холмогоровых. Будучи членом ВООПИК, она активно защищала исторические памятники Москвы от уничтожения, вела большую просветительскую работу в качестве лектора. Существенным вкладом в изучение русской культуры XVII – начала XVIII в. стали исследования Натальи Фёдоровны о школьном образовании, увидевшие свет в 1950, 1989 и 1994 гг. Благодаря её усилиям были обеспечены богатым иллюстративным материалом второй и третий тома коллективного труда по истории крестьянства России, вышедшие в 1990 и 1993 гг. Вполне естественное для выпускника Историко-архивного института пристрастие к вспомогательным историческим дисциплинам вылилось в ряд добротных работ Натальи Фёдоровны по геральдике и сфрагистике, вышедших 1961–1966, 1970–1974 и 1996–1999 гг.

При этом главным объектом научных изысканий Н.Ф. Демидовой с 1960-х гг. являлась государственная система и служилая бюрократия России XVII в. Именно здесь Наталья Фёдоровна достигла наибольших и всеми признанных результатов. Важным достижением в разработке данной тематики стала вышедшая в 1987 г. монография «Служилая бюрократия в России и её роль в формировании абсолютизма», вскоре защищённая Н.Ф. Демидовой в Институте истории СССР АН СССР в качестве докторской диссертации. По общему признанию, книга эта стала крупным событием отечественной историографии и одним из лучших произведений исследовательницы. Поставленная автором задача – воссоздать историю и определить место управленцев в русском обществе XVII в. – была выполнена блестяще благодаря широкому использованию малоизвестных источников, разбросанных по множеству архивных фондов, и их тщательному анализу. Итогом этой многолетней титанической работы явился выпущенный Натальей Фёдоровной в 2011 г. биографический справочник

«Служилая бюрократия в России XVII века». Этот 720-страничный фолиант, создание которого можно без преувеличения назвать гражданским подвигом Н.Ф. Демидовой, стал воистину её прижизненным памятником. Без обращения к нему уже невозможно представить изучение аппарата приказных служащих XVII столетия.

Наталья Фёдоровна принадлежала к поколению учёных, являвшихся наследниками и носителями той высокой культуры человеческих отношений и тех исследовательских традиций, которые шли от дореволюционных научных школ. Наряду с личными качествами Н.Ф. Демидовой это во многом определило стиль и характер её взаимоотношений с коллегами. Показательно, что практически все, кому доводилось работать вместе с Натальей Фёдоровной, стремились заполучить её в качестве рецензента для своих работ, и она практически никому в этом не отказывала. Её выступления на обсуждении трудов коллег всегда отличались не только глубоким знанием предмета исследования, но и весьма конструктивной, а главное, всегда доброжелательной критикой, стремлением найти в прочитанной (обычно по несколько раз) работе прежде всего достижения.

Наталья Фёдоровна до последних дней своей жизни сохраняла удивительную ясность ума. Она не порывала связей с бывшими коллегами и оказывала своими советами большую помощь молодым исследователям. В памяти всех, кому посчастливилось встретить Наталью Фёдоровну на своем жизненном пути, она навсегда останется не только великой труженицей, но и разносторонне одарённым, интеллигентным, исключительно скромным, отзывчивым, доброжелательным и светлым человеком.

Наши авторы

Бабашкин Владимир Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры Историко-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Баранов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новой и Новейшей истории исторического факультета Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Беляева Вероника Николаевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Философии и социальных наук Нижегородского института менеджмента и бизнеса

Бордюгов Геннадий Аркадьевич, кандидат исторических наук, руководитель Международного Совета Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), профессор Московского государственного лингвистического университета

Бугай Николай Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Буддаков Владимир Прохорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Бурков Владимир Германович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Быстрова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Вандалковская Маргарита Георгиевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Гребенкин Игорь Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина

Громова Дарья Андреевна, аспирантка исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Долгова Евгения Андреевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета

Ермолаев Алексей Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией Истории Южной Сибири Института экологии человека Сибирского отделения РАН, доцент Кемеровского государственного университета

Иванов Анатолий Евгеньевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Всеобщей истории и культурного наследия Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа)

Кельнер Виктор Ефимович, доктор исторических наук, профессор кафедры Еврейской культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета

Климент (Герман Михайлович Капалин), доктор исторических наук, митрополит Калужский и Боровский, председатель Издательского совета Русской Православной Церкви

Кодин Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор, ректор Смоленского государственного университета

Комарков Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, старший специалист по военно-историческим проектам, студия Леста (Санкт-Петербург)

Короленков Антон Викторович, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Новая и новейшая история»

Кортунов Алексей Иванович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией Истории и культуры казачества России, старший научный сотрудник кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа)

Красовицкая Тамара Юсуфовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Магсумов Тимур Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории и методики её преподавания Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов

Морохин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Наземцева Елена Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации

Нарский Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, директор научно-образовательного центра «Культурно-исторические исследования» факультета права и финансов Южно-Уральского государственного (национального исследовательского) университета

Невезин Владимир Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Орлов Александр Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова

Павлов Дмитрий Борисович, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН

Петров Александр Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Савельев Иван Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова

Филиппова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Флюшкин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Профессия и сообщество

<i>А.И. Филошкин</i> Как изучать Ливонскую войну? (историографические заметки)	3
<i>А.В. Короленков</i> Причины военной катастрофы 1941-го: из новейшей литературы	18

Факты и преломления

<i>В.Е. Кельнер</i> «Бюро защиты»: К истории первой еврейской правозащитной организации в России	35
<i>Е.Н. Наземцева</i> Деятельность русских общественных организаций по урегулированию прав русских эмигрантов в Китае (1917 – начало 1930-х гг.)	51

Институты и общности

<i>Т.А. Магсумов</i> Общества вспомоществования нуждающимся ученикам в Поволжье в конце XIX – начале XX в.	63
<i>Д.А. Громова</i> Социальное положение народных учительниц Таврической губернии в конце XIX – начале XX в.	70
<i>Е.А. Долгова</i> «Смерть моя была бы громадной семейной катастрофой»: сюжеты из жизни «буржуазного» профессора в 1920-е гг.	77

Идеи и образы

<i>М.Г. Вандалковская</i> «Образ будущей России» в восприятии Ф.А. Степуна (1920–1930-е гг.)	90
---	----

Сюжеты и эпизоды

<i>А.Ю. Петров, И.В. Савельев, Климент (Капалин), митр.</i> Становление колониального права в Русской Америке	101
<i>А.Н. Ермолаев</i> Вклад Российско-американской компании в социально-экономическое развитие Сибири	112
<i>А.Ю. Комарков</i> Военно-морской ленд-лиз для СССР в годы Великой Отечественной войны	123

Диалог о книге

А.В. Голубев, О.С. Поршнева. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн	137
<i>Н.Н. Баранов: «Скажи мне, кто твой друг»</i>	137
<i>Т.А. Филиппова: Против кого дружим?</i>	139
<i>И.В. Быстрова: Война и союзники</i>	141
<i>В.А. Невезгин: «Красивые утопии» и реальность союзничества</i>	146
<i>А.В. Короленков: Хуже союзников – только их отсутствие</i>	148

Обзоры и рецензии

<i>В.А. Иванов, А.И. Картунов – Ю.В. Селезнёв. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках</i>	153
<i>В.Н. Беляева, А.В. Морохин – Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века</i>	156
<i>А.А. Орлов – Л.В. Мельникова. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг.</i>	158
<i>В.Г. Бурков – О.Н. Наумов. Научная геральдика России</i>	162
<i>А.Е. Иванов, Т.Ю. Красовицкая – О.А. Фомичева, А.С. Будилович. Деятельность в национальных регионах пореформенной Российской империи</i>	165
<i>И.В. Нарский – О плюсах и минусах количественного исследования российской многопартийности: несколько ремарок по поводу книги Н.Д. Постникова</i>	166
<i>Д.Б. Павлов – Вооружённые силы России в Первой мировой войне (1914–1917)</i> ...	172
<i>И.Н. Гребенкин – Первая мировая война. Энциклопедический словарь</i>	174
<i>В.П. Булдаков – Нераспознанный фарс истории</i>	177
<i>В.В. Бабашкин – Морально-аморальная экономика</i>	184
<i>Г.А. Бордюгов – Вне поля аграрной истории, за пределами крестьяноведения</i>	188
<i>Е.В. Кодин – J.A. Getty. Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition</i>	192
<i>Н.Ф. Бугай – Международный симпозиум «Турки-месхетинцы в мировой истории: прошлое, настоящее, перспектива»</i>	195

Pro memoria

<i>Н.Ф. Демидова (1920–2015)</i>	199
Наши авторы	202

CONTENTS

Professional community

- A.I. Filyushkin (Saint-Petersburg State University, Russia)*
How to study the Livonian war: historiographical notes 3
- A.V. Korolenkov («Novaia i Noveishaia istoriia» journal, Moscow, Russia)*
The causes of the 1941 military catastrophe: from the recent studies 18

Facts and reflections

- V.E. Kelner (Saint-Petersburg State University, Russia)*
«Defense Bureau»: On the history of the first Jewish civil rights advocacy organization
in Russia 35
- E.N. Nazemtseva (Research Institute of Military History of the Military academy of the
General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation)*
How Russian public organizations defended the rights of Russian emigrants to China,
1917 to the early 1920s 51

Institutes and communities

- T.A. Magsumov (Naberezhnye Chelny Institute of Social and Pedagogical Technologies
and Resources, Russia)*
Charity societies for helping needy students in the Volga region, late 19th – early 20th
centuries 63
- D.A. Gromova (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
Social status and living standards of the female teachers in Tavria region, late nineteenth
to the early twentieth centuries 70
- E.A. Dolgova (Russian State University for the Humanities, Moscow)*
«My death would be a great disaster to my family»: Some episodes from the life of a
«bourgeois» professor in the 1920s 77

Ideas and images

- M.G. Vandalkovskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)*
«Future Russia's image» in Fyodor Stepun's works, 1920s–1930s 90

Scenarios and episodes

- A.Iu. Petrov (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow), I.V. Savelev (Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Archan-
gelsk, Russia), Metropolitan Kliment (Kapalin) (Russian Orthodox Church Pub-
lishing House, Moscow, Russia)*
The Origins of Colonial Law in Russian America 101
- A.N. Ermolaev (Institute of Human Ecology, Siberian Department of the Russian
Academy of Sciences, and Kemerovo State University, Russia)*
Russian-American Company's contribution to the social and economic development of
Siberia 112
- A.Iu. Komarkov (Saint-Petersburg, Russia)*
Lend-lease aid for the Soviet Navy during the Great Patriotic War 123

Discussing recent books

A.V. Golubev, O.S. Porshneva. Obraz soyuznikov v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn	137
<i>N.N. Baranov (First Russia's President B.N. Eltsin Ural Federal University): «Tell me who is your friend»</i>	137
<i>T.A. Filippova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences): Whom are we friends against?</i>	139
<i>I.V. Bystrova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences): The war and the allies</i>	141
<i>V.A. Nevezhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences): «Perfect Utopias» and the realities of being an ally</i>	146
<i>A.V. Korolenkov («Noyaia i Noveishaia istoriia» journal, Moscow, Russia): There is only one thing worse than fighting with allies, and that is fighting without them</i>	148

Reviews

<i>V.A. Ivanov, A.I. Kortunov (both – Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia)</i> Rec. ad op.: Iu.V. Seleznev. Russkie kniaz'ia v sostave praviashchei elity Djuchieva Ulusa v XIII–XV vekah	153
<i>V.N. Belyaeva (Nizhny Novgorod Institute of Management and Business, Russia), A.V. Morochin (Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Russia)</i> Rec. ad op.: Materialy po istorii Nizhegorodskogo kraia kontsa XVI – pervoi chetverti XVII veka». Vol. 1–2	156
<i>A.A. Orlov (Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Russia)</i> Rec. ad op.: L.V. Mel'nikova. Russian Orthodox Church and the Crimean war, 1853–1856	158
<i>V.G. Burkov (Saint-Petersburg State University, Russia)</i> Rec. ad op.: O.N. Naumov. Nauchnaia geral'dika Rossii	162
<i>A.E. Ivanov, T.Iu. Krasovitskaya (both – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> Rec. ad op.: O.A. Fomicheva. A.S. Budilovich. Deiatelnost v natsionalnykh regionakh poreformennoi Rossiiskoi imperii	165
<i>I.V. Narsky (South Ural National Research University, Cheliabinsk, Russia)</i> Quantitative research of Russia's multi-partisan system: pro et contra (some remarks on the book by N.D. Postnikov)	166
<i>D.B. Pavlov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> Rec. ad op.: Vooruzhennyye sily Rossii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917). Vol. 1–2.	172
<i>I.N. Grebenkin (Esenin Ryazan State University, Russia)</i> Rec. ad op.: Pervaia mirovaia vojna. Entsiklopedicheskiy slovar' / Ed. by A.O. Chubaryan, E.Y. Sergeyev	174
<i>V.P. Buldakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> History's unrecognized farce	177

<i>V.V. Babashkin (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)</i>	
Moral/immoral economy.....	184
<i>G.A. Bordiugov (Moscow State Linguistic University, Russia)</i>	
Outside agrarian history, beyond the peasant studies.	188
<i>E.V. Kodin (Smolensk State University, Russia)</i>	
Rec. ad op.: J.A. Getty. Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition	192
<i>N.F. Bugai (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i>	
International symposium «Meskhetian Turks in the world history: the past, the present, and the prospectives»	195

Pro memoria

N.F. Demidova (1920–2015).....	199
Contributors to this issue	202

Исправления к статье В.В. Енукова и А.И. Раздорского «О времени основания и первого упоминания древнерусского Курска» (Российская история, 2015, № 2)

	напечатано	следует читать
с. 50, 1-й абзац 2-я строка	«Возникновение древнерусского Курска в контексте историков археологонумизматических реалий региона»	«Возникновение древнерусского Курска в контексте историко-археологонумизматических реалий региона»
с. 55, последний абзац, 12-я строка	«Таким образом, Курск возник в переломный период смены роменской древнерусской культуры в конце X – начале XI в.»	«Таким образом, Курск возникает в переломный период смены роменской культуры древнерусской в конце X – начале XI в.»

Сдано в набор 04.04.2015 Подписано в печать 08.06.2015 Дата выхода в свет 20.07.2015 г. Формат 70 × 100^{1/16}
 Печать офсетная Усл.печ.л. 13,0 Усл.кр.-отт. 6,6 тыс. Уч.-изд.л. 23,4 Бум.л. 6,5
 Тираж 482 экз. Зак. 291 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
 Адрес редакции: 117036 Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19
 Телефон 8-499-723-69-10
 Оригинал-макет подготовлен издательством «Наука» РАН
 Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6